

ВЫСШЕЕ
ОБРАЗОВАНИЕ

П. А. Хромов

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СССР

П. А. Хромов

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СССР

*Период промышленного
и монополистического
капитализма
в России*

Допущено Министерством высшего и среднего
специального образования СССР в качестве
учебного пособия для студентов экономических
специальностей университетов

МОСКВА «ВЫСШАЯ ШКОЛА» 1982

Рецензенты:
кафедра истории народного хозяйства
и экономических учений МГУ им. М. В. Ломоносова;
проф. Чунтулов В. Т. (ВЗФЭИ).

- Хромов П. А.**
Х94 Экономическая история СССР. Период промышленного и монополистического капитализма в России: Учеб. пособие. — М.: Высш. школа, 1982. — 240 с.
В пер.: 85 к.

В пособии отражена хозяйственная жизнь России в период промышленного и монополистического капитализма. В нем показано развитие промышленности, сельского хозяйства, финансово-денежной системы, торговли, концентрация банков, финансового капитала, образование монополий, роль экономики России в системе мирового хозяйства. Рассматривается вопрос об экономических предпосылках Великой Октябрьской социалистической революции.

Для студентов экономических специальностей вузов. Может быть использовано всеми, интересующимися экономическим развитием России.

Х 0505020000—177
001(01) — 82 24 — 82

ББК 63.3
33С1

Изучение экономической истории, тесно связанной с экономической теорией, важно потому, что в обществе существует тесное взаимодействие экономических, политических, философских, юридических и других явлений, но экономическое движение «в конечном счете прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей...»¹. Изучая прошлое, мы лучше понимаем современное и будущее. Вот почему исследование исторического процесса развития производственных отношений и производительных сил, в частности нашей Родины, представляет огромный научный интерес.

Экономические вопросы еще в Древней Руси находили отражение в самых различных источниках: летописях, договорах с иноземцами, в богословских, исторических и других документах. По мере централизации хозяйственной жизни страны, роста рынка уже в XVII в. появились такие крупные экономисты, как А. Л. Ордин-Нащокин, Ю. Крижанич и другие, а в XVIII в. отечественная экономическая литература представлена работами И. Т. Посошкова, М. В. Ломоносова, М. Д. Чулкова, А. Н. Радищева и др. Вторая половина этого века дает новые материалы о хозяйственной жизни страны: наказы в комиссию Уложения 1767 г., экономические анкеты, материалы географических путешествий, богатый источник «Труды Вольного экономического общества» и др.

Развитие мануфактур и капиталистических отношений, рост внутреннего и внешнего рынка обусловили появление специальных работ по истории народного хозяйства и социально-экономических отношений в первой половине XIX в. Появляются работы по истории горного дела в России, мануфактур, форм промышленности, внешней торговли, сельского хозяйства, финансов и денег. И все же хозяйственное развитие России было изучено слабо. А. И. Герцен писал, что экономическая наука «порядком знает только одно экономическое развитие германо-романских народов»². Он видел огромное значение экономики в общественном развитии. «Как будто экономический вопрос не есть главнейший, не есть существеннейший!»³ — восклицал он. Он считал, что наука должна «свести кровавые религиозные вопросы на человеческие и кровавые политические вопросы на экономические, в этом вся задача современности»⁴. Подчеркивая первостепенное значение экономических факторов в жизни общества, Герцен предостерегал против субъективных, неподготовленных хозяйственных мероприятий, «ведущих к разорению, к застою, к голодной смерти»⁵. Еще настоятельнее подчеркивал значение экономического фактора Н. Г. Чернышевский. Материальные условия быта, утверждал он, играют «едва ли не первую роль в жизни» и составляют «коренную причину почти всех явлений и в других высших сферах жизни»⁶.

Народническая литература, особенно либерально-народническая, уделяя экономическим проблемам много внимания, доказывая самобытность экономического строя России, отрицала прогрессивность капитализма и идеализировала крестьянскую общину. Некапиталистическому пути развития, истории крестьянства и русской общины были посвящены работы В. П. Воронцова (Судьбы капитализма

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 37, с. 395.

² Герцен А. И. Собр. соч., т. XIV. М., 1958, с. 188.

³ Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем, т. IX. Пг., 1919, с. 522.

⁴ Герцен А. И. К старому товарищу. — Литературное наследство, т. 61. М., 1953, с. 160.

⁵ Там же.

⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 357.

в России. Спб., 1882; Судьба капиталистической России.— Экономические очерки России. Спб., 1907; Очерки экономического строя России. Спб., 1906), Н. Ф. Даниельсона (Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства.— Слово, 1880, октябрь; Условия развития внутреннего рынка для продуктов крупной промышленности.— Русское богатство, 1899, № 4, 5), С. Н. Южакова (Аграрный вопрос в России.— Голос (б. г.); Вопросы экономического развития России.— Русское богатство, 1893, № 11, 12), А. Я. Ефименко (Исследования народной жизни, вып. I. Спб., 1884; Южная Русь, т. I. Спб., 1905), П. А. Соколовского (Очерк истории сельской общины на Севере России. Спб., 1877; Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей перед крепостным правом. Спб., 1878), Н. А. Карышева (Крестьянские внеадельные аренды. Дерпт, 1892), В. И. Семевского (Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в., т. I. Спб., 1888; Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. I—II. Спб., 1901) и др. Среди народников 70-х годов экономическим проблемам (положению общины, жизни трудящихся, мелкому производству и т. д.) уделял много внимания Н. Флеровский (В. В. Берви) (Положение рабочего класса в России. М., 1938; Азбука социальных наук, ч. I—II. Спб., 1871).

В пореформенное время экономическому развитию России посвящены многие работы представителей экономической и исторической науки, поскольку экономическое развитие и острота классовой борьбы усилились.

Историческая буржуазная наука в значительной степени перешла к изучению отдельных конкретных проблем экономической истории. В конце XIX в. издаются книга С. В. Рождественского «Служилое землевладение в Московском государстве XVI в.» (Спб., 1897), труд А. С. Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуги до эпохи преобразований» (Спб., 1890), книги по истории колонизации (Багалей Д. И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887), по истории сельского населения [Дьяконов М. А. Очерк из истории сельского населения в Московском государстве (XVI—XVII). Спб., 1898]. В 1905 г. выходит коллективный труд по истории крестьянства (Крестьянский строй. Сборник статей А. А. Корнилова, А. С. Лаппо-Данилевского, В. И. Семевского, И. М. Страховского, т. I. Спб., 1905); к пятидесятилетию крестьянской реформы — шеститомное издание «Великая реформа» (Великая реформа 19 февраля 1861 г. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем, т. I—VI. М., 1911).

Если в первое время буржуазно-дворянские историки рассматривали реформу преимущественно в плане ее подготовки, а не результатов и сапологетических позиций, то уже в более позднее время они показывают как политические, так и экономические причины, вызвавшие необходимость ликвидации крепостного права. Крестьянской реформе была посвящена монография буржуазно-либерального историка А. А. Корнилова «Крестьянская реформа» (Спб., 1905).

Историки народнического направления издали в начале XX в. работы И. И. Игнатовича «Помещичьи крестьяне накануне освобождения» (Спб., 1902), Н. А. Кабулова «Об условиях развития крестьянского хозяйства в России» (М., 1908) и др. До первой мировой войны было опубликовано два капитальных тома работы П. И. Лященко по истории аграрной эволюции России (Очерки аграрной эволюции России, т. I. Разложение натурального строя и условия образования сельскохозяйственного рынка. Спб., 1908, т. II. Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика. Спб., 1913), в которых не только собран ценный материал, но и в значительной степени отражены принципы экономического материализма.

В поле зрения историков и экономистов конца XIX — начала XX в. находилась и экономическая история отдельных частей России. Были изданы книги А. И. Никитского по экономике Новгорода (до присоединения его к Русскому государству) (История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893), Ю. В. Готье об экономическом быте Московской Руси (Замосковский край в XVII в. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906), А. М. Гневушева по истории и экономике сельского населения Новгорода после присоединения его к Московскому государству (Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве, т. I. Сельское население Новгородской области по писцовым книгам 1495—1505 гг., ч. I. Киев, 1915). Были выпущены труды по внеш-

ней торговле¹, финансам и другим экономическим вопросам. Из общих работ выделяется вышедшая в 1911 г. книга профессора М. В. Довнар-Запольского «История русского народного хозяйства» (Киев, 1911), где собран большой фактический материал, однако необходимо отметить, что автор в теоретических вопросах опирался в значительной степени на труды Бюхера и Зомбарга.

Во многих работах буржуазных экономистов проводилась идея развития производительных сил страны, либеральная критика помещичьего землевладения и т. д. Но в отличие от позиций русской революционной демократии эти ученые критиковали экономические противоречия, например остатки крепостничества, с либеральных позиций. В связи с развитием капитализма истории касались и развития промышленности в стране. В конце 90-х годов издаются книги по истории торгово-промышленной политики, например Н. Н. Фирсова «Русские торгово-промышленные компании в 1-ю половину XVIII столетия» (Казань, 1896) и А. С. Лаппо-Данилевского «Русские промышленные и торговые компании в 1-ю половину XVIII столетия. Исторический очерк» (СПб., 1899). Некоторые вопросы развития капитализма неудачно пытался осветить С. С. Зак в работе «Промышленный капитализм в России» (М., 1908). В. И. Ленин оценил его теоретические позиции как достойные полуграмотного конторщика, а не писателя, желающего слыть социалистом². Отразилось в литературе и возникновение монополистических организаций в России³. По истории положения рабочего класса были опубликованы ценные богатый фактическим материалом работы В. И. Семевского (Рабочие на сибирских золотых промыслах, т. I—II. СПб., 1898), Е. М. Дементьева (Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. М., 1893) и несколько позднее К. А. Пажитнова (Положение рабочего класса в России. СПб., 1906). Экономическая роль городов феодальной России были посвящены труды Н. Д. Чечулина (Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889), А. А. Кизеветтера (Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903) и др.

Общую картину историко-экономического развития России пытался нарисовать в своих работах историк кадет П. Н. Милоков. Отдав в какой-то степени дань буржуазному экономизму, Милоков применил к экономической истории принципы «государственной школы». Капитализм в России, по его мнению, был насажден искусственно государством: «У нас государственная власть закрепляет под собой земледельцев, земледельцы закрепляют земледельцев»⁴. Наличие феодализма Милоков обнаружил только в Юго-Западной Руси, «где владение земель давало богатство, силу и независимость высшему сословию».

В экономической истории России Милоков выделяет три периода: племенной, феодальный и национально-военный. Синтез экономической истории он пытался дать в «Очерках истории русской культуры», выдвинув на первое место историю народонаселения. Он утверждал, что «от количества населения в стране зависит степень экономического развития данной страны». Под «культурой истории» Милоков понимал все стороны внутренней истории: «и экономическую, и социальную, и государственную, и умственную, и нравственную, и религиозную, и эстетическую».

При этом вопрос о том, какую сторону положить в основу исторического процесса, Милоков оставлял открытым. Этот тезис был явно направлен против монистического взгляда на историческое развитие. Признавая «идею закономерности исторического процесса», Милоков трактует ее идеалистически, полагая, что явля-

¹ Любименко И. И. История торговых сношений России с Англией, вып. I. Юрьев, 1912; Светловский В. В. Прimitивно-торговое государство как форма быта. М., 1914. Гулишамбаров С. О. Всемирная торговля в XIX в. и участие в ней России. — Записки РГО по отделению статистики, т. VII, вып. III. СПб., 1898.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 62.

³ Рафалович А. Промышленные синдикаты за границей и в России. Их экономическое и социальное значение. СПб., 1904; Кафенгауз Л. Б. Синдикаты в русской железной промышленности. М., 1910; Гольдштейн И. М. Синдикаты и тресты и современная экономическая политика. М., 1907; Благоприятна ли русская действительность для образования синдикатов и трестов? Материалы к характеристике современного положения синдикатского вопроса в России. М., 1913; Русско-германский торговый договор и следует ли России быть «колонией» Германии. М., 1913.

⁴ Милоков П. Н. Очерки по истории русской культуры. ч. I. СПб., 1900, с. 125.

ния общественной жизни находят объяснение в психологии. В 90-х годах им были изданы книги «Государственное хозяйство России» и «Спорные вопросы финансовой истории Московского государства».

Зарубежная историческая наука во многом продолжает развивать положения дореволюционных русских ученых: отрицание феодализма в России, выдвижение на первое место в историческом процессе географического фактора, противопоставление экономического и политического развития России, переоценка роли государства в историческом процессе и т. д. Из обобщающих работ буржуазных ученых по экономической истории России этого периода выделяются книги Н. П. Павлова-Сильванского (Феодализм в Древней Руси. Пг., 1924; Феодализм в удельной Руси. 1. Община и боярщина. 2. Феодальные учреждения. Исследование. Спб., 1910).

В 90-х годах XIX в. экономическая история России была предметом изучения «легальных марксистов», представителей направления, которое, по выражению В. И. Ленина, отражало марксизм в буржуазной литературе. Главным предметом их полемики с народниками был вопрос о путях и характере экономического развития дореформенной и особенно пореформенной России. В книгах П. Б. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (СПб., 1894), М. И. Туган-Барановского «Русская фабрика в прошлом и настоящем» (СПб., 1898), в статьях С. Н. Булгакова, А. И. Скворцова и других критиковались взгляды народников на общину, формы промышленности, в частности кустарной, тезис о том, что русский капитализм — незаконное дитя истории, и т. д. Но эта критика в большинстве случаев носила абстрактный характер.

В. И. Ленин в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге П. Б. Струве» дал глубокий анализ антимарксистских взглядов Струве. Струве рассматривал экономику в отрыве от социальных отношений, отводя обменю решающую роль в экономике; в критике взглядов народников на промышленность он опирался на схему Бюхера; по мнению Струве, «крепостное хозяйство как таковое экономически не созрело к своей отмене в 1861 г.»¹. Если в начале 90-х годов «легальные марксисты» считали «основное зерно» марксизма верным², то в конце XIX в. они упрекали марксизм за «тенденциозность», объявив социальную революцию «нелепостью», и считали всякое «повторение» изучения Маркса «не только бесполезным, но даже вредным»³.

Долгое время П. Струве утверждал, что все его «взгляды по отдельным вопросам... действительно могут быть сведены к основной концепции экономического материализма», но в дальнейшем «легальные марксисты» заявляли, что «всей человеческой истории нельзя объяснить развитием производительных сил и борьбой классов»⁴. В. И. Ленин писал о Струве: «Из колеблющегося между Бюхером и Марксом, между либеральной и социалистической экономией, он сделался чистейшим либеральным буржуа»⁵.

М. И. Туган-Барановский дал историю русского капитализма в книге «Русская фабрика». В первой части автор рассматривал фабрику XVIII в. и дореформенную фабрику первой половины XIX в., во второй — пореформенную фабрику. Книга имела большие достоинства и не менее существенные недостатки и ошибки. М. И. Туган-Барановский изучал развитие промышленного производства в отрыве от общего развития капитализма. Он не видел противоположности между ростом производительных сил и уровнем жизни трудящихся. В его изложении неясна роль и эволюция капиталистических форм промышленности в дореформенное время. Он ошибочно считал, что в первой половине XIX в. фабрику победило мелкое производство и что последние под влиянием кустарей распадалась.

Проблемы развития народного хозяйства России, ликвидация ее экономической отсталости ставились в работах великого русского химика Д. И. Менделеева (Мысли о развитии сельскохозяйственной промышленности. Соч., т. 16. М. — 11.,

¹ Струве П. Б. Крепостное хозяйство. Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв. М., 1913.

² Струве П. Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России, с. 46.

³ Струве П. Б. Основная антимония теории трудовой ценности. — Жизнь, 1900, № 2, с. 305.

⁴ Струве П. Б. На разные темы (1893—1901 гг.). Сб. статей. Спб., 1902, с. 6.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 551.

1951; Учение о промышленности. Соч., т. 20 1950; Фабрично-заводская промышленность и торговля России. Соч., т. 21, 1952, Эзветные мысли. Соч., т. 24, 1954; Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 г. Соч., т. 19, 1950; К познанию России. Соч., т. 21, 1952; О возбуждении промышленного развития в России. Соч., т. 20, и др.).

Марксистский анализ экономического развития России впервые дал Г. В. Плеханов. Его работы по критике взглядов народничества, бернштейнства, «легальных марксистов», многие идеи, высказанные в трехтомной «Истории русской общественной мысли», составляют богатый раздел в истории русской экономической науки. Плеханов правильно подчеркивал роль производительных сил в общественном развитии. Борясь с народнической идеологией, Плеханов показал в работе «Наши разногласия» процесс разложения общины, развитие капиталистической промышленности и т. д. Правда, на некоторые его взгляды влияла государственная школа; так, он считал, что государство закрепощает все сословия, несколько переоценивал роль географического фактора, колонизации страны и др.

Плеханов, признавая, что Россия «прошла через фазу феодализма»¹, в то же время подчеркивал особенности исторического развития нашей страны, которые напоминали «процесс развития великих восточных деспотий»; подневольный же быт русского крестьянина также был похож «на быт земледельца великих восточных деспотий». Служилые люди «были закрепощены государству так же, как были закрепощены ему крестьяне»². В результате такого подхода в значительной степени стирались черты сходства феодальной экономики Руси с западноевропейским феодализмом. Причину своеобразия исторического развития России Плеханов усматривал в географических условиях. «Анализ географической обстановки русского исторического процесса привел меня к тому заключению, что под ее влиянием рост производительных сил русского народа происходил очень медленно сравнительно с тем, что мы видим у более счастливых в этом отношении народов Западной Европы. Уже эта сравнительная медленность роста производительных сил, а стало быть, и всякого рода экономического развития, в значительной степени объясняет некоторые важные, хотя, конечно, неабсолютные, как думали славянофилы, а только относительные особенности нашего общественного быта»³. Отсюда Плеханов делает вывод: географическая среда способствовала тому, что Россия в своем развитии все более удалялась от Запада и сближалась с Востоком.

Конечно, нельзя отрицать влияние физико-географических условий страны на ее экономическое развитие. Суровый климат многих районов и сильное колебание годовой температуры, относительно короткий период сельскохозяйственных работ, отсутствие в продолжение длительного времени выходов к удобным морским путям и т. д. — все это не могло не влиять на рост производительных сил, особенно на ранних ступенях развития экономики, но, конечно, влияние географической среды не было решающим.

Подлинно марксистский анализ историко-экономического развития России содержится в трудах В. И. Ленина, давшего глубокую характеристику экономики феодальной и капиталистической России. В. И. Ленин прежде всего ставил задачу изучить процесс в целом, на основе развития общественных формаций, поскольку, как он писал, «домарксовская «социология» и историография в лучшем случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса»⁴.

В борьбе с народниками В. И. Ленин в работах «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни», «По поводу так называемого вопроса о рынках», «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» и других дал блестящий анализ дореформенной и особенно пореформенной экономики России: экономической природы мелкого производства, природы сельской общины, развития помещичьего и крестьянского хозяйства, внутреннего рынка и т. д.

В. И. Ленин подробно исследовал вопрос об образовании внутреннего рынка

¹ Плеханов Г. В. История русской общественной мысли, т. I. Спб., 1914, с. 9.

² Там же, с. 85.

³ Там же, с. 2.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 57.

в России, направлении развития народного хозяйства, показал прогрессивную роль капитализма в повышении производительных сил, опровергнув утверждения народников о невозможности развития капитализма в России и доказав, что пореформенная экономика характеризуется дальнейшим углублением общественного разделения труда — основы создания внутреннего рынка. Главными показателями роста внутреннего рынка служат рост товарного обращения и торгово-промышленного населения, разложение крестьянства и расширение отхожих, неземледельческих промыслов, использование наемного труда.

В работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин в результате детального анализа развития капитализма и в особенности образования внутреннего рынка в стране окончательно разрешил вопрос о направлении русского народного хозяйства и завершил идейный разгром народничества. Используя богатейший экономико-статистический материал, В. И. Ленин показал, что создание внутреннего рынка есть результат общественного разделения труда, что разорение крестьянства ведет к росту внутреннего рынка, он определил значение внешнего рынка в развитии капитализма, доказав ошибочность толкования этого вопроса народниками при теоретическом исследовании проблемы реализации. В этом экономическом труде В. И. Ленин вскрыл особенности развития капитализма в России, роль применения машин в сельском хозяйстве, торгового земледелия, роста городов, фабричных и торгово-промышленных местечек. В своих произведениях Ленин исследовал этапы борьбы рабочего класса, степень его концентрации, показав его гегемонию в революционном движении.

В. И. Ленин дал глубокое освещение аграрного вопроса, проблем экономики и классовой борьбы в деревне. В работах «Аграрный вопрос и критики Маркса», «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг.», «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» и других он сформулировал тезис о двух возможных путях развития капитализма в земледелии — «американском» и «прусском», доказав, что первый обеспечивает более быстрый рост производительных сил.

Обобщив громадный материал по экономическому развитию нашей страны, В. И. Ленин выявил закономерности эпохи империализма, особенности монополистического капитализма в России: степень развития финансового капитала, концентрации производства, экономику и наличие докапиталистических отношений в деревне и т. д. Работы Ленина доказывали существование предпосылок буржуазно-демократической и социалистической революции в России, ее неизбежность.

Советская наука сделала немало в области изучения экономической истории нашей Родины: были решены многие узловые проблемы генезиса и развития феодализма и капитализма, произведены исследования форм ренты, землевладения, собственности, мануфактуры, промышленного переворота и т. д.

Предметом исследования были аграрные отношения не только эпохи феодализма, но и более поздних периодов — промышленного и монополистического капитализма¹.

Широко исследовалось развитие ремесла, мануфактуры и промышленности в целом² и в особенности по отраслям производства. Правда, обстоятельнее изу-

¹ Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963; Шестаков А. В. Очерки по истории наемного труда в сельском хозяйстве России, т. I, ч. 1—2. М., 1924; Першин П. Н. Очерки аграрной революции в России. Киев, 1959; Батурицкий Д. А. Аграрная политика царского правительства и крестьянский поземельный банк. М., 1925.

² Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М.—Л., 1948; Крепостная мануфактура в России, ч. 1—3. Л., 1939; Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX в., т. I. М.—Л., 1935; т. II, 1950; Кулишер И. М. Очерк истории русской промышленности. Пг., 1922; Пажитнов К. А. Положение рабочего класса в России, т. 1—3. Пг., 1924; Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М., 1952; Любомиров П. Г. Очерки по истории русской промышленности. XVII, XVIII и начало XIX века. М., 1947; Заозерская Е. И. Мануфактура при Петре I. М.—Л., 1947; Струмилин С. Г. Промышленный переворот в России. М., 1944; Полянский Ф. Я. Городское ремесло и мануфактура в России XVIII в. М., 1960; Экономический строй мануфактуры в России XVIII в. М., 1956.

чены старые отрасли русской промышленности, например текстильная¹, и в меньшей степени новые, в частности машиностроение. Было издано несколько книг по истории развития отдельных крупных промышленных предприятий страны (Московского инструментального, Онежского, Путиловского, Обуховского, Юзовского и других заводов).

С развитием ремесла и других форм промышленного производства тесно связана проблема городов, их значения в экономической жизни России², растущая противоположность между городом и деревней.

Важнейшую роль в укреплении экономических связей между русскими землями, а позднее с иностранными государствами играла торговля. Внутренней торговле, образованию и росту всероссийского рынка, внешнеторговым связям посвящено в советской литературе также много работ³.

Советская историко-экономическая наука исследовала важнейшие формы хозяйственной жизни страны: финансы, налоги, деньги, ростовщичество⁴. Освещение экономической истории, как правило, дается и в общих курсах истории: в много-

¹ *Сыромятников Б. И.* Очерк истории русской текстильной промышленности в связи с историей русского народного хозяйства. Иваново-Вознесенск, 1925; *Хромов П. А.* Очерки экономики текстильной промышленности СССР. М. — Л., 1946; *Мешалин И. В.* Текстильная промышленность крестьян Московской губ. в XVIII и первой половине XIX века. М., 1950; *Пажитнов К. А.* Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России (шерстяная промышленность). М., 1955; *Воблый К. Г.* Опыт истории свеклосахарной промышленности СССР, т. I. Киев, 1928; *Сисов С. П.* Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936; *Струмилин С. Г.* История черной металлургии в СССР, т. I. Феодалный период. М., 1954; Черная металлургия в России и в СССР. М., 1935; *Лисицкий С. М.* Очерки по истории развития отечественной нефтяной промышленности. Дореволюционный период. М., 1954; *Бакулев Г. Д.* Тульская промышленность. Историко-экономический очерк. Тула, 1952; *Успенский П. П.* Из истории отечественного машиностроения. М., 1952; *Лукьянов П. М.* История химических промыслов и химической промышленности до конца XIX в., т. 1. М. — Л., 1948; т. 2, 1949; т. 3, 1951; *Цейтлин М. А.* Очерки по истории развития стекольной промышленности. М. — Л., 1939.

² *Тихомиров М. И.* Древнерусские города. М., 1956; *Сербина К. Н.* Очерки из социально-экономической истории русского города. М., 1951; *Бахрушин С. В.* Научные труды, т. I. Очерки по истории ремесла, торговли городов Русского централизованного государства. XVI — начало XVII в. М., 1952; *Сахаров А. М.* Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1959; *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. 1. М. — Л., 1947; 1948.

³ *Кашин В. Н.* Торговля и торговый капитал в Московском государстве. Л., 1925; *Яковлевский В. Н.* Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953; *Маньков А. Г.* Цены и их движение в Русском государстве XVI в. М., 1951; *Кафенгауз Б. Б.* Очерки внутреннего рынка России в первой половине XVIII в. М., 1958; *Кулишер И. М.* Очерк истории русской торговли. Пг., 1923.

Покровский С. А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947; *Фехнер М. В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1952; *Яковлева П. Т.* Первый русско-китайский договор 1689 г. М., 1958; *Козинцева Р. И.* От таможенного тарифа 1724 г. к тарифу 1731 г. Вопросы генезиса капитализма в России. М., 1960.

⁴ *Орешков А. В.* Денежные знаки домонгольской Руси. М., 1936; *Базилевич К. В.* Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М. — Л., 1936; *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956; *Дрях А. Д.* Очерки по истории денежного обращения России в XIX в. М., 1941; *Струмилин С. Г.* Договор займа в древнерусском праве. Опыт историко-юридического исследования. М., 1929; *Михалевский Ф. И.* Очерк истории денег и денежного обращения, т. I. Деньги в феодальном хозяйстве. М., 1948; *Гиндин И. Ф.* Русские коммерческие банки. М., 1948; *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны. М., 1960; *Гусаков А. Д.* Очерки по денежному обращению России накануне и в период Октябрьской социалистической революции. М., 1946; *Погребинский А. П.* Очерки истории финансов дореволюционной России. М., 1954; *Боровой С. Я.* Кредит и банки России (середина XVII в. — 1861 г.). М., 1958.

томных очерках «Истории СССР», в «Истории культуры Древней Руси» и др.¹

Советская наука не ограничивается изучением отдельных вопросов истории народного хозяйства; в поле зрения науки находятся также экономические отношения в более общем виде, как они складывались в процессе развития². История человечества, за исключением первобытного общества, была историей классовой борьбы, поэтому в многочисленных исследованиях прослежено и вскрыто развитие классовой борьбы в разных ее формах в феодальной и капиталистической России³.

Экономическая история России была предметом изучения как в общен исторических, так и в специальных историко-экономических работах, в трудах историков, начавших свою научную деятельность еще до революции и продолжавших ее в советское время: М. Н. Покровского — «Русская история с древнейших времен» (т. I—IV. М., 1933); Н. А. Рожкова — «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке» (М., 1899), «Город и деревня в русской истории. (Краткий очерк экономической истории России)» (М., 1904), «Русская история в сравнительно-историческом освещении» (т. I—XII. Пг.—М., 1919—1926); В. И. Пичеты — «История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии», (ч. I); «История народного хозяйства в России XIX—XX вв. Начало индустриализации и разложение крепостного хозяйства» (М., 1922); Ю. В. Готье — «Замосковский край в XVII веке», «Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого Русского государства» (ч. I. Л., 1925); С. Б. Веселовского — «Сошное письмо» (т. I. М., 1915; т. II, 1916), «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси» (т. I) и др.

Кроме книг, рассматривающих экономическое развитие всей страны, было подготовлено много коллективных работ по истории народов СССР, где анализируется экономическое развитие национальных республик и районов. Изданы экономико-исторические монографии по экономическому развитию Украины, Белоруссии, Армении, Грузии, отдельных районов РСФСР⁴.

¹ Очерки истории СССР. М., 1956; История культуры Древней Руси, т. I—II. М.—Л., 1948. Подробную библиографию работ по экономической истории СССР, вышедших на русском языке в нашей стране за время от Великой Октябрьской социалистической революции до конца 1952 г. включительно, см.: История СССР. Указатель советской литературы. 1917—1952, т. I. М., 1956; т. II. История СССР. Период капитализма (1861—1917). М., 1959; Вопросы исторической науки, М., 1958; Очерки истории исторической науки в СССР, т. I. М., 1955; т. II, 1960; т. III, 1963.

² Лященко П. И. История народного хозяйства СССР, т. I—II. М., 1950; т. III, 1956; История народного хозяйства СССР. (Курс лекций)/Под ред. проф. Ф. Я. Полянского и др. 1960; Кулишер И. М. История русского народного хозяйства, т. I—II. М., 1925; Пичета В. И. История народного хозяйства в России XIX—XX вв. М., 1923; Струмилин С. Г. Статистико-экономические очерки. М., 1958; Дружинин Н. М. Генезис капитализма в России. М., 1955; Хромов П. А. Экономическое развитие России в XIX—XX вв. М., 1951; Очерки экономики феодализма в России. М., 1957; Экономическое развитие России с древнейших времен до Великой Октябрьской революции. М., 1967; К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.). Сборник статей. М., 1958; История русского народного хозяйства, Л., 1926; Экономическое развитие России, вып. I. М.—Л., 1923; вып. 2, 1930; Яковлев Ф. А. Экономические кризисы в России. М., 1955; Очерки экономической истории России первой половины XIX века. Сборник статей. М., 1959.

³ История СССР. Указатель советской литературы. 1917—1952. М., 1956; т. I—II. История СССР — период капитализма (1861—1917). М., 1959; Вопросы исторической науки.

⁴ Очерки истории народного хозяйства Украины. Киев, 1954; Экономика Белоруссии в эпоху империализма. Минск, 1963; Трофимов П. М. Очерки экономического развития Европейского Севера России. М., 1961; Гугушвили П. В. Развитие промышленности в Грузии и Закавказье в XIX—XX вв. Тбилиси, 1958; Бакрадзе Г. К. Возникновение и развитие капиталистической промышленности в Грузии в XIX веке. Тбилиси, 1958; Гуманян О. Е. Экономическое развитие Армении, ч. I.

В поле зрения экономистов находились также проблемы изучения русской экономической мысли¹.

Ереван, 1954; *Нестеренко А. А.* Развитие промышленности на Украине, ч. I. Ремесло и мануфактура. Киев, 1959; *Очерки истории промышленности и положения пролетариата Украины в конце XIX и начале XX в. М., 1954.*

¹ *История русской экономической мысли*, т. I—III. М., 1955—1966; *Пашков А. И.* Экономические работы В. И. Ленина 90-х годов. М., 1960; *Полянский Ф. Я.* Экономические взгляды Г. В. Плеханова. М., 1956; *Критика экономических теорий анархизма*. М., 1976; *Хромов П. А.* Экономическое развитие России в XIX—XX вв. 1800—1917, гл. 6. М., 1950; *Блюмин И. Г.* Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX в. М.—Л., 1940; *Цаголов Н. А.* Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права. М., 1956; *Каратаев Н. К.* Экономические науки в Московском университете. М., 1956; *Кафенгауз Б. Б.* *Посошков И. Т.* Жизнь и деятельность. М., 1951; *Орешкин В. В.* Вольное экономическое общество в России. М., 1963; *Бак И. С.* Экономические воззрения М. В. Ломоносова. М., 1946; *Приказчикова Е. В.* Экономические взгляды А. Н. Радищева. М.—Л., 1949; *Морозов Ф. М.* Экономические взгляды Н. С. Мордвинова (1754—1845). М., 1945; *Хромов П. А.*: а) К истории русской экономической мысли.— *Большевик*, 1944, № 6; б) Некоторые вопросы развития русской экономической мысли.— В кн. Юбилейная сессия Академии наук СССР 15 июня — 3 июля 1945 г., т. 2. М.—Л., 1947; в) Экономические науки в Академии наук (дореволюционный период).— *Вопросы экономики*, 1975, № 6; *Казарин А. И.* Чупров как экономист.— *Ученые записки МГУ*, вып. 123. М., 1947.

Раздел I

ОСНОВНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

Глава I

ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ КРУПНОГО МАШИННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Еще до крестьянской реформы в России существовали определенные предпосылки для создания крупных капиталистических предприятий: значительная масса людей, лишенных имущества и средств производства, наличие крупных денежных средств в стране. Наблюдались явления продажи и найма рабочей силы, а также процесс отделения производителя от средств производства. Происходило накопление крупных денежных средств (благодаря торговле, протекционизму, откупам, ростовщичеству, ограблению крестьян и ремесленников, расхищению государственных земель и т. д.). Вместе с тем процесс первоначального накопления капитала в России был осложнен господством крепостничества и происходил он медленнее, чем в ряде европейских стран. Однако рост мелкого товарного производства и развитие отдельных элементов капиталистического строя еще не означали разложения феодально-крепостнических отношений, как это было позднее.

В истории довольно трудно «определить с точностью аптекарских весов, где именно кончается крепостничество и начинается чистый капитализм...»¹. Во всяком случае XVIII век стал веком интенсивно развивавшейся мануфактуры во всех ее причудливых видах, веком формирования буржуазии и мануфактурного рабочего, часто находившегося в патриархальных отношениях со своим работодателем.

Основой возникновения капиталистических элементов в недрах феодализма стал рост производительных сил. Можно утверждать, что как определенная экономическая фаза мануфактурный период капитализма в России начал складываться с XVII в., когда возникли элементы капиталистической мануфактуры, расширялся рынок свободной рабочей силы, а затем появились симптомы кризиса феодально-крепостнического способа производства.

Генезис капитализма невозможно определить ограничившись анализом развития капиталистических отношений в промышлен-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 46.

ности; важнейшее значение имела эволюция феодально-крепостнических отношений в сельском хозяйстве в XVIII и первой половине XIX в.

В первой половине XIX в. при господстве феодального способа производства интенсивно происходил процесс разложения феодально-крепостнических отношений во всех областях экономической жизни страны: росли товарно-денежные отношения, внутренняя и внешняя торговля, переживало кризис крепостническое сельское хозяйство, распространялись капиталистические формы в промышленности, приходили в упадок производства, основанные на крепостном труде, и т. д.

Такие формы промышленности, как вотчинная и в особенности посессионная, уступали свои позиции производству, основанному на вольнонаемном труде. Наряду с ростом капиталистической мануфактуры и машинной индустрии в некоторых отраслях в первой половине XIX в. развивались также мелкая, домашняя промышленность и ремесла.

Мануфактура, как и мелкие промыслы, основана на ручном труде, однако она имела дело уже с крупным рынком, крупным капиталом и со значительным числом рабочих, что сближало ее с машинной индустрией. Разделение труда, осуществленное в мануфактуре, как показал еще А. Смит, сыграло большую роль в развитии производительных сил. Работали на капиталистической мануфактуре в подавляющей массе наемные рабочие. Она развивалась как противоположность независимого ремесленного производства.

Как уже было отмечено, мануфактура в России, возникнув в недрах феодально-крепостнического строя, существовала длительное время. Поэтому крупная машинная индустрия не могла бы быстро развиваться в пореформенный период, если бы ей не предшествовал продолжительный этап мануфактурного производства. Особенности экономического развития России наложили большой отпечаток на развитие мануфактурной формы промышленности. Крупные промышленные предприятия по своей социально-экономической природе были неоднородны. Между предприятиями, использовавшими наемный и зависимый труд, происходила острая борьба.

Уже первая половина XIX в. характеризуется внедрением машин в различные отрасли русской промышленности. Мануфактурному периоду свойственно спорадическое употребление машин. Большие достижения русской научно-технической мысли в XVIII и в начале XIX в., а также наличие огромных естественных богатств и высокий уровень металлургии создали серьезные предпосылки для промышленного переворота в стране. Уже в конце XVIII — начале XIX в. в некоторых отраслях отмечается превращение мануфактур в фабрики; этот процесс достиг более широких размеров во второй четверти XIX в. Степень внедрения машин в отдельные отрасли промышленности была весьма различной.

В процессе промышленного переворота перед крестьянской формой продукция хлопчатобу

произве

денная машинным способом, заметно превышала ручное производство, хотя в последнем было занято несколько больше работников. На протяжении первой половины XIX в. машины внедрялись и в некоторые другие отрасли: транспорт, машиностроение, свеклосахарную и писчебумажную промышленность и т. д.

Машинизация промышленности осуществлялась как путем ввоза оборудования из-за границы, так и благодаря развитию отечественного машиностроения. Перед крестьянской реформой в 50 губерниях Европейской России насчитывалось уже 99 механических и 130 литейных заводов (с несколькими десятками тысяч рабочих); на многих из них использовались паровые двигатели.

Несомненно, что в некоторых важнейших отраслях промышленности, и в первую очередь в хлопчатобумажной, уже преобладало фабричное производство. *Широкую дорогу перед капитализмом открыла крестьянская реформа, отменившая крепостное право.*

Период промышленного капитализма с его интенсивным ростом крупной машинной индустрии, образованием рабочего класса охватывает время после крестьянской реформы примерно до конца XIX в. Крестьянская реформа при всех ее недостатках была важнейшим историческим мероприятием, способствовавшим экономическому развитию страны.

Развитие производительных сил в пореформенный период пошло значительно быстрее, хотя остатки феодальных отношений и задерживали этот процесс. Все отрасли народного хозяйства: земледелие, добывающая и обрабатывающая промышленность, транспорт — показали невиданные в условиях крепостничества темпы: увеличилось производство промышленной и сельскохозяйственной продукции, обороты торговли, бюджет, выросла численность населения — важный фактор экономического развития страны.

В текстильной, каменноугольной, металлургической, нефтяной и других отраслях промышленности все шире использовались машины, росло применение паровых двигателей, внедрялась новая технология производства (использование минерального топлива в металлургии вместо древесного, бессемеровский и мартеновский способы выплавки стали и т. д.), повышался органический состав капитала, увеличивалась концентрация производства. Сильно развился железнодорожный транспорт, оказавший большое влияние на рост промышленности и рынка. Развитие капиталистических отношений требовало создания механического транспорта: длина железнодорожной сети возросла с 1,6 тыс. км в 1860 г. до 53,2 тыс. в 1900 г. и 81,1 тыс. в 1917 г.

Значительная сеть железных дорог, связавшая порты Черного, Балтийского и Азовского морей, такие реки, как Волга и Висла, крупнейшие города страны: Москву, Киев, Петербург, Саратов, Ригу, Орел, — способствовала росту товарооборота и производительных сил.

Темпы развития капитализма в отдельных районах России были неодинаковы. Так, Украина не уступала Центральному промышленному району, она становилась одним из основных промышлен-

ных районов страны, а также вышла на одно из первых мест по производству и торговле хлебом. Интенсивно развивался капитализм в Польше и Прибалтике. Так, Польша, получая сырье (руды, хлеб) из Центральной России, сбывала на ее рынках свои промышленные изделия. Медленнее, чем в центральных районах и на Украине, развивались капиталистические отношения в отдельных районах России, в Финляндии, на Кавказе и в Белоруссии. Многие же народы России (татары, башкиры, казахи, таджики, узбеки, некоторые народности Сибири и т. д.) не прошли стадию капитализма, сохранив патриархально-родовой или полуфеодальный строй вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

Но растущий капитализм ускорял хозяйственное развитие окраин, ломал старые патриархально-феодальные отношения, а в окраинные районы колонизация приносила не только капиталистическую эксплуатацию, но и новую технику, новые способы обработки земли и т. д. Окраины служили рынком сбыта промышленных товаров, поставщиками сырья, туда переселялись крестьяне из разных районов.

Росту капитализма «вширь» безусловно способствовало наличие многих пережитков крепостничества, которые, тормозя развитие внутреннего рынка, содействовали захвату внешних рынков.

Капитализм проник и в Сибирь, но в этом огромном районе, в котором во второй половине XIX в. 90% населения составляли уже русские, капиталистические отношения имели свою специфику. Сельское хозяйство Сибири в отличие от центральных районов шло по линии, напоминавшей так называемый американский путь развития. Сибирь была колонией в экономическом смысле, поскольку, производя сельскохозяйственные товары, она покупала промышленные изделия Центра и других районов страны.

Начавшийся промышленный переворот в России явился следствием не только технических сдвигов в Западной Европе, но и глубоких внутренних процессов, происходивших в экономике страны. Крестьянская реформа расширила ряды рабочего класса, сделала лично свободными многих работников вотчинных, посессионных и других промышленных предприятий. Реформа увеличила число безземельной рабочей силы как резерва для растущей промышленности. Многие группы феодального крестьянства получили мизерные участки земли, а другие категории (дворовые «месячники», крепостные бывших беспоместных помещиков и т. д.) не получили их совсем. Ряды пролетариата после реформы пополняла деревня, в которой интенсивно происходил, несмотря на господство в большинстве районов России общины, процесс «раскрестьянивания»; превращались в рабочих и разорявшиеся ремесленники города и деревни. Быстро росло число фабрик и заводов. Рост крупной машинной индустрии был для России того периода, как будет показано дальше, и политической необходимостью.

Все отрасли промышленности за вторую половину XIX в. (после реформы) сильно увеличили объем производства. С быстротой,

невиданной при крепостничестве, развивалась машинная индустрия, стягивавшая домашних рабочих на фабрику.

По мере внедрения машин ручное производство уменьшилось. В 1866 г. на 35 хлопчатобумажных фабриках имелся 13 221 механический станок, а в 1879 г. на 89 фабриках — уже 50 296 станков и выработка ткача на механическом станке за год составила 202,1 куска, а на ручном — только 34,1 куска¹. В этих условиях ручное ткачество уже не могло конкурировать с машинным. Заработная плата ручных ткачей в селе Иванове и его окрестностях снизилась в среднем с 6 руб. в месяц в 1810 г. до 3—3,5 руб. в 1860 г. и 1,5—2 руб. в начале 70-х годов.

Домашнее ручное производство постепенно замирало. Фабричные села, в которых раньше имелись раздаточные конторы капиталистической мануфактуры, превращались в центры крупной машинной индустрии, где находили работу тысячи ручных ткачей и набойщиков, превращаясь в фабричные рабочих. Вместе с тем было бы неправильно сделать вывод, что крупная капиталистическая промышленность уничтожила все формы мелкой промышленности. В пореформенной экономике России при господстве крупной машинной индустрии продолжала существовать, особенно в захолустных местах страны, так называемая домашняя промышленность, или домашние промыслы, составлявшие необходимую принадлежность натурального крестьянского хозяйства, оставалось и ремесло. В деревенских промыслах было занято в течение года, по некоторым оценкам, около 7—8 млн. крестьян. К числу таких промыслов эксплуатируемых скупщиками, относились деревообрабатывающие (выделка колес, бочек, кадок, саней и т. д.), волокнообрабатывающие (плетение кружев, прядение льна, тканье полотен и пр.) промыслы; промыслы по обработке животных продуктов (дубление кож, шитье обуви, перчаток); минерального сырья, например глины, фаянса; металлов и др. Вместе с тем происходил процесс стягивания домашних рабочих на фабрику. Тогдашняя промышленная статистика не выработала строгих научных правил классификации предприятий. Крестьян, работавших по домам, а также в мелких мастерских и светелках, относили к кустарной промышленности, а более крупные светелки рассматривались как фабрики. В результате такой классификации официальная статистика и в пореформенное время нередко показывала уменьшение числа фабрик, в то время как в действительности происходил процесс вытеснения светелок и контор фабрикой. В. И. Ленин, отнеся к светелкам заведения с суммой производства менее 2 тыс. руб., а к конторам — заведения, раздающие работу по домам, показал, что скрывалось в русской промышленности за туманным термином «фабрика». Смешение с фабриками самых мелких ремесленных заведений, имевших одного-двух рабочих и объем производства в несколько сотен

¹ См.: Масленников Н. Я. К вопросу о развитии фабричной промышленности в России.— Записки географического общества по отделению статистики, т. VI. СПб., 1869, с. 247—248.

рублей, допускалось в различных производствах по вине официальной статистики. Вот почему ее данные о числе фабрик не могут служить достаточно надежным показателем.

Развитие машинной индустрии усиливало отделение промышленности от сельского хозяйства. Мануфактура не привела к их резкому разграничению, и лишь фабрика коренным образом разобщила рабочих с сельским хозяйством и тем самым содействовала возникновению промышленного пролетариата. Крупная машинная индустрия завершила полный отрыв рабочих от сельского хозяйства и превратила их в фабрично-заводской пролетариат.

Машинизация промышленности сопровождалась в пореформенное время процессом концентрации производства, изменением его размещения, растущим (хотя и неравномерно) объемом его. Весьма грубые подсчеты показывают, что промышленная продукция России увеличилась за весь период промышленного капитализма более чем в 7 раз. Темпы ее роста в отдельные периоды были неодинаковы, как неодинаков был и рост отраслей. Кризисы, депрессивное состояние промышленности сильно тормозили рост производства. Численность рабочих в промышленности увеличилась в значительно меньшей степени, чем поднялся выпуск продукции.

В первые годы после реформы численность рабочих в промышленности несколько сократилась, причем причины сокращения в отдельных отраслях были неодинаковы. В хлопчатобумажной промышленности это явление объяснялось уменьшением подвоза хлопка из США, где началась Гражданская война; в горной — тем, что до реформы там большую роль играл принудительный труд. На протяжении второй половины XIX в. во всех основных отраслях, особенно в хлопчатобумажной, машиностроительной, химической, горной, объем производства и число рабочих росли быстро. О росте промышленного производства свидетельствует и увеличение числа фабрик. Количество фабрик в Европейской России (без горных) с числом рабочих не менее 16 было: в 1866 г. — 2,5—3 тыс., в 1879 г. — около 4,5 тыс., в 1890 г. — примерно 6 тыс., в 1894—1895 гг. — около 6,4 тыс., а с учетом и мелкой промышленности — намного больше.

Значительная часть промышленных предприятий России размещалась в деревнях: опутанный общиной с ее круговой порукой крестьянин не всегда мог вырваться из деревни, поэтому фабрика «шла» к нему, эксплуатируя рабочего с наделом в еще большей степени, нежели «чистого» пролетария. За период с 1887 по 1900 г., по официальным данным, стоимость продукции фабрично-заводской промышленности России возросла в 2,3 раза, численность же рабочих увеличилась всего на 80%, следовательно, резко поднялась годовая выработка на одного рабочего.

Продукция мелкой промышленности росла значительно медленнее. Наиболее быстро развивались отрасли, производившие средства производства. Темп роста промышленности в России был выше, чем в Англии, во Франции и даже в Германии, развивавшейся в этот период относительно быстро. Как показывает грубый под-

счет немецкого Конъюнктурного института, продукция промышленности России увеличилась с 1860 по 1900 г., т. е. за 40 лет, более чем в 7 раз, Германии — почти в 5 раз, Франции — примерно в 2,5 раза и Великобритании — более чем в 2 раза.

Динамика промышленной продукции важнейших капиталистических стран (1913 г. = 100)¹:

Год	Германия	Великобритания	Франция	Россия	США	Весь мир,
1860	14	34	26	8	8	14
1870	18	44	34	13	11	19
1880	25	53	43	17	17	26
1890	40	62	56	27	39	43
1900	65	79	66	61	54	60

Несмотря на известную условность этих цифр, они красноречиво свидетельствуют, как неравномерно было экономическое развитие отдельных капиталистических государств.

В отдельные периоды Россия сокращала отставание от передовых капиталистических стран. Если в первое десятилетие после реформы русская промышленность развивалась быстрее, чем промышленность некоторых капиталистических стран, то в следующем десятилетии (1870—1880) темп ее роста по сравнению с промышленным производством США и Германии замедлился. С 1880 по 1890 г. по темпам роста русская промышленность отставала только от США.

Невиданный промышленный подъем произошел в 90-х годах: за это десятилетие промышленное производство в России увеличилось более чем в 2 раза против 62% роста немецкой промышленности, 38% — в США и 27% — в Англии. Таким образом, во время циклического подъема 90-х годов русская промышленность по темпам значительно превосходила крупные капиталистические страны.

За подъемом 90-х годов в России последовал кризис начала XX в., затем депрессивное состояние промышленности, сменившееся подъемом лишь в 1909 г. Но и в первые пореформенные годы, когда отдельные отрасли (например, металлургия) находились в застойном положении, общий темп роста промышленности был значителен и уступал лишь росту промышленности США. Продукция русской бумагопрядильной и ткацкой промышленности в 1870 г. превышала уровень 1860 г. в 2 раза, угольной — в 2,3, машиностроительной — в 2,2 раза.

В целом рост промышленности России в пореформенный период происходил быстрее, чем в Англии и Франции. Но поскольку абсолютный прирост продукции в России был меньше, а население увеличивалось быстро, то по душевым нормам промышленного производства Россия в течение длительного времени продолжала отставать от наиболее развитых капиталистических стран.

¹ См.: Vierteljahrshefte zur Konjunkturforschung, Sonderheft 31, 1933, S. 18; Industrialisation and Foreign Trade. Geneva, 1945.

Одновременно с ростом объема производства шел процесс концентрации промышленности, выражавший процесс обобществления труда при капитализме. Увеличивалось число крупных фабрик и фабрик, применявших паровые двигатели, больше становилось среднее количество рабочих на одном промышленном предприятии и т. д. Если в 1866 г. имелось всего лишь 42 фабрики с численностью рабочих в 1 тыс. человек и более, то в 1890 г. таких фабрик насчитывалось уже 99, а в 1894—1895 гг. — 117.

Рост органического строения капитала, концентрация промышленности обуславливали повышение производительности труда. Правда, выразить количественно рост производительности труда во второй половине XIX в. весьма сложно. Промышленная статистика России имела тогда существенные недостатки, которые и поныне затрудняют анализ производительности труда в русской промышленности. Хотя в отдельных источниках и есть данные о числе рабочих и стоимости промышленной продукции, но их дефектом является то, что в них содержатся сведения о различных производствах¹.

Данные, например, показывают, что годовая выработка рабочего в 1890 г. была на 58,5% выше, чем в 1864 г. Поскольку при этом не элиминировано влияние цен, точно выявить ежегодные изменения производительности труда сложно; можно составить лишь общее представление о росте производительности труда за указанный отрезок времени, но эти данные близки к действительности, поскольку индекс промышленных цен за приведенный промежуток времени повысился незначительно. Движение годовой выработки рабочего, взятой в ценах соответствующих лет, вскрывает большую неравномерность в динамике производительности труда: падение в кризисные 1873 и 1890 годы и, наоборот, интенсивный рост в послевоенные 1878—1879 годы подъема.

По своду данных фабрично-заводской промышленности России, годовая продукция на одного рабочего равнялась в 1887 г. 1012 руб. и в 1897 г. — 1353 руб., т. е. увеличилась за 10 лет на 33,7%². Индекс промышленных цен составлял в 1897 г. 73,6 против 78,9 в 1887 г. (1913 г. = 100), следовательно, производительность труда за эти 10 лет повысилась. Однако не надо забывать, что значительная часть рассматриваемого периода падает на годы невиданного в условиях России промышленного подъема. Интенсификация и механизация труда, концентрация производства значительно усилились, в результате чего, несмотря на уменьшение рабочего времени в течение 1897 г. (в этом году продолжительность рабочего дня была ограничена 11,5 часа), производительность труда повысилась.

¹ См.: Статистический временник Российской империи, вып. I. Спб., 1866; Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов. Спб., 1866; Ежегодник министерства финансов. Спб., 1866; Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России. Спб., 1900.

² Исчислено по данным: Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1897 г. Спб., 1900, с. 11—111.

Степень промышленного развития районов России была неодинакова. В центральных районах страны, на Украине, Прибалтике (особенно в Латвии и частично в Эстонии), в Баку уровень промышленного развития был наиболее высок. А такие районы, как Белоруссия, Литва, многие районы Европейской России (Поволжье, Север и др.), в особенности Сибирь, Средняя Азия, Казахстан, имея отдельные предприятия и мелкую промышленность, сильно отставали в этом отношении.

Огромную роль в развитии капитализма, в частности в создании внутреннего рынка в России, играла текстильная промышленность. Предприятия в отдельных ее отраслях находились на различных стадиях развития капитализма, имели разные формы организации производства. Как мы видели выше, хлопчатобумажная промышленность в первой половине XIX в. по темпам роста стояла впереди остальных отраслей. Относительно быстрый подъем производительности труда объясняется большой долей в этой отрасли вольнонаемных рабочих. В 60-х годах XIX в. в хлопчатобумажной промышленности использовалось около 11 тыс. механических станков, а в 1890 г. — уже 87 тыс. Рост машинного производства вызвал повышение интенсивности труда. Стал больше использоваться женский и детский труд, росло применение машин.

В первый период после реформы 1861 г. хлопчатобумажное производство значительно сократилось. Это было связано, как уже отмечалось, с войной в США, развернувшейся между северными и южными штатами и приостановившей экспорт американского хлопка в Европу, в том числе и в Россию. Ввоз хлопка в Россию упал в 1862 г. более чем в 3 раза против 1861 г. Правда, динамика ввоза хлопка может лишь в общей форме отразить развитие хлопчатобумажной промышленности, поскольку ввезенный хлопок не всегда перерабатывался в том же году; на количество закупленного хлопка влиял также уровень цен. Попытка компенсировать недостаток американского хлопка ввозом азиатского (туркестанского, бухарского и др.) дала незначительные результаты; кроме того, качество последнего уступало тогда американскому. Падение производства хлопчатобумажной промышленности в результате нехватки хлопка оживило на некоторое время льняную промышленность. Вместе с тем недостаток хлопка вызвал огромный рост цен на него. Так, цена азиатского хлопка с 7 р. 75 к. за пуд в 1861 г. поднялась до 12—13 руб. в 1862 г., а к 1864 г. дошла до 22—23 руб.¹, хотя этот хлопок давал до 30% угара. Вздорожали также хлопчатобумажная пряжа и ткани.

Подъем в хлопчатобумажной промышленности начинается лишь в 1864 г., хотя ввоз хлопка значительно возрос уже в 1863 г., не достигнув, однако, и половины ввоза 1861 г. Увеличение продукции в хлопчатобумажной промышленности наблюдалось в течение трех лет, до 1867 г. В последние два года объем производства сократил-

¹ См.: Историко-статистический обзор промышленности России, т. II. Спб., 1886, с. 96—97.

ся, ухудшились условия сбыта и упали цены на хлопок, пряжу и ткани. Из Иванова сообщали, что почти все фабрики остановились, производства нет, люди остаются без работы. Сокращался объем производства, хотя и в меньших размерах, также и в 1873 кризисном году.

В послевоенные 1878 и 1879 годы вновь отмечается большой подъем в этой отрасли. Стоимость продукции прядильного производства с 44 млн. руб. в 1877 г. увеличилась до 56 млн. руб. в 1878 г.; еще больше расширилось ткацкое производство. «Это усиление было таково, что хлопчатобумажная промышленность, всего более подвергавшаяся промышленному возбуждению этой эпохи, расширялась на 900 тыс. (и, может быть, до 1 млн., как исчисляли знающие люди) вновь поставленных в 1879 г. прядильных веретен. Это расширение, когда все количество веретен исчисляется у нас до 3,5 млн., дает понятие о том необычайном полете, который принимала вся наша промышленность в эту эпоху, хотя хлопчатобумажное дело превзошло в этом отношении все прочие»¹.

За подъемом в хлопчатобумажной промышленности последовал затяжной кризис. Уже в 1883 г. объем прядильного производства составлял по отношению к предыдущему году только 91,5%, а ткацкого — даже 85,9%. Цены на пряжу и ткани снизились. Так, в Москве цена пуда хлопчатобумажной пряжи № 38/40 равнялась в 1882 г. 11 р. 88 к., а в 1883 г. — 9 р. 99 к; соответственно цена миткаля (среднего) за аршин снизилась с 5,2 до 4,2 коп. золотом.

Кризис сильно ударил по рабочему классу. Заработная плата падала. Так, на Ореховской фабрике Морозова с 1882 по 1884 г. заработная плата уменьшалась 5 раз, причем в 1884 г. расценки были понижены сразу на 25%, что послужило одной из причин знаменитой забастовки орехово-зубовских текстильщиков. Промышленный кризис в хлопчатобумажной промышленности продолжался до 1887 г. Но уже в следующем, 1888 году в ней наблюдался значительный подъем. Падение объема производства, а частично и цен в хлопчатобумажной промышленности в 1890 г. и особенно в 1891 г. сменилось общим промышленным подъемом 90-х годов, который захватил и хлопчатобумажную промышленность.

Однако по сравнению с отраслями тяжелой индустрии хлопчатобумажная промышленность (как и другие отрасли легкой и пищевой промышленности) за рассматриваемый период невиданного в условиях России подъема развивалась слабее. Эта отрасль по-прежнему имела хотя и расширяющийся, но все же небольшой (из-за низкой покупательной способности трудящихся) рынок сбыта. Рост капиталистической промышленности определялся не столько отраслями, производившими предметы потребления, сколько производством средств производства.

Объем продукции прядильного производства России увеличился с 7394 тыс. пудов пряжи в 1890 г. до 14 605 тыс. пудов в 1900 г., или на 97,5%; продукции ткацкого производства — с 6671 тыс. пу-

¹ Безобразов В. П. Народное хозяйство России, ч. I. Спб., 1882, с. 279.

дов суровья до 11 703 тыс. пудов, или на 75,4%. Примерно в таком же отношении, как объем производства, увеличилось и количество оборудования. Покровительственный таможенный тариф (1891) во многом способствовал развитию отрасли.

В течение 1890—1900 гг. основной капитал хлопчатобумажной промышленности России увеличивался ежегодно в среднем примерно на 220 тыс. веретен и на 6400 ткацких станков. В результате удельный вес отрасли в мировом производстве по количеству веретен повысился в конце XIX в. до 7%¹. За время промышленного подъема 90-х годов хлопчатобумажная промышленность заметно усовершенствовала красильное и ситценабивное производство, введено было гребенное чесание, началось производство ниток и т. д. В прядельное производство интенсивно внедрялись ватерные машины, доля которых повысилась с 22,5% в 1890 г. до 43,5% в 1900 г. Они содействовали увеличению эксплуатации женского и детского труда, снижали издержки производства, главным образом за счет заработной платы.

В 1891 г. производство пряжи увеличилось на 10,6%, переработка хлопка — на 11,2%. Максимальный рост хлопчатобумажной промышленности был отмечен в 1893 г., когда выработка пряжи поднялась на 15,2% против предыдущего года, а выработка суровья — на 11,2%. Этому в некоторой степени способствовал и хороший урожай, повлиявший на покупательную способность крестьянина — основного потребителя текстильных товаров в дореволюционной России.

В 1894 г. рост производства в хлопчатобумажной промышленности замедлился: прядельное производство увеличилось очень незначительно, а ткацкое даже несколько уменьшилось. Депрессивному состоянию предшествовал год, когда хлопчатобумажная промышленность дала максимальный прирост производства.

Кризис, разразившийся в русской промышленности в начале 900-х годов, особенно поразил отрасли тяжелой индустрии. В меньшей степени он захватил хлопчатобумажную промышленность, опиравшуюся главным образом на деревенского потребителя. Надо иметь в виду, что падение производства в натуре в период кризиса бывает меньше, чем в ценностном выражении, так как наряду с уменьшением объема производства обычно снижаются и цены.

Следует отметить, что почти 20% тканей и 25% пряжи вырабатывалось во Владимирской губернии, около 40% тканей и около 25% пряжи — в Московской. Хлопчатобумажные фабрики были размещены в основном в Московской, Владимирской, Петербургской и Тверской губерниях. В этих губерниях, а также в Костромской производилось значительное количество хлопчатобумажных тканей и вне фабрик.

Нельзя не указать на некоторые естественногеографические особенности этого района, которые содействовали вначале широ-

¹ См.: Известия общества для содействия улучшению мануфактурной промышленности, 1900, декабрь, с. 4—5.

кому развитию домашней промышленности, крестьянских промыслов, а позднее явились важнейшим условием возникновения там капиталистической мануфактуры и фабрик.

Несовпадение периода производства и рабочего периода в сельском хозяйстве служило существенным фактором развития домашней, в частности льняной, промышленности. Конечно, не все крестьянские промыслы выросли из домашней промышленности. Например, хлопчатобумажное производство, сырье для которого покупалось, не выделялось в центральных губерниях непосредственно из натурального хозяйства.

Когда в Центральном районе вступили в строй первые предприятия хлопчатобумажной промышленности, там уже давно существовали льняные, суконные и шелковые производства, а население имело технические навыки, так необходимые промышленным рабочим. Переход от льняного или суконного ткачества к хлопчатобумажному не представлял поэтому особых затруднений. На местоположение хлопчатобумажных мануфактур, а позднее и фабрик несомненно влияла степень развития в районе ткачества в форме домашней промышленности. Капиталист искал дешевую рабочую силу и находил ее в деревнях.

Наличие развитой домашней промышленности и дешевой рабочей силы во Владимирской, Московской, Ярославской и Тверской губерниях, близость главных рынков сбыта, удобные транспортные пути по рекам Волжского бассейна создавали преимущества для развития хлопчатобумажной промышленности именно в этих районах России. Первое место по числу прядильных веретен все годы занимала Московская губерния, в которой было сосредоточено около $\frac{1}{4}$ веретен; там же вырабатывалось и наибольшее количество пряжи. Второе место в 1890 г. занимала Петербургская, а в 1900 г. — Владимирская губерния. Удельный вес Петербургской губернии в бумагопрядильном производстве сильно уменьшился, несмотря на абсолютный рост производства. В 1899 г. здесь было сосредоточено 24% всех веретен, а в 1910 г. — только 14,3%. Снизилась и доля пряжи, выработанной в губернии.

Прядильные фабрики Петербургской губернии по своим размерам превышали средний размер фабрик в России; производительность оборудования и уровень производительности труда на них был выше, чем на фабриках Московской губернии.

Значительное уменьшение доли Петербургской губернии в хлопчатобумажном производстве совпадает с быстрым развитием хлопководства в России. Доля отечественного хлопка составляла в 1890 г. 23,8, а в 1910 г. — уже 50,9%. Важнейшее экономическое преимущество Петербургского района, заключавшееся в том, что в этот район прежде всего поступал импортный хлопок, по мере развития производства хлопка в России уменьшилось. Петербургский район, специализируясь на выпуске более высоких номеров пряжи и более дорогих сортов ткани, не стал основным центром текстильной промышленности, в противоположность «ситцевой» Москве и Иванову — «русскому Манчестеру», расположенным в

центре страны, возле главных рынков сбыта хлопчатобумажных тканей.

Говоря о причинах снижения роли Петербургской губернии в хлопчатобумажном производстве, нельзя не указать на более высокую заработную плату рабочих-текстильщиков этого района по сравнению с другими губерниями. Так, средний годовой заработок текстильщиков в 1901 г. в Петербургской губернии составлял 302 р. 45 к., в Московской — 202 р. 68 к., в Тверской — 190 р. 59 к., во Владимирской — 160 р. 65 к., а в Костромской — только 139 р. 71 к.

Следовательно, годовой заработок рабочего на хлопчатобумажных фабриках Петербургской губернии в 1901 г. был почти в 2 раза выше, чем во Владимирской, и почти в 2,5 раза выше, чем в Костромской. Это соотношение не меняется и в том случае, если мы внесем поправки на более высокий удельный вес прядильного и отделочного производства в Петербургской губернии, оплата труда в которых была несколько выше, чем в ткацком производстве, на различную роль женского труда (оплачивавшегося дешевле) и, наконец, на продолжительность рабочего дня в этих губерниях. Производительность труда на петербургских фабриках также была выше, чем на фабриках Центрального района.

Густота населения в Центральном районе, большое предложение рабочей силы, особенно в Костромской и Владимирской губерниях, значительная связь рабочих-текстильщиков с деревней и т. д. объясняют более низкую заработную плату текстильщиков в этих губерниях по сравнению с заработной платой в Петербургском районе. Следует отметить значительное повышение роли Костромской губернии: более низкая заработная плата, относительно дешевый транспорт хлопка из Средней Азии вверх по Волге и готовой продукции вниз по Волге, в частности на Нижегородскую ярмарку, обеспечивали капиталу более высокую прибыль. Капитал устремлялся как в отрасли, так и в районы производства с наивысшей нормой прибыли.

Быстро развивающейся в пореформенный период отраслью, перерабатывающей сельскохозяйственное сырье, была сахарная промышленность. Развитие ее проходило в условиях таможенного покровительства. Благодаря росту производства в этой отрасли Россия во второй половине XIX в. сокращает импорт сахара. С целью форсировать вывоз сахара из России царское правительство давало сахарозаводчикам вывозные премии. Концентрация сахарной промышленности была уже в 80-х годах так велика, что промышленники для повышения цены на сахар на внутреннем рынке образовали синдикат. К сожалению, исследование динамики производства в сахарной индустрии осложняется наряду с недостатками учета тем обстоятельством, что в этой отрасли два производства, свеклосахарное и рафинадное, резко отличались по уровню и темпам роста производительности труда.

Производство сахара-песка возросло в значительно большей степени, чем число рабочих, в результате чего выработка на одно-

го рабочего увеличилась. Этот процесс был связан в первую очередь с внедрением новой техники в свеклосахарную промышленность, развивавшуюся после 1862 г. на базе вольнонаемного труда. Огневые заводы, где производительность труда была ниже, чем на паровых заводах, закрывались: в 1855/56 г. их было 307, а в 1869/70 г. — уже только 39¹.

Влияние технического прогресса на производительность труда сказывалось и в последующие годы. Применение диффузии вместо прессования в свеклосахарном производстве позволило увеличить производительность труда примерно в 3 раза. Так, на заводе с суточным объемом производства в 1000 берковцев при работе в две смены требовалось 310 рабочих против 92 рабочих при диффузии. В 1887—1888 гг. было 207 действовавших диффузионных заводов, в 1897—1898 гг. — 238, а прессовых в 1889—1890 гг. — 7, в 1892—1893 гг. — 2, в 1894—1895 гг. — лишь 1 завод. Рост концентрации производства, объема диффузоров, улучшение использования свеклы, увеличение отработанного времени в течение года, рост органического состава капитала — основные факторы повышения производительности труда в сахарной промышленности России.

В 1886/87 г. на один завод приходилось 144,4 л. с. паровых машин, а в 1897/98 г. — 209,1. Как правило, наиболее высокий технический уровень имели крупные заводы сахарной промышленности (в результате чего и производительность труда там была выше, чем на средних и тем более мелких предприятиях). Правда, на выработку рабочего влияли и некоторые другие факторы, например длительность работы различных заводов в течение года, но технический фактор был решающим.

Общий циклический характер воспроизводства капиталистической экономики проявлялся и в сахарной промышленности. На многочисленные колебания объема производства и производительности труда в этой отрасли влияло и сельское хозяйство: количество собранной свеклы, ее качество и т. д.

Перейдем к рассмотрению металлической промышленности, ярко характеризующей уровень индустриального развития страны. Машиностроительные заводы возникли еще в дореформенное время. В 1853 г. были основаны завод Сан-Галли в Петербурге, в 1859 г. — завод Бромлей в Москве и завод Лесснера в Петербурге и др. В 1851 г. в 50 губерниях Европейской России насчитывалось 19 механических заводов и 108 литейных с 25 тыс. рабочих, а в 1860 г. — уже 99 механических заводов и 229 литейных с 32 тыс. рабочих.

Но особенно быстро стала расти металлопромышленность в пореформенное время. В 1863 г. возникли завод Листа в Москве, завод Струве в Коломне, в 1864 г. — Пермский пушечный и механи-

¹ См.: Ежегодник министерства финансов на 1871 год, вып. III. Спб., 1872, с. 356.

ческий завод в Мотовилихе, в 1866 г. — завод Беллино-Фендериха в Одессе и завод Вейхельта в Москве и др.¹

По неполным данным департамента мануфактур и торговли, в 1861 г. имелось 106 заводов металлообрабатывающей промышленности, на которых было занято 12,4 тыс. рабочих и которые давали продукцию на 7 млн. руб.: в 1897 г. — соответственно 682 завода, 120,3 тыс. рабочих, 142 млн. руб.

Если число предприятий увеличилось почти в 7 раз, а число рабочих — в 10 раз, то продукция этой отрасли возросла примерно в 20 раз, что свидетельствовало о подъеме производительности труда и концентрации производства. Экономическая политика стимулировала развитие промышленности: так, в 1866 г. было решено изготовлять принадлежности для железных дорог внутри страны, несмотря ни на какие затруднения и издержки. В целях развития собственного машиностроения в 1869 г. устанавливается таможенная пошлина на ввозимые иностранные машины (кроме сельскохозяйственных, бумагопрядильных и типографских), но в дальнейшем таможенное покровительство усилилось и в этих отраслях. Быстро росло машиностроительное производство в 90-х годах. В 1897 г. было произведено 583 паровоза и 23 214 товарных вагонов, а в 1900 г. — 1065 паровозов и 31 703 вагона². Повышалось качество выпускаемой продукции: котлов, паровых машин, двигателей, паровозов, вагонов, турбин, станков, прядильных машин, ткацких станков и т. д. Однако развитие машиностроения сдерживалось недостатком квалифицированных инженеров, ограниченностью внутренних капиталовложений и др. Спрос на сельскохозяйственные машины, резко возросший со стороны капиталистического сельского хозяйства, потребовал строительства в Новороссии, на Украине, в Прибалтике и в других районах многих заводов для производства плугов, жнеек, конных молотилок и других сельскохозяйственных машин; до 1885 г. сельскохозяйственные машины ввозились беспошлинно. Казенные металлообрабатывающие заводы (в Петербурге, Перми, Туле, Сестрорецке, Ижевске) производили и предметы вооружения.

Особенно интенсивно развивалось машиностроение в период промышленного подъема 90-х годов, когда бурное железнодорожное строительство предъявило огромный спрос на паровозы, вагоны, станки и т. д. В конце XIX в. в крупной промышленности России насчитывалось 181 предприятие, выпускавшее сельскохозяйственные машины, 569 заводов, изготовлявших металлообрабатывающие машины, 14 паровозо-вагоностроительных заводов и т. д.

О росте машиностроения свидетельствует число патентов на изобретения, выданных в 80—90-х годах XIX в.: в 1880—1884 гг. — 502 (в среднем за год), в 1897 г. — 2602 и в 1899 г. — 3287. Несмотря на быстрый рост машиностроения в конце XIX в., все же при-

¹ См.: Производительные силы России. СПб., 1896, с. 289.

² См.: Министерство торговли и промышленности. Междудементальное совещание о мерах к улучшению отечественной металлургической и машиностроительной промышленности. Статистические материалы. СПб., 1908, с. 36—39.

мерно 25% потребности внутреннего рынка на машины и оборудование удовлетворялось за счет импорта.

Уровень развития металлургии в России по сравнению с другими странами в различные периоды был неодинаков. Так, в эпоху после царствования Петра I по производству чугуна, например, она стояла на одном из первых мест в мире. Русское железо вывозилось в значительных размерах. В 1740 г. в России было произведено 1952 тыс. пудов чугуна, в Англии — 1222 тыс., во Франции — 1586 тыс., в Германии — 1080 тыс., а в Соединенных Штатах Америки — только 61 тыс. пудов, т. е. всего лишь несколько процентов от производства его в России. На протяжении второй половины XVIII в. по количеству выплавляемого чугуна Россия занимала первое место, опередив ряд высокоразвитых для того времени европейских стран.

Однако в первой половине XIX в., в период кризиса и разложения феодально-крепостнического способа производства, Россия отставала в экономическом отношении от этих стран, в частности и в металлургическом производстве. В начале XIX в. Россию по выплавке чугуна обгоняет Англия, позднее — США и Франция, а в 50-х годах XIX в. — Германия.

В течение десятилетия после крестьянской реформы металлургическая промышленность переживала состояние депрессии, связанное главным образом с тем, что эта отрасль основывалась ранее преимущественно на крепостном труде. После реформы значительная часть рабочих ушла с заводов, возвратилась в деревню. Уровень производства чугуна 1860 г. был достигнут только в 1870 г. За это время доля России в мировом металлургическом производстве уменьшилась.

После значительного прироста производства чугуна в 1872 г. в следующем, кризисном году произошел спад. Новое увеличение выпуска металла в 1875 и 1876 гг. опять сменилось сокращением производства. С 1880 г. после отмены беспошлинного ввоза железа для машиностроительных и железнодорожных компаний и до кризисного 1901 года продукция этой отрасли промышленности увеличивалась нарастающими темпами.

В отмеченный период русская металлургия показала быстрые темпы роста, в результате чего Россия обогнала по выплавке чугуна сначала Бельгию и Австро-Венгрию, а затем и Францию, выйдя на четвертое место в мире и повысив свою долю в мировом производстве до 7,3% в 1900 г. против 2,5% в 1886 г.

Хотя в 90-х годах темпы развития черной металлургии в нашей стране значительно превосходили темпы развития других капиталистических стран, все же к концу века абсолютные размеры металлургического производства в России были в 5 раз меньше, чем в США, в 3 раза меньше, чем в Англии, и примерно в 2,5 раза меньше, чем в Германии. Если же учесть численность населения и определить производство металла на душу населения, то экономическая отсталость дореволюционной России в конце XIX в. будет еще больше.

Горнозаводская промышленность в эпоху капитализма развивалась сравнительно быстро, о чем можно судить по увеличившемуся в несколько раз числу рабочих. Особенно высокими темпами росло производство в каменноугольной, нефтяной, металлургической и других отраслях. В 1865 г. в горнозаводской промышленности насчитывалось около 180—200 тыс. рабочих, в 1870 г. — 223,4 тыс., в 1885 г. — 349,3 тыс., в 1887 г. — 398,2 тыс., в 1897 г. — 547,9 тыс. и, наконец, в 1900 г. на предприятиях, подчиненных горной инспекции, имелось уже 715,5 тыс. рабочих. Развитие горной промышленности в отдельных районах страны было крайне неравномерным.

В конце периода промышленного капитализма на первое место по производству чугуна вышел Южный район; в 1900 г. Урал и Сибирь давали 28,7% чугуна в стране, Центр — 8,3, Юг — 52,5, прочие районы — 10,5%. По производству стали и проката роль Юга и Урала были несколько ниже, чем по производству чугуна, и соответственно была немного выше доля Центра и других районов.

Металлургия Урала, скованная в своем развитии остатками феодальных отношений, низкой техникой, наличием своеобразных монополий, отсутствием местных коксующихся углей, уступила первое место молодой промышленности Юга, развивавшейся на капиталистической основе. В Южный металлургический район усиленно вливались, особенно в 90-е годы, капиталы из-за границы. Возможность обойти таможенные барьеры, эксплуатация низкооплачиваемых рабочих, использование богатых естественных ресурсов края — все это гарантировало иностранной буржуазии огромные прибыли. В начале XX столетия Южный район давал больше половины всего металла. Добыча железной руды там также сильно увеличилась: если в 1870 г. Юг давал только 2,8% руды в стране, то в 1890 г. — уже 21,6, в 1895 г. — 35,2 и в 1900 г. — 57,2%.

Особенно увеличилось производство металлургической промышленности в 90-е годы: за одно десятилетие выплавка чугуна возросла в 3 раза: с 56,6 млн. пудов в 1890 г. до 179,1 млн. пудов в 1900 г., причем Южный район увеличил объем производства почти в 7 раз¹.

Металлургическая промышленность и некоторые другие отрасли развивались в это время в России быстрее, чем в ряде капиталистических стран, в результате чего удельный вес России в мировом производстве чугуна поднялся с 2,9% в 1870 г. до 5,1% в 1894 г. Так, за 10 лет (с 1886 по 1896 г.) выплавка чугуна в нашей стране утроилась (с 32,5 млн. пудов до 96,5 млн.), тогда как Франции, например, для подобного роста потребовалось 28 лет (1852—1880), Соединенным Штатам Америки — 23 года (1845—1868), Англии — 22 (1824—1846), Германии — 12 лет (1859—1871).

Производительность труда в доменном производстве России возросла за 100 лет, грубо говоря, в 2—2,5 раза, причем этот рост падал главным образом на пореформенные годы, особенно на годы

¹ См.: Народное хозяйство в 1913 году. Пг., 1914, с. 372.

промышленного подъема конца XIX в. Характерно, что повышение производительности труда в черной металлургии опережало рост энерговооруженности рабочих, в то время как в добывающих отраслях наблюдалось обратное соотношение.

Если в крепостническую эпоху рост производства чугуна в России был достигнут главным образом за счет массы труда, увеличения численности рабочих, то в пореформенный период это было вызвано в первую очередь механизацией производства, внедрением передовой технологии. Технические достижения, использованные в русской черной металлургии, оказали огромное влияние на повышение производительности труда. В черной металлургии зависимость уровня производительности труда от степени концентрации производства очень велика. На протяжении всего рассматриваемого периода размер агрегатов (доменных печей, мартенов) увеличивался, росла интенсивность труда; в результате производительность его в отрасли повышалась относительно быстро, хотя и не так равномерно, как в других отраслях. Но темпы роста производства и производительности труда в черной металлургии в царской России были далеко недостаточными, чтобы ликвидировать отставание от передовых капиталистических стран.

Добывающая промышленность по своему характеру близко примыкает к сельскому хозяйству; в обеих этих сферах материального производства на производительность труда оказывает большое влияние естественный фактор.

Каменноугольная промышленность за весь период капиталистического развития увеличила объем производства (по сравнению с первыми годами после реформы). Несмотря на богатейшие месторождения каменного угля в России, добыча его в условиях феодально-крепостнического строя развивалась очень медленно. Металлургия использовала древесное топливо, а железные дороги, этот основной потребитель и перевозчик каменного угля, стали возникать в России лишь в 30-х годах XIX в. Железнодорожное строительство, рост металлургической промышленности после реформы 1861 г. вызвали интенсивное развитие каменноугольной промышленности, в первую очередь Донецкого бассейна, удельный вес которого в общей добыче угля резко повысился при снижении роли всех остальных бассейнов.

Правда, интенсивный рост добычи угля начался не сразу после реформы: в первые два года она даже снизилась и на протяжении 60-х годов росла медленно, но за 70-е годы увеличилась в 4 с лишним раза, и, хотя в 1884 и 1890 гг. несколько снизилась, эта отрасль в течение промышленного подъема 90-х годов развивалась более высокими темпами, чем в других капиталистических странах. Абсолютный же размер продукции каменноугольной промышленности сравнительно с США, Англией и Германией был все еще мал, особенно по отношению к численности населения.

Растущий паровой транспорт, машинная индустрия, рост городов предъявляли все больший спрос на минеральное топливо, который полностью удовлетворить отечественная угольная промышлен-

ность не могла. Россия вынуждена была импортировать значительное количество угля: в 1886—1890 гг. было ввезено около 25% угля, а в 1911—1913 гг. — около 17%. В 90-х годах особенно интенсивно начал проникать в угольную промышленность иностранный капитал. Основная масса иностранных капиталов приходилась на Донбасс и Домбровский район — главные бассейны страны.

Крайне важно отметить одну особенность капиталистического развития каменноугольной промышленности России: добыча угля увеличивалась в основном в результате роста числа рабочих и в меньшей степени вследствие подъема производительности труда, динамика которой была неравномерной, а темп роста в целом по отрасли очень незначительным.

Годовая выработка угля одним рабочим за 1909—1911 гг. была всего на 9% больше выработки 1883—1885 гг. и ниже уровня выработки периода промышленного подъема 90-х годов. Наивысший уровень производительности труда был достигнут в каменноугольной промышленности в годы подъема и в первые годы после промышленного кризиса, разразившегося в начале XX в. Во время кризиса производительность труда упала, особенно в Донецком угольном бассейне: с 8,8 тыс. пудов в 1889 г. до 7,9 тыс. пудов в 1900 г.

На динамику производительности труда в этой отрасли влияли следующие основные факторы: развитие техники и повышение квалификации рабочих, изменение естественных условий (глубины шахт, длины подземных ходов, характера кровли и т. д.), роль отдельных бассейнов с их далеко не одинаковым уровнем выработки продукции, приходящейся на одного рабочего.

Судя по небольшому увеличению производительности труда в каменноугольной промышленности России, можно было бы сделать вывод о незначительной механизации в этой отрасли. Однако дело обстоит не совсем так. Используя статистические сборники о горнозаводской промышленности, мы подсчитали, что энерговооруженность труда в каменноугольной промышленности возросла к 1914 г. по сравнению с 1883 г. в 3 раза, а производительность его — примерно на 10%. Слабое влияние энерговооруженности на рост производительности труда в отрасли объясняется рядом причин, в частности характером самой механизации: она внедрялась в тот период главным образом во вспомогательные процессы угледобычи (водоотлив, подъем угля и т. д.), а непосредственный процесс добычи продолжал базироваться на ручном труде. Врубковые машины появились лишь в предвоенные годы. Глубина угольных шахт по мере увеличения добычи возрастала: если в 1837—1839 гг. она составляла около 17 м, то в 1909 г. средняя глубина 420 шахт Донбасса равнялась уже 107,5 м¹.

Анализ динамики производительности труда в промышленности капиталистической России показывает регресс ее в одних отраслях: (золотодобывающей, нефтяной), медленный и неравномерный рост

¹ См.: Хромов П. А. Промисловість України перед Вітчизняною війною, Київ, 1945, с. 7.

в других (каменноугольной) и довольно быстрый подъем в третьих (текстильной, сахарной и т. д.). Динамика производительности труда в каменноугольной промышленности России была неравномерной не только в отдельные годы, но и в различных бассейнах. Социально-экономические и естественные условия, уровень энерговооруженности труда — главные причины различий годовой выработки на одного рабочего Донбасса, Урала, Домбровского бассейна и т. д. В 1884 г. годовая добыча угля в расчете на одного рабочего составляла в Подмосковном бассейне 6,6 тыс. пудов, в Донецком — 7,3 тыс., на Урале — 4,6 тыс. и в Домбровском бассейне — 13,5 тыс. пудов¹.

При такой разнице изменение доли отдельных бассейнов в общей добыче угля влияло на средний уровень выработки рабочих в каменноугольной промышленности России. А удельный вес бассейнов сильно изменился: в 1864 г. Домбровский бассейн давал 56,3%, Донбасс — 28,5, Урал — 4,7, Подмосковный бассейн — 7,1% общей добычи угля в России, а в 1913 г. — соответственно 19,2; 70,3; 3,3; 0,82%². Относительное снижение доли Домбровского бассейна (при абсолютном росте добычи в нем), в котором была самая высокая производительность труда, определяемая главным образом высоким техническим уровнем, уменьшало темпы роста производительности труда в угольной промышленности страны.

Энерговооруженность труда в Домбровском бассейне была в 2 с лишним раза выше, чем во всей каменноугольной промышленности России. Мощность угольного пласта, разрабатываемого в 90-х годах в этом бассейне, доходила до 3—5 саженей, а в Донбассе редко превышала 1 сажень. Все перечисленное обусловило более высокую выработку рабочих в Домбровском бассейне по сравнению с другими бассейнами. И это относится ко всему предвоенному периоду. Если по уровню производительности труда Домбровский бассейн занимал первое место в России, то по темпам роста объема производства он отставал от других бассейнов, кроме Подмосковного.

На втором месте по производительности труда (за исключением отдельных лет) стоял Донецкий бассейн, занявший благодаря внедрению передовой техники, отсутствию замкнутости и дореформенных порядков, тормозивших развитие индустрии, как, например, на Урале, положение первой угольной базы России. Правда, добыча угля здесь росла не систематически; циклический характер воспроизводства капиталистической экономики проявляется в изменении объема добычи: годы подъема сменялись годами кризисов, застоя и т. д. Динамика ежегодной добычи угля не всегда совпадала с динамикой производительности труда; последняя росла в каменноугольной промышленности Южного бассейна России крайне неравномерно и увеличивалась незначительно.

¹ См.: Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России за 1884 г. СПб., 1886, с. 210—220.

² См.: Общий обзор главных отраслей горной и горнозаводской промышленности. Пг., 1915, с. 233.

Наиболее низкая производительность и энерговооруженность труда в каменноугольной промышленности в первое десятилетие после 1861 г. были на Урале и в Сибири. Лишь позднее годовая выработка рабочего на Урале превысила уровень Подмосковского бассейна, оставаясь на всем протяжении рассматриваемого периода ниже выработки донецких шахтеров. Техническая отсталость уральской каменноугольной промышленности, низкий уровень энерговооруженности труда (на одного рабочего приходилось 0,11 л. с. паровых машин против 0,81 л. с. в Домбровском районе), потребление металлургической промышленностью древесного топлива, слабое развитие транспорта — основные причины низкой производительности труда и медленного развития каменноугольной промышленности Урала. Все эти факторы, а также замкнутость и оторванность от общего торгово-промышленного развития страны тормозили рост промышленного производства на Урале.

Динамика производительности труда в Подмосковском угольном бассейне может быть понята лишь в связи с общим характером его экономического развития. Мы уже отмечали снижение роли этого бассейна в общей добыче угля в стране. Но в отличие от других районов Подмосковский бассейн уменьшил объем производства не только относительно, но и абсолютно. Такое экономическое развитие объяснялось возросшей конкуренцией донецкого угля, местного торфа (в меньшей мере) и привозной нефти. Благодаря низким транспортным тарифам и более высокой калорийности донецкого угля железные дороги (Московско-Курская, Рязанская и др.) стали потреблять этот уголь, что создало серьезную угрозу Подмосковскому бассейну. Такое же воздействие оказывала усилившаяся конкуренция нефти в связи с удешевлением ее перевозки (применением наливных судов, специальных вагонов на железных дорогах и т. д.). Эти обстоятельства задерживали прилив капитала в Подмосковский бассейн. По уровню механизации он стоял в начале 80-х годов XIX в. на втором месте среди каменноугольных бассейнов России. Но его энерговооруженность возрастала слабо. Годовая выработка угля одним рабочим в 1884 г. была здесь почти в 2 раза выше, чем в коях Сибири, и почти в 1,5 раза выше, чем на Урале, в то же время сильно уступая выработке домбровских рабочих и незначительно — выработке донецких шахтеров.

Такова вкратце характеристика развития отдельных каменноугольных бассейнов нашей страны периода промышленного капитализма.

Вторая крупная отрасль добывающей промышленности — нефтяная индустрия. Развитие промышленности вообще требовало много топлива. Нефтяная промышленность кроме поставки керосина давала растущей индустрии огромное количество топлива.

Отмена откупной системы в бакинской нефтяной промышленности в 1872 г. содействовала ее росту. Прилив значительных капиталов, в частности иностранных (хищнически использовавших нефтяные богатства), способствовал усилению разработки нефтяных месторождений. Русский керосин в конце XIX в. стал главным конкурентом американского, причем вывоз керосина из России в

конце 90-х годов на восточные рынки (в Индию, Китай, Японию, Филиппины и др.) превышал экспорт из США. Любопытно, что издержки производства керосина в России, по данным журнала «Промышленный мир», очень незначительно превышали издержки США в этой отрасли¹.

В нефтяной промышленности происходили интенсивное техническое перевооружение и рост концентрации производства. Достаточно сказать, что число паровых машин увеличилось с 676 в 1891 г. до 1601 в 1900 г., т. е. в 4 раза, а их мощность — с 10 054 л. с. до 63 547 л. с., т. е. в 6 раз².

Хотя добыча нефти в России и велась несколько сотен лет, достоверные материалы о ее размерах и числе рабочих, занятых в отрасли, имеются за довольно позднее время. Добыча нефти в 1865 г. составляла 557 тыс. пудов, в 1870 г. — 1,7 млн., в 1875 г. — 2,5 млн., в 1880 г. — 21,5 млн. пудов. Почти вся нефть добывалась в Бакинской губернии. По размерам добычи нефти Россия в середине 90-х годов сравнялась с США, в конце 90-х годов перегнала их, а затем, в начале XX в., вновь уступила им первое место.

При крепостнической организации труда, при примитивной технике (добыча основывалась на ручном труде) скважины были неглубокие. В 1825 г. в Бакинском районе годовая добыча одного рабочего равнялась 3,3 тыс. пудов нефти. В пореформенное же время, в условиях применения вольнонаемного труда и внедрения машин, добыча нефти в расчете на одного рабочего поднялась больше чем в 2,5 раза по сравнению с указанным уровнем и составила в 1873 г. уже 8,8 тыс. пудов в год. В 1883 г. она возросла до 33,8 тыс. пудов, в 1895 г. — до 60,5 тыс., а в 1900 г. снизилась до 23 тыс. пудов. Но хотя производительность труда и снизилась, энерговооруженность его в 1900 г. была почти в 3 раза выше, чем в 1884 г.

На динамику производительности труда и объем продукции нефтедобывающей промышленности влияли различные факторы. Господство монополий в нефтяной промышленности сильно тормозило развитие этой отрасли народного хозяйства. Несомненно, большую роль играл технический прогресс и изменение естественных условий нефтедобычи (глубины скважин, доли фонтанной нефти и т. д.). Удельный вес фонтанной нефти в общей добыче в 1887 г. составлял 42%, в 1888 г. — 40, в 1891 г. — 14, в 1893 г. — 33, в 1895 г. — 32,5, в 1898 г. — 23,7 и в 1900 г. — только 10,5%³.

В общем можно констатировать, что годы, когда была выше доля фонтанной нефти, характеризуются и более высокой выработкой рабочих. Так, в известной мере именно этим объясняется

¹ См.: Промышленный мир, 1899, № 5, 6.

² См.: Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1891 заводском году, 1893, с. 281; то же за 1900 г., 1903, с. 455.

³ См.: Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России за 1894 г., 1899, с. XLIV, то же за 1900 г., с. XLV.

резкий рост добычи нефти в расчете на одного рабочего в 1895 г. Увеличение глубины скважин требует в условиях неизменной или слабо развивающейся техники дополнительных затрат труда на единицу продукции. В начале XIX в. глубина нефтяных колодцев в России не превышала 5 саженей, а к концу XIX в. в Баку достигла 150 саженей. Снижение производительности труда в связи с ухудшением естественных условий добычи во многом сдерживала систематически возрастающая (за исключением нескольких лет) энерговооруженность труда. Однако технический прогресс в отрасли был недостаточен для того, чтобы кривая производительности труда постоянно повышалась.

Наличие дешевой рабочей силы не содействовало быстрому развитию техники в русской нефтедобывающей промышленности. Возникшие в этой отрасли еще в 90-х годах XIX в. синдикаты сдерживали производство, тормозили рост техники и производительности труда; особенно заметно проявилось это в начале XX столетия, когда русская нефтяная промышленность была фактически полностью монополизирована: эффективность труда продолжала падать.

Огромное влияние на развитие всех отраслей народного хозяйства, особенно горнозаводской промышленности, оказало быстрое расширение строительства железных дорог в России после крестьянской реформы. Механический транспорт позволил регулярно и быстро перевозить большое количество товаров и, что очень существенно, затрачивать при этом меньше труда. В условиях России, с ее обширной территорией и значительным отрывом мест производства важнейших товаров от рынков их сбыта, развитие железнодорожного транспорта играло чрезвычайно важную роль.

Железнодорожное строительство было мощным фактором роста промышленности. Создавая огромный спрос на товары тяжелой индустрии (металлы, рельсы, машины) и увеличивая рынок сбыта предметов потребления, это строительство вызывало появление новых отраслей крупной промышленности.

Железные дороги стали важнейшим условием образования внутреннего рынка. Одним из основных показателей быстроты роста внутреннего рынка в России в пореформенное время являются данные об удлинении русской железнодорожной сети, о перевозке грузов, пассажиров и т. д.

Еще в 1857 г. царское правительство намечает сооружение нескольких железных дорог: от Петербурга до Варшавы и прусской границы, от Москвы до Нижнего Новгорода, от Москвы через Курск до Феодосии, от Курска или Орла до Либавы — с целью соединить непрерывным железнодорожным путем 26 губерний, 3 столицы, главные судоходные реки, центры «хлебных избытков» и 2 порта на Черном и Балтийском морях. К моменту издания этого указа в стране имелось около тысячи верст железнодорожного пути. В 60—70-х годах началась «железнодорожная горячка». Промышленная и торговая буржуазия России, заинтересованная в

рынках Сибири, Средней Азии и т. д., уже в 70-х годах ставила вопрос о строительстве железных дорог и в этих районах¹.

В железнодорожном строительстве России было два периода большого подъема: конец 60-х — начало 70-х годов и вторая половина 90-х годов. За десятилетие (1865—1875) средний годовой прирост русской железнодорожной сети составлял 1,5 тыс. км, а в 1893—1897 гг. еще больше — около 2,5 тыс. км. В 60-х годах были построены железные дороги Москва — Курск, Москва — Воронеж, Москва — Нижний Новгород и др. Эти дороги, связывая Москву с важнейшими районами страны, содействовали развитию многих отраслей промышленности, усилению товарности сельского хозяйства, в частности росту экспорта его продукции. Железные дороги, связывая отдаленные местности, открывали широкую возможность вывоза хлеба и сырья из деревни и ввоза туда изделий крупной промышленности.

Строительство дорог, особенно вначале, обходилось очень дорого: так, стоимость версты железной дороги Петербург — Москва равнялась 140 тыс. руб.²

Строительство железных дорог требовало крупных капиталов, следствием чего было усиленное учреждение акционерных обществ в этой отрасли. Если за 1856—1860 гг. на железных дорогах было организовано 8 акционерных обществ с капиталом в 177,8 млн. руб., за пятилетие (1861—1865) — 4 общества с капиталом в 22,6 млн. руб., то во второй половине этого десятилетия (1866—1870) возникло 35 акционерных обществ с капиталом свыше полумиллиарда руб. (586,3 млн. руб. из 669,2 млн. руб. капитала всех русских акционерных обществ). Следовательно, свыше 80% всех капиталов акционерных обществ в тот период было направлено на строительство железных дорог.

Царское правительство гарантировало акционерным обществам определенный процент дохода и возмещение возможных убытков. Развитие железных дорог явилось основой возникновения акционерных обществ и дало сильный толчок концентрации капитала.

Покровительствуя частному предпринимательству, казна развивала в свою очередь весьма интенсивную деятельность по сооружению казенных железных дорог. Правда, до 80-х годов XIX в. железные дороги строились преимущественно акционерными обществами (с 1861 по 1880 г. казна выстроила 1204 версты железнодорожных линий, а частный капитал — 18 540 верст)³. Но с 80-х годов строительство за счет казны усиливается, и за десятилетие (1881—1890) на ее средства было построено 5023 версты, а на средства частных обществ — только 2349 верст. Многие дороги выкупило государство.

Расходы по постройке и содержанию казенных железных дорог составляли немалую долю в государственном бюджете. Средства

¹ См.: Труды общества для содействия русской промышленности и торговле, издаваемые Комитетом общества, ч. 10. СПб., 1876, с. 145—151.

² См.: Чупров А. И. Железнодорожное хозяйство, т. 1. М., 1875, с. 405.

³ См.: Статистический ежегодник за 1913 г. СПб., 1913, с. 577.

на их строительство изыскивались также при помощи государственных займов. Ряд займов за границей были предназначены исключительно для этих целей.

Проведение железных дорог расширяло не только внутренний, но и внешний рынок, содействуя росту внешней торговли. Железнодорожное строительство во многих странах — весьма важная сфера приложения интернационального ссудного капитала, поскольку железные дороги ускоряли деятельность ссудного капитала в международном масштабе.

В 60—70-х годах строились такие важнейшие железные дороги, как Курск — Харьков — Одесса, Харьков — Ростов, Царицын — Рига, Москва — Ярославль и др. В 70-х годах началось строительство железных дорог и на окраинах России. В 1878 г. была построена линия от Перми до Екатеринбургa. В 80-х годах завершилось строительство Екатеринославской дороги, соединившей Донецкий бассейн и Кривой Рог, нескольких дорог на Урале, дороги Самара — Уфа, дорог на Кавказе, в Закавказье, Средней Азии и т. д. «Закаспийская дорога стала «открывать» для капитала Среднюю Азию...»¹, — писал В. И. Ленин. Численность рабочих на железных дорогах увеличилась с 32 тыс. в 1865 г. до 252 тыс. в 1890 г.

Огромное железнодорожное строительство развернулось в 90-х годах, что содействовало общему промышленному подъему этих лет. В 1893 г. было сооружено 1668 км, а в 1899 г. — 5248 км железнодорожного пути. Темпы железнодорожного строительства в России в 90-х годах были выше, чем в передовых капиталистических странах. За десятилетие (1891—1900) железнодорожная сеть России возросла на 73%, в результате чего наша страна с пятого места в мире по длине железных дорог перешла на второе. Однако, несмотря на быстрое развитие железнодорожной сети, Россия была еще слабо обеспечена железнодорожным транспортом. В 90-х годах была построена Транссибирская магистраль, имевшая большое значение для экономики страны, расширения ее внутреннего рынка; эта дорога способствовала увеличению населения Сибири, в частности вследствие переселения, росту торгового земледелия и животноводства, распространению российского капитализма «вширь».

По замыслам идеологов царизма, проведение великой Сибирской магистрали должно было также помочь России овладеть внешними восточными рынками: Китая, Японии, Кореи и т. д. «Китай, Япония и Корея, — писал министр финансов Витте в докладе о значении Сибирской магистрали для экономического развития России, — население которых в совокупности не менее 460 млн., а современные обороты международной торговли не менее 500 млн. руб. золотом, далеко не развили своих торговых сношений с Европой до возможного предела, а скорее в этом отношении переживают еще начальный фазис. Неудивительно поэтому, что народы

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 82.

европейской цивилизации прилагают громадные усилия для овладения восточными азиатскими рынками, не останавливаясь ни перед какими затратами»¹.

Проведение Сибирской магистрали лишь немного увеличило торговый оборот России с Китаем, и мечты Витте о том, что Великий Сибирский путь, устанавливая непрерывное рельсовое сообщение Европы с Великим океаном и Азиатским Востоком, вызовет коренной переворот в экономических отношениях между государствами, открыв новые горизонты для русской и мировой торговли, не оправдались.

Другие железнодорожные линии, построенные в эти годы на окраинах страны, также способствовали расширению внутреннего рынка, созданию рынков сбыта для продукции промышленности центральной части России и вывозу сырья и продовольствия из окраинных районов. В 90-е годы открылось движение на линиях, установивших связь Центра с Поволжьем, на железных дорогах Вологда — Архангельск, Пермь — Котлас, на линиях, ведущих к Риге, Виндаве и т. д.

Железные дороги повышали производительность труда по сравнению с гужевым транспортом в десятки раз. Она росла по мере их технического усовершенствования. В 1865 г., когда протяженность железных дорог в России равнялась 3,8 тыс. км и персонал составлял 30 тыс. человек, годовая выработка одного железнодорожника равнялась около 3 млн. пудо-верст.

За 1883—1900 гг. основные показатели железнодорожного транспорта в России изменились приблизительно так: протяженность сети увеличилась в 2 с лишним раза, грузооборот — более чем в 3 раза, число перевозок (на одну версту и на одного рабочего) — меньше чем в 2 раза. Характерно, что в периоды подъема железнодорожного строительства производительность труда росла относительно слабо; это объяснялось, по-видимому, неосвоенностью вводимых в эксплуатацию новых дорог. Производительность труда на железных дорогах в отдельные годы снижалась, причем характерно, что в большинстве случаев снижение не сопровождалось уменьшением грузооборота и объема перевозок вообще. Помимо различного технического и организационного уровня сказывалась и структура грузоперевозок на дорогах, занятых главным образом перевозкой промышленной продукции, интенсивность движения была больше, и это отражалось на производительности труда. Что же касается дорог, занятых преимущественно перевозкой хлеба, то они имели большие годовые и сезонные колебания в количестве перевозимых грузов; зависело это и от размера урожая. Однако последнее обстоятельство не играло решающей роли; уровень производительности труда на транспорте складывался главным образом под влиянием следующих факторов: технической вооруженности, организа-

¹ Хромов П. А. Экономическое развитие России в XIX—XX вв. М., 1950, с. 210.

ции труда, степени загрузки, дальности пробега и структуры грузооборота.

Довольно быстро, хотя и несколько менее интенсивно, чем железнодорожный, развивался водный транспорт: росло число пароходов, их грузоподъемность и вместимость, количество грузов, перевозимых по воде, число рабочих и т. д. За последнюю четверть XIX в. объем грузовых перевозок водным путем возрос примерно в 2 раза, а по железным дорогам — в 3 раза; на водный транспорт в конце века приходилось около трети всего объема грузовых перевозок.

Продолжали строиться и шоссейные дороги, правда уже более медленными темпами, чем в дореформенное время: так, в Европейской России с начала века до 1861 г. было построено 8882 версты шоссейных дорог, а в пореформенное время, до конца века, — только 5552 версты.

Анализ развития капитализма в сельском хозяйстве, промышленности и на транспорте показывает, что на определенном этапе он способствовал повышению производительных сил общественного труда и степени его обобществления. Этот процесс проявлялся, как мы видели, крайне разнообразно в различных областях народного хозяйства России. Капитализм осуществил глубокие преобразования промышленного производства. Но вследствие самой природы капитализма развитие не могло идти равномерно: периоды процветания сменялись периодами кризисов, прогресс одной отрасли вел к упадку другой и т. д.

После того как в стране была создана крупная машинная индустрия, ее развитие происходило циклически, т. е. подъемы сменялись кризисами, сильно влиявшими на положение рабочего класса. Хотя некоторые исследователи и утверждают, что циклическое развитие промышленности в России началось еще в дореформенные годы, фактически оно стало возможным лишь с того времени, когда механическая промышленность начала оказывать преобладающее влияние на остальные отрасли. Известные спады производства, заминки можно было наблюдать и в дореформенную эпоху, но все это вызывалось не кризисами, а в основном специфическими факторами. В феодально-крепостническом хозяйстве, в котором большая часть продуктов не представляла собой товара, затруднения в сбыте продукции носили случайный характер. Но там нельзя обнаружить всеобщего перепроизводства, тем более периодически повторяющегося.

Конечно, мировые кризисы отражались в той или иной форме на экономике России, прежде всего в форме торговли, денежного обращения, кредита и т. д. Так, разразившийся в Англии в 1847 г. кризис повлиял не только на все европейские государства, но и на США, хотя и в меньшей степени. В России в результате этого кризиса значительно снизился оборот внешней торговли. Характерно, что в некоторых отраслях промышленности России (шерстяной, льняной, каменноугольной и, наконец, в выплавке чугуна) производство сократилось уже в 1847 г. В следующем году аналогичный

процесс происходил в металлообрабатывающей промышленности, в ситценабивном и красильном производствах, в шелковой, писчебумажной, стекольной и химической промышленности.

Мировой кризис 1857 г. также вызвал значительное уменьшение русского экспорта и импорта. Этот экономический кризис особенно затронул в России денежно-кредитную сферу (кризис платежных средств, недостаток их и т. д.), весьма чувствительную, как известно, к различным изменениям в народном хозяйстве. «...Нужда в деньгах лежит тяжелым гнетом на всех торговых сделках», «...мы зарвались, нам платить нечем»¹, — читаем мы у современников. Министр финансов Бунге писал: «...в конце 1858 г. кризис становился заметным; в половине 1859 г. он ни для кого уже не составлял тайны. Монета исчезла из обращения, вексельный курс упал до крайних пределов, перевес в извлечении вкладов над взносами капиталов в банки усиливался в возрастающих размерах, безденежье ощущалось сильнее и сильнее, несмотря на то что извлечение вкладов из банков увеличивало количество денег в народном обращении»².

Что же касается объема производства в это время, то, по некоторым данным, можно отметить падение его в шерстяной, шелковой, бумаготкацкой, металлообрабатывающей, кожевенной, химической и стекольно-фаянсовой промышленности.

Отдельные исследователи, например С. Г. Струмилин, считают, что «в России кризис 1866—1867 гг. был, по-видимому, в указанном отношении (падение продукции. — П. Х.) глубже, чем в США, Англии, Германии и Франции. А между тем в нашей экономической литературе этого кризиса до сих пор никто даже не заметил»³. В действительности общий объем промышленного производства в 1867 г. снизился против предыдущего года всего лишь немногим более чем на 1%, и лишь в отдельных отраслях сокращение было значительно больше. Падали цены на отдельные товары, понизился вексельный курс Петербургской биржи на Лондон, Государственный банк повысил учетный процент, несколько снизился в 1868 г. оборот внешней торговли России и т. д.

С 1868 г. возрастает число акционерных обществ; сумма капитала вновь созданных обществ равнялась в этом году 184 млн. руб. против 70 млн. в 1867 г. и 63,9 млн. в 1866 г. По мере развития крупной машинной индустрии, когда она стала оказывать преобладающее влияние на промышленность России, глубина кризисов делается иной. Кризис 1873 г. был ознаменован падением промышленного производства в основных отраслях: в выплавке чугуна, в хлопчатобумажной, шерстяной, льняной промышленности, в машиностроении, шелковой, химической, стекольной, фарфоровой и бумажной промышленности и в обработке кож. Отмечалось сокра-

¹ Вестник промышленности, 1861, № 4, с. 17.

² Журнал для акционеров, 1860, № 194, с. 1462.

³ Струмилин С. Г. Промышленные кризисы в России. Проблемы экономики, 1939, № 5, с. 144.

щение привоза товаров на Нижегородскую ярмарку и, как следствие перепроизводства товаров, снижение цен.

Учетная ставка Государственного банка в связи с денежными затруднениями повысилась с 6 в конце 1872 г. до 8 и держалась на таком уровне до января 1873 г. Промышленность и банки испытывали большие финансовые затруднения, нередко происходили банковские крахи. Из 24 банков, созданных в 1871—1872 гг., значительная часть терпит крах уже в 1873 г., в том числе Херсонский, Курский, Рыбинский банки и др.

Возникновение этого кризиса некоторые исследователи связывают с сокращением железнодорожного строительства, которое после очень большого подъема резко снизилось еще в 1872 г.; часть дореволюционных русских экономистов склонна была видеть причину кризиса в неурожае. Так, Николай-он (Н. Ф. Даниельсон), верный своей народнической теории, писал, что в России циклическое процветание промышленности находится в зависимости от урожая¹. Этот вывод он сделал сравнивая за четыре года уровни доходов крестьян и землевладельцев, с одной стороны, с численностью занятых в промышленности рабочих и объемом произведенной продукции — с другой.

Однако если взять более продолжительный период, то прямой зависимости между двумя этими экономическими показателями не видно, хотя нельзя, конечно, отрицать влияния урожаев на развитие промышленности, в особенности таких ее отраслей, как текстильная, пищевая. Но урожаи не могут стать причиной циклических промышленных кризисов — они способны лишь углублять их.

Депрессивное состояние промышленности длилось несколько лет; лишь в конце 70-х годов началось оживление экономической жизни. Циклический характер развития русской промышленности становится все более явным по мере роста крупной машинной индустрии. Новое значительное падение промышленного производства наблюдалось в 1882—1883 гг., а в некоторых отраслях и несколько позднее.

Перепроизводство промышленных товаров порождало трудности реализации, вело к снижению цен на товары, росту безработицы, к падению заработной платы рабочих и т. п. Наибольшее снижение производства наблюдалось в 1890 г. после существенного подъема. Общее снижение производства было незначительным; исключение составляли определенные отрасли. В 1891 г. промышленность находилась в депрессивном состоянии, осложненном сильнейшим неурожаем.

Промышленный подъем 90-х годов был связан в первую очередь с усилением железнодорожного строительства и улучшением транспорта в России. Как мы видели, за десятилетие (1890—1900) в России было сооружено свыше 21 тыс. верст новых железнодорожных путей. Это требовало огромного количества металла, леса

¹ См.: Николай-он (Даниельсон Н. Ф.). Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. Спб., 1893, с. 189.

и топлива, что привело к значительному росту соответствующих отраслей промышленности. Производство чугуна увеличилось за 90-е годы в 3 с лишним раза, добыча каменного угля — почти в 2,7 раза¹, производство суровых хлопчатобумажных тканей — на 75%. Во время циклического подъема 90-х годов промышленная продукция увеличилась более чем в 2 раза, причем тяжелая промышленность росла быстрее легкой.

Россия, как страна молодого капитализма, не испытывая тормозящего влияния старого основного капитала, достигла в период промышленного капитализма относительно быстрых темпов роста. Больше всего вложений приходилось на горную и металлообрабатывающую отрасли.

Подъем промышленного производства в 90-х годах — исключительная по своим темпам полоса в развитии капитализма в России. Об интенсивности этих темпов свидетельствуют следующие данные. Из 14 464 промышленных предприятий, действовавших в конце XIX в. (по списку фабрик и заводов на 1900 г.), 40% возникло в течение 90-х годов². Все отрасли промышленности добились значительных успехов. Важнейшая отрасль, хлопчатобумажная, все больше и больше переходила к работе на собственном среднеазиатском хлопке. Возникло много новых производств. С невиданной быстротой развивались производство железа, добыча угля. Нефтяная, марганцевая и другие отрасли вышли на широкий международный рынок.

Промышленный подъем имел в своей основе деятельность как отечественного, так и иностранного капитала. Толчок был дан, как мы отмечали, интенсивным железнодорожным строительством. Вместе с тем промышленному подъему способствовали высокие урожаи 1893—1896 гг. В стране накопились крупные средства. Иностранный капитал большую роль играл в финансировании тяжелой промышленности и меньшую — в финансировании легкой. Привлекала иностранцев высокая норма прибыли и процента в России. Приливу иностранного капитала в это время содействовали международная обстановка, а также ряд мероприятий царского правительства (таможенная политика, борьба с колебанием курса рубля и др.).

Однако было бы неверно не видеть в промышленном подъеме роль российского капитала. К 90-м годам в стране происходило интенсивное накопление капиталов. Активный торговый баланс, несколько хороших урожаев способствовали этому. В результате росли ресурсы коммерческих банков, вклады в сберкассы и т. д. Нельзя игнорировать того факта, что роль иностранных капиталов, даже по исчислению тех авторов, которые явно завышали их долю, составляла в русской промышленности в 1901 г. около 1/3.

¹ См.: Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1890 году. Спб., 1892, с. XVI, XXX; то же за 1900—1903 гг., с. XIV, XXIX.

² См.: *Погожев А. В.* Учет численности и состав рабочих в России, т. II. Спб., 1906, с. 76—81.

Перед реформой иностранные (основной и облигационный) капиталы в народном хозяйстве России равнялись 9,7 млн. зол. руб., в 1880 г. — 97,7 млн. и в 1890 г. — 214,7 млн., из которых примерно половина была вложена в промышленность. В начале XX в. Витте определял иностранные вложения уже в сумме около 1 млрд. руб. Царизм усиленно привлекал капиталы из-за границы, считая, что «при нашей бедности капиталов внутри страны, при необходимости значительную часть народных сбережений расходовать на государственные потребности, особенно на усиление боевой готовности и на развитие железных дорог, необходимый рост нашей крайне отставшей промышленности может совершаться не иначе как при непосредственном содействии иностранных капиталов»¹.

Витте, указывая на быстрый рост русской промышленности в 90-х годах, отметил, что по отношению к потребностям населения и по сравнению с иностранными государствами наша промышленность еще очень отстала. Выражая интересы растущей буржуазии, Витте видел в привлечении иностранного капитала важнейшее условие индустриализации России. Он был за ликвидацию различных препятствий на пути развития предпринимательской деятельности как иностранных, так и русских капиталистов. Проведенные Витте реформы (протекционистский тариф 1891 г., различные финансовые льготы буржуазии, денежная реформа и т. д.) содействовали росту промышленности, но не могли ликвидировать технико-экономическую отсталость царской России.

Процесс развития капитализма в пореформенный период, сопровождавшийся значительным ростом производительных сил, развитием промышленности, возникновением новых отраслей и т. д., неразрывно был связан также с ростом технического изобретательства и русской науки. Талантливейший русский народ выдвинул из своей среды много крупнейших ученых и изобретателей еще в эпоху феодализма. Достаточно назвать имена прославивших наш народ изобретателей XVIII в.: И. П. Кулибина, И. И. Ползунова и великого ученого М. В. Ломоносова. Несмотря на неблагоприятные исторические условия, русский народ своим гением обогатил мировую науку, технику и культуру. Недаром говорил В. И. Ленин, что Европа беднее нас талантливыми людьми.

В XIX— начале XX в. русская научно-техническая мысль развивалась особенно быстро: получение профессором В. В. Петровым электрической светящейся дуги, изобретение электромагнитного телеграфа, открытие Б. С. Якоби гальванопластики, изобретение электрической «свечи Яблочкова», изобретение русским физиком А. С. Поповым радио, крупнейшие открытия и исследования в области физики П. Н. Лебедева, А. Г. Столетова, в области химической науки — Д. И. Менделеева, Н. Н. Зинина, А. М. Бутлерова, Н. Н. Бекетова и др. Крупнейшие исследования и важнейшие открытия были осуществлены в области математики Н. И. Лобачев-

¹ Доклад С. Ю. Витте Николаю II.— Историк-марксист, 1935, № 2—3, с. 136.

ским, М. В. Остроградским, П. Л. Чебышевым, А. М. Ляпуновым и одной из первых женщин-математиков — С. В. Ковалевской; в области астрономии — Ф. А. Бредихиным; сейсмологии — Б. Б. Голицыным; механики — «отцом» русской авиации Н. Е. Жуковским, К. Э. Циолковским и др.; геологии и минералогии — А. П. Карпинским, Ф. Н. Чернышевым, Е. С. Федоровым и др.; медицины — Н. И. Пироговым, С. П. Боткиным. В. М. Бехтеревым, крупнейшим ученым-физиологом И. П. Павловым; биологии — К. А. Тимирязевым, И. В. Мичуриным, И. И. Мечниковым, И. М. Сеченовым; почвоведения — В. В. Докучаевым; в области палеонтологии — В. О. Ковалевским. Эти и многие другие открытия и исследования — яркое свидетельство достижений научно-технической мысли русских ученых, продвинувших вперед мировую науку и культуру.

Однако в силу относительно низкого уровня развития производительных сил России и политики царизма ряд технических изобретений своевременно не был внедрен в производство. Иностранные капиталисты, поддерживаемые некоторыми представителями господствующего класса в России, нередко тормозили развитие русской науки и техники.

Относительный рост каменноугольной, металлургической, текстильной промышленности в стране за последнее десятилетие XIX в. был более быстрым, чем в Англии, Германии и США. Так, число веретен за эти годы увеличилось в Англии на 3,8%, в США — на 25,6, в России же — на 76%¹. Конечно, надо учитывать еще сравнительно небольшой размер производства в перечисленных отраслях, но тем не менее прогресс капиталистической промышленности в России за указанный период был весьма значительным. Такое расширение производства неизбежно должно было закончиться кризисом перепроизводства.

«В настоящее время, — писал В. И. Ленин в 1897 г., — мы переживаем, видимо, тот период капиталистического цикла, когда промышленность «процветает», торговля идет бойко, фабрики работают всю и, как грибы после дождя, появляются бесчисленные новые заводы, новые предприятия, акционерные общества, железнодорожные сооружения и т. д. и т. д. Не надо быть пророком, чтобы предсказать неизбежность краха (более или менее крутого), который должен последовать за этим «процветанием» промышленности»². Промышленный подъем 90-х годов характеризовался не только интенсивным ростом производства, но и горячкой в области учреждения акционерных обществ, которая резко охладилась в годы кризиса в начале XX в.

Кризисы сильно ударяли по рабочему классу, вызывая понижение заработной платы и увеличение безработицы. Внедрение машин сопровождалось огромным ростом интенсификации труда,

¹ См.: Хромов П. А. Очерки экономики текстильной промышленности СССР. М.—Л., 1946, с. 43.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 465—466.

хищнической эксплуатацией капитализмом не только мужского, но и женского и в особенности детского труда. В 1894/95 г. доля женщин в отдельных отраслях производства была, очень велика: в текстильной промышленности — 40,1%, в бумажно-полиграфической — 24,9, в пищевой — 18,2, в обработке животных продуктов — 13,2, в обработке дерева — 10,9 и в обработке металла — 4,1%¹. Фабрикантам было выгодно нанимать подростков, особенно на машинную работу, где не требуется долгого обучения и большого искусства; заработная плата подростков была значительно ниже, чем взрослых; кроме того, взрослым под воздействием конкуренции со стороны молодежи приходилось соглашаться и на такие условия, какие представляла фабрика.

Детский труд составлял в отдельных отраслях (хлопчатобумажной, рогожной, стекольной, шляпной и др.) 20—40%. Рабочий день подростков, а то и детей был такой же, как и взрослых. По сообщению комиссии, осмотревшей петербургские бумагопрядильные фабрики, где работали днем и ночью малолетние (от 8 до 14 лет), «дети показывали, что в последние часы работы, к вечеру, они бывают до того утомлены, что работают бессознательно, едва держатся на ногах и, возвращаясь домой, не в силах бывают ужинать, а спешат скорее заснуть. Тринадцать или четырнадцать часов в пыльной атмосфере на фабрике, час или два в дороге, а в остальное время в удушливой или сырой квартире, в комнате, набитой чрезмерно людьми, — вот воздух, которым постоянно дышат эти дети»².

В 1859 г. с целью частичного изменения фабричного законодательства была образована комиссия. Эта комиссия намеревалась запретить на фабриках работу детей, не достигших 12 лет, установить продолжительность рабочего дня подростков в возрасте от 12 до 18 лет в 12 ч, установить институт инспекторов и т. д.³

Но намечаемые мероприятия, как и проекты 1871, 1873, 1875 гг., направленные на ограничение эксплуатации детского и женского труда, ограничение ночной работы и т. д., разбивались о противодействие капиталистов. Лишь 1 июня 1882 г. был издан закон, согласно которому дети, не достигшие 12 лет, к работам на фабрики не допускались; кроме того, малолетние от 12 до 15 лет не могли работать больше 8 ч в сутки и не допускались к ночной работе (от 9 часов вечера до 5 часов утра). Но из-за сопротивления фабрикантов применение закона о малолетних отсрочили на два года, да и впоследствии он во многих случаях игнорировался⁴.

Закон 1882 г., ограничивший применение детского труда, понизил роль труда малолетних на фабриках. Капиталисты, воспользо-

¹ См.: *Погожев А. В.* Учет численности и состав рабочих в России, т. II, с. 82—84.

² Проект правил для фабрик и заводов в С.-Петербурге и уезде. (Объяснительная записка). СПб., 1860, с. 19.

³ См.: *Труды комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного*, ч. I. СПб., 1863, с. 67, 68.

⁴ См.: *Пажитнов К. А.* Положение рабочего класса в России, т. II. Л., 1924, с. 25—26.

зовавшись этим законом, освободились от многих детей и подростков, что в то время, в условиях кризиса, им было крайне на руку. В 1885 г. удельный вес детей и подростков составлял в промышленности 5,5% ¹.

Внедрение машин в промышленность снижало заработную плату рабочих. Фабрикант Я. Горелин с нескрываемой радостью отмечает этот факт: «Блестящая пора больших заработков у ивановского рабочего кончилась с введением в дело машин. Пока машин не было или они являлись отдельными нововведениями, рабочий, можно сказать, царил на фабрике... Но вот являются машины и мало-помалу завладевают всем делом. Рабочим пришлось уже не хозяйствовать, а стать в подчинение к бездушным машинам, с которыми разговоров вести, конечно, невозможно было бы и которые вдобавок срабатывали по меньшей мере в десять раз больше, чем могли сделать все рабочие, находящиеся на фабрике... Рабочий сделался теперь вполне зависимым от машины. Начинается совершенно новая эпоха в его жизни» ². Наступила действительно новая эпоха в эксплуатации рабочих. М. И. Туган-Барановский, сопоставляя величину заработной платы на хлопчатобумажных фабриках Шуйского уезда в 1883 г. с величиной заработной платы в 1856 г., признает, что к началу 80-х годов реальная заработная плата рабочих этих фабрик понизилась в общем не менее чем на 20—30% ³.

Средняя месячная заработная плата в 1854 г. на бумагопрядильной фабрике в Переславле-Залесском была у трепальщиков 6 руб. (серебром), у чесальщиков — 7 руб., у банкаброшниц и ленточниц — 3 р. 50 к., у присучальщиц — 5 руб., у прядильщиков — 12 р. 50 к., у молотобойцев — 7 руб. ⁴.

Заработная плата женщин-работниц была в 1,5—2 раза ниже, чем у мужчин. По данным фабричного инспектора Янжула, в 1885 г. мужчина, занятый в хлопчатобумажной промышленности, получал в месяц 17 руб., а женщина — 8,5 руб., в ткацкой — соответственно 15 и 10, в красильной — 16 и 7 руб. и т. д. ⁵

К началу 80-х годов заработная плата рабочих хлопчатобумажных фабрик в денежном выражении несколько повысилась, но реальная заработная плата значительно снизилась. Буржуазия исходила из принципа: «Сытый рабочий ленив к работе». В среднем оплата труда русского рабочего была в 3 раза ниже оплаты труда английского рабочего и в 5 раз ниже американского. Буржуазия оправдывала низкую заработную плату тем, что русский рабочий связан с землей. Так, на заседании I съезда фабрикантов и заводчиков в 1870 г. говорилось: «Наши рабочие не

¹ См.: Россия в конце XIX века, с. 562.

² Горелин Я. П. Город Иваново-Вознесенск, или Бывшее село Иваново и Вознесенский посад., ч. II. Шуя, 1885, с. 100—101.

³ См.: Туган-Барановский М. И. Русская фабрика. М., 1938, с. 351.

⁴ См.: Журнал мануфактур и торговли, т. II. СПб., 1858, с. 8—9.

⁵ См.: Янжул И. И. Отчет фабричного инспектора Московского округа за 1885 год. СПб., 1886, с. 59.

могут быть приравниваемы к фабричным Бельгии, Франции и Англии, где они являются безземельными пролетариями. У нас рабочие не составляют отдельного сословия»¹. Следовательно, связь с землей служила дополнительной основой для усиления эксплуатации.

Несмотря на значительный рост среднегодовой выработки, заработная плата рабочих не увеличивалась. Введение машин в промышленность не только не облегчило труда рабочих, но стало могущественным средством повышения его интенсивности. Там, где в промышленности был 12-часовой рабочий день, практиковалась иногда система двух смен по 6 ч. Рабочие попеременно замешали друг друга, работая 6 ч днем и 6 ч ночью. Такая система особенно губительно отражалась на их здоровье.

Лишь в конце XIX в. в результате забастовки 30 тыс. петербургских рабочих-текстильщиков царское правительство вынуждено было издать закон, ограничивающий рабочий день до 11,5 ч и накануне праздников — до 10 ч. До принятия этого закона в 1897 г. рабочий день вообще не ограничивался и основная масса рабочих промышленности трудилась от 12 до 18 ч в сутки².

В Московской губернии в 80-х годах 14% рабочих трудились от 14 до 18 ч в сутки, 40% — 13—13,5 ч, третья часть рабочих — 12—12,5 ч. Продолжительность рабочего дня была неодинакова по районам страны. В Московском районе длинный рабочий день часто сочетался с работой по ночам.

Сокращение рабочего дня до 11,5 ч капитал компенсировал повышением интенсивности труда, в результате чего прибавочная стоимость и выработка на одного рабочего не снизились, а даже возросли. Так, владимирский фабричный инспектор пишет, что переход от суточной работы к дневной или сменной 18-часовой несомненно повышает производительность труда в единицу времени. То же самое происходит и при сокращении дневной работы, в особенности при переходе с 13,5 ч на 12 или 11³.

Тем не менее капитал всячески сопротивлялся сокращению рабочего времени, в результате чего закон 1897 г. рядом дальнейших ограничений был в значительной степени лишен практической силы. Продолжительный рабочий день, отсутствие надлежащих мер по охране жизни и здоровья рабочих вели к многочисленным несчастным случаям на производстве⁴.

Особенно отрицательное влияние на здоровье рабочих оказывали плохие жилищные условия. Жили рабочие в громадных сырых, холодных казармах с темными, длинными коридорами, с мелкими каморками, в которых помещалось по несколько семей. Никаких

¹ Стенограмма 6 отделения I съезда фабрикантов и заводчиков. СПб., 1870, с. 82.

² См.: Дементьев Е. М. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. М., 1897, с. 104.

³ См.: Продолжительность рабочего дня и заработная плата рабочих в 20 наиболее промышленных губерниях Европейской России. СПб., 1896, с. 49—50.

⁴ См.: Пажитнов К. А. Положение рабочего класса в России, т. II, с. 162—163.

пределов заполнения каморок не устанавливалось; на многих жилых помещениях для увеличения вместимости устраивали так называемые вторые этажи, полати и т. д.

Одной из форм эксплуатации рабочих была практика продажи им различных продуктов питания из фабричных лавок по более дорогим ценам. В результате такой системы оплаты, а также из-за наличия штрафов рабочие часто оставались должны капиталисту. Вот что писал помощник начальника жандармского губернского управления по Богородскому уезду в своем донесении III отделению: «Рабочий приносит в дом один долг и вечно работник у хозяина в долгу, ему нет почти возможности выйти из долга, все получаемое работником хорошее жалованье остается у хозяина: за провизию, которую его непременно обязывают брать на фабрике, и потом за штрафы, которые взыскиваются с работника за малейшую безделицу»¹. Штрафы, выдача заработной платы натурой, обшеты широко практиковались в условиях, когда отсутствовало фабричное законодательство.

В докладной записке (1871) бронницкого уездного исправника московскому губернатору говорилось, что из 10 636 рабочих уезда 3945 находились в долгу у капиталистов, а общий долг составлял 64 446 руб.² Из материалов фабричных инспекторов виден размер штрафов и то, что они взымались по самым различным поводам, вплоть до курьезов: за пение песен на фабричном дворе, за надписи на стенах мелом и т. д. Особенно часто штрафовали рабочих за опоздание и невыход на работу. Так, в правилах внутреннего распорядка товарищества Даниловской мануфактуры было сказано, что за опоздание на 15 мин вычитается у рабочего дневной заработок, а за прогул в течение одного дня — трехдневный.

Лишь закон 1886 г. регламентировал взимание штрафов (впредь взыскание производилось с ведома фабричного инспектора, устанавливал перечень нарушений, подлежащих штрафованию, и т. д.).

Сверхпродолжительный рабочий день, низкая заработная плата, выдававшаяся часто еще натурой и снижаемая штрафами, плохие жилищные условия, отсутствие надлежащей техники безопасности на производстве, необеспеченность рабочих во время болезней и старости и т. п. — такие особенности определяли положение русского рабочего класса в период развития промышленного капитализма. Еще более тяжелой становилась жизнь рабочих в годы кризисов.

История революционного движения в России знает огромное число волнений рабочих еще на так называемых посессионных, вотчинных и казенных предприятиях. Причинами этих волнений были оплата труда, штрафы, жестокое обращение и т. д. Классовая борьба становится острее и организованнее в пореформенное время, когда на сцену выступил промышленный пролетариат.

В 60-х годах отмечаются забастовочное движение рабочих Урала, а также волнения на Мальцевском заводе в Калужской губернии,

¹ Рабочее движение в России в XIX веке, т. II, ч. 2. М., 1950, с. 526.

² См. там же, т. I, ч. I, с. 588.

на Морозовской фабрике в Орехово-Зуеве и т. д. В 1861 г. было зарегистрировано 4 стачки и 12 волнений, выступления рабочих не прекращались и вспыхивали с большей или меньшей силой на всем протяжении 60-х годов. Причинами стачек и волнений были протесты против сокращения земельные наделов, низкой заработной платы. В 70-х годах рабочее движение усилилось; за это десятилетие, по неполным данным, произошло примерно 220 стачек и около 100 волнений. Рабочие выдвигали требования: повысить заработную плату, улучшить условия труда, сократить рабочий день, отменить штрафы, прекратить обман при расчетах и т. д. В целом рабочее движение в 70-х годах носило стихийный характер. Особенным размахом выделялись стачки на Невской бумагопрядильной фабрике (1870) и на Кренгольмской мануфактуре (1872), петербургские стачки конца 70-х годов.

В первое время после реформы рабочее движение в России, выдвигая экономические требования, находилось в значительной степени под влиянием народничества, но постепенно в движении стала занимать большое место и политическая борьба.

Особенно интенсивным стачечное движение было в Центральном районе и Петербурге. В условиях растущего рабочего движения возникли первые революционные пролетарские организации: «Южно-российский союз рабочих» (1876), а затем «Северный союз русских рабочих» (1878), — ставившие целью уничтожение существующего строя.

Еще шире развернулось стачечное движение в 80-х годах XIX в., захватившее не только центральные районы России, но и Украину, Белоруссию, Польшу и т. д. Особенно выделялась своей организованностью Морозовская стачка 1885 г., вспыхнувшая в Орехово-Зуеве на хлопчатобумажной фабрике Морозова, насчитывавшей около 8 тыс. рабочих, условия труда которых были очень тяжелы. Крупные стачки происходили в 1885 г. и на фабриках Иваново-Вознесенска. В 90-х годах, во время промышленного подъема, рабочее движение усилилось. В результате забастовки 30 тыс. петербургских текстильщиков, руководимой «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», царское правительство вынуждено было издать 2 июня 1897 г. закон, ограничивающий рабочий день.

Влияние этой забастовки сказалось на расширении забастовок на фабриках Москвы, Иваново-Вознесенска, Владимирской и Тверской губерний, Орехово-Зуева и других городов и районов. С 1885 по 1894 г. было свыше 500 стачек и волнений рабочих.

На базе подъема рабочего движения возникает первая марксистская организация в России — группа «Освобождение труда». Позднее марксистские кружки организуются на Украине, в Прибалтике и т. д. В 1895 г. под руководством В. И. Ленина был создан «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», в программу которого входило соединение социализма с рабочим движением. По мере развития капитализма рабочее движение становилось все более организованным и сознательным. На протяжении второй половины XIX в. оно добилось принятия некоторых положений в области фабричного

законодательства. Принятию закона 1882 г. предшествовали стачки в Нарве, Петербурге, Перми и других городах; закона о штрафах и расчетных книжках — стачки в Центральном районе и т. д. Закон о фабричной инспекции (1882) был призван наблюдать за выполнением на предприятиях фабричного законодательства. Таким путем царское правительство надеялось предотвратить волнения и забастовки рабочих. Стачки в 90-х годах вырвали закон об ограничении продолжительности рабочего дня в промышленности до 11,5 ч, в ремесленном производстве — до 10 ч, а в торговых предприятиях — до 12 ч в сутки. Согласно этому закону, запрещалась ночная работа женщин и подростков до 15-летнего возраста и их работа под землей на предприятиях горной промышленности.

Часть отчетов фабричных инспекторов рисует тяжелую картину жизни русского рабочего класса. Обследования фабрик, в особенности ознакомление с условиями труда малолетних фабричных рабочих, пролили свет на истинное положение вещей. Некоторые фабричные инспекторы возбудили судебные дела против фабрикантов за нарушение рабочего законодательства, подняли вопрос об ответственности хозяев за несчастные случаи на производстве, о прекращении работы женщин и подростков в ночное время, о несоблюдении фабрикантами установленного законодательства и т. д. Но и эти меры встретили активное противодействие буржуазии.

Под влиянием рабочего движения, в частности Морозовской стачки 1885 г., был издан фабричный закон 1886 г., установивший максимальные размеры штрафов. В нем также указывалось, что штрафные деньги должны идти на нужды самих рабочих. Из штрафных сумм, согласно положению 1891 г., должны были выдаваться пособия рабочим, потерявшим трудоспособность навсегда или временно, работницам по беременности, пособия на погребение и при некоторых других несчастьях. Таким образом, вместо того чтобы заставить фабрикантов обеспечивать семьи, потерявшие трудоспособных, и содержать в больницах заболевших, были использованы деньги, которые рабочие платили как штрафы.

Согласно этому закону, несколько расширились права фабричной инспекции, вводились для каждого рабочего расчетные книжки и т. д. Вместе с тем в этом же законе усиливались меры наказания за участие в стачках. Но даже небольшие уступки вызвали негодование российской буржуазии: фабриканты, особенно Центрального района, вели борьбу против фабричного законодательства. В условиях промышленного подъема второй половины 80-х — начала 90-х годов они добились того, что значительная часть фабричного законодательства была сведена на нет, а наиболее энергичные инспекторы ушли со своих постов. Уже в 1890 г. фабриканты получили право отступать от принятых законов, вновь допускалась ночная работа женщин и малолетних и т. д.

Глава II

СОСТОЯНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Элементы капитализма в сельском хозяйстве России возникали еще в недрах феодализма. *Крестьянская реформа 1861 г.* — крупнейшее событие в истории России — *сильно подорвала основы крепостничества и создала предпосылки быстрого развития капиталистических отношений в деревне*; основы барщинной системы хозяйства, с ее патриархальностью, замкнутостью вотчины, властью помещика над крестьянами, также были подорваны. Крестьянское хозяйство перестало быть частью помещичьего, хотя в руках помещика остались отделенные от крестьянских наделов «отрезки», водопой, леса и т. д.

Дворянство, руководившее реформой, поставило основную массу населения страны в тяжелые условия. Крестьяне получили земли в наделы значительно меньше, чем имели до реформы. Как правило, земли, оставленные крестьянам, были хуже земель помещиков, размежевание проводилось так, что крестьяне оказывались в западне у помещика. Выкуп, назначенный царским правительством, значительно превышал цену земли. Однако реформа не уничтожила, а лишь подорвала помещичье-феодалное землевладение, в силу чего в сельском хозяйстве России надолго сохранились пережитки крепостничества, разнообразные формы зависимости крестьян от помещиков. Тем не менее интенсивно создавалась буржуазная частная собственность на землю.

Помещики, сохраняя право на все принадлежащие им земли, предоставляли в пользование крестьянам усадьбу и полевую землю. За это крестьяне были обязаны выполнять определенные повинности в пользу помещика, преимущественно по добровольному между помещиками и крестьянами соглашению. Поземельное устройство крестьян регулировалось местными положениями с учетом сложившихся условий. Было издано несколько местных положений для великороссийских, новороссийских и белорусских губерний. Малороссийское местное положение распространялось на Левобережную Украину, в которой преобладало подворное землепользование. В Правобережной Украине действовало свое положение. Для отдельных районов страны устанавливалась высшая и низшая нормы надела.

Хотя размер надела по Положению 1861 г. определялся соглашением между помещиком и крестьянами, он не мог превышать установленной нормы, в то же время и помещик не имел права отрезать земли ниже установленного надела.

И все же свыше $\frac{1}{3}$ крестьянской земельной площади, находившейся до реформы в пользовании крестьян, помещики отрезали. В подавляющем числе губерний размеры крестьянского землепользования после реформы уменьшились, причем в отдельных губерниях (Саратовской, Самарской, Екатеринославской) весьма значительно (примерно на 40%). Лишь в нескольких северных губерни-

ях, неплодородные земли которых не представляли ценности для помещиков, наделы были больше. Права крестьян были ущемлены также в том, что они получили в надел меньше леса, лугов, выгонов.

Общее положение предусматривало обязательность выкупа крестьянами усадьбы. Полевую же землю крестьянин мог выкупить и приобрести в собственность только с согласия помещика. До выкупа пахотной земли крестьяне считались временнообязанными, т. е., по существу, продолжали находиться в феодальной зависимости от помещика. Величина выкупа определялась Положением на основе оброка, получаемого помещиком с крестьян исходя из 6% годовых. Капитал, приносящий 6%, и равнялся выкупной сумме; из нее казна выдавала помещику $\frac{3}{4}$ либо $\frac{4}{5}$ деньгами или процентными бумагами. За это крестьяне должны были в течение 49 лет уплачивать государству так называемые выкупные платежи — оброк. Выкупная сумма превышала реальную стоимость земли. По некоторым подсчетам, ценность земельных наделов в нечерноземных, черноземных и западных губерниях была определена в 867 млн. руб., а продажная цена их (по ценам 1854—1858 гг.) составляла не больше 544 млн. руб.¹ Следовательно, крестьянам приходилось выкупать не только землю, но и личную свободу.

Для временнообязанных крестьян были установлены повинности в виде оброка и барщины. В имениях, где до реформы крестьяне отбывали барщину, она сохранялась и после реформы. Размер и порядок отбывания барщины регулировались соглашением помещика с крестьянами, а когда это соглашение не удавалось достигнуть — Положением. Крестьянам предоставлялось право переходить с барщины на оброк при условии отсутствия у них государственных и помещичьих недоимок. По Положению о великороссийских, новороссийских и белорусских губерниях за каждый высший душевой надел мужчина был обязан отрабатывать 40 дней в году, а женщина — 30. Губернские присутствия по крестьянским делам вырабатывали так называемые урочные положения, определявшие объем работ крестьян в течение дня. Там, где нельзя было определить «урок», устанавливалась продолжительность работы крестьянина от 12 ч (летом) до 9 ч (зимой).

Некоторые помещики удерживали крестьян в состоянии временнообязанных в течение 20 лет. Лишь в 1881 г. под влиянием роста крестьянского движения (только за 80-е годы известно 541 крестьянское волнение) царское правительство перевело бывших помещичьих крестьян, сохранивших обязательства на выкуп наделов по великороссийскому и малороссийскому местным положениям, причислив их к разряду собственников. Решение охватило около 1,5 млн. душ.

Часть бывших помещичьих крестьян (например, дворовые люди, которых насчитывалось в 1858 г. свыше 720 тыс. душ мужского

¹ См.: Лосицкий А. Выкупная операция. Спб., 1906, с. 16.

пола) вообще не получила земли. Нищенский надел получили крестьяне-дарственники, составлявшие 640 тыс. ревизских душ, или около 6% всех освобожденных от крепостной зависимости. По отдельным губерниям: Воронежской, Симбирской, Казанской, Екатеринославской — дарственники составляли от 20 до 30% всех бывших крепостных, а в некоторых губерниях и того больше.

В Западном крае земли, находившиеся в пользовании крестьян после выкупа, признавались, по политическим соображениям, их собственностью. Все повинности были отменены, размер оброка, уплачиваемого крестьянами правительству, уменьшен, наделы несколько увеличены¹.

В прибалтийских районах крепостное право было отменено еще в первой четверти XIX в.: в Курляндии — в 1817 г., в Лифляндии — в 1819 г., в Эстляндии — в 1816 г., причем вся земля признавалась собственностью помещиков, а крестьянам за выполнение различных помещичьих повинностей предоставлялась кратковременная аренда ее. Обеднение крестьянства и рост классовой борьбы вынудили царское правительство дать крестьянам право покупать землю, запретив дальнейшее присоединение крестьянских земель к помещичьим владениям. После 1861 г. прибалтийское дворянство интенсивно продавало землю наиболее зажиточному крестьянству уже по вольным, а не по выкупным ценам, как в других районах страны. В условиях подворного участкового землевладения дифференциация среди прибалтийского крестьянства была очень глубокой. С одной стороны, образовался значительный слой беднейшего крестьянства — бобылей, с другой — кулачество.

В Молдавии крестьянам, жившим на помещичьих землях, барщина в 1868 г. была заменена денежным оброком, и они получили право выкупать свой надел. Реформу провели также на Кавказе: в 1864 г. — в Тифлисской губернии, в 1865 г. — в Кутаисской, в 1866 г. — в Мингрелии, в 1870 г. — в Азербайджане и Армении. В Грузии дворяне получали за освобождение крепостного от 25 до 50 руб. Положение 1870 г. определило размер крестьянского надела в Армении и Азербайджане в 5 десятин; за пользование этой землей крестьянин вносил оброк в размере десятой части урожая; с согласия помещика разрешался выкуп. Барщина заменялась денежной повинностью.

В экономике вновь присоединенных районов, Казахстана и Средней Азии, произошли значительные изменения. В Средней Азии было уничтожено рабовладение, сильно сократились размеры церковных земель. Положение предусматривало, что «за оседлым сельским населением утверждаются земли, состоящие в постоянном его владении, пользовании и распоряжении (земли амляковые), на установленных местным обычаем основаниях»². Это же Положение ввело в Средней Азии, вошедшей в состав России, государственный

¹ В. А. Мялованов доказывает, что в Западном крае, т. е. в белорусско-литовских и правобережных украинских губерниях, крестьянские наделы тоже уменьшились (См.: Известия АН Белорусской ССР, 1962, № 2).

² Цит. по: История СССР, т. II. М., 1959, с. 186.

поземельный налог, равнявшийся около 10% валового дохода от земли. В Казахстане Положением 1868 г. все земли признавались государственной собственностью.

Кроме помещичьих крестьян значительную часть населения России составляли государственные и удельные крестьяне. Удельным крестьянам земля согласно Положению 1863 г. передавалась в собственность при условии обязательного выкупа; государственным крестьянам Положением 1866 г. земля предоставлялась в бессрочное пользование за оброчную подать, превратившуюся позднее в повышенные выкупные платежи. Земельные наделы государственных и удельных крестьян были значительно больше наделов помещичьих крестьян.

Полную собственность на землю государственные крестьяне (кроме Сибири и Закавказья) получили через 20 лет, в 1886 г., по закону об обязательном выкупе земельных наделов. Среди бывших государственных и удельных крестьян меньшую роль играли кабальные пережитки и быстрее развивалась крестьянская буржуазия. Многочисленные материалы показывают, что, хотя реформа в целом и носила прогрессивный характер, сельское хозяйство, в особенности в 60-е годы, переживало большие затруднения.

Либеральные экономисты в пореформенное время усиленно вырабатывали новую экономическую программу, соответствовавшую развивающемуся капитализму. На первом месте стояли вопросы сельского хозяйства. Готовя эту программу, Вольное экономическое общество и Русское географическое общество в 60-х годах организовали ряд экономических экспедиций, охвативших основные районы России. В экспедициях участвовали крупные экономисты: академик В. П. Безобразов, профессор Ю. Янсон. В связи с трудностями, переживаемыми сельским хозяйством, была образована правительственная комиссия по изучению его экономического состояния (Валуевская комиссия 1873 г.).

Наиболее важным явлением в крестьянском хозяйстве России после реформы была дифференциация, расслоение, или «раскрестьянивание», крестьянства. Имущественное неравенство существовало и в дореформенной деревне, особенно среди государственных крестьян, сильнее связанных с рынком, с промышленностью. Но дифференциация в форме раскрестьянивания приобрела после реформы новое качество, что отмечали еще А. И. Васильчиков, В. Орлов и др.¹ Правда, их наблюдения отрывочны и случайны.

Формы расслоения крестьянства были разными. Все большую долю сельскохозяйственной продукции давало зажиточное крестьянство. Наиболее равномерно была распределена надельная земля. Но и здесь, как отмечал В. И. Ленин, «„община" подается в сторону интересов крестьянской буржуазии»². Что же касается куплен-

¹ См.: *Васильчиков А. И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах*, т. I—II. СПб., 1876; *Орлов В. Сборник статистических сведений по Московской губ.*, т. IV, вып. I. М., 1879.

² *Ленин В. И. Поли. собр. соч.*, т. 3, с. 128.

ной и арендованной земли, а также скота, то они концентрировались главным образом в хозяйствах зажиточных крестьян. Росло число безлошадных крестьян, крестьян, уходивших в города, и т. д. Зажиточные крестьяне покупали землю, использовали машины (плуги, сеялки), внедряли травосеяние и т. п. Серьезным фактором, вызвавшим расслоение крестьянства, было переселение земледельцев на новые земли. Однако этот процесс в пореформенной деревне сдерживался отработками, основанными на натуральной оплате труда.

Из 43 губерний в 17 преобладала отработочная система, в 19 — капиталистическая и в 7 — смешанная система земледелия. По мере развития товарного хозяйства, расслоения крестьянства отработочная система теряла значение и все больше вытеснялась наемным трудом.

В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» всесторонне и исчерпывающе осветил процесс расслоения крестьянства в пореформенное время. Используя богатейший материал земской статистики о Новороссии, Самарской, Саратовской, Пермской, Орловской, Воронежской, Нижегородской и других губерниях, а также другие источники, он показал, что крестьянство расслаивалось на деревенскую буржуазию и сельский пролетариат.

Рост товарного производства ускорял дифференциацию крестьянства, особенно усилившуюся в 80—90-х годах XIX в. Она вела (вопреки утверждениям народников) к росту внутреннего рынка. В процессе расслоения крестьянства выделялись, с одной стороны, зажиточное крестьянство, с другой — наемные рабочие с наделом. Деревенская буржуазия составляла незначительное меньшинство крестьян: около $\frac{1}{5}$ дворов. — но доля ее в разных местностях сильно колебалась. В экономике крестьянского хозяйства, в общей сумме принадлежавших крестьянству средств производства, в общем количестве производимых крестьянством сельскохозяйственных продуктов сельская буржуазия играла большую роль.

Расслоение крестьянства приводило к образованию рабочей силы. Проникновение капитализма в сельское хозяйство подрывало общину и быстрыми темпами пролетаризировало низшие группы крестьянства. «Чтобы экспроприировать земледельцев, — писал К. Маркс в письме к В. Засулич в 1881 г., — нет необходимости изгнать их с их земель, как это было в Англии и в других странах; точно так же нет необходимости уничтожить общую собственность посредством указа. Попробуйте сверх определенной меры отбирать у крестьян продукт их сельскохозяйственного труда — и, несмотря на вашу жандармерию и вашу армию, вам не удастся приковать их к их полям!»¹

Обедневший крестьянин бежал в город. О пролетаризации крестьянства свидетельствуют данные о числе паспортов, выданных

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 408.

лицам, выбывшим из деревни. Число паспортов по Европейской России (на 1000 душ) увеличилось с 13,9 в 1861—1870 гг. до 53,1 в 1891—1900 гг., т. е. почти в 4 раза¹. Особенно высокий процент отходников давали губернии Среднепромышленного и столичного районов. В города на заработки уходили миллионы безземельных и необеспеченных людей, пополнявших армию рабочих капиталистической промышленности. Аграрное перенаселение было очень большим: в 1900 г. в 50 губерниях Европейской России насчитывалось около 23 млн. «избыточных» жителей деревни².

Одним из показателей разложения крестьянства в пореформенное время служила растущая аренда земли. Рост дифференциации крестьянства усиливал обезземеливание бедняков. В конце XIX в. обезземеленные крестьяне составляли в отдельных уездах Таврической губернии около 50%, в Бессарабской губернии — около 23, в Псковском уезде — 20% и т. д. Мало обеспеченные землей крестьянство вынуждено было прибегать к аренде на самых неблагоприятных условиях. Бедняки арендовали землю для прокормления, кулаки — для наживы. Площадь земель, арендуемых крестьянами Европейской России, достигала 20—25 млн. десятин. По мере развития капитализма росла цена не только денежной аренды, но и натуральной аренды (из части продуктов), к которой прибегала чаще всего безденежная, беднейшая часть крестьян. Если в 1895 г. 23% арендаторов уплачивали третью часть продукта и 72% — половину продукта, то уже в 1900 г. половину продукта уплачивали 86%, а третью часть — только 10%. Натуральная аренда и обработки использовались как важнейшее средство закабаления крестьянства в пореформенное время.

Формы аренды, ее длительность и цены на арендуемые земли в отдельных районах были различны. В Прибалтийском крае, например, распространилась так называемая наследственная аренда. Значительная часть земли там принадлежала помещикам-немцам, которые усиленно перестраивали свои хозяйства на капиталистический лад, применяя машины и многопольные севообороты. Сельское население Прибалтики состояло из батраков, бобылей и так называемых дворохозяев, часть которых выкупила свои усадьбы, а часть обрабатывала землю на условиях аренды. В ряде районов России, особенно на Юге, между собственниками земли и мелкими арендаторами-крестьянами становились оптовые съемщики, арендаторы, сдававшие мелкие участки крестьянам и наживавшие таким путем большие деньги. В пореформенное время отмечался рост арендных цен: в Симбирской губернии цена 1 десятины арендован-

¹ См.: Материалы высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднелегальных губерний сравнительно с другими местностями Европейской России, ч. III. СПб., 1903, с. 226.

² См. там же, с. 248—249.

ной земли повысилась с 3 руб. в 1864 г. до 7 руб. в 1872 г. Арендные цены в конце XIX в. в несколько раз превышали уровень первого пореформенного десятилетия.

Отдельные крестьяне и крестьянские товарищества арендовали вненадельные земли не только у частных владельцев, но и у казны, у удела и у других землевладельцев. Аренда оплачивалась деньгами (эта форма преобладала) либо отработками, долей урожая, в смешанной форме и т. д. Около половины арендуемых земель в конце XIX в. сдавалось частными владельцами, т. е. главным образом помещиками, сроком на три года и больше, но значительная часть земель арендовалась на год. В конце XIX в. размер аренды достигал 20% крестьянских надельных земель, а в отдельных районах страны был еще больше. Пользуясь огромной потребностью крестьян в земле, землевладельцы (особенно при мелкой аренде) повышали арендные цены.

По 27 губерниям Европейской России арендная плата в среднем достигала в конце XIX в. 34% стоимости валовой продукции и 81,1% чистого дохода. Во многих местах она даже превосходила чистый доход, полученный от земли. Так, в Полтавской губернии (1882—1892) она составила 108,4%; во Владимирской (1896—1899) — 100,4; в Остерском уезде Черниговской губернии (1881—1882) — 249,5; в Московском уезде Московской губернии (1892—1901) — 216,7 и в Бронницком уезде — 252,6; в Сапожковском уезде Рязанской губернии (1887) — 366,3; в Новоузенском уезде Самарской губернии (1894—1900) — 172; в Балахнинском уезде Нижегородской губернии — 209,6%.

Важнейшим фактором экономического развития России был быстрый рост населения, которое увеличилось за 1861—1913 гг. более чем в 2 раза. С развитием капитализма возросла подвижность населения, в частности эмиграция из России. До крестьянской реформы эмиграция была незначительной. По числу эмигрантов Россия в XIX столетии занимала третье место после Великобритании и Германии. Среди причин, вызывавших эмиграцию, существенную роль играли политические факторы, но вместе с тем во многом ее обуславливали и экономические причины.

Производительные силы России росли сравнительно медленно, главным образом из-за отставания сельского хозяйства. *Переселение земледельцев составляло серьезный фактор разложения крестьянства.* Крестьянские переселения в России известны с давних пор. Крестьяне бежали от неимоверного гнета крепостников-помещиков и абсолютистского правительства. Наряду со стихийным движением переселяло крестьян и государство. Постепенно русский крестьянин колонизовал земли, расположенные в области среднего и нижнего течения Волги, Дона, проник на Урал и в Сибирь. В 30-х годах XIX в. было организовано переселение государственных крестьян. Переселенцы получали ряд льгот: безвозвратную ссуду в 20 руб., освобождение от податей и от рекрутчины на четыре года, списание недоимок и др. Всего с 1837 по 1895 г. переселилось в новые районы около 400 тыс. государственных крестьян.

После ликвидации крепостничества переселение проходило на иной социально-экономической основе. Развитие капитализма сопровождалось расслоением крестьянства, обезземеливанием части крестьян. Проникновение капитализма в сельское хозяйство создавало условия для переселения крестьян в Сибирь, особенно в Томскую, Енисейскую, Тобольскую, Оренбургскую и другие губернии, где феодальные пережитки были слабее. Поскольку значительная — и, как правило, лучшая — часть земли принадлежала помещикам, купцам и сельской буржуазии, трудовое крестьянство испытывало недостаток в земле. Масса переселенцев (до 80%) перемещалась стихийно, часто даже без согласия общины, тормозившей уход каждого своего члена, поскольку все платежи и различные повинности при этом переходили на нее.

Царское правительство после реформы относилось к переселению пассивно, а в некоторых случаях даже и отрицательно. Процесс переселения тормозили бюрократические проволочки, даже принимались меры к возвращению крестьян на родину. Крестьянин, изъявивший желание переселиться, должен был погасить задолженность, получить увольнительное разрешение от общины и согласие от того общества, куда он переселялся. Правительство тормозило переселение крестьян в Сибирь, опасаясь вздорожания рабочей силы в местностях, из которых выедут переселенцы, а также понижения налоговой платежеспособности общин.

Неорганизованность переселения, стихийный его характер приводили к тому, что в отдельные годы значительная часть переселенцев возвращалась обратно. Так, в 1885—1893 гг. вернулось из Сибири 3,6%, в 1896 г. — 13, в 1897 г. — 40% переселенцев. Под влиянием растущего кризиса сельского хозяйства в 1881 г. правительство издало Временные правила, разрешавшие переселение, а в 1889 г. был принят закон, предоставлявший переселенцам льготы (путевые пособия, ссуды и т. д.). Недоимки и выкупные платежи переселенцев согласно закону 1889 г. переводились на общество, из которого они выходили, но общество за это получало бесплатно невыкупленный надел переселенца. Законом 1896 г. запретительные меры в отношении переселенцев были еще более ослаблены.

Переселенцы полностью освобождались от государственных платежей в Европейской России на два, а в Азиатской — на три года. Колонизационное движение в Сибирь особенно усилилось с проведением Сибирской железной дороги. Начиная поощрять переселение и сделав, наконец, в 1906 г. его свободным, царское правительство исходило преимущественно из политических соображений: переселение крестьян из центральных губерний рассматривалось как одна из форм борьбы с растущим революционным движением. Однако переселения не могли разрешить аграрный вопрос в дореволюционной России, хотя окраины и располагали огромными угодьями, пригодными для земледелия. Ежегодный прирост населения в России в XX в. составлял около 2 млн. человек, максимальное же число переселенцев за Урал (без ходоков)

достигло в 1908 г. 665 тыс., снизившись в 1913 г. до 327 тыс. человек.

Всего за период капиталистического развития России на восточные земли (за Урал) переселилось около 5,6 млн. человек. Колонизационная волна нарастала почти систематически и достигла максимума в годы после первой русской революции.

Среднегодовое число переселенцев, включая и ходоков, с 60-х годов по 1884 г. составляло около 10 000; с 1885 по 1895 г. — 14 697; с 1896 по 1900 г. — 186 423¹. Больше всего переселенцев направлялось в конце XIX в. в Томскую губернию. В 1897—1903 гг. из 785,6 тыс. переселенцев в этой губернии обосновалась почти половина — 352 тыс. человек. Второе место по числу переселенцев занимала Енисейская губерния (112,5 тыс.), затем шли Акмолинская (100 тыс.), Тобольская (72 тыс.), Оренбургская (25,6 тыс.) и другие губернии². Переселенцы, шедшие на восток, в большинстве случаев были выходцами из черноземной полосы Европейской России. Всего процесс переселения за 1847—1903 гг. охватил 70 губерний из 82.

Уничтожение крепостного права содействовало активизации процесса переселения, в частности в Новороссию. Однако многочисленные пережитки феодализма в русской деревне задерживали колонизацию. Ликвидация их могла стать важнейшим условием колонизации. В. И. Ленин писал: «Колонизационный вопрос в России есть подчиненный вопрос по отношению к аграрному вопросу в центре страны. Конец XIX века ставит перед нами альтернативу: либо решительная ликвидация крепостничества в «исконных» русских губерниях; тогда быстрое, широкое, американское развитие колонизации наших окраин обеспечено. Либо затяжка аграрного вопроса в центре; тогда неизбежна долгая задержка в развитии производительных сил, сохранение крепостнических традиций и в колонизационном деле. В первом случае земледелие будет вести свободный фермер, во втором — кабатный мужик и «хозяйничающий» посредством отрезных земель барин»³.

Хотя дворянство и к концу XIX в. оставалось главным собственником земли, создавалось и капиталистическое хозяйство. Возросло число крестьян, купцов и мещан — частных владельцев земельных участков. Не располагая данными по всей стране, укажем, что в предреформенные годы в Европейской России землевладение распределялось так: государственных земель было 221 млн. десятин, помещичьих — 105 млн., удельных — 11,4 млн., крестьянских — 3,7 млн., принадлежащих колонистам — 2,5 млн. десятин⁴. По мере развития сельского хозяйства в пореформенное время известная часть крестьян превратилась в поземельных собственников. Если в 1877 г. крестьяне владели на правах собственности 5,8 млн. деся-

¹ См.: Статистический ежегодник России, 1915 год, раздел II. Пг., 1916, с. 21.

² См.: Ежегодник России 1904 год. Спб., 1905, с. 118—119.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 70—71.

⁴ См.: Янсон Ю. Опыт статистических исследований о крестьянских наделах и платежах. Спб., 1877, с. 2.

тин земли, или 6,3% всех частновладельческих земель, то в начале XX в. им принадлежало уже 13,2 млн. десятин, или 15,4%.

Кроме частновладельческой земли в конце XIX столетия во владении 12,3 млн. крестьянских дворов находилось 136,9 млн. десятин надельной государственной земли. Надельная земля также была распределена неравномерно. Почти половина ее находилась в руках 2,1 млн. дворов, несколько больше половины дворов имело до 8 десятин земли каждый. Таким образом, при распределении надельной земли зажиточные крестьяне получали преимущества перед беднейшими слоями. Крестьянская община не гарантировала уравнительности в землепользовании. Более яркое представление о неравномерности пользования землей дает распределение арендованной и купчей земли, сосредоточенной главным образом в руках зажиточных крестьян.

Землевладение в Европейской России на рубеже XIX—XX вв. (395,2 млн. десятин) распределялось на следующие три основные группы: земля, находившаяся в частной собственности (101,7 млн. десятин; из них 85,9 млн. — в личной собственности; 15,8 млн. принадлежало обществам и товариществам), надельная земля (138,8 млн. десятин), земля казенная, церковная и учреждений (154,7 млн. десятин)¹. Действительный сельскохозяйственный фонд Европейской России был меньше — около 280 млн. десятин. Русское землевладение к концу XIX в. характеризуют данные табл. 1.

К первой группе отнесены преимущественно земельные владения до 15 десятин, ко второй — от 15 до 20, к третьей — от 20 до

Таблица 1. Землевладение в Европейской России к концу XIX в. *

	Число		На одно владение, дес.
	владений, млн.	десятин, млн.	
Разоренное крестьянство, придавленное крепостнической эксплуатацией	10,5	75,0	7,0
Среднее крестьянство	1,0	15,0	15,0
Крестьянская буржуазия и капиталистическое землевладение	1,5	70,0	46,7
Крепостнические латифундии	0,03	70,0	2333
Всего	13,03	230,0	17,6
Не распределено по размерам владений		50,0	
Итого	13,03	280,0	21,4

* См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 67.

¹ Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. Спб., 1907, с. 11, 15.

500 и, наконец, к четвертой — крепостнические латифундии размером свыше 500 десятин.

За 1877—1905 гг. дворянство продало около 20 млн. десятин земли, причем по всевозрастающим ценам, но ему продолжало принадлежать все еще более половины частновладельческих земель. «Оскудевали» в основном средние и мелкие имения. Средние цены на землю росли очень быстро. Перед крестьянской реформой средняя цена десятины равнялась 12 р. 69 к. Динамика цены десятины земли (в руб./дес.) ¹.

Годы	В среднем по 45 губерниям России	Районы	
		черноземные	нечерноземные
1863—1872	17,40	22,88	10,90
1873—1882	20,67	30,79	11,57
1883—1892	36,07	52,15	19,72
1893—1897	44,36	66,70	25,63

Различное качество земли, неодинаковый спрос на нее в отдельных районах страны обусловили различие в ценах. В черноземных губерниях цена на землю была, естественно, выше, чем в нечерноземных. Темп повышения земельных цен в пореформенное время не был одинаков: в 60—70-х годах он был выше, чем в 80-х. Во многих районах страны в конце 80-х годов цены на землю понизились, что объяснялось кризисом сельского хозяйства и падением цен на хлеб.

Деятельность созданного царским правительством в 80-х годах Крестьянского поземельного банка не соответствовала его названию. Учреждение Крестьянского банка ставило формально задачу содействия безземельным и малоземельным крестьянам в покупке земли. Однако впоследствии функции банка изменились: право покупки земли было предоставлено всем крестьянам. Этим воспользовалось в первую очередь зажиточное крестьянство, имевшее свободные наличные деньги.

Вначале банк выдавал крестьянам ссуды по 75% и как исключение — до 90% оценочной стоимости. Затем, по уставу 1895 г., ему было предоставлено право покупать земли за собственный счет и потом в кредит перепродавать их крестьянам. Банк способствовал повышению цен на землю и фактически помогал помещикам продавать ее на выгодных для них условиях.

В первые годы после реформы помещичьи хозяйства испытывали большие затруднения, связанные с недостатком капиталов, отсутствием опыта ведения капиталистического хозяйства, дороговизной сельскохозяйственных машин и орудий, со сложностью их приобретения и ремонта, с отсутствием поземельного кредита и с недостатком необходимой рабочей силы.

Известно, что почти половина дворянских имений была заложена еще перед реформой. Дворянское правительство выкупной операцией помогло помещикам ликвидировать эту задолженность.

¹ См.: Святловский В. В. Мобилизация земельной собственности в России. Спб., 1911, с. 86.

Переход от барщинной системы хозяйства к капиталистической, организация земледелия на новых основах привели к росту задолженности дворянского сословия, которое не только продавало землю, но вновь закладывало имения в Государственном и акционерных банках, а потом и в Дворянском, не доступном другим лицам и дававшем кредит по более низкому проценту, чем, например, Крестьянский банк. В табл. 2 содержатся данные об имениях, заложенных в Дворянском банке в 1886—1900 гг.

Таблица 2. Количество заложенных в Дворянском банке имений по 46 губерниям *

Годы	Поступило в залог		Осталось в залоге		Среднее число имений на начало года	
	число имений	площадь, млн. дес.	число имений	площадь, млн. дес.	состоявших в залоге	опубликованных в продажу
1886—1890	9027	7,9	8686	7,5	8622	1414
1891—1895	5396	5,3	5188	4,9	12344	2363
1896—1900	7019	6,9	5357	5,1	16750	2501

* Материалы Комиссии 16 ноября 1901 г., ч. I. СПб., 1903, с. 307.

В середине 90-х годов задолженность дворянства различным кредитным учреждениям достигала 1,25 млрд. руб. Выход из этого положения царское правительство нашло в продаже дворянских имений через Крестьянский банк и в разрушении крестьянского общинного землевладения (в начале XX в.).

Землевладение в России, как и все аграрные отношения, не может быть понято без предварительного рассмотрения русского общинного землевладения — общины. Реформа 1861 г. не уничтожила общинного землевладения; формально она даже несколько расширила его сферу, распространив ее на большинство бывших крепостных крестьян.

Сельская, или деревенская, община в России в силу ряда исторических обстоятельств сохранилась на всем протяжении эпохи феодализма. По мере колонизации новых районов эта форма землевладения распространялась даже на другие области страны. В связи с эволюцией феодальной земельной собственности природа общины, конечно, сильно менялась. Известно, что земля вначале составляла общинную собственность, но затем феодалы стали захватывать ее и присваивать себе; часть же общинных земель принадлежала князю как верховному собственнику. Черносошные крестьяне, образовавшие позднее вместе с некоторыми другими группами категорию государственных крестьян, «сидели» на государственной земле, используя ее в соответствии с общинным правом.

Настоящей общиной в дореформенное время была только община государственных крестьян: ведь находившаяся в пользовании

крепостных земля принадлежала захватившим ее феодалам — землевладельцам. Закрепощение крестьян видоизменило общину, и она была использована как один из важнейших инструментов закабаления крестьянства. Принудительное землепользование помещичьих крестьян лишь очень условно может быть названо общинным, поскольку помещики часто лишали крестьян даже права перераспределения находившуюся в их пользовании землю.

Для общинного землевладения характерны переделы земель с целью наделить каждого члена общины земель определенного качества исходя из числа «душ» или из числа жителей, едоков. В соответствии с наделом община распределяла между своими членами и прямые налоги по принципу круговой поруки. Наибольшее развитие община получила в центре страны, в Великороссии. Существенные особенности имела община русских поселенцев в Сибири, на Украине (в печати высказывалось неправильное мнение об отсутствии общинного землевладения на Украине).

Вопрос о роли общины в экономическом развитии России стал актуальным уже в первой половине XIX в., в эпоху кризиса феодально-крепостнического строя, но особенно остро он был поставлен во второй половине века. Идея общины, выдвинутая славянофилами в 30-х годах XIX в. в противовес родовой теории «государственной» школы, составляла основу их учения. Славянофилы, полагая, что формы экономического развития России абсолютно противоположны западноевропейским, проповедовали общину, «мир» и артель.

По мнению славянофила Ю. Ф. Самарина, «общинное начало составляет основу, грунт всей русской истории, прошедшей, настоящей и будущей; семена и корни всего великого, возносящегося на поверхности, глубоко зарыты в его плодотворной глубине, и никакое дело, никакая теория, отвергающая эту основу, не достигнет своей цели, не будет жить»¹. От славянофилов заимствовал идею общины и немец Гакстгаузен². Н. Г. Чернышевский ратовал не только за общинное владение землей, но и за общинное производство. Журнал «Экономический указатель», редактируемый буржуазным либеральным экономистом И. В. Вернадским, в многочисленных статьях указывал на вредность общинного землевладения³.

Вера в общинный строй русской жизни составляла важнейшую особенность учения народников. Наиболее крупные идеологи народничества: Н. К. Михайловский, П. Л. Лавров, В. П. Воронцов, Н. Ф. Даниельсон (Николай-он) и другие — решительно защищали поземельную общину. Народники считали общину счастливой особенностью исторической жизни России, особенностью, которая позволит избежать капитализм и в отличие от Европы с ее частнособственническим крестьянством перейти к крестьянскому социализму.

¹ Самарин Ю. Ф. Соч., т. I. М., 1877, с. 51.

² См.: Герцен А. И. Соч., т. VII. М., 1956, с. 322.

³ См.: Экономический указатель, 1857, № 29, с. 683—684.

«Для русского, — писал П. Л. Лавров, — специальная почва, на которой может развиваться будущность большинства русского населения в том смысле, который указан общими задачами нашего времени, есть крестьянство с общинным землевладением. Развить нашу общину в смысле общинной обработки земли и общинного пользования ее продуктами, сделать из мирской сходки основной политический элемент русского общественного строя, поглотить в общественной собственности частную»¹.

Народник-экономист Н. Ф. Даниельсон (Николай-он), хотя и видел в 90-х годах, что происходит разложение общины, все же считал ее основой будущего устройства России. «При существующих условиях общине грозит гибель. Но вместе с тем общинное землевладение есть одно из основных материальных условий производства, на котором может быть построено здание будущего общественного хозяйства»². Народники видели в сохранении общины благо России, предохранявшее ее от пролетаризации и т. д.

Внутри либерального лагеря отношение к общине было весьма различным. Некоторые либералы считали общину средством спасения от многих социальных недугов. Так, один из представителей историко-юридической школы дворянского либерализма, западник К. Д. Кавелин³, ратовал за общинное землевладение. Позднее, в период кризиса сельского хозяйства 80-х годов, он выдвинул утопический проект приостановки процесса превращения общинных земель в частную собственность — «обращение земель, владеемых на праве частной собственности, в общественные»⁴.

Другой либерал, Б. Н. Чичерин, был против общины. В ней, а также в круговой поруке он видел одно из основных зол сельского хозяйства России. Многие либеральные буржуазные деятели в общинном землевладении усматривали важнейшую причину, тормозившую развитие производительных сил сельского хозяйства, сдерживавшую инициативу крестьянина и т. д. Существованием общины они склонны были объяснить низкие урожаи, голод и др.

Скептическое отношение к общине позднее высказали многие: историк М. М. Ковалевский, экономист Н. И. Зибер, писатель Г. И. Успенский и др. По мнению М. М. Ковалевского, «уменьшение подобного бремени, лежащего на нашем крестьянстве, и уничтожение круговой поруки в уплате податей являются самыми верными средствами остановить разложение мира»⁵. Впрочем, отношение М. М. Ковалевского к общине было эклектическим, что признавал и он сам⁶.

¹ Лавров П. Л. Соч., т. 2. М., 1934, с. 30.

² Николай-он (Даниельсон Н. Ф.). Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства, с. 344.

³ См.: Кавелин К. Д. Собр. соч., т. II. Спб., 1898, с. 194.

⁴ Там же, с. 477.

⁵ Ковалевский М. М. Экономический строй России. Спб., 1899, с. 77.

⁶ См. там же, с. 91.

Даже правительственная комиссия, изучавшая в начале 70-х годов сельское хозяйство России, пришла к выводу, что «круговая порука и принадлежность к общине, коллективному произволу коей подчиняется личная самобытность крестьянина, тяготят над его трудом. Переделы полей не допускают усовершенствованного хозяйства, семейные разделы ослабляют производительные средства. Нельзя принудительными мерами отменить общинное землевладение, но можно облегчить отдельным крестьянам приобретение личной собственности»¹.

Однако царское правительство в своей политике в пореформенное время оберегало общину. Интересны суждения по этому вопросу одного из представителей дворянского либерализма — А. И. Васильчикова: «Если справедливо мнение, что общинное владение составляет главную преграду к улучшению сельскохозяйственного быта русских крестьян, то отчего же в тех краях России, где его не существует и где введена общеевропейская форма участкового владения, мы не видим ни высшего благосостояния крестьян, ни особенного преуспеяния сельского хозяйства; наоборот, находим в одной части, в Литве и Белоруссии, самую низкую ступень культуры, самое разоренное положение крестьянских хозяйств, в других, в Юго-Западном и Прибалтийском краях, при сравнительной зажиточности одной части крестьянства постепенный упадок, расстройство всех прочих разрядов крестьян»².

Первое марксистское освещение проблемы разложения общины и дифференциации крестьянства дал Г. В. Плеханов. В 1884 г. он писал: «Во многих и многих местностях община настолько уже искажена неблагоприятными ей влияниями, что из средства защиты производителей против капиталистической эксплуатации она превращается уже в могучее орудие этой последней»³.

В. И. Ленин показал, что аграрное движение в пореформенной России шло по капиталистическому пути «и в помещичьем хозяйстве и в крестьянском, и вне и внутри „общины“»⁴.

В пореформенной деревне безотносительно к форме крестьянского землевладения происходил интенсивный процесс дифференциации крестьянства, никакие особенности землевладения не могли служить непреодолимым препятствием на пути развития капитализма, хотя и тормозили его. Среди крестьянского землевладения общинное землевладение формально было господствующим, в особенности в центральных районах страны. Ниже приведены данные о доле общинного землевладения в отдельных районах Европейской России в конце XIX в. (в %) ⁵.

¹ Доклад высочайше учрежденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. СПб., 1873, с. 40.

² Васильчиков А. И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах, т. 1, с. 718.

³ Плеханов Г. В. Наши разногласия. М., 1922, с. 136.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 227.

⁵ См.: Качоровский К. Р. Русская община, т. I. СПб., 1900, с. 83.

Восточная степь	98,4	Слободская Украина . .	80,4
Крайний Север	98,0	Левобережная » . .	33,0
Великорусский Запад . .	97,1	Правобережная » . .	13,9
Великороссия	95,8	Бессарабия	77,0
Пермский район	93,0	Белоруссия	39,0
Новороссия	88,9		

В общинном владении находилось около $\frac{4}{5}$ наделной крестьянской земли. Община отсутствовала в Финляндии, Литве и в Прибалтийском крае. Слабее, чем в Великороссии, было развито общинное землевладение в некоторых губерниях Украины, особенно в Правобережной, а также в Белоруссии. На Кавказе, в Средней Азии и Сибири среди русского населения тоже преобладало общинное землевладение; различные общинные порядки были достаточно развиты и среди местного населения. После реформы 1861 г. от общинного к подворному владению перешло незначительное число крестьян, хотя в пореформенный период и имел место переход от общинного землевладения к подворно-участковому; вместе с тем наблюдались и противоположные явления (общинное землепользование при покупке земли через Крестьянский банк, общинное землепользование поселенцев в Сибири и т. д.).

В условиях растущего капитализма ни общинная, ни подворная формы землевладения не спасали крестьян от дифференциации, от разорения основных масс сельского населения, хотя безусловно с точки зрения развития производительных сил подворно-участковое владение имело преимущества перед общинным. Община, с ее чересполосицей, принудительным севооборотом, временным владением землей, переменой размеров владения и частыми переделами, бесспорно сдерживала рост производительных сил в сельском хозяйстве. Последнее находилось в тяжелом состоянии и в тех районах, где общинное землевладение было развито слабо или вообще отсутствовало. Причиной перехода к подворно-участковому землевладению было желание наиболее зажиточной части крестьянства улучшить свое хозяйство и избавиться от общинной круговой поруки. Все формы крестьянского землевладения: общинное, подворное, наделное, а также частное (арендованная и купчая земля) — носили следы старых, феодально-крепостнических пережитков.

Политика царского правительства по отношению к общине была противоречивой. Реформа 1861 г. предоставила общинам право по решению двух третей домохозяев переходить к подворному землевладению, а членам общины, выкупившим свой надел, выделять его в частную собственность. Согласно Положению 1861 г. досрочный выкуп земли крестьянином предоставлял ему право как собственнику продавать и закладывать ее и выделяться из общины. Усадьба объявлялась собственностью семьи. Тенденция разрушения общины заметна и в политике Крестьянского банка, дававшего крестьянам, выделившимся из общины, кредит, в 3 с лишним раза больший (500 руб.), чем крестьянам-общинникам (150 руб.)

Однако в последующие годы правительство в целях укрепления общины стало исправлять законодательство 60-х годов. Так, в 90-х годах были запрещены семейные разделы, ограничен досрочный выкуп; продавать землю разрешалось только односельчанам, а залог земли запрещался совсем; с 1893 г. был введен обязательный передел земли через каждые 12 лет и т. д. Таким образом, этот закон сильно ограничивал право продажи наделной земли, а также отменял право выдела земли отдельных домохозяев при ее досрочном выкупе. В целом царизм на протяжении XIX в. вел политику сохранения общинных порядков.

Проведение крестьянской реформы расширило применение вольнонаемного труда на частновладельческих землях. В таких хозяйствах, как правило, использовались более совершенная техника и достижения агрономии, применялось больше минеральных удобрений, шире внедрялось травосеяние, посев улучшенными семенами, в результате чего урожайность на помещичьих землях была выше, чем на крестьянских¹.

На крестьянских землях тоже, несмотря на все противоречия пореформенной экономики, урожайность зерновых повышалась, хотя была ниже, чем на помещичьих. На крестьянских землях урожайность в 1861—1870 гг. по 50 губерниям составила в среднем за год 29 пудов, в 1871—1880 гг. — 31, в 1881—1890 гг. — 34, в 1891—1900 гг. — 39 пудов². На помещичьих землях в 1861—1870 гг. урожайность в среднем за год составляла 33 пуда, в 1871—1880 гг. — 37, в 1881—1890 гг. — 42, в 1891—1900 гг. — 47 пудов.

Сельское хозяйство все в большей степени становилось товарным. Развитие капитализма в сельском хозяйстве создавало в России крупное производство с применением машин, требовало уничтожения как крепостнических отработок, так и личной зависимости крестьянина.

Господствующей системой земледелия, кроме Крайнего Севера и Юга России, была трехпольная система. В некоторых губерниях Севера России все еще существовало подсечное, или огневое, земледелие. В начале 70-х годов оно господствовало в Архангельской, Олонецкой и Вологодской губерниях, почти во всей Финляндии (кроме прибрежной полосы), а также распространялось на смежные с ней губернии: Новгородскую (Белозерский уезд), Костромскую (Солигаличский и Ветлужский уезды), Вятскую (Слободской и Глазовский уезды) и Пермскую (Чердынский и Верхотурский уезды). Впрочем, и в районах господства подсечного хозяйства встречались полосы, где огневая система уже была оставлена и заменена трехпольной, например в Шенкурском уезде Архангельской губернии, в Грязовецком, Вологодском и Кадниковском уездах Вологодской губернии³.

¹ См.: Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в., вып. I. Спб., 1902, с. 122.

² См.: Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России. М., 1919, с. 221.

³ См.: Военно-статистический сборник, вып. IV. Россия. Спб., 1871, с. 234—235.

Если в северных губерниях при изобилии лесов существовало подсечное сельское хозяйство, то в южных (новороссийских и южных приволжских), с их многоземельностью и все еще слабой населенностью, практиковалась переложная, или залежная система земледелия, когда участки после обработки их в течение нескольких лет «отдыхали». Применялась и четырехпольная система земледелия с травосеянием. Во всех частях России четырехполье встречалось редко (преимущественно в помещичьих хозяйствах); более широко эта система использовалась в прибалтийских и некоторых западных губерниях.

Следовательно, в сельском хозяйстве России господствовало трехполье со всеми его отрицательными качествами. Из 133 млн. га пахотной земли под паром находилось в конце века 22%, под залежью — 14,3, под сеянными травами — 5%.

Посевные площади в эпоху промышленного капитализма увеличивались путем распашки новых земель в черноземной полосе, а позднее — на юго-востоке и востоке России. Структура их изменялась: понижался удельный вес зерновых культур и повышалась роль технических, овоще-бахчевых и кормовых. В посевной площади (78 млн. га) преобладала рожь (37,6%), далее следовали овес (20%), пшеница (15,9%), ячмень (7,6%), гречиха (4,8%), просо (3,5%), картофель (3%).

Один из показателей подъема производительных сил в сельском хозяйстве — рост урожайности. В пореформенное время урожайность зерновых несколько повысилась. Средний урожай зерновых во второй половине века был «сам»-4 с небольшим (в первой половине века — «сам»-3,5); в 90-х годах, после неурожайного 1891 года, урожайность в течение шести лет превышала «сам»-5, что безусловно способствовало общему хозяйственному подъему в это десятилетие.

Если проследить за изменением средней урожайности (в «самах»), взяв периоды по восемь лет, то она была такой: в 1863—1870 гг. — 3,74; в 1879—1886 гг. — 4,03; в 1887—1894 гг. — 4,49; в 1895—1902 гг. — 4,90. Повышение урожайности объясняется перемещением сельского хозяйства из нечерноземной зоны на юг, в степь, где урожай был выше, а кроме того, улучшением техники, введением новых севооборотов и т. д. Урожайность колебалась не только по отдельным годам, но и по районам страны. Так, в среднем за 13 лет (1870—1882) наивысший урожай озимой пшеницы был в Курской губернии («сам»-5,7), затем шли Курляндская («сам»-5,5), Киевская и Тамбовская («сам»-5,3), Таврическая («сам»-5), Смоленская и Могилевская («сам»-3,3), Херсонская («сам»-2,8).

Средний урожай ржи (в четвертях с десятины) за 1883—1893 гг. составлял в Эстляндской губернии 6,8; в Лифляндской — 7,5; в Курляндской — 6,9; в Ярославской — 6,2; в Киевской — 6,7; в Тамбовской и Московской — 5,5; в Витебской, Виленской и Минской — 3,6—3,9. В прибалтийских и южных губерниях была также относительно более высокая урожайность яровых хлебов.

Урожайность яровой пшеницы во всех областях была ниже, чем озимой, примерно на 10—20%, а в некоторых губерниях (Таврической и др.) и того больше.

По урожайности наша страна в конце XIX в. ближе всего стояла к США, где также велось в то время экстенсивное сельское хозяйство и где уровень урожайности был значительно ниже, чем в Англии, Германии и Франции. На урожайность влияли и формы эксплуатации земли. Наименьший урожай собирали с земель, арендованных крестьянами, и с помещичьих земель, обрабатываемых на основе системы испольщины; урожайность там была ниже, чем на худших по своему качеству наделных землях.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве сопровождалось ростом сельскохозяйственного производства: увеличением сборов хлебов, расширением посевных площадей и т. д. Производство зерновых хлебов за последние три года XIX в. было примерно в 2 раза больше, чем за три года после реформы 1861 г.; сбор картофеля, сахарной свеклы и некоторых других сельскохозяйственных культур увеличился еще больше. Население также выросло, но в меньшей степени, чем производство промышленной и сельскохозяйственной продукции, что указывало на известный рост производительности труда.

Развитие экономики России не было систематическим и равномерным по отдельным годам и отраслям производства. Особенно неравномерно развивалось сельское хозяйство. Анализируя динамику сбора хлебов в России, легко заметить резкие колебания; такая неустойчивость отражала и изменения в производительности земледельческого труда.

В табл. 3 приведены данные, характеризующие сбор зерновых культур и картофеля на душу населения в 50 губерниях Европейской России.

Производительность земледельческого труда повысилась, поскольку чистый сбор возрастал быстрее, чем посевы (за некоторыми частичными исключениями). Кроме того, надо принять во внимание, что доля населения, занятого земледелием, за это время уменьшилась, потому что все больше людей требовалось в промышленности и торговле, а также вследствие выселения крестьян за пределы Европейской России. Следовательно, в связи с техническим прогрессом в земледелии относительно уменьшившееся сельскохозяйственное население России производило больше продукции.

Доля сельского населения равнялась в 1859 г. 94,3%, в 1897 г. — 87,4, а в начале 1911 г. — 86,1%. Зерновых хлебов в Российской империи за 1864—1866 гг. в среднем собирали 240,7 млн. четвертей, или около 1,9 млрд. пудов, а за пятилетие (1896—1900) — около 3,3 млрд. пудов. Сельскохозяйственное население дореволюционной России относительно уменьшалось (хотя абсолютно увеличивалось), но все же в меньшей степени, чем производство зерновых и всей сельскохозяйственной продукции. Однако для решения вопроса о производительности земледельческого тру-

Т а б л и ц а 3. Динамика сбора зерновых хлебов и картофеля в Европейской России *

Периоды	На одну душу населения приходится четверть чистого сбора		
	зерновых хлебов	картофеля	всего хлеба
1864 — 1866	2,21	0,27	2,48
1870 — 1879	2,59	0,43	3,02
1883 — 1887	2,68	0,44	3,12
1885 — 1894	2,57	0,50	3,07
(1900 — 1904) — 1905	2,81	0,87	3,68

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3. с. 248.

да недостаточно сравнивать темпы роста населения и сбора зерновых хлебов, ибо затраты труда на выращивание зерновых, хотя они и являлись основными в общем балансе сельскохозяйственного труда, не исчерпывали всех затрат труда работников деревни. Значительное его количество шло на производство льна, картофеля, свеклы и т. п.

Развитие капиталистических производственных отношений вело к росту производительности земледельческого труда. Ввоз сельскохозяйственных машин в 1896—1898 гг. превышал по стоимости ввоз в 1869—1872 гг. более чем в 6 раз; одновременно увеличилось и внутреннее производство земледельческих машин. Развитие капитализма в сельском хозяйстве сопровождалось также ростом потребления искусственных удобрений. Так, в 1866 г. в Россию ввозилось 26,7 тыс. пудов туков, в 1898 г. — 1032 тыс., а в 1900 г. — 6009 тыс. пудов. Производство минеральных удобрений в стране увеличивалось одновременно с ростом ввоза искусственных удобрений. Несмотря на растущее потребление минеральных удобрений в дореволюционной России, ежегодный вынос питательных веществ из почвы не покрывался искусственными и естественными удобрениями, что вело к резким колебаниям урожайности. К. Маркс следующим образом обрисовал процесс, происходивший в земледелии России: «Почва, которая непрерывно истощается и не получает — путем искусственного, растительного и животного удобрения и т. п. — необходимых для ее восстановления элементов, будет все же, в зависимости от изменчивых влияний погоды, то есть от не зависящих от человека обстоятельств, продолжать приносить весьма различные по величине урожаи; однако при обзоре целого ряда лет, например с 1870 по 1880 г., застойный характер сельскохозяйственного производства выступает перед нами с поразительной ясностью. При таких обстоятельствах благоприятные климатические условия пролагают путь *голодному году*, вызывая быстрое поглощение и извлечение из почвы еще скрытых в ней минеральных удобрений. *Наоборот, голодный год* и тем более ряд следующих за ним неурожайных

лет позволяют минералам, входящим в состав почвы, накопиться вновь и обнаружить свое благотворное действие, когда снова наступят благоприятные климатические условия...

Так, в 1870 г. в вашей стране (т. е. в России. — П. Х.) был прекрасный урожай, но этот год был *кульминационным годом*, за которым немедленно последовал очень плохой год; весьма неурожайный 1871 год может рассматриваться как отправной пункт для нового малого цикла, приводящего нас к новому кульминационному 1874 году, за которым непосредственно следует голодный 1875 год; затем снова начинается подъем, завершающийся еще более тяжелым, голодным — 1880 годом»¹.

Урожайность в 70-х годах в России по-прежнему была ниже, чем в европейских странах и США². Динамика сельскохозяйственного производства была неравномерной. Анализируя динамику сбора хлеба, можно заметить резкие ее изменения. В 1870 г. Россия получила прекрасный урожай: сбор зерновых в 50 губерниях составил 282 млн. четвертей и не был превышен до 1884 г. За хорошим урожаем в 1870 г. последовал плохой урожай в 1871 г., сбор зерновых упал до 219 млн. четвертей. Особенно мало зерновых дали неурожайные 1891 и 1892 годы.

Урожайность и производительность труда в России, учитывая естественное плодородие почвы, были ниже, чем в ряде европейских стран. По сравнению с сельским хозяйством главных европейских государств сельское хозяйство России носило экстенсивный характер: затраты капитала (удобрений, машин и т. д.) на единицу площади были во много раз меньше, чем, например, в Германии или Англии.

Частые неурожай были бичом сельского хозяйства. Если на Севере и Северо-Востоке России имелся избыток влаги, то на Юге, напротив, ощущался ее недостаток и как следствие — частые засухи. Уничтожение лесов вызывало обмеление рек, уменьшение атмосферной влажности. Сельское хозяйство велось экстенсивно, во многих местах без удобрения полей. Со всей остротой вставала проблема многопольных севооборотов.

Частые неурожай являлись следствием не только неблагоприятных естественных условий. Причина их крылась и в характере социального строя. Неурожай приводил к голоду. Голод усиливал экономические противоречия, которые переживала Россия после реформы 1861 г. Неурожай ускоряли расслоение крестьянства, приводили к разорению бедноты и обогащению деревенской верхушки, ускоряли переход земельной собственности в руки новой буржуазии, обнаруживая противоречия пореформенной экономики в целом. Голод резко сказывался на положении трудящихся городов и крестьянской бедноты. Рост производительности труда в сельском хозяйстве России был значительно меньше, чем в промышленности и на транспорте. Главную помеху составляли пере-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 35, с. 128.

² См.: Доклад высочайше учрежденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России, с. 10.

житки крепостничества, чрезмерные подати, неполноправность крестьянина, недостаток капитала и земли. Пережитки крепостничества в сельском хозяйстве России тормозили внедрение машин, удобрений, лучших севооборотов и т. д., задерживали рост производительности земледельческого труда.

После крестьянской реформы распашка черноземных земель возросла, площадь пахотных земель в черноземной полосе к 1887 г. увеличилась, а в нечерноземной — сократилась. В дальнейшем посевные площади особенно расширялись в восточных и юго-восточных районах страны. Вместе с тем в других районах (в Центре, на Северо-Западе, Юго-Западе) размер посевной площади в конце XIX в. уменьшился. Сильно возросли посевные площади под техническими культурами: сахарной свеклой, хлопчатником, льном, коноплей, подсолнечником и др. Так, посевная площадь под сахарной свеклой составляла в 1860 г. 165 тыс. десятин, а в 1890 г. — уже 279 тыс.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве, вызвавшее значительное увеличение производства зерна в России, сопровождалось большими изменениями главных центров производства зерновых хлебов. Рост товарного земледелия в пореформенную эпоху сопровождался возникновением крупных районов товарного зернового хозяйства. В 60-х годах первое место по «чистому» сбору зерна на душу населения занимал Северо-Черноземный район (Тульская, Рязанская, Орловская, Курская, Тамбовская, Пензенская, Черниговская губернии), затем шла Западная Сибирь, Привисленский и Прибалтийский районы; в 80-х годах на первое место выходит Южный степной район, затем Нижневолжский и Заволжский районы. Таким образом, за 20 лет основной центр зернового хозяйства переместился. Обилие свободных земель привлекало на степные окраины громадный приток переселенцев, которые быстро расширяли посевы. Это подтверждают данные табл. 4.

Из табл. 4 видно, что чистый сбор зерна на душу населения в отдельных районах страны был неодинаковым. Больше всего он увеличился в Предкавказье, затем в Восточной Сибири, в Южном степном районе и т. д. Развитие товарных посевов в этих районах вызывалось тесной экономической связью их с Центральной Россией и с европейскими странами, ввозящими зерно.

В некоторых районах (в Промышленном, Северо-Западном, в Западной Сибири, Привисленном, Северо-Черноземном и Прибалтийском) производство зерна на душу населения снизилось, Районы резко делились на производящие и потребляющие.

В процессе развития капитализма в сельском хозяйстве возникали новые его отрасли, быстрее по сравнению с зерновыми хлебами росло производство картофеля, свеклы, табака. В 1861 и 1866 гг. в 50 губерниях России было собрано около 200—250 млн. пудов¹ картофеля, а среднегодовой его сбор за пятилетие (1895—

¹ См.: Доклад высочайше учрежденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России, с. 15.

Таблица 4. Средний чистый сбор зерна на душу населения, пуд.

Район*	1864— 1866 гг.	1870— 1879 гг.	1883— 1887 гг.	1900— 1913 гг.	1909— к 1864— 1866 гг.
Всего	19,3	21,8	—	24,4	126,4
Северный	11,5	11,3	14,1	12,0	104,3
Северо-Западный	11,4	11,3	13,5	8,4	73,7
Средневожжский и Заволжский	18,9	23,5	25,8	22,0	116,4
Промышленный	16,2	13,1	14,8	9,8	60,4
Западный	14,9	18,3	14,4	15,4	103,3
Северо-Черноземный	28,9	33,9	28,5	25,1	89,6
Юго-Западный	17,5	22,6	21,6	25,3	114,6
Южно-Черноземный	18,8	25,2	24,0	31,6	168,0
Южный степной	18,2	18,3	29,4	49,0	269,2
Нижневожжский и Заволжский	19,1	25,2	29,2	28,8	150,7
Предкавказье	10,1	—	—	56,8	562,3
Закавказье	24,5	—	—	10,2	41,6
Западная Сибирь	26,1	27,8	—	20,9	80,1
Восточная Сибирь	5,9	—	—	16,5	279,7
Степной	5,0	4,4	—	11,6	232,0
Туркестан	—	13,9	—	13,4	—

* В районы входят следующие губернии: Северный — Архангельская, Олонецкая, Вологодская; Северо-Западный — Петербургская, Новгородская, Псковская; Средневожжский и Заволжский — Костромская, Нижегородская, Вятская, Пермская; Промышленный — Тверская, Московская, Смоленская, Калужская, Владимирская, Ярославская; Западный — Витебская, Виленская, Минская, Могилевская, Гродненская; Ковенская; Юго-Западный — Киевская, Подольская, Волынская; Южный степной — Бессарабская, Херсонская, Екатеринославская, Таврическая, Донецкая; Северо-Черноземный — Тульская, Рязанская, Орловская, Курская, Тамбовская, Пензенская, Черниговская; Южно-Черноземный — Воронежская, Харьковская, Полтавская; Нижневожжский и Заволжский — Казанская, Симбирская, Самарская, Уфимская, Оренбургская, Астраханская, Саратовская.

1900) был в несколько раз больше. В 1860—1865 гг. в среднем собирали ежегодно около $\frac{1}{4}$ млн. пудов табака, а в конце XIX в. сбор его поднялся в несколько раз; площадь посевов свеклы, составлявшая в 60-х годах около 100 тыс. десятин, возросла также в несколько раз; в результате расширения посевных площадей и повышения урожайности количество собираемой и обрабатываемой свеклы значительно увеличилось.

Количество переработанной свеклы в 1895/96 и 1897/98 гг. по сравнению с 60-ми годами возросло более чем в 8 раз. Продукция огородничества и садоводства также значительно увеличилась. Возникли такие новые отрасли растениеводства, как промышленное хлопководство (производство хлопка-сырца в 1915 г. достигло 38,6 млн. пудов). Относительно уменьшилась численность людей, занятых производством зерновых хлебов, и соответственно увеличилась доля занятых выращиванием технических культур (свеклы, хлопка, табака) и картофеля. Тем не менее основная масса сельскохозяйственного труда в России и в конце XIX в. затрачивалась на производство зерна.

Значительное количество труда поглощало животноводство — одна из основных отраслей сельского хозяйства. При характеристике развития животноводства в дореволюционной России встре-

чаются трудности, связанные с отсутствием исчерпывающих данных о поголовье скота по всем районам. Специальных переписей скота не было до 1916 г. Перепись скота, проведенная в 1916 г., показала, что прежние статистические данные о животноводстве, доставляемые местными органами, были занижены. Численность продуктивного скота в России увеличилась за весь период капитализма (1861—1917) приблизительно на 70—75%, в том числе в Европейской России — всего на 30%, а в Азиатской — примерно в 3,5 раза.

Поголовье скота росло во всех районах, но наиболее быстрый рост отмечался на окраинах: в Степном районе, Сибири, Предкавказье и Закавказье, Западном районе. В Сибири, где имелись обширные пастбища и запасы корма, уже в период крестьянской реформы насчитывалось значительное количество скота.

В России было сосредоточено около половины мирового поголовья лошадей. При общем росте Европейской России поголовья лошадей во второй половине XIX в. (с 15 млн. в 1861 г. до 16,5 млн. в 1900 г.) численность их в некоторых районах, в частности на Северо-Востоке, в районе Средней Волги, на Юго-Востоке, почти не увеличилась, а в ряде земледельческих и промышленных районов даже уменьшилась.

Рост поголовья других видов скота был весьма различен: поголовье свиней увеличилось очень незначительно; овец и коз — примерно на треть, причем в основном в Азиатской России. Во многих районах Европейской России (Промышленном, Прибалтийском, Южно-Черноземном и в особенности в Южном степном) число овец уменьшилось, главным образом в связи с распашкой земель для зерновых культур и сокращением кормовой базы овцеводства.

Огромные распахивания залежей, естественно, вели к сокращению луговодства и запасов кормов, что в условиях экстенсивного хозяйства вызывало сокращение поголовья скота (особенно сравнительно с ростом населения). Повышение цен на хлеб в отдельные периоды способствовало росту распахивания на Юге в ущерб выгонам и пастбищам. Лишь в Сибири, а также в некоторых районах Европейской России (Северо-Черноземном, Нижневолжском и Заволжском) количество скота на душу населения осталось почти без изменения, а в Степном районе даже возросло; в целом же по стране поголовье скота (в переводе на крупный рогатый скот) в конце XIX в. в расчете на душу населения понизилось примерно на 5—10%.

Поскольку и позднее численность населения увеличивалась несколько быстрее поголовья скота, то это сокращение продолжалось и дальше, в том числе в годы империализма. Однако некоторое снижение количества скота в расчете на душу населения еще не означало, что в такой же мере уменьшилась продукция животноводства, поскольку продуктивность скота росла.

В конце XIX в. на Юге и Юго-Востоке, где было развито нагульное мясное скотоводство, в прибалтийских губерниях, в ряде

районов Центра животноводство имело первенствующее значение в экономике. В некоторых районах крупный рогатый скот использовался преимущественно в качестве рабочей силы. В голодные годы скотоводство резко сокращалось; в 1891 г. только в Самарской губернии погибло около 800 тыс. голов скота. В обычное время убыль скота не была слишком высока, колеблясь от 3,9% в Самарской губернии до 9,5% в Херсонской и 0,1% в Эстляндской¹.

Качество скота в дореволюционной России из-за неудовлетворительного кормления, особенно во время длительной зимы, в некоторых отношениях уступало другим странам. Так, вес одной головы южнорусского крупного рогатого скота составлял от 16 до 20 пудов, холмогорского — до 17 пудов, в то время как за границей вес скота был значительно выше, в частности, вес одной головы крупного рогатого скота в Англии достигал 30 и даже 40 пудов, в Швейцарии — 20—30 пудов. Удои в помещичьих хозяйствах в расчете на корову в год составляли около 875 л², а в среднем по стране — значительно меньше (330 л).

Россия занимала заметное место в мировом овцеводстве. В таких районах, как Сыр-Дарьинский, Семиреченский, Кубанский, Донской, Астраханский, Таврический, Семипалатинский, с их степными просторами, было по несколько миллионов голов овец.

Поголовье скота в России в 1856 г. было таким: лошадей — 18,6 млн.; крупного рогатого скота — 26,2 млн.; свиней — 9,7 млн.; овец — 52,2 млн.; коз — 1,7 млн.³ В первые годы после реформы количество скота в России оставалось примерно таким же, как и в 1856 г.

Произукция животноводства за весь капиталистический период развития России возросла, грубо говоря, немногим более чем в 2 раза при росте зерновых хлебов в 2,7 раза; значительно больше увеличилось производство технических культур и картофеля. В то же время сельскохозяйственное население России возросло в 2,2 раза. Таким образом, производительность сельскохозяйственного труда несколько повысилась (при этом следует учесть также усиление неземледельческого «отходничества»). Число таких отхожих рабочих составляло не менее 3 млн. Обилие земель позволяло развивать хозяйство вширь. Посевные площади росли как в результате освоения не обрабатывавшихся ранее земель, так и при переходе от двухполья к трехполью и затем к многопольным севооборотам.

Вследствие низкой обеспеченности скотом в России было относительно меньше естественных удобрений на единицу площади; если же учесть, что и химических удобрений (фосфоритов, супер-

¹ См.: Доклад высочайше учрежденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России, с. 17.

² См.: Россия в конце XIX века, с. 183.

³ См.: Статистические таблицы Российской империи за 1856 г. Спб., 1858, с. 220.

фосфата, калийных солей, сернокислого аммония и т. д.) у нас вносилось также мало¹, то станут ясны основные причины низкой урожайности. Вносимые в почву естественные и искусственные удобрения, как мы отмечали, не возмещали тех питательных веществ, которые брались из нее ежегодно. Уже в первые десятилетия после реформы 1861 г. правительственная комиссия была вынуждена констатировать: «...обезлесение ...идет с такой ужасающей быстротой, что оно уже начинает отражаться на изменении климата, который делается суровее и суше, на обмелении рек,... на гибели садов, которых значительное количество вымерзло, и даже на культуре некоторых полевых растений»².

Слабое использование удобрений, отсталая система полеводства и незначительная механизация сельскохозяйственных работ определяли низкую урожайность хлебов, несмотря на большие площади черноземных земель. Такая урожайность до известной степени отражала низкую производительность труда в этой основной отрасли народного хозяйства дореволюционной России. По темпам роста производительности труда сельское хозяйство стояло на последнем месте, после обрабатывающей промышленности, транспорта и добывающей индустрии. Отставание сельского хозяйства дореволюционной России, в частности по уровню производительности труда, усугублялось наличием пережитков крепостничества в деревне, окончательно уничтоженных лишь Октябрьской революцией.

Несмотря на феодальные пережитки, капитализм в сельском хозяйстве как на помещичьих, так и на крестьянских землях, среди деревенской буржуазии, развивался интенсивно, особенно в районах Новороссии, Правобережной Украины, Прибалтики, Северного Кавказа, в ряде губерний Центральной России и др. Росло товарное земледелие, увеличивались внутренний и внешний рынки сельскохозяйственных товаров. Но темп роста сельского хозяйства России был задержан длительным аграрным кризисом, начавшимся в 70-х и продолжавшимся до середины 90-х годов.

Падение цен на хлеб, вызванное большим привозом дешевого хлеба из США, Канады, Аргентины, Австралии, отразилось как на крестьянском хозяйстве, так и на помещичьем: увеличились число заложенных помещичьих имений, сумма ссуд, полученных землевладельцами. Царское правительство поспешило на выручку помещиков-землевладельцев, организовав в 1885 г. Дворянский банк для выдачи помещикам долгосрочных ссуд на весьма льготных условиях.

Как уже отмечалось, кризис сельского хозяйства 80-х годов был вызван частично наплывом в Европу более дешевого, преимущественно американского хлеба. Цены на пшеницу, экспортируемую из России, понизились с 90 коп. за пуд в 1871—1875 гг. до

¹ См.: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Пг., 1917, с. 654.

² Доклад высочайше учрежденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России, с. 7.

55,5 коп. в 1891—1895 гг. В результате еще больше росли недоимки по налогам, по ипотечному кредиту и т. д.

Представители отдельных классов и социальных групп по-разному объясняли причины неудовлетворительного состояния сельского хозяйства России в конце XIX в. К. Д. Кавелин считал главной, коренной причиной тяжесть налогов, финансовую политику, поскольку в какие-нибудь 30 лет государственный бюджет утроился, денежные повинности учетверились. «Что земледелие у нас вступило в период острого кризиса, — писал Кавелин в 1881 г. — это правда. Но отчего он произошел и как ему помочь, об этом мнения очень различны. Перед этим фактом, как и перед другими, одинаково губительными, мы ходим в тумане, хватаемся за первые и строим на отрывочных данных целые взгляды, забывая о других данных. К этому еще присоединяется наша несчастная страсть обращать все на свете в орудие запугивания, заподозривания и инсинуаций»¹. Правящая бюрократия объясняла тяжелое состояние крестьянского хозяйства семейными разладами; поэтому она законом 1886 г. крайне затруднила эти разделы.

Некоторые общественные деятели видели возможность подъема сельского хозяйства в ликвидации общинного землепользования, уничтожении переделов и переверстоков надельной земли, расселении крупных общин, в снижении и изменении принципов обложения и т. д.² Член Вольного экономического общества В. Е. Постников видел причину кризиса сельского хозяйства и «коренную причину экономической бедности России» в «малом размере крестьянского землевладения и хозяйства в России, не позволяющем утилизировать всю рабочую способность крестьянской семьи и не допускающем значительного применения в земледелии артельных форм труда»³. Автор предполагал, что выход из этого положения заключается в проведении колонизации такими темпами, чтобы в течение нескольких лет она охватила весь ежегодный прирост населения в Европейской России (приблизительно около 1 млн. человек).

М. М. Ковалевский утверждал, что Россия должна быть преимущественно сельскохозяйственной страной, производящей сырье. Кризис сельского хозяйства он объяснял конкуренцией других стран, общими недостатками «экономической организации» России, ошибками правительства. «Кризис, — писал он, — переживаемый земледелием в Европе благодаря конкуренции других частей света, не является единственной причиной того умеренного состояния, в котором находится наша деревня. Мы должны были признать, что он создается в значительной части недостатками всей нашей экономической организации. Необходимо, следовательно, подвергнуть тщательному анализу материальные основы нашего национального существования и открыто указать на ошибки, сделанные нашими правителями. Эти ошибки проистекали по большей части от жела-

¹ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. II. Спб., 1898, с. 483.

² См.: Скворцов А. И. Экономические этюды. Спб., 1894.

³ Постников В. Е. Южнорусское крестьянское хозяйство. Спб., 1891, с. 341.

ния дать нашей индустрии искусственное развитие даже во вред сельскому хозяйству»¹.

Такое объяснение не вскрывало действительного положения. В. И. Ленин доказал, что суть кризиса сельского хозяйства России в конце XIX в. состояла в том, что «на одном полюсе русского землевладения мы имеем 10¹/₂ миллионов дворов (около 50 млн. населения) с 75 млн. десятин земли, а на другом полюсе *тридцать тысяч семей* (тысяч около полутора ста населения) с 70 млн. десятин земли»². Землевладение у крестьян все уменьшалось: на одну душу мужского пола в 1860 г. приходилось 4,83 десятины, в 1880 г. — 3,55 и в 1900 г. — 2,59 десятины (не считая 0,46 десятины купчей).

За исключением отдельных частей страны (Прибалтийского района, некоторых южных районов и др.) в сельском хозяйстве в конце XIX в. господствовало трехполье. Чрезмерное бремя податного обложения русского крестьянина не давало ему возможности быстро улучшить технику сельского хозяйства.

Более низкая производительность сельскохозяйственного труда в России по сравнению с передовыми капиталистическими странами выражалась и в меньшем количестве обрабатываемой площади в расчете на одного занятого в сельском хозяйстве, более низкой урожайности, в слабом развитии животноводства и т. д.

После реформы 1861 г. ясно обозначились два пути развития сельского хозяйства: крестьянство, с одной стороны, помещики — с другой, боролись за различные способы решения аграрного вопроса.

Свободное крестьянское хозяйство обеспечивало в неизмеримо большей степени рост производительных сил страны — этот высший критерий общественного развития.

¹ Ковалевский М. М. Экономический строй России, с. 61.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 68.

Глава III

ВНУТРЕННИЙ И ВНЕШНИЙ РЫНКИ

Пореформенная экономика характеризуется дальнейшим углублением общественного разделения труда — основы создания внутреннего рынка. Главными показателями роста внутреннего рынка служили рост товарного обращения, увеличение торгово-промышленного населения, разложение крестьянства, рост отхожих неземледельческих промыслов, все большее использование наемного труда. Расширение внутреннего рынка в России зависело от развития всего народного хозяйства страны, определялось ролью капитализма в повышении производительных сил общественного труда и т. д.

Численность лиц наемного труда в связи с прогрессом промышленности, транспорта, капиталистических отношений в сельском хозяйстве возрастала. В начале 90-х годов в Европейской России было около 10 млн. наемных рабочих, в том числе 3,5 млн. сельскохозяйственных рабочих, примерно 1,5 млн. рабочих промышленности и железнодорожного транспорта, почти 1 млн. строительных рабочих, около 2 млн. рабочих, занятых в лесном деле, земляными работами, нагрузкой и разгрузкой и т. д.; рабочих, занятых на дому и в промышленности, не причисленных к фабрично-заводским, было примерно 2 млн.

В течение XIX в. население страны возросло в первую очередь вследствие естественного прироста, обусловленного исключительно высокой рождаемостью, а также в результате увеличения территории за счет Средней Азии и других районов. Удельный вес России в общей численности населения Европы значительно повысился. В год всеобщей переписи (1897) население нашей страны достигло 125,6 млн. человек. Быстрый рост населения усиливал, в частности, тяготы частых голодных неурожайных лет. Среди крупных европейских государств Россия занимала одно из первых мест не только по рождаемости, но и по коэффициенту смертности, одно из последних мест по уровню жизни широких масс народа, размеру народного дохода на душу населения, уровню производительности труда.

Капитализм, превратив рабочую силу в товар, резко увеличил употребление наемного труда, образовав внутренний рынок рабочей силы. Развитие капиталистического способа производства создало новую классовую структуру общества. По своему социальному положению население в конце XIX в. распределялось следующим образом: из 125,6 млн. человек значительную часть составляли пролетарии и полупролетарии, живущие преимущественно продажей рабочей силы; 35,8 млн. — беднейшие хозяева; 23,1 млн. — зажиточные мелкие хозяева, 3 млн. — крупные буржуа, помещики, военные и т. д. Сельскохозяйственного населения насчитывалось 97 млн. человек, торгово-промышленного — 21,7 млн., непроизводительно — 6,9 млн. человек.

Население густозаселенных районов «выталкивалось» из земледелия в промышленность городов, а также переезжало на малонаселенные территории и принималось за обработку новых земель.

Но одновременно происходило и «выталкивание» рабочих из процесса производства, что вело к образованию относительного перенаселения в различных формах (текущее, скрытое, застойное).

Одним из основных показателей увеличения промышленного населения страны за счет земледельческого служил быстрый рост городов в пореформенной России. Удельный вес городского населения систематически возрастал, поскольку оно росло почти в 2 раза быстрее, чем остальное население. Особенно быстро увеличивалась численность населения промышленных и торговых центров.

Численность городского населения России в 1867 г. достигала 7395,3 тыс. человек, в 1897 г. — 14 696 тыс., в 1914 г. — 23 276,3 тыс. человек¹. Следует учесть, что промышленное население превышало численность городского, поскольку значительная часть фабрично-заводских рабочих, особенно рабочих горных отраслей промышленности, жила вне городов. В противовес оседлости, свойственной дореформенной России, усилилась подвижность населения. Уничтожение крепостничества, тормозившего свободное расселение по стране, создало условия для хозяйственного использования многочисленных земель на окраинах. Часть населения переезжала из центральной земледельческой полосы в промышленные губернии, на южные и восточные окраины Европейской России, заселяя дотоле необитаемые земли.

Рост подвижности населения пореформенной России, как мы видели, проявлялся также в расширении отхожих неземледельческих промыслов. Число рабочих, занятых различными отхожими промыслами, равнялось 5—6 млн. человек.

Интенсивное передвижение земледельческих и неземледельческих рабочих шло в следующих направлениях. В столицы и в большие города они перебирались главным образом из неземледельческих, но в значительной степени и из земледельческих губерний, на фабрики Центрального промышленного района (Владимирской, Ярославской и других губерний) — из тех же местностей. Движение наблюдалось в направлении к новым центрам промышленности, а также к центрам нефабричной промышленности.

Население восточных, нижневолжских и новороссийских губерний росло значительно быстрее, чем в Европейской России в целом, В. И. Ленин в работе «Аграрная программа с.-д. в первой русской революции» писал о том, что Россия обладает гигантским колониальным фондом, который будет становиться доступным населению и доступным культуре не только с каждым шагом вперед земледель-

¹ Данные за 1867 г. цит. по: Статистический ежегодник Российской империи, т. II, вып. I. Спб., 1871; данные за 1897 г. цит. по: Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов. Спб., 1905; данные за 1914 г. (на 1 января) цит. по: Статистический ежегодник России. 1914 год. Пг., 1915.

ческой техники вообще, но и с каждым шагом вперед в деле освобождения русского крестьянства от крепостнического гнета.

Это обстоятельство представляет из себя экономическую основу буржуазной эволюции российского земледелия по американскому образцу¹.

Несмотря на очевидные факты, П. Струве считал, что перенаселение в пореформенной земледельческой России не носило капиталистического характера, что «такой некапиталистический характер носит и то перенаселение, которым характеризуется переживаемый земледельческой Россией кризис»². Струве полагал, что перенаселение в России объясняется несоответствием роста населения и средств его существования. Он видел основную причину обеднения крестьян в перенаселенности сел, а «кризис русского крестьянского хозяйства, — считал он, — объясняется прежде всего ростом населения»³. Этот довод не вскрывал общественно-экономических отношений пореформенного русского сельского хозяйства, вся история которого определялась в рассматриваемый период вторжением капитала. Народнические рассуждения о малоземелье также не объясняли истинного положения с перенаселением в земледельческой России.

Были и другие причины роста внутреннего рынка, в частности связанные с тем, что капитализм превратил в товар землю. Хотя ограниченная отчуждаемость земли была возможна и при феодализме, но только капитализм уничтожал сословность землевладения.

Мобилизация земельной собственности путем купли-продажи непрерывно увеличивалась. Интересны данные о продаже земли и ценах на землю по 45 губерниям Европейской России с 1863 по 1897 г. Если за 1863—1867 гг. было продано 8,6 млн. десятин, то за 1893—1897 гг. — почти в 2 раза больше и по ценам, уже в 3 раза превышавшим цены первого периода.

	1863— 1867 гг.	1868— 1872 гг.	1873— 1877 гг.	1878— 1882 гг.	1883— 1887 гг.	1888— 1892 гг.	1893— 1897 гг.
Продано земли, млн. десятин . .	8,6	11,2	15,5	18,1	13,9	13,6	15,8
Цена земли, руб/дес.	14,6	19,5	18,8	22,2	32,0	40,2	44,4

По мере роста промышленности рынок предъявлял все больший спрос на средства производства. Строительство железных дорог и развитие отраслей тяжелой индустрии вызывало все увеличивающийся спрос на металл, уголь, лес. Ослабление натуральных форм хозяйства в деревне, рост пролетариата повышали спрос на

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 230.

² Струве П. Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России, вып. I. Спб., 1894, с. 183.

³ Там же, с. 284.

предметы потребления (пищу, одежду и т. д.), создавая рынок для легкой промышленности. Промышленная продукция, производство которой значительно возросло за период промышленного капитализма, а стоимость в 1900 г. составляла 4 млрд. руб., реализовывалась на внутреннем рынке (лишь небольшая часть ее шла на внутрипромышленное потребление и экспорт).

Процесс образования рынка для капитализма был двусторонним: развитие капитализма «вглубь», т. е. интенсивный рост капиталистического земледелия и капиталистической промышленности на определенной территории, и «вширь», т. е. распространение сферы господства капитализма на новые территории.

Капиталистические отношения довольно активно распространялись на новые районы: Сибирь, Казахстан, Туркестан, Кавказ и др., что расширяло внутренний рынок. Вместе с тем развитие российского капитализма «вширь» в известной степени задерживало развитие его «вглубь». В национальных районах увеличивалась дифференциация населения под влиянием роста производства, роста русской колонизации и общего подъема производительных сил. Эти районы втягивались в орбиту мирового товарного обращения. Фабриканты старались выйти за пределы старых рынков России, сбывая растущую продукцию населению колонизируемых окраин. Процесс экономического подчинения окраин был в значительной степени связан с развитием железнодорожного транспорта, с проведением железных дорог, соединяющих центральные районы страны с окраинами.

В первые годы после реформы внутренний товарооборот питала главным образом продукция сельского хозяйства, производством которой занималась большая часть населения страны. По мере развития товарно-денежных отношений, создания современных путей сообщения все большая часть продукции сельского хозяйства превращалась в товар. Увеличению товарности земледелия и животноводства содействовали рост сельскохозяйственной продукции, повышение урожайности и производительности труда. Вместе с тем налоговое обложение крестьянства, необходимость уплаты выкупных платежей за землю усиливали потребность крестьянина в деньгах, вынуждая его продавать значительную часть произведенной продукции.

Росла роль промышленных товаров. Развитие капитализма в России в корне изменило характер и значение торговли и торгового капитала, которые возникли задолго до этого периода. В докапиталистической деревне на мелких местных рынках господствовала армия мелких торговцев и скупщиков. Местным рынкам были свойственны самые примитивные формы торгового и ростовщического капитала. Различные представители торгового капитала нередко отнимали у производителя не только прибавочный продукт, но и долю необходимого продукта.

В первые годы после реформы торговля носила сильный отпечаток крепостнической экономики: относительно небольшие размеры, незначительное участие крупного капитала, огромное значение гу-

живых перевозок, слабое развитие кредита, большая роль ярмарок, сельских базаров и т. д.

Живучесть ярмарок как результат позднего развития капитализма в России объяснялась недостатком путей сообщения, игравших особую роль при громадной территории страны и малой плотности населения, слабостью кредита и небольшим количеством крупных капиталов. В 1868 г. в Европейской России насчитывалось 1159 городских и 5337 сельских ярмарок с размером оборота в 459 млн. руб. (привоз) и 305 млн. руб. (продажа)¹. Несмотря на то что число ярмарок в пореформенное время увеличилось, их значение во внутренней торговле снижалось. В 1894 г. в Европейской России имелось 15 910 ярмарок, примерно в 2,5 раза больше, чем в 1868 г., а обороты их составляли по привозу 573,2 млн. руб. и по продаже 459,5 млн. руб., т. е. выросли очень незначительно, что объяснялось более быстрым развитием новых форм торговли. Согласно другим источникам, обороты ярмарок в эти годы были чуть больше, но все же ясно, что по мере развития капитализма значение ярмарок в торговле снижалось, изменялся и характер ярмарочной торговли. Сокращение оборотов — правда, в меньшей степени — коснулось и Нижегородской ярмарки, максимальный оборот которой равнялся в 1881 г. 243 млн. руб. Но она занимала особое положение в силу ряда специфических условий: географического положения, удобного водного транспорта и т. д. Второе место после Нижегородской занимала Ирбитская ярмарка — крупнейший центр по торговле пушными товарами. На сокращение оборотов этой ярмарки повлияло проведение железных дорог — Уральской и Сибирской.

Сохранилась группа оптовых ярмарок и на Украине. Существовало несколько специализированных ярмарок: конские ярмарки в Волжско-Камском и других бассейнах, лесные ярмарки в Томске, Минске и других местах, ярмарки по торговле скотом и т. д. Отмирание ярмарочной торговли находилось в прямой зависимости от темпов экономического развития района, интенсивности проведения в нем железных дорог. Наибольшее значение в конце XIX в. имели ярмарки в Сибири, Средней Азии и других районах России с редким населением и слабыми транспортными связями.

Одной из форм внутренней торговли, распространенной в докапиталистической русской деревне, были базары; эта форма сохранилась и в пореформенное время, но была оттеснена капиталистической торговлей. Обороты базаров и торжков исчислялись в несколько сотен миллионов рублей. Чем шире развивалась торговля, вытеснявшая примитивные сельские базары и подрывавшая монопольное положение деревенского лавочника, тем активнее происходил процесс разложения крестьянства. Этому процессу в сильнейшей степени содействовало образование внутреннего рынка предметов потребления и средств производства.

На расширение внутреннего рынка огромное влияние оказывало проведение железных дорог. Так, проведение великого Сибирского

¹ См.: Военно-статистический сборник, вып. IV. Россия, с. 643.

пути, с одной стороны, открыло широкий рынок для промышленных товаров из центральных областей России, а с другой — увеличило возможности вывоза из Сибири хлеба, мяса, масла и других товаров.

*По мере развития капитализма усиливалось значение товарных бирж как центров оптовой торговли*¹. Биржа представляет собой развитую форму торговли; содействуя всевозможной спекуляции и ажиотажу, она в то же время помогала централизации торгового оборота. Феодално-крепостническая экономика не содействовала росту биржевой торговли. До 1861 г. в России было всего несколько бирж: в Петербурге, Одессе, Москве, Нижнем Новгороде, Рыбинске — в то время как в конце XIX — начале XX в. их насчитывалось уже несколько десятков, в том числе специализированные биржи (хлебные, по продаже скота, яичные, каменноугольная, лесная и др.)².

Серьезное значение во внутриторговом обороте России имела монополия продажа государством водки, дававшая значительный доход. Наряду со многими другими формами торговли существовала и кооперативная торговля, удельный вес которой во всем торговом обороте страны был незначителен. Она производилась через потребительские и сельскохозяйственные общества, всевозможные кредитные товарищества и различные кустарные кооперативы. Капитализм тормозил развитие кооперативной торговли, а в эпоху монополий кооперативам стало еще труднее бороться за свое существование.

Определить объем внутреннего товарооборота дореволюционной России весьма трудно ввиду отсутствия надлежащего учета, поэтому нижеприведенные данные имеют условное значение. Оборот торговли только частновладельческих предприятий в 1898 г. достигал 4442 млн. руб., но если учесть, что во внутренней торговле многие товары оборачиваются в год не один, а несколько раз, то он составит около 9903 млн. руб.³ Товарооборот рос значительно быстрее численности населения. С 1885 по 1900 г., т. е. за 15 лет, объем учтенного товарооборота возрос в 2,3 раза, в то время как число торговых заведений (опт и розница, мелочный торг, ларьки, развоз, разнос) увеличилось в меньшей степени, что свидетельствует о процессе концентрации торговли.

По мере развития капитализма в торговле происходил процесс концентрации и централизации капитала, приводивший к господству крупного капитала в сфере обращения. Весь учтенный товарооборот России составлял в конце периода промышленного капитализма примерно 12 млрд. руб., а с дополнением внутрикрестьянского оборота — еще больше. Однако при огромной численности

¹ Первая товарная биржа в России была организована Петром Великим, «дабы всероссийское купечество яко рассыпную хранину паки собрать» (ПСЗ, т. VI, № 3708).

² См.: Филиппов Ю. Д. Биржа. СПб., 1912, с. 163, 197, 198.

³ См.: Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России, т. I. СПб., 1902, с. XIX; Россия в конце XIX века, с. 595.

населения России товарооборот на душу населения был невысоким, что соответствовало относительно низким нормам потребления промышленных товаров.

По приблизительным подсчетам, в торговле России было занято в 1885 г. 1027 тыс. человек, но эти данные не вполне учитывали массу всевозможных разносчиков. Поэтому не без основания «Военно-статистический сборник» писал, что «число лиц, принимающих в ней (торговле. — П. Х.) прямое участие, достигает нескольких миллионов»¹. Следовательно, в торговле было занято огромное число работников, в значительной степени труд этот был непроизводителен, поскольку издержки, связанные с превращением формы товара, не прибавляют к нему никакой стоимости. Производительность труда в торговле повышалась сравнительно медленно. В 1885 г. годовой оборот на одного работника равнялся 5330 товарным руб., а в 1900 г. — 6760 руб., или на 26,9% больше. За эти же годы производительность труда в торговле снижалась в отношении к предыдущему году 6 раз.

Не только производительность торгового работника, но и общие торговые обороты значительно колебались. Это вполне естественно для капиталистического хозяйства, развивающегося циклически. К тому же в России на размер товарооборота известное влияние оказывали неурожаи. Торговые кризисы как проявление экономических кризисов в сфере обращения выражались в затруднениях сбыта товаров, в падении цен, что приводило к снижению торговых оборотов, к банкротствам и т. д. По мере развития капиталистической промышленности и сельского хозяйства, роста внутреннего и внешнего рынка торговые кризисы становились все глубже. Каждый промышленный кризис перепроизводства неизбежно в большей или меньшей степени отражался на сфере обращения, в частности на внешней и внутренней торговле.

Внутренний рынок имел для России первенствующее значение. На внешний рынок вывозилась небольшая часть сельскохозяйственной и еще меньшая часть промышленной продукции страны. Россия, отстававшая в экономическом отношении от развитых капиталистических стран, много теряла на внешней торговле в связи с неэквивалентным обменом, поскольку производительность труда в ее народном хозяйстве была ниже и, следовательно, стоимость товаров выше. По мере развития капитализма проблема внешнего рынка обострялась.

Как известно, народники, пытаясь доказать, будто капитализм в России не имеет почвы для развития, выдвинули тезис о том, что капитализм якобы не может развиваться без внешнего рынка. Эта теория покоилась на неправильном утверждении, что прибавочную стоимость нельзя реализовать внутри страны, ибо происходит разорение крестьянства, а следовательно, сужение внутреннего рынка.

Нужно прежде всего рассмотреть специфические для капитализма условия, определяющие необходимость внешней торговли.

¹ Военно-статистический сборник, вып. IV. Россия, с. 527.

Как известно, законом капитализма, в отличие от докапиталистических формаций, является стремление к безграничному расширению производства. Развитие внешней торговли в пореформенной России служило одним из показателей роста товарного обращения. Оборот внешней торговли повысился за годы промышленного капитализма почти в 4 раза; по темпам роста он несколько отставал от промышленности и обгонял сельское хозяйство. Развитие транспорта оказало огромное влияние на расширение внешней торговли.

Расчеты показывают, что оборот внешней торговли в расчете на одного жителя увеличился более чем в 2 раза (в 1861—1865 гг. — 4 р. 70 к., а в 1897—1901 гг. — 10 р. 11 к.). Несмотря на это, удельный вес в международном товарообороте к концу столетия не только не вырос, но даже несколько снизился (с 3,6% в 1850 г. до 3,4% в 1899 г.).

Торговля шла главным образом через западную границу. По мере роста железнодорожной сети внешняя торговля по сухопутной границе начинала играть все большую роль. В 1899 г. привоз товаров по суше составлял 53,5%. Крайне неравномерно распределялся поток товаров, импортируемых и экспортируемых морем. Через Балтийское море ввозилось 70,4% поступающих морским путем товаров, через Черное и Азовское — 22,3, через Каспийское — 6,8, через Белое — 0,5%; соответственно вывоз распределялся так: 43,6; 50,5, 2,9; 3%.

Внешняя торговля, как и все хозяйство, подвергалось влиянию периодических мировых промышленных кризисов, поскольку Россия по мере развития капитализма все более и более включалась в систему мирового хозяйства. В результате кризиса 1866—1867 гг. объем внешней торговли в следующем, 1868 году снизился: экспорт уменьшился с 244,8 млн. до 226,6 млн. руб., импорт — с 265 млн. до 260,9 млн. руб. Кризис 1882—1883 гг. привел к сокращению экспорта в течение нескольких лет. Упал экспорт также в 1889 г., что было предвестником кризиса 1890 г. В кризисном году снизился как вывоз, так и ввоз товаров из-за границы. Сокращение импорта отмечалось и во время кризиса в начале XX в. Промышленные кризисы, сужавшие внутренний рынок, особенно усиливали значение внешнего.

Развитие русской внешней торговли проходило исключительно неравномерно. За последние 40 лет XIX в. стоимость вывоза товаров снижалась по отношению к предыдущему году 14 раз, а стоимость ввоза еще больше — 19 раз. На оборот внешней торговли России влияли различные факторы: экономические кризисы, размер урожая в стране, войны, таможенная политика и т. д.

Во время мировых экономических кризисов уменьшался спрос на товары, вывозимые из России; точно так же внутри России в периоды кризисов снижался спрос на товары. В стоимости экспорта из России продукция сельского хозяйства занимала основное место, поэтому в довольно частые неурожайные годы количество вывозимого хлеба и сырья резко сокращалось. Так, неурожай в 1871 г. привел к уменьшению экспорта в следующем году; неурожайные 1875,

1880, 1885, 1891 и 1892 годы обусловили сокращение экспорта, особенно в 1880 и 1892 гг. Царское правительство усиленно пыталось форсировать экспорт, так как платежный баланс страны мог быть покрыт, как правило, только при активном торговом балансе.

Потребности промышленного развития страны требовали ввоза металла, машин, и страна вынуждена была ежегодно уплачивать крупные суммы процентов по правительственным внешним займам, равно как и по займам частных железных дорог и другим кредитным операциям. Все эти расходы резко увеличивали пассив платежного баланса и оплачивались главным образом путем форсирования экспорта (в первую очередь вывоза хлеба и сырья), так как других крупных доходов (от иностранных инвестиций, фрахта и т. д.) Россия не имела. Правда, возросшая добыча золота в стране нередко давала возможность сводить концы с концами. Характерно, что, несмотря на активный торговый баланс, вывоз золота в большинстве случаев превышал его ввоз.

Россия не только не получала доходов от фрахта, но и платила большие суммы за пользование чужими судами, осуществлявшими для нее внешние перевозки. Среди судов, приходивших в русские порты в 1900 г., большинство было английских (36,5%), германских (12,6%), датских (9,8%), шведских и норвежских (8,5%); суда под русским флагом составляли только 11,8%.

Структура русского экспорта и импорта отражала отсталый, аграрный характер российского капитализма. На первом месте среди экспортируемых из России товаров стоял хлеб. Царское правительство всячески форсировало вывоз хлеба, невзирая на голод, недоедание трудящихся. «Не доедим, а вывезем» — так цинично заявлял министр финансов Вышнеградский. Форсирование хлебного экспорта закрывало путь к созданию значительных хлебных резервов в стране, и неурожайный год угрожал голодом многим слоям населения.

В общей сумме экспорта в 1861—1865 гг. стоимость хлеба составляла 301 млн. руб., или около трети, повышаясь в отдельные годы до половины или резко падая (как было в 1892 г.) в результате неурожая предыдущего года. Все же экспортируемые сельскохозяйственные продукты достигали 75—80% стоимости вывоза. За первое пореформенное пятилетие Россия вывозила ежегодно в среднем 86,2 млн. пудов хлебных продуктов, а за 1896—1900 гг. — уже 444,2 млн. пудов, т. е. в 5 раз больше. Экспорт хлебных товаров возрастал значительно быстрее, чем сбор хлеба в стране, в результате чего в первое пятилетие после реформы Россия вывозила 4—5%, а в конце столетия — уже около 15% чистого сбора.

При анализе хлебного экспорта России необходимо учитывать действие аграрного кризиса последней четверти XIX в. Важнейшей причиной кризиса был наплыв на европейский рынок североамериканского хлеба в результате строительства железных дорог и усовершенствований в океанском транспорте. В итоге аграрного кризиса, охватившего Европу и США, цены на хлеб с конца 70-х годов начали падать, и лишь в конце столетия они повысились. Последст-

вня такого сильного падения цен сказывались на помещичьем и крестьянском хозяйствах; росло число закладываемых имений, увеличивались недоимки крестьян, разорение и т. д. Падение мировых цен на зерновые культуры болезненно отражалось на русском экспорте, поскольку в его структуре преобладал хлеб. В условиях некоторого снижения цен рост экспорта хлеба за отдельные годы не давал соответствующего увеличения выручаемых за хлеб денег, поскольку производительность труда в зерновом хозяйстве России была значительно ниже, чем в основных странах Европы и США. Падение мировых цен на хлеб здесь сказывалось особенно сильно. В последней четверти XIX в. США резко увеличили количество хлеба, выбрасываемого на европейские рынки, оттеснив Россию с английского рынка и имея преимущества в области транспорта хлеба (по воде, без гужевой доставки).

Динамика местных цен была несколько иной; наиболее низкие цены на рожь и овес установились во второй половине 80-х годов, цены на пшеницу продолжали падать до конца века.

Рассмотрим динамику местных цен ржи, овса, пшеницы по 50 европейским губерниям России с 1871 по 1900 г. (в коп/пуд):

	1871— 1875 гг.	1876— 1880 гг.	1881— 1885 гг.	1886— 1890 гг.	1891— 1895 гг.	1896— 1900 гг.
Рожь	64	74	86	58	72	59
Пшеница	—	—	107	86	85	82
Овес	64	67	72	56	58	57

Аграрный кризис отразился на экономике России, хотя и не смог остановить общего поступательного развития капитализма. С середины 90-х годов цены на хлеб повысились, что способствовало общему хозяйственному подъему. Второе место по стоимости экспортируемых товаров в первые пореформенные годы принадлежало шерсти, третье — льну, далее шли семена масличных культур, сало, пенька, лес и т. д.

Из промышленных товаров вывозились льняные и хлопчатобумажные изделия, однако в стоимости экспорта они занимали лишь несколько процентов; точно так же стоимость экспортируемых металлов (кроме золота, серебра и платины) не достигала и 2%.

В конце столетия на первом месте среди экспортируемых товаров по-прежнему стоял хлеб, а на второе выдвинулся лес. Если в 1861 г. стоимость вывозимого леса равнялась 5,8 млн. руб., то в 1900 г. — 58 млн. руб. Такой значительный рост объясняется тем, что в 1886 г. была отменена вывозная пошлина на экспорт леса. Русский лес шел главным образом в Англию, Германию, Голландию, Францию. Третье место, как и раньше, занимал лен, четвертое — семена масличных, пятое — яйца и т. д. Таким образом, лен продолжал играть значительную роль в русском экспорте. В конце XIX в. из России ежегодно вывозилось свыше 12 млн. пудов льна против 4,5 млн. пудов в первое пятилетие после реформы; вывоз льняных тканей в 90-х годах был меньше, чем 30 лет назад, в то время как

экспорт хлопчатобумажных тканей, особенно в восточные страны, значительно увеличился.

С повышением товарности сельского хозяйства возрос и экспорт продуктов животноводства и птицеводства: в 1861—1865 гг. из России было вывезено преимущественно в Германию, Австро-Венгрию, Англию и Бельгию 1,4 млн. яиц, а в конце XIX в. вывозилось ежегодно около 1,5 млрд. яиц; в 1861—1865 гг. среднегодовой вывоз масла составлял 95 тыс. пудов, а в конце XIX в. — 400—450 тыс. пудов. Среди продуктов животноводства относительно и абсолютно сократился экспорт сала в связи с вытеснением стеариновых свечей электричеством и керосином, а также заменой смазочного сала маслом, получаемым из нефти.

Бурное развитие нефтяной промышленности России начиная с 80-х годов привело к резкому увеличению экспорта нефти, достигшего в 1896 г. 64 млн. пудов на сумму 28,9 млн. руб. и направляемого главным образом в Турцию, Англию, Францию, Германию и Бельгию. Значение металлов как статей экспорта в конце XIX в. снизилось.

Среди экспортируемых промышленных товаров с 70-х годов начинает возрастать роль сахара, производство которого резко увеличилось. Сахар вывозился как в восточные, так и в европейские страны. В среднем за 1861—1865 гг. было экспортировано 74 тыс. пудов сахара; в 1876—1880 гг. — 1108 тыс.; в 1881—1885 г. — 925 тыс.; в 1891—1895 гг. — 4687 тыс.; в 1896 г. — 13 602 тыс. и в 1898 г. — 7294 тыс. пудов. Особенно возрос экспорт сахара с 1876 г., после установления возврата акциза на вывезенный сахар и премии (80 коп. с пуда). К тому же внутренний рынок защищала высокая таможенная пошлина на сахар, в этих условиях российские сахарозаводчики могли путем повышения цен на сахар внутри страны продавать его на внешнем рынке ниже стоимости. Сахар продавался главным образом Англии, Персии и Италии; цена русского сахарного песка в Лондоне была ниже, чем в Киеве.

Изменения в структуре русского экспорта, происшедшие за период промышленного капитализма, сводятся в общем к следующему: повысилось значение вывоза хлеба, яиц, леса, сахара, нефти и нефтепродуктов; снизилась роль экспорта сала, льна и особенно пеньки и металлов. Россия, несмотря на относительно быстрый рост промышленности, оставалась аграрной страной, вывозящей продукцию сельского хозяйства и сырье, в большинстве случаев необработанное. Вывоз промышленных товаров (тканей, сахара, керосина) играл сравнительно незначительную роль.

В конце XIX в. основным торговым партнером была уже не Англия (как в дореформенные годы), а Германия, куда направлялось около четверти стоимости всего русского экспорта. Россия экспортировала в Германию главным образом пшеницу и рожь, лес, яйца, ячмень, льняное семя, скот, пеньку, щетину, шкуры, жмыхи, овчины, масло, икру, нефть и др., т. е. в основном сельскохозяйственные продукты. Те же товары вывозила Россия и в Англию, доля которой в русском экспорте уменьшилась в конце века до 20%,

в то время как в первой половине XIX в. торговый оборот России с Англией превышал торговый оборот России с Германией в несколько раз.

Относительное падение роли Англии в торговле с Россией произошло вследствие того, что Англия стала импортировать заокеанский хлеб и лес (из США и Канады), а ввоз русского сала и пеньки сократился. Положение первого продавца на английском рынке Россия сохранила лишь в отношении льна, марганцевой руды и жмыхов. Третье место в торговле с Россией принадлежало пороговой и колониальной стране — Голландии, куда вывозили пшеницу, рожь, овес, кукурузу, лен, льняное семя, кожи, шкуры, марганцевую руду, жмых и т. д. Известная часть товаров, направляемых в Голландию, предназначалась для Германии.

Основными предметами русского экспорта во Францию были хлеб и лен; стоимость экспорта в США была совершенно незначительной — 2,4 млн. руб. После открытия для иностранцев китайских морских портов экспорт товаров из России в Китай начал систематически падать, поскольку России трудно было конкурировать с иностранными (преимущественно английскими) товарами, доставлявшимися в Китай морем. Сухопутная же транспортировка в Китай тканей из Центра России сильно удорожала их. Лишь с введением в эксплуатацию Сибирской магистрали экспорт в Китай возрос — правда, ненамного (до 5—6 млн. руб. против 2 млн. в 70—80-х годах). В Китай экспортировались преимущественно хлопчатобумажные ткани, затем кожи, пушнина, керосин и т. д.

Россия вывозила в восточные страны главным образом промышленные товары. Например, русские хлопчатобумажные ткани, керосин, сахар, металлы занимали большое место на персидском рынке. Оборот русско-персидской торговли достиг в 1890—1899 гг. 28,4 млн. руб. против 5,9 млн. руб. в 1862—1871 гг. Проведение железных и шоссейных дорог, организация Учетно-ссудного банка в 1890 г., содействуя проникновению российского капитала в Персию, приводили к обострению отношений с английским капиталом, занимавшим в этой стране крепкие позиции. Однако доля промышленных изделий в стоимости русского экспорта в целом оставалась незначительной: в конце XIX столетия — всего 3—4 %.

В еще большей степени, нежели экспорт, был неравномерен импорт товаров в Россию. Господствующие классы сдерживали его с целью получения активного торгового сальдо и сведения концов с концами в платежном балансе.

Если русский экспорт, в котором преобладала продукция сельского хозяйства, не мог быть устойчивым, то в свою очередь колебался и импорт. На снижение импорта оказала влияние также политика царского правительства, направленная в период подготавливаемой денежной реформы на накопление золотых запасов (в том числе и путем сокращения импорта).

В результате проводимой правительством политики активной внешней торговли за период с 1860 по 1900 г. во внешней торговле преобладали годы с активным сальдо.

Структура импорта в первое пятилетие после реформы была такова: больше всего ввозилось хлопка-сырца — на 95 млн. руб. (а включая хлопчатую бумагу — на 109 млн. руб.); чая — на 73,6 млн. руб.; красок и красильных веществ — на 42,9 млн.; на 37,4 млн. руб. было ввезено машин и аппаратов и почти на такую же сумму (на 34,9 млн. руб.) — вина; 34 млн. руб. стоил импортный сахар. Приблизительно 8% стоимости импорта (67,3 млн. руб.) приходилось на хлопчатобумажные, шерстяные и шелковые ткани.

Наряду с готовыми тканями ввозилось сырье для отечественной текстильной промышленности. Кроме хлопка и хлопчатобумажной пряжи импортировались шерсть, шелк-сырец, шелк пряденый и крученый. Текстильная промышленность в России была в это время относительно развита, поэтому среди импортируемых товаров сырье для нее занимало первое место.

Из товаров производительного потребления кроме указанных выше ввозился металл, каменный уголь и кокс — на 14,6 млн. руб.; удельный вес этих товаров был ничтожен, но в конце столетия он резко возрос. Сырье, полуфабрикаты, предметы роскоши и готовые товары для господствовавшей знати (вино, чай, кофе, сладости, табак и др.) — вот основные статьи импорта в первые годы после крестьянской реформы.

Таков был ввоз сельскохозяйственной страны, страны со слабой промышленностью. Пореформенное развитие страны, характеризовавшееся ростом товарно-денежных отношений, интенсивными процессами расслоения крестьянства, ростом промышленности, сооружением разветвленной сети железных дорог, отразилось и на структуре внешней торговли, в частности импорта. В результате прогресса соответствующих отраслей внутри страны сократился ввоз сахара, табака, масла, хлопчатобумажных тканей и некоторых других товаров. Внутренним рынком этих товаров овладел отечественный капитал. В конце столетия первое место среди ввозимых товаров принадлежало уже машинам для сельского хозяйства, промышленности, транспорта и аппаратам — их стоимость составляла 10—15% общей стоимости импорта.

Ввоз сельскохозяйственных машин, а также общий импорт машин и аппаратов был крайне неравномерен. Значительно вырос импорт машин в 70-х годах; в 80-е годы он, напротив, сократился. Промышленный подъем 90-х годов привел к увеличению импорта оборудования, и этот рост продолжался до конца столетия.

Таким образом, несмотря на значительное развитие русской машиностроительной промышленности, она не могла удовлетворить внутренний спрос на машины и оборудование. Значительную их часть, необходимую промышленности, транспорту, сельскому хозяйству, приходилось ввозить из Германии (больше половины ввоза), Англии и других государств.

Хлопок, занимавший в пореформенное время первое место среди импортируемых товаров, в конце века занял уже второе место (около 10% стоимости всего ввоза). Хлопчатобумажная промышленность, отрасль передовая в смысле применения вольнонаемного

труда и машин, развивалась быстрее, чем хлопководство в Средней Азии и Закавказье, в результате чего Россия перед мировой войной еще около половины своей потребности в хлопке удовлетворяла посредством импорта, преимущественно из США, Египта, Персии и Англии.

Первое место принадлежало импорту машин, аппаратов и металлу не в деле. Привоз металла систематически возрастал; в 1880 г. стоимость его составляла 63,9 млн. руб., затем импорт металла стал снижаться, чтобы возрасти опять в период промышленного подъема 90-х годов, достигнув в 1896 г. максимальной цифры — 64 млн. руб.

Развивавшиеся промышленность и транспорт предъявляли на металл огромный спрос, который не способна была удовлетворить отечественная металлургия. Снижение пошлин на металл и разрешение беспошлинно ввозить его для машиностроительных заводов содействовали росту импорта железа в Россию. До 1880 г. импорт черных металлов превышал производство их в России. Постепенно, при помощи различных форм покровительства металлургическая промышленность стала все в большей степени овладевать внутренним рынком, хотя и не удовлетворяла полностью его потребностей. В конце столетия резко возрос импорт каменного угля, в первую очередь для промышленности Петербурга и прибалтийских городов. По-прежнему ввозились на значительные суммы чай, шерсть, фрукты, ягоды, вина и т. п. Резко уменьшился привоз соли, сахара, сократился импорт хлопчатобумажных тканей и других товаров.

Россия представляла большой рынок для сбыта промышленных товаров более развитых в технико-экономическом отношении капиталистических стран. Этот рынок был для них объектом острой конкуренции. В конце XIX в. свыше 30% всей стоимости привозимых в Россию товаров приходилось на импорт из Германии. Немецкий капитализм не без успеха начал конкурировать с Англией, являвшейся ранее «всеобщей мастерской» мира, оттеснив ее и с русского рынка. Россия закупала в Германии почти половину всех ввозимых машин, металлических изделий, продуктов химической промышленности, шерстяных изделий и др.; из Германии ввозилась также значительная масса товаров колониального происхождения. Немецкие капиталисты, вытесняя другие страны с русского рынка, все больше и больше забирали в свои руки внешнюю торговлю России.

Стоимость товаров, ввозимых из Англии, составляла 18,8% стоимости всего русского импорта. Англия продолжала играть первую роль в экспорте в Россию каменного угля, бумажной пряжи и различных пряностей, а в экспорте машин, химических товаров, металла, шерсти она занимала второе место (после Германии).

Россия имела пассивное сальдо в торговле с США, откуда она ввозила главным образом хлопок, машины, металл и металлические изделия, и в торговле с Китаем. Основной статьей русского импорта из Китая был чай, привоз которого в пореформенное время резко возрос. Стоимость импорта из Персии достигла в 90-х годах 15 млн. руб., причем на Россию приходилось около половины всего

экспорта этой страны; отсюда ввозились главным образом хлопок, ковры, рис, фрукты.

В конце XIX в. проблема рынков, в частности восточных, для русского капитализма становится острее. Экономические кризисы, поражавшие народное хозяйство, неурожай, ведущие к понижению покупательной способности крестьянства, всевозможные пережитки крепостничества, задерживавшие рост внутреннего рынка «вглубь», — все это обостряло борьбу за внешние рынки, в частности за рынки стран Востока. На развитие внешней торговли существенное влияние оказывала таможенная политика царского правительства, выражавшая интересы господствующих классов.

Россия и после реформы оставалась земледельческой страной. Правительство под влиянием требований промышленной буржуазии было вынуждено все в большей степени становиться на путь промышленного протекционизма, выражавшегося в различных формах: в покровительственной таможенной политике, казенных заказах, в покровительственной политике в области железнодорожного строительства и т. п.

Промышленная буржуазия, наиболее заинтересованная в усилении протекционизма, по мере укрепления своего экономического могущества все громче требовала высоких таможенных пошлин, видя в них главное средство успешного развития промышленности. Правда, внутри промышленной буржуазии тоже происходила борьба вокруг тарифной политики: так, владельцы металлургических заводов добивались увеличения пошлин на металл, а владельцы машиностроительных, напротив, требовали снизить их; собственники прядильных фабрик настаивали на повышении пошлин на пряжу, а фабриканты ткацких фабрик — на их снижении. Но это была борьба внутри класса капиталистов за сверхприбыль, не нарушавшая общности их коренных интересов.

В целом промышленная буржуазия видела в покровительственной системе едва ли не главное средство прогресса промышленности; часть помещиков тоже была заинтересована в покровительственных пошлинах на сахар, кожи и другие товары.

Среди русских буржуазных либеральных экономистов не было единства взглядов на проблему внешней торговли.

Так, И. В. Вернадский, И. Я. Горлов, И. К. Бабст, частично Н. Х. Бунге стояли за свободную торговлю, за фритредерство; некоторые экономисты даже считали высокие пошлины на промышленные товары «смягченной формой рабства»¹. Экономисты-народники возражали против протекционистской политики царского правительства, поскольку протекционизм, с их точки зрения, способствовал искусственному образованию капитализма в России.

Дискуссия о внешней торговле происходила еще в дореформенные годы; ее оживление перед реформой было связано со статьей либерального буржуазного экономиста-фритредера И. В. Вернадского, считавшего, что тарифы избавляют русского промышленника

¹ Новиков Я. Протекционизм. Спб., 1890, с. 2.

от «тревожного соперничества, не дающего ни спуска, ни отдыха, вечно державшего в напряжении наши нравственные и умственные силы»¹, что низкие тарифы содействуют улучшению жизни рабочего народа, способствуя снижению цен, росту потребления в стране и т. д. Вернадскому возражали многие сторонники протекционизма. Один из них, А. Шипов, в конце 60-х годов утверждал, что одна из причин экономических трудностей — непонимание всей силы рациональной, охранной таможенной системы.

Кроме И. В. Вернадского на позициях свободной торговли стоял другой крупный буржуазный экономист, И. К. Бабст, впоследствии эволюционизировавший свои взгляды до умеренного фритредерства почти до протекционизма. Бабст считал, что от понижения тарифа промышленность крепнет, потому что она «не может заставаться и дремать под дамокловым мечом иностранного соперничества», а «при слишком нежном попечении и заботливости мы встречаем одну слабость и жалость»². Тем не менее Бабст не отрицал необходимости некоторого охранительного тарифа. Он полагал, что «охранительные пошлины не для того существуют, чтобы фабриканты, обеспеченные ими, не прилагали никакого старания к удешевлению продуктов, к усовершенствованию производства, к изысканию наилучших и наивыгоднейших способов производства»³.

В дореформенное время самой главной экономической потребностью России был вопрос об отмене крепостного права, тормозившего рост производительных сил страны. Н. Г. Чернышевский доказал ошибочность мнения американского экономиста Г. Кэри о том, что протекционизм спасителен для нации. Главную причину экономических затруднений Соединенных Штатов Америки великий революционный демократ видел в невольничестве. Чернышевский, как статистик Д. П. Журавский и позднее Н. П. Огарев, считал, что проблемы тарифов, протекционизма и фритредерства должны быть подчинены главному вопросу — народному благосостоянию.

Вопрос о торговой политике был весьма актуальным для хозяйственной жизни страны. В 1864 г. Германский коммерческий съезд, надеясь на поддержку некоторых кругов в Петербурге и среди помещиков, представил специальное мнение о заключении с Россией таможенного договора, с тем чтобы по одной группе товаров ввоз в Россию был беспошлинный, по другой пошлины были сильно снижены⁴. Любопытен ответ московского купечества на это предложение: «Промышленное завоевание России и восточных рынков —

¹ Вернадский И. В. О внешней торговле. — Русский вестник. М., 1856, т. 2, кн. 4, с. 603—604; Еще о внешней торговле. — Русский вестник, 1856, т. 3, кн. 2, с. 281.

² Атенией, 1858, ч. 2, с. 479.

³ Московские ведомости, 1857, № 96.

⁴ См.: Записка о заключении торгово-таможенного договора между Таможенным союзом и Россией, представленная правительством Таможенного союза, депутацией Постоянного германского коммерческого съезда. Спб., 1864.

это конечная цель, к которой умно, неуклонно¹ и расчетливо стремилась Пруссия с самого замирения Европы.

Время выбрано теперь самое удобное. Наша внутренняя промышленность, и без того необширная, потрясена в своем основании несвоевременным и с высшей степени нерациональным понижением тарифа в 1857 г.; великие реформы пошатнули весь организм наш и обещают успех в будущем, и может быть весьма далеко, теперь же они отозвались тяжело на всей промышленности; наша денежная система потрясена, что со своей стороны также не могло не отозваться на наших торговых делах; все в расстройстве, а иностранцам при таком положении наших дел и легко и выгодно спускать свои товары на таком обширном рынке, какой им предоставляла Россия.

Минута выбрана, одним словом, удобная, которой в другой раз Германия не дожидется, особенно еще когда под влиянием иностранных газет и книг наше высшее общество и наши литературные деятели, говорящие и действующие под иностранное подсаживание, гораздо более склонны к удовлетворению европейских требований, нежели к исследованию потребностей и нужд своей страны»¹.

Интересно, что в более позднее время крупнейший либеральный экономист А. И. Чупров, который никогда не стоял за применение в России фритредерских доктрин², возражал против «бесшабашного протекционизма» конца XIX в., поскольку таможенная охрана ведет к промышленной спячке и протекционизм смешивает выгоды «небольшой группы лиц с интересами целой страны»³. Он выступал против установления пошлины на каменный уголь, повышения пошлин на металл и изделия из него, установления пошлин на сельскохозяйственные машины и т. д.

Таким образом, А. И. Чупров был сторонником умеренного протекционизма. «Если при безусловной свободе торговли промышленность страны подвергается опасности вследствие иностранного соперничества, то при безусловном покровительстве меньшеею опасностью может угрожать влияние самодовольной рутины, естественно укореняющейся при отсутствии конкуренции. Государство, которое желает достигнуть прочного развития народной промышленности, не может, конечно, обойтись без таможенной ее охраны; но необходимость и границы такой охраны должны быть определены для каждого промысла через особое исследование»⁴.

В то же время он правильно указывал на некоторые признаки нашей «вялой апатической промышленности, защищенной от конкуренции, на наличие отсталых в техническом отношении предприятий в условиях чрезмерно высоких тарифов»⁵.

¹ Мнение Постоянной депутации московских купеческих съездов по поводу записки, представленной правительством Таможенного союза, депутацией Германского коммерческого съезда. М., 1865, с. VI.

² См.: Чупров А. И. Речи и статьи. т. III. Спб., 1909, с. 313.

³ Там же, с. 314.

⁴ Там же, с. 312.

⁵ Там же, с. 323.

Сторонником протекционизма в последней четверти XIX в. был великий русский химик и крупный экономист Д. И. Менделеев, написавший ряд интересных экономических работ: «К познанию России», «Заветные мысли», «Толковый тариф» и др. В одной из них он говорил, что стоит за рациональный протекционизм, что фритредерство «как учение очень шатко, фритредерский образ действия подходит лишь к странам, уже укрепившим свою фабрично-заводскую промышленность, что протекционизм как абсолютное учение есть такой же рационалистический вздор, как и абсолютное фритредерство, и что протекционный способ действия совершенно уместен ныне для России, как был уместен и для Англии в свое время, когда ей грозило остаться разоренным и бедным островом Атлантического океана»¹.

Основной идеей работ Д. И. Менделеева была необходимость развития промышленности в России и усиления экономической самостоятельности страны: «...надо заботиться ...не столько о развитии у нас одного земледелия, сколько об росте всех видов промышленности»². В работе «Заветные мысли» он пишет, что «вся его книга сводится к тому, чтобы убедить в необходимости широкого роста русской промышленности»³.

Д. И. Менделеев на основе собственных расчетов показал глубину отставания России от США по производству промышленных товаров на душу населения. По его подсчетам, в России в конце прошлого века стоимость промышленных товаров, приходившихся на душу населения, составляла только 20—30 руб., а в США — 300—400 руб. Он не только установил степень экономического отставания России от передовой в технико-экономическом отношении страны, но и определил примерные затраты, которые нужно вложить в русскую промышленность, чтобы догнать США: «Если мы хотим догнать американцев хотя бы в 20—30 лет, нам надо вкладывать в промышленность не менее как по 700 миллионов рублей в год»⁴. Заботясь об экономической самостоятельности своей родины, особенное значение он придавал развитию обрабатывающей промышленности: «Будущее... страны нашей переее всего зависит от меры развития у нас переделывающей промышленности». Большую роль в развитии индустрии Д. И. Менделеев приписывал покровительственным тарифам (себя он называл убежденным протекционистом)⁵. По его мнению, не только США, но и Англия своими капиталами обязаны покровительственной системе, которая существовала в последние «лет 200 со времени Кромвеля», а потом, когда английская промышленность окрепла, была отменена. Такой же путь советовал он избрать и России, т. е. до тех пор, пока рус-

¹ Менделеев Д. И. Толковый тариф, вып. I. Спб., 1891, с. VIII.

² Менделеев Д. И. Заветные мысли. Спб., 1904, с. 141.

³ Там же, с. 412.

⁴ Менделеев Д. И. Мысли о развитии сельскохозяйственной промышленности. Спб., 1899, 2-е чтение, с. 10.

⁵ См.: Менделеев Д. И. Заветные мысли, с. 27.

ская промышленность не окрепла, проводить политику последовательного протекционизма.

Д. И. Менделеев усиленно разрабатывал прикладные экономические вопросы. Он изучал проблемы развития горнозаводской промышленности Урала, нефтяной промышленности, подземной газификации углей, орошения Заволжья и т. п. В 90-х годах он руководил специальной комиссией по изучению развития горной промышленности Урала. Своими трудами Д. И. Менделеев содействовал изучению природных и экономических ресурсов России. Круг народнохозяйственных вопросов, которые исследовал Д. И. Менделеев, был очень широк. Он затронул поставленную еще М. В. Ломоносовым проблему освоения Северного Ледовитого океана: «...в Ледовитом океане будущая Россия должна найти свои пути выхода, и думается мне, что это будет наверное, когда побережья сибирских рек густо заселятся и когда для богатства громадного края необходим будет морской выход»¹. Ученый высказал очень ценные мысли о тенденции перемещения хозяйственной деятельности нашей страны на Восток. Д. И. Менделеев последовательно боролся с недооценкой значения русских ученых во всех областях науки, презирал тех, кто слепо преклонялся перед авторитетом Запада, считая, что научная известность ученого составляет гордость не только личную, но и общую русскую.

Период промышленного капитализма в России характеризуется усилением протекционистской системы: таможенное обложение ввозимых товаров возрастало. В 1857—1868 гг. сумма пошлин к стоимости импортируемых товаров составляла 17,6%; в 1869—1876 гг. — 12,7; в 1881—1884 гг. — 18,7; в 1885—1890 гг. — 28,3; в 1891—1900 гг. — 33%².

Вместе с тем иногда пошлины понижались (например, на черный металл) либо отменялись (на машины, хлопок и др.). Быстрое развитие промышленности и железнодорожного строительства после реформы требовало увеличения ввоза машин, металла, железнодорожного оборудования, что вызывало необходимость смягчать условия их импорта, снижать пошлины на них. До 1850 г. таможенная политика в России имела, по существу, запретительный характер. Тарифы 1850, 1851 и 1868 гг. были покровительственными.

Вследствие задолженности России за границе ежегодно требовались большие суммы как для уплаты процентов по займам, так и для погашения их. Напряженность финансового состояния усугубилась еще и тем, что начиная с 1872 и до 1877 г. торговый баланс страны был пассивным. Все эти обстоятельства не позволяли расширять импорт и вынуждали резко повышать размер таможенного обложения ввозимых товаров. После 1877 г. пошлины неоднократно повышались для увеличения доходов государственного казначейства и усиления покровительства отдельным отраслям промыш-

¹ Менделеев Д. И. Заветные мысли, с. 209.

² Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России, т. 1. СПб., 1902, с. XXXIII.

ленности. В 1878 г. была вновь введена пошлина на хлопок, в конце 1881 г. установлена 10%-ная надбавка к пошлинам на привозимые товары (кроме соли). В 1882 г. многие товары, импортировавшиеся согласно тарифу 1868 г. беспошлинно, были обложены пошлиной, а на ряд товаров пошлины увеличились; через три года пошлины (за некоторыми исключениями) повысились еще на 20%¹ в целях уравнивания торгового баланса, поскольку цены на сельскохозяйственные продукты, и в первую очередь на хлеб, в связи с аграрным кризисом снижались.

С 1880 г. был отменен беспошлинный ввоз железа и чугуна для машиностроительных заводов и железнодорожных компаний. По мере увеличения продукции металлургической промышленности на Юге неоднократно повышались пошлины на чугун, железо и сталь. Начиная с 1884 г. каменный уголь стали также облагать пошлиной, которая в дальнейшем неоднократно повышалась. В 1885 г. были введены пошлины на сельскохозяйственные машины, а в дальнейшем и на другие товары, продукты химической промышленности, шерсть и т. д. В 1890 г. царское правительство в связи с повышением курса кредитного рубля подняло на 20% почти все таможенные пошлины.

Изменения в таможенном тарифе, внесенные на протяжении 1877—1890 гг., нашли окончательное выражение в тарифе 1891 г., в результате принятия которого размер таможенных пошлин составил 33% стоимости ввозимых товаров. По сравнению с тарифом 1868 г. размер пошлин на чугун увеличился в 10 раз, на керосин — в 3, рельсы — в 4,5, машины — в 8, паровозы — в 4, на хлопчатобумажные ткани — в 2 раза.

Тариф 1891 г. был полнейшей победой протекционизма в России. Землевладельцы-помещики тщательно боролись против его принятия. Заключение Вольного экономического общества о том, что «не только не усматривается повод к дальнейшему повышению таможенных пошлин, но наступила пора принять почин в таможенном разоружении»², действия не имело.

Таможенные доходы, составлявшие в 1860 г. 49,9 млн. руб., в 1880 г. — 104,9 млн., в 1890 г. — 126,5 млн. и в 1900 г. — 209,7 млн. руб., росли значительно быстрее объема импорта. Главная доля таможенных доходов (свыше 97%) приходилась на привозимые товары; что же касается пошлин на экспортируемые товары, то они составляли в конце века не более 250 тыс. руб.

Таможенное обложение основных промышленных товаров в России было в этот период выше, чем, например, в Германии, Франции и Италии. Если в начале 90-х годов в России таможенный доход составлял 33% ценности ввоза, то в Италии — 18, во Франции — 9, в Германии — 8, в США — 30%. Лишь в Бразилии процент

¹ См.: Фабрично-заводская промышленность и торговля России. Спб., 1893, отд. XIX, с. 157—158.

² Ходатайства императорского Вольного экономического общества об изменениях в русском таможенном тарифе. Спб., 1890, с. 84.

таможенного дохода от импорта (40%) был выше, чем в России¹.

Конкуренция Англии принудила к политике ограждения покровительственными пошлинами почти все большие страны. В России речь шла не только об английском соперничестве, но в не меньшей степени и о попытках немецких капиталистов экономически оказывать давление на торговлю.

Часто высокие таможенные пошлины устанавливались в ответ на повышение пошлин в других государствах на вывозимые русские товары, в первую очередь на хлеб. Так, в 1893 г. Германия установила пошлину на русский хлеб, превышавшую более чем в 2 раза размер пошлины на хлеб, ввозимый ею из других государств, в частности из США и Индии. Русское правительство в ответ на это также применило в отношении Германии повышенный тариф. В результате неоднократных повышений тарифов с той и другой стороны торговля между обоими государствами была парализована. Так как значительная часть хлеба из России шла в Германию, то для землевладельцев и крестьян проблема реализации хлеба стала намного сложнее. Таможенная война между Россией и Германией, едва не приведшая к вооруженному столкновению, изобиловала различными формами борьбы, в частности резкими взаимными повышениями пошлин, и закончилась заключением торгового договора 1894 г., послужившего дальнейшим звеном на пути укрепления позиций германского капитализма в России.

Установление высоких покровительственных пошлин на ввозимые товары обеспечивало российской буржуазии внутренний рынок для сбыта товаров отечественной промышленности. Эти высокие барьеры позволяли ей получать огромные сверхприбыли путем ограбления трудящихся как потребителей. Сильно уменьшая, а в отдельных случаях уничтожая конкуренцию иностранных товаров, высокие таможенные пошлины способствовали притоку иностранного капитала в Россию. Таможенные тарифы приводили к снижению ввоза иностранных товаров и росту цен на внутреннем рынке, в результате чего промышленники получали баснословные прибыли. Так, в 1887 г. чистая прибыль на фабрике Торнтон достигала 45%, на Кренгольмской — 44,9, на Невской бумаготкацкой — 38, на мануфактурах С. Морозова — 18, на Измайловской бумагопрядильной фабрике — 26% и т. д.² На металлургическом заводе Юза чистая прибыль доходила до 100%.

Две главные причины определяли таможенную политику царского правительства: желание создать собственную промышленность и фискальные соображения. Последние играли большую роль, поскольку таможенные пошлины составляли значительную долю доходной части бюджета. Наряду с активным сальдо по тор-

¹ См.: Покровский С. А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947, с. 275.

² См.: Ходатайства императорского Вольного экономического общества об изменениях в русском таможенном тарифе, с. 116.

говому балансу таможенные пошлины служили важнейшим источником оплаты заграничных займов. «Русскому государству, — писал Ф. Энгельс в 1894 г., — при его безграничной задолженности и при его почти совершенно подорванном кредите за границей, приходится в прямых интересах фиска заботиться об искусственном насаждении отечественной промышленности. Оно постоянно нуждается в золоте для уплаты процентов по государственным долгам за границей... Поэтому, если правительство не желает для уплаты процентов по заграничным долгам прибегать к новым иностранным займам, ему надо позаботиться о том, чтобы русская промышленность быстро окрепла настолько, чтобы удовлетворять весь внутренний спрос. Отсюда — требование, чтобы Россия стала независимой от заграницы, самоснабжающейся промышленной страной; отсюда — судорожные усилия правительства в несколько лет довести капиталистическое развитие России до высшей точки»¹.

Финансовые затруднения царского правительства были одной из причин резкого повышения таможенных пошлин в 1877 г. С 1 января 1877 г. пошлины начали взиматься в золотой валюте, что означало усиление таможенного обложения на 25% по отношению к среднему курсу кредитного рубля во время действия тарифа 1868 г. и на 30% по сравнению с курсом во время введения золотых пошлин; в последующие годы роль этого факта еще более возросла ввиду последовавшего снижения вексельного курса².

В отношении таможенных пошлин интересы промышленной буржуазии и землевладельцев не всегда совпадали. Промышленники и купечество были главными представителями крайнего протекционизма в отношении промышленных товаров, землевладельцы как покупатели промышленных товаров выигрывали от снижения таможенных пошлин. Царское правительство в этом вопросе в конце XIX в. все более шло навстречу российской буржуазии.

Высокие таможенные пошлины на ввозимые в Россию товары способствовали импорту не товаров, а капиталов. Правительство поддерживало промышленную буржуазию не только таможенной политикой; промышленный протекционизм выражался в казенных заказах, различных премиях промышленникам, в частности в вывозных премиях, железнодорожных заказах и т. д.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 452.

² См.: Фабрично-заводская промышленность и торговля России, отд. XIX, с. 156—157.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ФИНАНСОВО-ДЕНЕЖНАЯ
И КРЕДИТНАЯ СИСТЕМА

Кризис феодально-крепостнических отношений в первой половине XIX в., медленный рост производительных сил осложняли финансовое положение страны. Причину расстройств финансов и денежной системы надо искать в общих условиях экономического и политического развития России. Разложение крепостничества проявлялось во всех областях экономической жизни, в том числе и в финансово-денежной системе. Хотя натуральные формы хозяйства, не создавшие прочной основы для развития денежного обращения, продолжали господствовать, рост капиталистических отношений и общественного разделения труда усиливал значение денег в экономике страны. С целью получения денег помещики всячески расширяли продажу сырья и хлеба, в частности за границу.

Слабая, но все же растущая связь крестьян с рынком (в большей степени это касалось государственных и оброчных крестьян, в меньшей — барщинных) повышала роль денег в крестьянской жизни, порождая хроническую нужду в них.

Развитие капитализма требовало создания соответствующей финансово-денежной и кредитной системы. Еще в предреформенные годы выдвигались различные проекты упорядочения финансов России: путем выпуска различных займов, продажи казенных земель и лесов, сокращения государственных расходов и т. д. После 1861 г. царское правительство, став на путь буржуазных преобразований, провело также *финансовую реформу* (1862): были утверждены новые правила составления и рассмотрения государственного бюджета, установлена публикация бюджета, внесены изменения в кассовое дело, в государственный контроль. В налоговой системе были отменены винные откупа — эгот длительный пережиток феодализма, их заменил акциз на вино, увеличились акцизы на табак, сахар. Порядок взимания податей с учетом сословий не был уничтожен, хотя и ограничился прямыми налогами; подушная подать не была отменена до 80-х годов (от нее освобождались лишь мещане), несмотря на создание многих комиссий по ее уничтожению¹. В 1863 г. подушную подать с мещан городов Европейской России заменил налог на городское недвижимое имущество, давший в 1898 г. 8,6 млн. руб.² В 1894 г. был введен квартирный налог.

Реформа в области финансов в большей степени коснулась формы взимания податей. В налоговой системе сохранялись сильные пережитки феодально-крепостнических порядков: наличие подушной подати, отсутствие всеобщего налогового обложения и обложения в зависимости от дохода, круговая порука и т. д.

¹ См.: Труды комиссии, специально учрежденной для пересмотра податей и сборов. Спб., 1869.

² См.: Россия в конце XIX в. Спб., 1900, с. 802—905.

При общинном землепользовании существовала круговая порука членов общины за отбывание различных повинностей. В отношении неисправных плательщиков община, сельское общество могли принимать различные меры: отправить недоимщика или членов его семьи на заработки с целью внести заработанные деньги на покрытие недоимок, восполнить недоимки недвижимым имуществом, назначить к недоимщику опекуна, отобрать часть или весь надел и угодья и т. д. Круговая порука сохраняла крепостнические пережитки и служила одним из средств закабаления деревенской бедноты зажиточными слоями.

Основной налогоплательщик был крайне обременен налогами, в то время как господствующие классы почти освобождались от их уплаты. После реформы 1861 г. все крестьяне облагались подушной податью, бывшие помещичьи и удельные крестьяне должны были вносить выкупные платежи; крестьяне, не переведенные на выкуп, находились на оброке у помещиков, продолжая выполнять разные повинности. Бывшие государственные крестьяне до 1886 г. уплачивали оброчную подать и подушный налог, а затем их перевели на выкуп, причем размер платежей увеличился. На крестьян распространялись общественные и местные сборы, страховые платежи; в губерниях, где были введены земства, крестьяне уплачивали также земские сборы. Повинности (подводная, дорожная) в большинстве случаев сменились денежными взносами.

С 1875 г. часть местных повинностей стала принимать форму государственного поземельного налога без различия владельцев (за исключением казны). Этот налог на крестьянские земли в среднем в 1,5 раза, а в отдельных губерниях в 3 раза и более превышал налог на частновладельческие земли. Что же касается всех прямых налогов, падавших на крестьянскую десятину земли, то в 70-х годах они были примерно в 10 раз с лишним больше, чем прямые налоги, приходившиеся на десятину помещичьей земли. В самом тяжелом положении находились бывшие помещичьи крестьяне: они имели меньше земли, а платить обязаны были больше, чем государственные и удельные. Так, если платежи государственных крестьян Владимирской губернии за десятину земли принять за 100, то платежи бывших удельных крестьян составляли 111,4, а бывших крепостных — 164,3.

Либеральные экономисты (И. К. Бабст, В. П. Безобразов, И. В. Вернадский и др.), выступая за буржуазные реформы, требовали создать финансовую систему, соответствующую развивавшемуся капитализму¹. Вольное экономическое общество не раз обсуждало проблемы улучшения денежного обращения, кредита, финансов, торговли и т. д.

Так называемая Валуевская комиссия в начале 70-х годов со-

¹ См.: *Безобразов В. П. О некоторых явлениях денежного обращения в России в связи с промышленностью, торговлей и кредитом.* М., 1863; *Бабст И. К. О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала.* М., 1857.

брала материал о тяжелом финансовом состоянии крестьянства, которое продолжало нести главную и основную тяжесть налогового бремени, и установила, что бывшие помещичьи крестьяне платили с десятины земли от 2 р. 21 к. до 3 р. 33 к. разных податей и выкупных платежей, а помещики с той же десятины — от 7 до 23 коп. Во многих губерниях платежи государственных и бывших помещичьих крестьян превышали доходность земли¹. Налоговое обложение основного плательщика было таким большим, что в 80-х годах подати поглощали, например в Воронежской губернии, 70% чистого дохода крестьянского хозяйства.

В центральных нечерноземных губерниях на платежи и повинности уходили не только весь чистый доход от хозяйства, но и значительная часть доходов, полученных крестьянами от промыслов, работы на стороне и т. д.

Либеральные экономисты считали, что «податная система и аграрное законодательство... не могут далее оставаться в настоящем виде без серьезной опасности для благоденствия и настоящего и будущего поколения»².

Так как во многих районах налоги и платежи превышали доход от земли, то крестьяне часто уступали свои земли с условием, чтобы новый владелец платил с них подати.

Буржуазная реформа в области финансов растянулась на всю вторую половину XIX в. Лишь в результате революционной ситуации 1879—1880 гг. царское правительство приступило к отмене подушной подати (в 1882 г.), уменьшило выкупные платежи на 12 млн. руб., установив обязательный выкуп земли как для помещичьих, так и для государственных крестьян, создало Крестьянский банк и т. д. Отмена подушной подати сопровождалась увеличением косвенных налогов и платежей бывших государственных крестьян в связи с переводом их на выкуп в 1886 г. До перевода они платили оброчную подать (которая была ниже выкупных платежей) и подушный налог.

По 27 губерниям Европейской России платежи и повинности, уплачиваемые крестьянами в конце XIX столетия с десятины земли, равнялись в среднем 1 р. 39 к., что, по подсчетам правительственной комиссии, составляло 15,4% валовой доходности и 36,8% чистого дохода с десятины. Но за этими цифрами скрывается много уездов, в которых платежи превышали доходность земли (в Владимирской, Рязанской и Московской губерниях, в ряде уездов Костромской губернии и др.).

Большую часть дохода крестьянин уплачивал при аренде внепашенных земель; арендная плата по тем же 27 губерниям составляла 34% валового дохода и 81,1% чистого. Во многих губерниях и даже целых экономических районах (Таврическом, Северо-Запад-

¹ См.: Янсон Ю. Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. Спб., 1877, с. 32.

² Там же, с. 120.

ном, Средне-Приволжском) арендная плата превышала чистый доход от земли.

Финансовое положение России в пореформенное время оставалось весьма напряженным, особенно в первые годы¹. Обыкновенные государственные бюджеты были дефицитными до конца 80-х годов, а денежное обращение — весьма расстроеным, в то время как развитие капитализма все настоятельнее требовало твердой валюты и устойчивых финансов в стране.

Неупорядоченность финансово-денежной системы отражалась в сильнейшей степени на положении трудящихся — рабочего класса и трудового крестьянства.

Царскому правительству необходимы были деньги не только для содержания двора и огромного аппарата чиновников, армии, не только для обильных подачек дворянству, но и для развития промышленности и транспорта. Правительство продолжало покрывать дефициты бюджета иностранными и внутренними займами, а также выпуском бумажных денег.

Финансовое положение России отражало ее отсталое экономическое состояние, сельскохозяйственный характер, низкую производительность труда. Потребность в средствах значительно превышала внутренние возможности страны развивавшегося капитализма, обремененной многочисленными феодальными пережитками. В государственном бюджете все большую роль стали играть косвенные налоги: питейный, сахарный, табачный, соляной и т. д. В конце 80-х годов ввели налоги на керосин и спички, повышен акциз на сахар, табак, водку. В конце 90-х годов была введена казенная продажа водки вначале в 35 губерниях, а затем по всей стране; потребление вина и доходы от этого еще более увеличились. Косвенные налоги, как и прямые, платили главным образом трудящиеся.

В 1861 г. из 417 млн. руб. всех доходов бюджета так называемый питейный доход давал 126 млн., подати и оброк — 53 млн., таможенные пошлины — 33 млн. руб. В 1899 г. из 1857 млн. руб. доходов питейный доход давал уже 310 млн. руб., акцизные доходы на табак, сахар, керосин и другие товары — 139 млн., таможенный доход — 219 млн., казенные железные дороги и различные платежи железнодорожных обществ — 358 млн., подати — 60 млн. и выкупные платежи — 95 млн. руб. Таким образом, за период промышленного капитализма доход от продажи водки возрос почти в 3 раза, резко увеличились акцизные доходы от продажи предметов первой необходимости: соли, керосина, табака, сахара; возросли также таможенные доходы (особенно в конце столетия, когда повысились таможенные пошлины). Займы внешние и внутренние как источник покрытия дефицитов в бюджете приобретали все большее значение,

¹ В 1862 г. Александр II написал на докладе министра финансов по вопросу о необходимости сократить государственные расходы: «Картина представлена весьма грустная, и положение наше действительно критическое...» (Воголепов М. И. Государственный долг. СПб., 1910, с. 484).

в особенности в период учредительной горячки в конце 70-х годов и в период промышленного подъема 90-х годов.

С 1899 г. начало применяться на новых основах обложение торговых и промышленных предприятий — промысловый налог, поступления от которого в 1899 г. достигли 60,7 млн. руб.¹ Уплачивался он при получении промыслового свидетельства. Кроме того, акционерные и другие предприятия платили налог с капитала (0,15% суммы основного капитала), а предприятия, прибыль которых превышала 3%, — также налог с прибыли.

С 1885 г. был введен рентный налог в форме сбора с доходов от денежных капиталов. Взимался он в размере 5% с доходов от процентных бумаг, вкладов в кредитные учреждения и т. д. Однако подоходный налог так и не был введен, хотя попытки установить его принимались еще в условиях крепостной России.

Путем увеличения государственной задолженности, повышения таможенных пошлин, а главное, в результате усиления косвенного обложения трудящихся финансовое состояние страны внешне улучшилось. С 1888 г. так называемый обыкновенный бюджет начал сводиться без дефицита². Вместе с тем не был устранен дефицит общего бюджета государства. Таким образом, «благополучие» обыкновенного бюджета оказалось весьма условным, поскольку сведение его без дефицита не означало отсутствия дефицита вообще. Отсутствие дефицита в бюджете капиталистического государства не может служить исчерпывающим показателем хорошего финансового состояния страны. Более того, многочисленные факты из экономической истории, в частности из истории России, свидетельствуют, что при растущих доходах казны народное хозяйство страны может не только не идти вперед, но даже разоряться. Финансовое благополучие России было в известной степени показным, внешним, рассчитанным главным образом на получение иностранных кредитов, в которых царское правительство остро нуждалось. Как мы уже отмечали, концы с концами в бюджете сводились прежде всего путем увеличения косвенных налогов и поборов с крестьянства. Несмотря на все усилия при взимании налогов, недоимки увеличивались, в частности в годы, когда бюджет был без дефицита³.

В начале 1872 г. недоимки достигли по Смоленской губернии 129% оклада (всей суммы налогов), Новгородской — 102, Петербургской — 83, Псковской — 37, Московской — 30, Владимирской — 13, Калужской — 10, Ярославской — 3%. Особенно они увеличились в период сельскохозяйственного кризиса 80—90-х годов. Если в 70-х годах они составляли в среднем 25—36% оклада, то в 80-х годах — до 58—98%, а в первом пятилетии 90-х годов при двух годных годах и в условиях продолжавшегося сельскохозяйственного

¹ См.: Боголепов М. И. Государственный долг, с. 805, 806.

² См.: Движение государственного бюджета с 1861 по 1900 гг. — Министерство финансов, 1802—1902 гг., ч. I. Спб., 1902, с. 632—639, 640—641, 646—649.

³ См.: Труды Особого совещания 1899—1901 гг. Исследование экономического положения Центрально-Черноземных губерний. М., 1901, с. 8.

кризиса почти достигли размера оклада, в восточных же губерниях, особенно пострадавших от неурожая, превышали последний в несколько раз. Следовательно, налоговый пресс не соответствовал платежеспособности крестьянских хозяйств. В 80—90-х годах по размеру недоимок особенно резко выделялись кроме восточных губерний также губернии Центрального промышленного и Черноземного районов, в которых налоги с земли не соответствовали доходам от нее. Что же касается северных, украинских, северо-западных и южных губерний, то там недоимки были относительно меньше.

Огромные недоимки отражали тяжелое состояние сельского хозяйства. Их причины крылись отнюдь не «в неудовлетворительной постановке податного дела в сельских обществах, пользующихся землей на общинном праве»¹. В 1882 г. правительство снизило выкупные платежи на 12 млн. руб., но при колоссальных недоимках существенного значения эта мера не могла иметь.

Расходная часть бюджета, составлявшая, по нашим подсчетам, около 15—20% народного дохода страны, в значительной степени носила непродуцируемый характер. Большинство расходов приходилось на долю военного и морского министерств; из общей суммы обыкновенных расходов бюджета (1899) в 1463 млн. руб. на военное и морское министерства приходилось 417,2 млн. руб., на оплату платежей по государственным долгам — 275,7 млн. руб. Кроме содержания армии значительные средства тратились на содержание полиции, чиновников.

Крупные суммы расходов бюджета проходили по Министерству финансов (237 млн. руб.) и Министерству путей сообщения (288 млн. руб.). В период строительства Сибирской железной дороги железнодорожные расходы достигли 62% обыкновенного бюджета. Эти средства государство тратило на казенные субсидии и различные премии промышленным и железнодорожным капиталистам, на выкуп казной частных предприятий и т. д. Таким образом, расходы, проходившие по ведомству Министерств финансов и путей сообщения, скрывали различные субсидии, выдаваемые промышленной буржуазии из государственной казны.

Платежи по государственным долгам в начале пореформенного периода составляли около 50 млн. руб., а в конце столетия, в 1899 г., возросли до 275 млн. руб. — почти до 20% расходов по обыкновенному бюджету; эта сумма превышала, например, приблизительно в 10 раз расходы по Министерству просвещения. Увеличение платежей по государственному долгу отражало его рост. Уже в середине 80-х годов Россия по величине государственного долга занимала третье место после Франции и Англии, а по уплате процентов по долгам — второе. Около половины долга было вызвано строительством железных дорог.

Государственный внешний долг России в процентах к народному богатству страны составлял более заметную величину, чем в таких

¹ Брежский Н. Недоимочность и круговая порука сельских обществ. Спб., 1897, с. 397.

развитых странах, как США, Великобритания и Германия, но был ниже, чем в Италии, Австро-Венгрии, Испании, Португалии и в некоторых других странах. Растущие потребности в средствах для финансирования железнодорожного и промышленного строительства, потребность в золоте в связи с подготавливаемой реформой объясняют увеличение государственного долга в 90-х годах. Россия не имела доходов ни от иностранных инвестиций, ни от фрахта; основными статьями, дававшими ей возможность свести платежеспособный баланс, были займы, активное торговое сальдо и добыча золота внутри страны.

Займы являлись одним из основных источников пополнения казны и покрытия дефицитов бюджета. Царское правительство довольно часто прибегало к заимствованиям и из Государственного банка. В этих случаях выпуск банкнот, сохраняя внешнюю форму кредитной сделки, на деле представлял выпуск бумажных денег с целью покрыть бюджетный дефицит.

По мере развития промышленного капитализма возрастала роль государственных займов, в частности внутренних. В дореформенный период большое значение для покрытия дефицитов в бюджете имел выпуск ассигнаций. Однако возможность мобилизации средств путем внутренних займов не была безграничной. Более того, они часто не давали того эффекта, на который рассчитывало правительство. В силу недостатка капиталов в стране оно, желая создать впечатление, что займы покрываются подпиской с превышением, часто вынуждено было ссужать себя собственными деньгами.

Государственный долг, особенно внешний, увеличивался быстрее, чем продукция народного хозяйства. Приток иностранного капитала в Россию оказал несомненное влияние на промышленный подъем 90-х годов, но в то же время превращал Россию в данницу иностранного капитала, державшего в руках некоторые важные отрасли народного хозяйства. Большая внешняя задолженность вынуждала постоянно искать золото для уплаты процентов по государственным долгам. Часто проценты по старым займам уплачивались путем заключения новых. Значительная часть государственного долга была израсходована на железнодорожное строительство; буржуазия очень много выигрывала от железнодорожных концессий, поскольку правительство предоставляло акционерам все будущие прибыли, а на государство вваливало все убытки.

Внешние займы помогли увеличить золотой фонд русского казначейства в период подготовки денежной реформы 1897 г. Расстроенное денежное обращение, хронические дефициты бюджета, обилие русских бумаг на биржах, низкая котировка рубля за рубежом подрывали кредит царского правительства за границей и создавали большие затруднения при заключении иностранных займов. На фондовой бирже за границей обращалось много русских ценных бумаг, что часто приводило к спекуляциям ими. Так, в 1887 г. в Германии начался настоящий поход против русских фондов, которым руководило само германское правительство с целью заставить Россию пойти на уступки в области таможенной политики. В итоге

этой спекуляции значительная часть русских фондов перешла в руки французских капиталистов.

Капиталистическому производству внутренне присущ кредит, так как он помогает мобилизации капитала, ускоряет процесс производства, в известной степени снижает издержки денежного обращения, облегчает уравнивание нормы прибыли и т. д. Но кредит при капитализме, с одной стороны, содействует росту производительных сил, с другой — усиливает противоречия производства. Развитие капитализма в России требовало создания соответствующей кредитной системы, которая и была сформирована в течение сравнительно короткого времени и сыграла важнейшую роль в аккумуляции денежных средств.

В период промышленного капитализма большое место в кредитной системе занимало государство. Ему принадлежали Государственный банк с 9 конторами и 104 отделениями, Дворянский земельный банк с 26 отделениями, Крестьянский поземельный банк с 39 отделениями, ссудные кассы (ломбарды). Действовали и частные кредитные учреждения; коммерческие банки с 250 отделениями, конторами, агентствами и комиссионерствами, 116 обществ взаимного кредита, 10 акционерных земельных банков, 25 городских кредитных обществ, 240 городских общественных банков, 68 ломбардов, 5 сельских общественных банков, 7 ссудных касс промышленников, несколько сословных банков, сберегательные кассы и акционерные ломбарды. Данные о росте сумм выдачи Государственного банка, сумме вкладов на текущий счет, оборотах ссудно-сберегательных товариществ и касс служат показателями банковых оборотов и накопления капитала.

Государственный банк, на который возлагалась задача упрочения денежной и кредитной системы, был создан в 1860 г.¹ Ему предоставлялось право производить учет векселей и других срочных бумаг, выдавать ссуды, за исключением ипотечных, покупать и продавать золото, серебро и ценные бумаги, принимать вклады на хранение, на текущий счет и т. д. На него возлагалась также задача ликвидации Заемного и Коммерческого банков, убытки которых в первое время чувствительно отражались на его ресурсах.

Государственный банк России отличался своеобразием: ему не предоставлялось права самостоятельной эмиссии, он выпускал кредитные билеты по требованиям правительства; кредитные билеты для коммерческих целей выпускались в каждом случае по специальным указам и т. д. Что же касается вкладов, то начиная с середины 90-х годов большая часть их состояла из казенных сумм. Следовательно, ресурсы Государственного банка формировались преимущественно из казенных вкладов и кредитных билетов; депозиты же частных лиц и капиталистической промышленности в большей степени концентрировались в акционерных банках. Активные операции банка менялись следующим образом: сумма учета вексе-

¹ См.: Государственный банк. Краткий очерк деятельности за 1860—1910 гг. Спб., 1910, с. 1—2.

лей и специальные текущие счета под векселя возросли с 32 млн. руб. в 1861 г. до 261 млн. в 1900 г.; ссуды и специальные текущие счета под процентные бумаги — с 11 млн. до 73 млн. руб.; прочие ссуды — с 3 млн. до 72 млн. руб.; количество золота — с 82 млн. до 843 млн. руб., т. е. более чем в 10 раз. По сравнению с любым акционерным банком коммерческие операции Государственного банка были очень крупные, но общая сумма учетно-ссудных операций всех акционерных коммерческих банков сравнялась в конце 80-х годов с суммой этих операций в Государственном банке и в дальнейшем превысила ее в несколько раз.

В 90-х годах был утвержден новый устав Государственного банка. Перед ним ставилась основная задача — облегчать денежные обороты и содействовать посредством краткосрочного кредита отечественной торговле, промышленности и сельскому хозяйству. Банку предоставлялось право учитывать векселя с двумя и более подписями; выдавать ссуды под залог государственных бумаг, акций и различных облигаций частных обществ, под железнодорожные накладные и другие документы; покупать и продавать процентные бумаги; выдавать ссуды под залог недвижимости и под товары, покупать и продавать золото и серебро, русские и иностранные векселя и чеки, билеты заграничных банков, принимать денежные вклады и т. д. Банк стал центральным эмиссионным учреждением страны и вместе с тем крупнейшим коммерческим банком краткосрочного кредита.

Первый акционерный Коммерческий банк возник в Петербурге в 1864 г., затем появился банк в Москве, позднее — в Харькове, Киеве. В начале 70-х годов создавалось большое число банков; ажиотаж на банковских акциях сменил спекуляцию на акциях железных дорог. Увеличивалось число земельных городских банков, банков обществ взаимного кредита и т. д. Среди учредителей новых банков значительную роль начали играть иностранные капиталисты. Часть акций первого русского акционерного банка была куплена немецкими банкирами. При организации других банков: Международного коммерческого, Рижского коммерческого и Русского банка для внешней торговли — немецкий капитал, позднее, правда, вытесненный французским, также принимал участие. Однако доля иностранного капитала в капиталах русских акционерных банков периода промышленного капитализма была все же невелика (не свыше 10%). Она значительно увеличивается в эпоху империализма.

Число акционерных коммерческих банков из года в год росло. Так, в 1864 г. был 1 банк, в 1868 г. — 4, в 1873 г. — уже 39. Из капитала в 347 млн. руб. вновь учрежденных за 1871—1873 гг. акционерных обществ в России 124 млн. руб. приходилось на банки и другие кредитные учреждения.

После невиданной учредительной банковской горячки в развитии банковского дела наступает застой, а затем и кризис. Неоднократно поднимается вопрос о том, чтобы прекратить учреждение новых банков. В 1875 г. терпит крупный крах Московский коммер-

ческий ссудный банк. Влияние краха этого банка было очень большим. Впоследствии ряд банков ликвидировали свои дела: Ростовский-на-Дону коммерческий (1876), Кишиневский коммерческий (1878), Одесский коммерческий (1878), Каменец-Подольский коммерческий (1879). Ревельский коммерческий (1880), Промышленный банк в Москве, а также Кронштадтский коммерческий банк были объявлены несостоятельными.

Средства, которыми располагали акционерные банки, характер их активных и пассивных операций в период промышленного капитализма характеризуются следующими показателями. За 26 лет (1874—1900) собственные капиталы банков увеличились со 103,5 млн. руб. до 275,2 млн.; депозиты и текущие счета — с 274,5 млн. до 547,9 млн. руб. Значение вкладов, срочных и бессрочных, в конце рассматриваемого периода снизилось, а текущих счетов — возросло.

Акционерные банки, собирая деньги, превращали их в ссудный капитал. Основными активными операциями банков были учет векселей и выдача ссуд под ценные бумаги, под залог товаров и в форме специальных текущих счетов. Учетный процент в акционерных банках, был, как правило, выше учетной ставки Государственного банка, дисконтная политика которого служила одним из средств воздействия банка на денежный рынок страны. В 1900 г. в акционерных банках учитывались векселя на сумму 406,4 млн. руб., а в Государственном банке учет и специальные текущие счета под векселя составляли тогда только 261 млн. руб.

До промышленного подъема 90-х годов акционерные банки в общем функционировали сравнительно слабо: сумма их баланса с 1874 по 1890 г. увеличилась совершенно незначительно, а учетно-ссудные операции, и в особенности учет векселей, даже сократились. Невиданный в экономической истории России промышленный подъем 90-х годов и денежная реформа в конце этого десятилетия сыграли огромную роль в деятельности акционерных коммерческих банков. За это десятилетие сумма баланса банков возросла более чем в 2 раза, в несколько раз увеличилось число отделений банков, значительно расширились учетно-ссудные операции и т. д. Ипотечный долгосрочный кредит осуществляли 10 акционерных земельных банков и два крупных государственных банка (Крестьянский поземельный и Дворянский земельный), несколько других сословных банков и городских кредитных обществ. Баланс 10 акционерных земельных банков на 1 января 1904 г. равнялся 1202 млн. руб. К основным операциям банков относилась выдача долгосрочных ссуд под залог сельскохозяйственной (568,5 млн. руб.) и городской (422,4 млн. руб.) недвижимости; общая сумма выдач краткосрочных ссуд составляла всего 14,7 млн. руб.

Осуществляя крупные земельные спекуляции, акционерные земельные банки способствовали росту землевладения деревенской буржуазии. В 1883 г. был организован Государственный крестьянский поземельный банк для выдачи ссуд крестьянам. Развитие капитализма вело к переходу земельной собственности от дворянства

к буржуазии. Крестьянский банк, выдавая ссуды преимущественно кулакам, помогал дворянству на выгодных условиях продавать землю. Количество земли, купленной через банк, значительно увеличилось, за исключением пятилетия (1891—1895), на которое приходилось два очень неурожайных года, пагубно отразившихся на сельском хозяйстве. Крестьянский банк стал позднее важнейшим орудием в руках царского правительства в проведении столыпинской аграрной политики.

При освобождении крестьян помещики получили от правительства огромную выкупную сумму в форме государственных долговых обязательств. Дворяне использовали эти деньги крайне непроизводительно, прежде всего на удовлетворение своих прихотей либо в уплату прежних долгов. Задолженность крупных помещиков-землевладельцев продолжала расти.

В 1885 г. в целях поддержания помещичьего хозяйства был создан для выдачи долгосрочных ссуд потомственным дворянам-землевладельцам под залог их земельной собственности Государственный дворянский земельный банк. По ссудам этого банка заемщики уплачивали меньше, чем платили заемщики Крестьянского банка. Банк действовал на территории Европейской России (кроме Прибалтики и Финляндии) и Закавказья. В каждой прибалтийской губернии долгосрочный земельный кредит осуществляло Земское кредитное общество. Дворянский банк пользовался, естественно, особым покровительством царского правительства, которое приняло на государство его убытки, снизило в 1897 г. размер процента по ссудам, выдаваемым банком, разрешило причислить к капитальному долгу недоимки дворян по полученным ссудам и т. д. Таким образом, правительство поддерживало различными льготами дворянское землевладение, стремясь сохранить землю в руках помещиков. Однако неотвратимый процесс развития капитализма подрывал помещичьи латифундии. Дворянский банк, финансируя полукрепостническое помещичье землевладение, поддерживая своими ссудами и льготами дворян-землевладельцев, тормозил развитие капитализма в сельском хозяйстве.

Кредитная система России эпохи промышленного капитализма кроме коммерческих банков включает и организацию краткосрочного кредита — обществ взаимного кредита, городских общественных банков и учреждений мелкого кредита, кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, земских касс мелкого кредита, сельских банков и т. д. Общества взаимного кредита и городские банки обслуживали главным образом мелких торговцев и промышленников, частично выдавая ссуды. На 1 января 1897 г. в России насчитывалось 98 обществ взаимного кредита с 64,5 тыс. членами и с общей суммой баланса в 201,1 млн. руб. Несмотря на создание многих акционерных обществ коммерческого кредита, продолжали существовать и банкирские конторы; правда, часть их слилась с акционерными банками и роль их была очень незначительна.

Наряду с кредитными учреждениями государственного, частного и кооперативного характера сохранялся и ростовщический кредит,

преимущественно в деревне, особенно в неурожайные годы. Кредитно-ростовщические отношения были весьма распространены в пореформенной русской деревне. Ссудо-сберегательные товарищества обслуживали главным образом зажиточное крестьянство. Материалы о кредитной кабале различных скупщиков, в которую попадали ремесленники и кустари, содержатся в трудах комиссии по исследованию кустарной промышленности. Ростовщический процент был здесь очень высок. Так, в 85 случаях займа денег крестьянами в Московском уезде (1866—1876) средний процент составил 35,5 годовых; иногда он поднимался выше. Очень высок был и процент за кредит, выдаваемый ростовщиками-скупщиками ремесленникам и кустарям. Еще больше был он в том случае, когда уплачивался натурой. К кредиту крестьянин прибегал при покупке семян, уплате податей, покупке скота, сельскохозяйственных орудий и т. д.

В 1893 г. был издан закон о преследовании ростовщиков, устанавливавший высшую норму дозволенного процента — 12. Однако закон не уничтожил ростовщичества: ростовщики использовали различные способы для обхода закона¹. Так, даже в XX в. деревенские богаты в Киевской губернии взимали, например, с деревенских ремесленников и кустарей колоссальные проценты: в сапожном промысле — от 52 до 156; в кузнечном — от 20 до 72; в гончарном — от 29 до 96; в ткацком — от 10 до 50.

В деле накопления капитала большое значение имели сберегательные кассы. Понижение в государственных банках процента по вкладам с трех до двух способствовало большому приливу вкладов в сберегательные кассы в 60-х годах, где процент оставался без изменения. По мере развития капитализма сберегательные кассы играли все большую роль в деле концентрации сбережений. О размерах накопления капитала дает представление рост числа сберегательных касс и их вкладов. В 1880 г. насчитывалось 75 касс, в 1897 г. — 4315, в 1902 г. — 5629. Остаток вкладов к концу года составлял в 1870 г. 5 млн. руб., в 1880 г. — 8 млн., в 1890 г. — 139 млн., в 1900 г. — 662 млн. руб.²

Таким образом, развитие промышленного капитализма в России сопровождалось созданием широкой сети кредитных учреждений капиталистического типа во главе с крупными банками. Кредитная система оказала существенное влияние на рост производительных сил страны, стала важнейшим средством концентрации и централизации производства и капитала, средством, ускорившим возникновение монополистического капитализма в России. Кредитная система способствовала обострению противоречий капиталистического производства.

Весьма важная предпосылка успешного развития хозяйства — поддержание нормального денежного обращения. Выше мы указы-

¹ См.: Россия в конце XIX в., с. 843.

² См.: Отчет государственных сберегательных касс по сберегательной операции за 1915 г. Пг., 1916, с. 16.

вали на то, что в интересах экономики страны ещё в первой половине XIX в. необходимо было упорядочить денежное обращение.

Реформой Канкрина (1839—1843) были изъяты из обращения ассигнации и выпущены так называемые кредитные билеты. Формально реформа установила серебряный монометаллизм, поскольку серебряный рубль был объявлен основной денежной системы России. «Серебряная российского чекана монета отныне впредь устанавливается главной государственною платежною монетою, а серебряный рубль настоящего достоинства — главной и неперменною законною мерой обращающихся в государстве денег»¹.

В дальнейшем наряду со свободной чеканкой серебра существовала и свободная чеканка золота; кредитные же билеты разменивались на серебро и на золото. Поэтому в действительности серебряного монометаллизма не было. Выпуск кредитных билетов диктовался не потребностями товарооборота, а потребностями казны, поэтому они являлись скорее бумажными деньгами, подлежащими размену на серебро и золото.

В конце 40-х годов начались значительные колебания денежного курса, а Крымская война привела, по существу, к крушению денежной системы, установленной реформой 1839—1843 гг., поскольку размен кредитных билетов на золото и серебро прекратился; цены возросли, и в 1854 г. был запрещен вывоз золота за границу. Попытка восстановить размен на металлическую монету в годы до крестьянской реформы не привела к успеху; обесценивающиеся кредитные билеты вытесняли из обращения металлическую монету. Таким образом, накануне и в период крестьянской реформы денежное обращение России было расстроено, упорядочение его, как писали крупнейшие буржуазные экономисты, должно было стать важнейшей предпосылкой развития народного хозяйства.

Требовалось устойчивое денежное обращение; без этого царскому правительству трудно было получать займы за границей, организовать капиталистический кредит внутри страны и т. д. Отсутствие твердой валюты затрудняло прилив иностранного капитала. Профессор Московского университета, редактор журнала «Акционер» И. К. Бабст писал: «Слова: «денег нет» выражают совершенно справедливо, что денежное обращение у нас расстроено и что это главная причина замешательства в нашей торговле, промышленности и в целом в народном хозяйстве»². И после реформы денежное обращение оставалось расстроенным. В 1862 г. царское правительство приступило к денежной реформе, разрешив размен кредитных билетов на золото и серебро, но уже в конце следующего года размен был отменен. Новая эра в денежном обращении, как хотел Александр II, написавший на проекте указа о размене: «Дай бог, чтобы это было началом новой эры», — не началась.

¹ Хромов П. А. Экономика России периода промышленного капитализма. М., 1963, с. 273.

² Бабст И. К. Мысли о современных нуждах нашего народного хозяйства. М., 1860, с. 5.

Полученный Россией перед введением размена иностранный заем в 85 млн. руб. был лишь наполовину употреблен на увеличение разменного фонда, другая же его половина ушла на покрытие дефицита бюджета. В 1863 г. ухудшился и торговый баланс, что также увеличивало предъявление кредитных билетов к размену. Политическое состояние страны (многочисленные восстания крестьян и т. д.) также не благоприятствовало успешному проведению реформы.

Таким образом, хотя количество кредитных билетов в обращении в результате реформы несколько уменьшилось, но она закончилась провалом, приведя к уменьшению разменного фонда и увеличению внешней задолженности. Курс кредитного рубля упал. Царское правительство, вводя размен кредитных билетов на золото и серебро, не создало минимальных предварительных условий, обеспечивавших успешное его осуществление.

Металлическое покрытие кредитного рубля равнялось в 1862 г. 11,2%, в 1863 г. — 11,6, в 1864 г. — 8,7%. Движение денежной бумажной массы не испытывало особенных изменений в дальнейшем вплоть до начала русско-турецкой войны 1877—1878 гг. В 1865 г. в обращении находились кредитные билеты на сумму 679 млн. руб., а в 1876 г. — на 797 млн., т. е. за 11 лет сумма увеличилась на 118 млн. руб., или почти на 17%. Война против Турции потребовала огромных расходов и стоила России больше 1 млрд. руб. Царское правительство в течение двух лет было вынуждено выпустить кредитных билетов на колоссальную по тому времени сумму — 398 млн. руб. Инфляция ударяла прежде всего по рабочему классу, поскольку рост цен ни в какой степени не соответствовал увеличению номинальной заработной платы. Чрезмерный выпуск бумажных денег понижал их «стоимость», что усиливало потребность в выпуске новых денежных знаков. В начале 1879 г. в обращении находились кредитные билеты на сумму 1881 млн. руб.; металлическое покрытие составляло только 12,4% против 28,8 в 1876 г. Курс кредитного рубля на 1 января 1878 г. равнялся 69,1 золотых копеек.

Разменный фонд, начиная с 1876 г., уменьшался под влиянием различных манипуляций, направленных на поддержание курса рубля и выполненных казначейством по указанию царского правительства. В конечном счете Государственный банк прекратил выплату золота и серебра по иностранным векселям.

Помещики как должники государства и банков выигрывали от падение курса рубля. При падающей валюте помещики-экспортеры получали за вырученное в других странах золото больше бумажных денег в России. Казначейство иногда принимало специальные меры к снижению курса рубля, чтобы дать экспортерам сельскохозяйственных товаров премию. Против реформы и упорядочения денежного обращения возражали спекулянты, поскольку они теряли весьма выгодный объект спекуляции — кредитный рубль, дававший огромные прибыли. Однако капиталистическое развитие требовало соответствующей денежной системы.

Царское правительство пыталось уменьшить количество кредитных рублей, довести бумажный рубль до паритета. С этой целью были изъяты из обращения кредитные билеты на сумму 87 млн. руб.: по 30 млн. в 1883 и 1884 гг. и 27 млн. в 1885 г. После этого в течение шести лет денежная масса оставалась без изменений: число кредитных билетов увеличилось лишь в голодные 90-е годы.

Реформа денежного обращения, т. е. установление денежного обращения, основанного на золоте, становилась все необходимее, тем более что в таких странах, как Англия, Франция и Германия, она была уже проведена. Для осуществления денежной реформы, размена бумажных денег на золото необходим был огромный золотой запас. К созданию его и вынуждено было приступить царское правительство. Как мы видели, с 1882 и до 1899 г. в России сохранялся активный торговый баланс, всячески усиливался экспорт, и в первую очередь экспорт хлеба, в организации которого активную роль играл и Государственный банк; вместе с тем сдерживался (прежде всего посредством высоких пошлин) импорт товаров. В итоге за 1881—1897 гг. был активен не только торговый, но и платежный баланс. Принимались меры к ликвидации дефицитов бюджета, в частности путем усиления налогового обложения трудящихся. На увеличение золотого запаса в стране оказали известное влияние форсирование добычи золота и особенно внешние займы: с 1893 по 1898 г. внешний долг России возрос более чем на 1 млрд. руб. Наконец, в системе мероприятий по подготовке реформы имела значение и девизная политика правительства.

Все это позволило Государственному банку к 1897 г. накопить 1095 млн. руб., т. е. сумму, почти равную количеству кредитных билетов, находившихся в обращении. После некоторых предварительных мероприятий (разрешения сделок на золото, разрешения Государственному банку покупать и продавать золотую монету и др.) *в годы промышленного подъема была проведена денежная реформа, установившая систему золотого монометаллизма. Фактически это была скрытая девальвация рубля.* Кредитный рубль приравнивался к $66\frac{2}{3}$ коп. золотом, другими словами, по фактически установившемуся в то время курсу золотой рубль содержал 17,424 доли чистого золота. Реформа, таким образом, содействовала уменьшению на $\frac{1}{3}$ внутреннего государственного долга, вместе с тем ее проведение требовало получения из-за границы в форме займов большой массы золота, в свою очередь увеличивавшей задолженность царского правительства.

Промышленная буржуазия была заинтересована в создании твердой золотой валюты. Уменьшение золотого содержания рубля служило и выгоде помещиков, снижавших таким путем свою ипотечную задолженность, с одной стороны, и получавших некоторые преимущества на мировом рынке в качестве экспортеров хлеба — с другой.

На основе денежной реформы Государственный банк получил право эмиссии банкнот. Закон о выпуске кредитных билетов и о золотом покрытии предоставлял Государственному банку право вы-

пускать кредитные билеты в размере, строго ограниченном настоятельными потребностями денежного обращения под обеспечение золотом; сумма золота, обеспечивающего билеты, должна была составлять не менее половины общей суммы выпущенных в обращение кредитных билетов, когда последняя не превышала 600 млн. руб. Кредитные билеты, находившиеся в обращении и составлявшие свыше 600 млн. руб., должны были быть полностью обеспечены золотом. Следовательно, Государственный банк наделялся правом выпускать кредитные билеты, не покрытые золотом, в пределах 300 млн. руб. Выпущенные кредитные билеты он должен был обменивать на золото. В итоге реформы денежное обращение России складывалось из золотых монет, кредитных билетов, серебряной и мелкой медной монеты¹.

Удельный вес золотых монет в структуре денежного обращения в первые годы после реформы значительно повысился², в то время как удельный вес банкнот снизился; в дальнейшем соотношение их изменилось.

В 1898 г. в обращении находилось золото на сумму 436 млн. руб., а в активах банка в России и за границей — в 2 с лишним раза больше — 1185 млн. руб., но этот золотой блеск царской казны был обманчив, поскольку государственный долг России по внешним займам превышал указанную сумму.

Введение твердой валюты и золотого монометаллизма способствовало дальнейшему развитию капитализма как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, развитию кредитной системы, приливу иностранных капиталов в Россию и т. д. Следовательно, не только отечественный, но и иностранный капитализм был заинтересован в создании твердой валюты в России.

Капиталистическая денежная и кредитная системы отражают изменения, происходящие в производстве. Кризисы, потрясавшие экономику России, естественно, сказывались на денежном рынке в сфере кредита, банков, финансов. Следует различать два вида денежных кризисов: денежные кризисы как фаза экономического кризиса и самостоятельные кризисы в сфере банков, бирж и т. д. Независимо от экономических кризисов денежные кризисы возникают в результате специфических обстоятельств: войн, спекуляции и пр. Денежный кризис как отражение мирового экономического кризиса отмечался в России в 1847 г.

¹ Денежная реформа оценивалась весьма различно в буржуазных кругах. Если Витте, один из ее инициаторов, говорил, что «денежное обращение империи не будет разрушено даже в том случае, если стране суждено когда-либо перенести тяжелые испытания» (Хромов П. А. Экономика России периода промышленного капитализма, с. 278), то М. И. Туган-Барановский, напротив, полагал, что «Россия поплатилась многими сотнями миллионов золотых рублей из золотого запаса, вполне неизменно растроченных нашим Министерством финансов при проведении реформы 1897 г.» (Туган-Барановский М. И. Бумажные деньги и металл. Пг., 1917, с. 83).

² См.: Отчет Государственного банка за 1916 г. Пг., 1916, с. 54—55.

Начавшийся в Англии, он в самых различных формах отразился затем и на других странах, в частности на России, которая вывозила в Англию много хлеба. Мы уже отмечали влияние экономического кризиса 1857 г. на денежно-кредитную сферу. Денежный кризис сказывался в недостатке денег, уменьшении возможности учета векселей, падении курса акций, в высоком проценте и т. д. Падение курса акций означало обесценение фиктивного капитала. Кризис конца 50-х годов отразился на кредитно-денежной системе русского капитализма значительно сильнее, нежели на процессе производства. Кризис денежного обращения в России в 1877—1878 гг. оказался результатом русско-турецкой войны.

По мере развития капитализма и создания крупной машинной индустрии кризисы в кредитно-денежной системе как проявление промышленных кризисов перепроизводства происходят периодически. Ни один промышленный кризис в России не происходил без денежного кризиса, выражавшегося в недостатке денег, свертывании кредитных операций, банкротствах, повышении учетного процента, в падении курсов акций и т. д. Начало кризиса характеризуется максимальным спросом на ссудный капитал, в то время как предложение его сокращается, в результате учетный процент повышается и достигает максимума. Так, в итоге промышленного кризиса 1866 г. учетная ставка Государственного банка повысилась с 5—5,5% в начале года до 7,5% (24 октября) и 8% (16 июня) в 1867 г.; симптомы денежного кризиса как проявления промышленного кризиса 1873 г. отмечались уже в 1872 г. Учетная ставка повысилась до 8% в конце 1872 г. (8 октября) и 7,5% в начале 1873 г., затем начала постепенно падать до 5,5% (23 апреля) и 4,5% (в мае) 1873 г.

Промышленный кризис проявлялся в сфере кредита многочисленными банкротствами. Значительная часть банков коммерческого кредита (Херсонский, Курский, Рыбинский, Скопинский и др.), возникших в период учредительной горячки 1870—1872 гг., потерпела крах. Позднее произошел крупнейший в России банковский крах Московского коммерческого ссудного банка.

Точно так же в последующие годы кризисы сферы денежного обращения и кредита были непременными спутниками промышленных кризисов и приводили в первую очередь к недостатку платежеспособности. Перед кризисом 1883 г. обнаруживается прежде всего недостаток денег — денежный голод.

Денежные кризисы (особую фазу экономических кризисов) следует отличать от тех видов кризиса, центром движения которых является денежный капитал, а непосредственной сферой — банки и биржи. Таким кризисом был, например, денежный кризис в России в начале 1899 г., происходивший в условиях интенсивного промышленного подъема, закончившегося, как известно, промышленным кризисом в начале 900-х годов. Кризису предшествовала активизация банковской деятельности, рост акционерных предприятий, курса ценных бумаг и т. д.

Первыми предвестниками кризиса были банкротства двух круп-

тейших фирм — фон Дервиза и Мамонтова, связанных с многочисленными и разнообразными предприятиями народного хозяйства России¹.

Учетная ставка Государственного банка повысилась в середине 1899 г. с 4,5 до 5%, поднялась и частная учетная ставка; еще более выросла учетная ставка Государственного банка; в конце года она достигла 7%, свидетельствуя о напряжении денежного рынка. Кризис привел к многочисленным банкротствам, большому падению курсовой стоимости акций и т. д.

¹ См.: Народное хозяйство, 1900, № 3, с. 15.

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СДВИГИ В СТРАНЕ

Развитие капиталистического способа производства в России создало новую классовую структуру общества, новый, свойственный капитализму, закон народонаселения. Движение населения определяется способом производства, а не наоборот, как утверждал, например, русский академик М. М. Ковалевский. По его мнению, «большая или меньшая густота населения... определяет и самый характер общественных отношений»¹. По своему классовому положению в общественном производстве население распределялось в конце эпохи промышленного капитализма так: из 125,6 млн. населения около половины было пролетариев и полупролетариев, живущих преимущественно или наполовину продажей рабочей силы; 35,8 млн. человек беднейших хозяев; 23,1 млн. зажиточных мелких хозяев; 3 млн. человек крупной буржуазии, помещиков, военных чинов и т. д.

В конце XIX в. сельскохозяйственного населения насчитывалось 97 млн. человек, торгово-промышленного — 21,7 млн. и непроизводительного — 6,9 млн. Обработав данные переписи 1897 г., В. И. Ленин дал следующую структуру населения России по занятиям (в млн.)²:

Занятия	Самосто- ятельные	Члены семей	Всего населения
	(Обоего пола)		
а) Чиновники и войско	1,5	0,7	2,2
б) Духовенство и своб. профессии	0,7	0,9	1,6
в) Рantье и пенсионеры	1,3	0,9	2,2
г) Лишенные свободы, простит., неопред., неизвестные	0,6	0,3	0,9
<i>Итого непроизводительного насе- ления</i>	<i>4,1</i>	<i>2,8</i>	<i>6,9</i>
д) Торговля	1,6	3,4	5,0
е) Пути сообщения и сношений	0,7	1,2	1,9
ж) Частная служба, прислуга, по- денщики	3,4	2,4	5,8
<i>Итого полупроизводительного на- селения</i>	<i>5,7</i>	<i>7,0</i>	<i>12,7</i>
з) Сельское хозяйство	18,2	75,5	93,7
и) Промышленность	5,2	7,1	12,3
<i>Итого производительного насе- ления</i>	<i>23,4</i>	<i>82,6</i>	<i>106,0</i>
Всего	33,2	92,4	125,6

¹ Ковалевский М. М. Экономический рост Европы до возникновения капита-
листического хозяйства, т. I. М., 1898, с. VIII.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 501. Общий свод по империи ре-
зультатов разработки данных первой всеобщей переписи населения 28/1 1897 г.,
т. II., табл. XXI, с. 296.

Приведенные данные дают четкую картину разделения общественного труда как основы всего товарного производства и капитализма в России. Непроизводительное население составляло 5,5% всего населения Российской империи, производительное и полупроизводительное население — 94,5%.

Капитализм, развивая производительные силы, калечит рабочего, обрекает на односторонность развития главную производительную силу — человека, поскольку развитие производительных сил происходит в громадной мере за счет усиления эксплуатации живого труда.

По мере развития капитализма растет доля избыточного населения и повышается удельный вес непроизводительного населения. Развитие техники и общий рост производительных сил ведут к выталкиванию рабочих из процесса производства, образованию относительного перенаселения в различных формах (текущее, скрытое, застойное). Перед экономической наукой встала задача объяснить это явление — образование избыточного населения по мере развития капитализма. Мальтус пытался пояснить его естественно-историческими причинами. Сисмонди указывал на вытеснение населения машинами и негодовал по этому поводу.

В пореформенной экономике России по мере развития капитализма также образовывалось избыточное население, природу которого и его неизбежность в условиях развивающегося капитализма так и не смогли понять народники. В силу циклического характера развития капитализма спрос на рабочую силу подвергается резким колебаниям. Русские народники не понимали вопроса о потребностях капиталистического хозяйства в резервной армии рабочих.

По мере развития капиталистической промышленности росло промышленное население страны за счет земледельческого. Одним из основных показателей этого процесса является быстрый рост городов в пореформенной России. Удельный вес городского населения систематически возрастал, поскольку его число росло почти в 2 раза быстрее, чем остальное население страны. Особенно быстро возрастала численность населения в городах, являвшихся промышленными или торговыми центрами. Городское население в европейских губерниях России составляло в 1863 г. 9,94%, в 1897 г. — 12,76. Следует учесть, что промышленное население страны превышало численность городского населения, поскольку значительная часть фабрично-заводских рабочих и в особенности рабочих горных отраслей промышленности была размещена вне городов. Численность рабочего класса резко возрастала.

Многие фабрики возникали в деревнях, фабричных селах и т. д. Крестьянская община с ее замкнутостью тормозила отход рабочей силы в города, но растущий капитализм преодолевал эти затруднения. Устройство фабрик в деревнях представляло немало неудобств, но зато оно обеспечивало дешевого рабочего. *В период капитализма резко возросла подвижность населения в противовес*

«седлости, свойственной дореформенной России. Уничтожение крепостничества, тормозившего свободное расселение по стране, создало условия для хозяйственного использования многочисленных земель на окраинах России.

Рост подвижности населения пореформенной России проявлялся также в усилении отхожих неземледельческих промыслов. Число рабочих, занятых различными отхожими промыслами, равнялось 5—6 млн. человек. Капитализм, превратив рабочую силу в товар, резко увеличил потребление наемного труда, образовав внутренний рынок на рабочую силу.

Главнейшие передвижения земледельческих рабочих — следующие: «1) Из центральных земледельческих губерний на южные и восточные окраины. 2) Из северных черноземных губерний в южные черноземные губернии, из которых, в свою очередь, уходят рабочие на окраины... 3) Из центральных земледельческих губерний в промышленные губернии... 4) Из центральных и юго-западных земледельческих губерний в район свекловичных плантаций (сюда идут даже отчасти рабочие из Галиции)»¹. Не менее интенсивное передвижение имело место среди неземледельческих рабочих, которое шло по следующим направлениям:

«1) В столицы и в большие города главным образом из неземледельческих, но в значительной степени и из земледельческих губерний. 2) В промышленный район на фабрики Владимирской, Ярославской и других губерний из тех же местностей. 3) Передвижение к новым центрам промышленности или к новым отраслям ее, к центрам промышленности нефабричной и пр.»² (на свеклосахарные заводы, в южный горный район, на портовые работы, разработку торфа, в Уральский горнопромышленный район, на рыбные промыслы, судовые, судоходные работы, вырубку и сплав леса и т. д.).

Население восточных губерний, нижеволжских, новороссийских росло значительно быстрее, чем по Европейской России в целом. Выталкиваемое из земледелия население высокочисленных районов направлялось в города — в промышленность, а часть пересажала в незаселенные части территории и принималась за обработку новых земель. Россия имела огромные незаселенные территории, что создавало возможность развития капитализма и «вширь». В. И. Ленин в работе «Аграрная программа с.-д. в первой русской революции» писал: «Россия обладает гигантским колонизационным фондом, который будет становиться доступным населению и доступным культуре не только с каждым шагом вперед земледельческой техники вообще, но и с каждым шагом вперед в деле освобождения русского крестьянства от крепостнического гнета.

Это обстоятельство представляет из себя экономическую осно-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 587.

² Там же.

ву буржуазной эволюции российского земледелия по американскому образцу»¹.

Конечно, различные крепостнические пережитки и в пореформенное время тормозили расселение населения по территории страны, тем самым задерживая хозяйственное использование земель. Однако пореформенная Россия в этом отношении сильно отличается от дореформенной.

С развитием капитализма подвижность населения в разных формах возросла, в частности возросла эмиграция населения из России. До крестьянской реформы она была очень незначительной. По числу эмигрантов Россия в XIX в. занимала третье место вслед за Великобританией и Германией. Среди причин, вызывающих эмиграцию, значительную роль играли политические факторы, вместе с тем большое значение имели и экономические причины. Рост производительных сил в России проходил сравнительно с ростом населения все же медленно.

Население страны возросло за счет естественного прироста, а также за счет увеличения территории в течение XIX в. свыше чем в 3½ раза, в результате чего удельный вес России в общей численности населения Европы значительно увеличился. В год всеобщей переписи (1897) население России достигло 126 млн. человек. Некоторое увеличение населения за период капитализма объясняется присоединением к Российской империи колонизируемых территорий, в основном рост населения страны обязан естественному приросту, обусловленному исключительно высокой рождаемостью. Быстрый рост населения страны при наличии других благоприятных условий — один из важнейших факторов в экономическом развитии страны.

Быстрорастущая численность населения страны увеличивала массу труда, но при этом очень важен достигнутый уровень производительности труда. Последний был весьма низок, в особенности в сельском хозяйстве. В этих условиях быстрый рост населения усиливал, в частности, остроту многочисленных голодных лет, постигавших весьма часто нашу страну. Среди развитых крупных европейских стран Россия занимала одно из первых мест по коэффициенту смертности и одно из последних по уровню жизни широких масс народа, размеру народного дохода на душу населения, уровню производительности труда.

При изучении экономической истории России необходимо уделять серьезное внимание быстрому росту населения, поскольку он бесспорно влияет на развитие общества, облегчая или замедляя это развитие; однако главной силой, определяющей развитие общества, он быть не может. Преувеличение значения роста населения в развитии производительных сил наблюдаем мы в работах академика М. М. Ковалевского. Он говорил: «...среди производительных сил России быстрый рост ее населения кажется мне важнейшею

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 230.

из всех. Природные богатства страны оставались бы частью не утилизированными, не увеличиваясь число производителей, и промышленность не находила бы сбыта для всех своих произведений, не увеличиваясь из года в год число потребителей. Поэтому, чтобы судить с знанием дела о нашей экономической политике, следует всегда отправляться от того факта, что на пространстве в 5 млн. и несколько сот тысяч квадратных километров мы имеем население в 63 млн. человек, плотность которого увеличивается, в особенности в земледельческой зоне, зоне чернозема. Нет лучшего доказательства того, что Россия самою природой своей почвы и характером занятий массы своего населения призвана быть прежде всего и преимущественно крупным производителем сырья»¹. М. М. Ковалевский ошибся не только в оценке значения населения в экономическом развитии России, но и в характеристике перспектив развития нашей страны, предназначая ей незавидную роль производителя сырья.

Быстрый рост народонаселения России имел в своей основе высокий коэффициент рождаемости. Так, за период с 1861 по 1870 г. он равнялся на 1 тыс. душ населения 51,9; с 1871 — по 1880 г. — 49,1; с 1881 по 1890 г. — 48,7; с 1891 по 1900 г. — 48,7.

За время капиталистического развития России рождаемость несколько снизилась. Эта тенденция наблюдалась и позднее, в годы монополистической стадии капитализма: в 1901—1905 гг. коэффициент рождаемости составил 47,7, в 1906—1910 гг. — 45,3 и в 1911—1913 гг. — 44,1. Падение рождаемости наблюдалось и в других капиталистических странах. Длительное сокращение рождаемости впервые было констатировано в конце первой четверти XIX в. во Франции, затем с 70-х годов XIX столетия понижение коэффициента рождаемости наблюдалось и в других западноевропейских странах. В конце XIX в. коэффициент рождаемости в России был выше, чем во Франции, в 2 с лишним раза, выше, чем в Англии, почти на 70% и выше, чем в Германии, на 35%.

Дореволюционная Россия была вместе с тем и страной весьма высокой смертности населения, особенно в детском возрасте. По тем же данным, коэффициент смертности в России хотя и снижался, но тем не менее сильно превышал смертность в Германии, во Франции и в Англии. В России он составлял (на 1 тыс. человек): в 1861 — 1870 гг. — 38,7; в 1871 — 1880 гг. — 35,5; в 1881 — 1890 гг. — 34,2; в 1891 — 1900 гг. — 32,8. За 1901—1905 гг. коэффициент смертности приблизительно равнялся 31, за 1906—1910 гг. — 29,2 и за 1911—1913 гг. — 27,2. Особенно возрастала смертность населения в неурожайные годы, как, например, в 1892 г.

Характерно, что в России, в противоположность многим другим странам, смертность в сельских местностях была выше, чем в городских, что отражало особенно низкий уровень жизни русского крестьянина.

¹ Ковалевский М. М. Экономический строй России. Спб., 1900, с. 11—12.

Раздел II

ЭКОНОМИКА РОССИИ В ПЕРИОД МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА

Глава I

КОНЦЕНТРАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА И ОБРАЗОВАНИЕ МОНОПОЛИИ

В конце XIX — начале XX в. промышленный капитализм превращался в монополистический, представляющий собой высшую стадию капитализма. Этот процесс происходил и в России с некоторым опозданием по сравнению с другими, более развитыми капиталистическими странами. В России высокоразвитые формы промышленного и финансового капитала сочетались с отсталым социально-политическим строем, с отсталыми формами полукрепостнических отношений, с отсталым земледелием.

Наличие феодально-крепостнических пережитков определяло специфику российского капитализма. Зависимость царизма от мирового финансового капитала, незначительный вывоз капитала из России, наличие большого, так называемого казенного хозяйства (казенных заводов, железных дорог, земель, лесов), видная роль государства в кредите — все это накладывало своеобразный отпечаток на монополистический капитал в России.

В. И. Ленин определял место царской России в ряду капиталистических государств следующим образом. На первое место он ставил три главные (вполне самостоятельные) страны: Англию, Германию, США; на второе — Францию, Россию, Японию, «второстепенные (первоклассные, но не вполне самостоятельные)»¹. В технико-экономическом отношении Россия отставала от передовых стран капитализма (США, Германии, Англии), хотя темп роста народного дохода и норма накопления в России, как в более молодой капиталистической стране, были выше чем, например, в Англии и Франции.

По объему народного дохода Россия накануне первой мировой войны стояла на четвертом месте, а по объему народного имущества — на третьем. В то же время по размеру имущества и дохода в расчете на душу населения она значительно отставала от передовых стран. В начале 90-х годов (1894) английский статистик М. Мэлхолл оценивал национальный доход США в 3116 млн. ф. ст.,

¹ Ленинский сборник XXII, с. 335.

а России — в 1004 млн. ф. ст. По данным американского экономиста Р. Гольдсмита, национальный доход России (без Финляндии) в 1913 г. равнялся 16 млрд. руб., а США — 31,9 млрд. долл. (или около 26 млрд. без сферы услуг), т.е. составлял около 32—33% от уровня самой передовой капиталистической страны.

Развитие монополистического капитализма в России, как и в других государствах, характеризовалось в первую очередь *усиленной концентрацией производства*, быстрый рост которой происходил еще в начале пореформенного периода. Отдельные синдикаты возникли уже в 70—80-х годах прошлого столетия. В 90-х годах развитие синдикатского движения вступает в новую полосу, а после кризиса, в начале XX в., монополии становятся одной из основ всей хозяйственной жизни страны.

Особенно активизировался процесс концентрации производства в промышленности в период подъема 90-х годов, в результате которого в конце XIX в. на крупных предприятиях (с численностью рабочих свыше тысячи) было сосредоточено около половины всех рабочих, в то время как в 1879 г. — не менее трети¹. Многие отрасли русской промышленности характеризовались крупным размером предприятий еще на стадии мануфактуры, но по мере развития промышленные предприятия укрупнялись более интенсивно. Крупные фабрики и заводы были лучше технически оснащены, чем мелкие, имели, как правило, более высокий уровень производительности труда. Все это позволило им занимать выгодное положение на рынке, подавлять мелкие предприятия.

Возникновению крупных капиталистических предприятий способствовала концентрация капитала. Происходила также концентрация торгового капитала, необходимого для развития крупной промышленности. Образованию крупных предприятий способствовало то обстоятельство, что ввиду относительно позднего развития капитализма в России создавались более современные по уровню техники и организации производства крупные предприятия. На их размер оказала влияние также высокая степень комбинирования производства в ряде отраслей; играла роль таможенная политика царского правительства, которое в неодинаковой степени покровительствовало отдельным производствам.

Если степень концентрации рабочей силы на предприятиях России была высокой, то степень концентрации основного капитала была меньше из-за более низкого органического состава его. В результате на одинаковых по размеру основного капитала предприятиях в России и в более развитых капиталистических странах было занято далеко не равное число рабочих. Процесс концентрации производства наблюдался во всех основных отраслях капиталистической промышленности, но темпы роста отдельных предприятий, отраслей и районов, как и все промышленное развитие России в эпоху монополистического капитализма, отличались крайней неравномерностью.

¹ См.: Указатель фабрик и заводов Европейской России. Спб., 1894.

Уровень концентрации рабочей силы в русской промышленности эпохи империализма не только не был ниже, но даже превосходил соответствующий уровень США. В 1913 г. почти 80% рабочих хлопчатобумажной промышленности трудились на фабриках с числом рабочих свыше тысячи и 10,6% рабочих — на фабриках с числом рабочих от 501 до 1000; всего в 1913 г. в России насчитывалось 834 хлопчатобумажных предприятия с 566 тыс. рабочих. На крупных предприятиях этой отрасли концентрации рабочих соотвествовала и концентрация оборудования.

Монополистический капитализм усилил процесс укрупнения промышленности и сосредоточения ее в руках наиболее крупных капиталистических групп. Так, фирма Кнопа контролировала больше десяти предприятий текстильной промышленности. Капиталисты братья Кноп состояли членами правлений нескольких текстильных объединений и членами совета нескольких банков и, по существу, контролировали значительную часть всего хлопкопрядильного производства.

Капиталист Н. Второв, стоявший во главе одного из промышленных объединений, принимал участие в товариществе Баранова, а также был совладельцем крупнейшего текстильного предприятия Коншина в Серпухове.

Примеров, иллюстрирующих сосредоточение хлопчатобумажной промышленности в руках крупных капиталистических групп, можно привести немало.

Владельцы ткацких предприятий, желая уничтожить зависимость от фабрикантов прядильных фабрик, создавали комбинированные предприятия. Уменьшая издержки производства, в частности устраняя издержки по перевозке пряжи и тканей, комбинированные хлопчатобумажные предприятия имели возможность получать более высокую прибыль. По приблизительному подсчету, крупные комбинированные предприятия Московской и западной части Владимирской губернии приносили 15—20% прибыли на затраченный капитал, тогда как более мелкие ткацкие фабрики восточной части Владимирской губернии, работавшие на покупной пряже, — только 7—10%.

Концентрация производства усиливалась после промышленных кризисов. Например, сильное влияние на процесс концентрации и возникновение монополий в России оказал кризис 1900—1903 гг., приведший к гибели множества мелких предприятий и созданию крупнейших монополистических объединений. *На основе концентрации промышленности в России в конце XIX в. и в еще большей степени в начале XX в. появляются монополистические объединения.*

Капитализм в России знал все формы монополий, не исключая трестов и концернов. Уже в последней четверти XIX в. периодически возникают кооперации, пулы и синдикаты. Кризис начала XX в. усилил монополизацию хозяйства России. Накануне первой империалистической войны в основных отраслях промышленности имелись и самые высшие формы монополий.

На монополии в России наложили отпечаток наличие пережитков феодально-крепостнических отношений в стране и более низкий, чем в передовых капиталистических странах, уровень развития производительных сил. Первые организации монополистического характера начали функционировать еще в последней четверти XIX в. (синдикат гвоздильных и проволочных заводов, синдикат сахарозаводчиков и др.).

Но особенно интенсивно начали расти монополии в XX в. В 1902 г. образовалось монополистическое объединение «Продамет» (первое акционерное общество для продажи изделий русских металлургических заводов), в 1904 г. — «Продвагон» и «Продуголь», в 1907 г. — синдикат «Съезд фабрикантов сельскохозяйственных машин и орудий», синдикат резиновых заводов («Треугольник»), синдикаты «Медь», «Продаруд», в 1909 г. — синдикат морских транспортных обществ «Ропит», синдикат «Платина» и т. д.¹

По некоторым подсчетам, на начало 1900 г. в России насчитывалось 140 монополистических объединений в 45 отраслях промышленности². Возникновение монополий не означало ликвидации конкуренции и конкурентной борьбы, которая достигает исключительной остроты и происходит между монополизировавшими целые отрасли и владевшими миллионными суммами крупными трестами, синдикатами, концернами.

Внутри монополий обострилась борьба за доли (квоты), условия получения сырья, топлива и т. д. Монополии боролись с другими аналогичными объединениями и с аутсайдерами. Так, «Продамет» конкурировал с уральскими и московскими заводами, не входившими в него, с синдикатом «Кровля», используя различные методы.

Не было ни одной крупной отрасли промышленности, в которой монополии не получили бы развития. Создавались также банковские монополии.

Монополизация русской промышленности не может быть полностью охарактеризована без указания на деятельность специальных организаций промышленной буржуазии: «Совета съездов горнопромышленников Юга России», «Совета съездов русских фабрикантов земледельческих машин и орудий», «Совета съездов бакинских нефтепромышленников» и др.

Среди монополистических организаций в русской промышленности видное место занимал «Продамет» состоявший из 30 металлургических заводов и монополизировавший более $\frac{1}{5}$ продукции металлургической промышленности России. В 1912 г. он сосредото-

¹ О монополиях в России написан ряд монографий: Шполянский Д. И. Монополии угольно-металлургической промышленности Юга России в начале XX века. М., 1953; Маевский И. В. Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны. М., 1957; Тарновский К. Н. Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы первой мировой войны. М., 1958; Из истории империализма в России. М., 1959; Погребинский А. П. Государственно-монополистический капитализм в России. М., 1959, и др.

² См.: Труды Вольного экономического общества, ч. I. СПб. 1911, с. 15.

точил 83,49% общего производства сортового железа в стране, 81,23% — листового, 95,37% — балок и швеллеров, 75,76% — рельсов. Медеплавильные заводы синдиката «Медь» к 1917 г. давали 90% производства меди России. Синдикат «Продвагон» объединял к этому времени деятельность всех частных заводов страны, выпускавших вагоны для казенных и частных железных дорог; синдикат паровозостроительных заводов — все частные паровозостроительные заводы России (Брянский, Гартмана, Невский, Коломенский, Путиловский, Сормовский, Харьковский). В нефтяной промышленности три монополистических объединения: «Товарищество Нобель», «Англо-голландский трест» и «Русское генеральное нефтяное общество» — контролировали значительно больше половины всей добычи нефти в стране.

Наиболее распространенной формой монополистических организаций в России были синдикаты. Однако из этого вовсе не следует, что в России монополии «не достигли высших организационных форм — трестов, — остановившись в своем развитии на объединениях синдикатского типа»¹.

Монополии в России возникали в форме обычных акционерных обществ, уставы которых лишь в отдаленной степени отражали их реальную деятельность. Так, крупнейшая монополия в металлургической промышленности, «Продамет», имела форму незначительного торгового акционерного общества; в действительности же она активно боролась за повышение цен, сырье, господство на рынке металлургической промышленности, за политику ограничения производства и т. д.

«Продамет» не был монополией чисто синдикатского характера, поскольку он не ограничивался сбытом товаров и закупкой сырья, а оказывал большое влияние на работу предприятий, входивших в него. Такие общества, как Южно-Русское, Днепровское, Донецко-Юрьевское и др. поглотили немало самостоятельных предприятий. Невыгодные предприятия «Продамет» закрывал. Более того, ему были свойственны не только функции треста. Перед первой мировой войной ряд входивших в него обществ, объединив металлургические, каменноугольные и другие предприятия, приобрели черты концернов. В других отраслях промышленности, в частности в нефтяной, перед войной образовались тресты.

Монополии повышали цены на товары. Для этого они нередко тормозили рост производства в угольной, нефтяной и других отраслях. «Будет настоящая цена — будет и уголь», — заявляли углепромышленники. Убытки от сокращения производства монополии в несколько раз перекрывали повышением цен. В условиях деятельности монополий цены на главные промышленные товары неуклонно возрастали; индекс цен в целом на промышленные товары увеличился, несмотря на то что производительность труда в промышленности поднялась.

¹ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР, т. II. М., 1950, с. 224—293.

При помощи высоких цен монополии присваивали значительную часть народного дохода страны. О засилье монополий в хозяйственной жизни России журнал «Финансовое обозрение» писал: «Синдикатами полна наша действительность, от них стонет казна и обыватель, плачется на их деятельность, Волжское пароходство и все русское земство, жалуется на них каждый город, которому приходится защищать обывателя и себя то от осветительного треста, то от электрического синдиката, то от соглашения мясников и дровяников»¹.

Монополизация промышленности росла, хотя в России и существовало законодательство, направленное против возникновения монополий, в частности синдикатов. Чтобы обойти это законодательство, буржуазия использовала форму акционерных обществ, создавала различные «управления» и «советы» для руководства предприятиями, входящими в монополистические организации; появились трестированные отрасли промышленности.

Общая динамика промышленности России приведена в табл. 5. Эти материалы не вполне сопоставимы, поскольку в данные за 1900 г. не вошел ряд предприятий: заводы военного и морского ведомства (Адмиралтейство, Балтийский завод, Пермский пушечный завод, оружейные, пороховые), заводы, находящиеся в ведении Министерства путей сообщения (железнодорожные мастерские, депо); в данных за 1908 г. не учтены железнодорожные мастерские.

Несмотря на неполную сопоставимость, эти данные говорят, что за 13 лет численность рабочих в промышленности увеличилась в 1,5 раза, а продукция — в 2 раза с лишним; при этом нельзя забывать, что исходный, 1900 год имел несколько пониженный объем производства.

Средний процент роста промышленной продукции России за 1900—1910 гг. равнялся 3,2%, а в период предвоенного подъема (1910—1913) — 6%. Рост отдельных предприятий и отраслей производства был неравномерен.

Таблица 5. Динамика промышленности России (за 1900—1913 гг.) *

	1900 г.			1908 г.			1913 г.		
	Число заведений	Стоимость валовой продукции, тыс. руб.	Число рабочих, тыс. чел.	Число заведений	Стоимость валовой продукции, тыс. руб.	Число рабочих, тыс. чел.	Число заведений	Стоимость валовой продукции, тыс. руб.	Число рабочих, тыс. чел.
Вся промышленность . .	25 327	3 173 531	2042,9	22 963	4 839 897	2413,8	29 415	7 357 827	3114,9

* Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за сорок лет (1887—1926), т. I, ч. I. М. — Л., 1929, с. 96—97; ч. II, с. 108; ч. III, с. 176—177.

¹ Финансовое обозрение, 1913, № 3, с. 2.

Продукция промышленности России увеличилась за период 1860—1913 г. в 12 с лишним раз. Она росла в этот период быстрее, чем в Германии, в Англии, во Франции. Однако из-за малых абсолютных размеров промышленного производства в дореволюционной России она оставалась по сравнению с этими странами более отсталой в технико-экономическом отношении как по общим размерам промышленной продукции, так и особенно по размеру ее на душу населения. Эта отсталость была обусловлена в первую очередь влиянием феодальных пережитков, тормозивших развитие капитализма в стране.

Удельный вес продукции обрабатывающей промышленности России увеличился в мировой продукции с 3,7% в 1870 г. до 5% в 1896—1900 гг.; в последующие годы, вплоть до предвоенного промышленного подъема, он оставался без изменений и возрос лишь к 1913 г. до 5,5%.

По объему производства обрабатывающей промышленности Россия в 1913 г. занимала пятое место в мире. Из шести крупных стран в предвоенные годы доля продукции обрабатывающей промышленности повысилась лишь в США и России. В Германии, Англии и Франции темп роста промышленного производства был замедлен, в результате чего их удельный вес несколько снизился.

Темп роста промышленности России далеко не совпадает с темпом увеличения промышленной продукции в расчете на душу населения. Например, в России ежегодный прирост промышленной продукции в 1911—1913 гг. по сравнению с 1896—1900 гг. был значительно выше, чем в те же периоды во Франции, но увеличение продукции на душу населения было больше во Франции вследствие более медленного прироста населения.

Рассмотрим соответствующие данные за те же периоды по ряду стран (в %) ¹:

<i>Страна</i>	<i>Продукция обрабатывающей промышленности</i>	<i>Население</i>	<i>Производство продукции на душу населения</i>
США	5,2	1,9	3,2
Германия	4,0	1,4	2,5
Великобритания	1,6	0,9	0,7
Франция	3,5	0,2	3,3
Россия	4,8	1,8	2,9

Следовательно, темпы увеличения промышленного производства вообще и в расчете на душу населения далеко не совпадают. По объему промышленной продукции дореволюционная Россия отставала от США примерно в 8 раз, в расчете же на душу населения — почти в 13 раз. В отдельных отраслях отставание по душевым нормам производства все увеличивалось.

Промышленность России, как и всех капиталистических стран, развивалась циклически. Кризис начала 900-х годов сильно отразился на отраслях тяжелой промышленности, слабее задев легкую

¹ См.: Industrialisation and Foreign Trade. Geneva, 1945, p. 56.

промышленность. Но в 1905 г. снижение промышленного производства произошло и за счет отраслей легкой промышленности.

Процесс учреждения акционерных обществ резко затормозился. Если в 1899 г. было учреждено 325 акционерных обществ, то в 1902 г. — всего 78. Один за другим терпят крах банки. Кризис сопровождался многочисленными банкротствами, резким падением курсовой стоимости акций.

Значительно упал курс бумаг и на петербургской бирже. Если сравнить высшие точки, до которых поднимались акции предприятий в 1899 г., с низшими курсами 1901 или 1902 гг., то окажется, что за время кризиса курсы акций Путиловского завода упали на 67,1%, Сормовского — на 74, Русско-Балтийского вагоностроительного — на 63,4, Брянского рельсопрокатного — на 86,5, Нефтеного производства Нобеля — на 39,7, Бакинского нефтяного общества — на 67,4, Юго-Восточной железной дороги — на 52,6, Петербургского учетного и ссудного банка — на 59,3, Русского для внешней торговли банка — 45,9% и т. д.

Подъем в русской промышленности начался после депрессивного 1908 года и происходил наиболее интенсивно в период предвоенного цикла в отраслях тяжелой промышленности, за исключением нефтяной. Кризис начала XX в. был чрезвычайно острым. Число предприятий, закрытых в 1901 г., достигло 1016, а в следующем году — 840¹. Многие рабочие оказались выброшенными на улицу. Резко упало производство в металлургической, нефтяной и других отраслях, сократилось железнодорожное строительство.

О причинах кризиса в начале века высказывались разные точки зрения. Одни видели причину в неурожайе 1901 г., другие рассматривали кризис как результат «искусственного насаждения промышленности» и порочной правительственной политики, третьи — как результат обнищания крестьянства и связанной с этим узости рынка и т. д. Так, А. И. Чупров на вопрос, в чем причина кризиса, отвечал: «Плохие жатвы последних лет играют первенствующую роль и в происхождении современного промышленного кризиса»². П. И. Лященко рассматривал кризис лишь как отражение мирового экономического кризиса³. Главные причины кризиса 1900—1903 гг. крылись в общих закономерностях капиталистического хозяйства, в первую очередь в основном противоречии капитализма — между общественным характером производства и частной формой присвоения. Но кризис в России имел специфические черты, обусловленные особенностями экономического и политического строя. Одним из специфических свойств этого кризиса была его значительная острота и продолжительность. Остроту кризиса во многом предопределили неурожай, голодовки крестьян.

Промышленному кризису предшествовал денежный: учетная ставка Государственного банка в конце 1899 г. поднялась до 7%, падение курса ценных бумаг усилилось.

¹ См.: Свод отчетов фабричных инспекторов 1900—1903 гг. Спб., 1906, с. 31, 33.

² Чупров А. И. Речи и статьи, т. III. М., 1909, с. 456.

³ См.: Лященко П. И. История народного хозяйства СССР, т. II, с. 229.

В конце 1903 г. промышленность начала выходить из кризиса, но цикл был нарушен начавшейся русско-японской войной. 1905—1908 годы — это время депрессии, граничащей с кризисом. В результате в ряде отраслей промышленности (преимущественно легкой) резко сократилось производство и число рабочих.

В силу глубокого кризиса и последующей депрессии, крайнего обострения всех противоречий в экономике России в 1900—1908 гг. темпы ее промышленного развития были ниже общемировых, что привело к некоторому уменьшению удельного веса русской промышленности в мировой промышленной продукции, но все же и в этот период наблюдался технический прогресс в промышленности. Мощность механических двигателей в 1908 г. возросла против 1900 г. в 1,5 раза, в результате чего энерговооруженность труда увеличилась во всех отраслях промышленности (не облагаемых акцизом) на 20,6%, а производительность труда — на 29,1%¹.

Предвоенному промышленному подъему способствовали хорошие урожаи и рост цен на международном хлебном рынке, прилив капиталов в промышленность, рост бюджета и другие обстоятельства. Темп промышленного развития России в 1909—1913 гг. был весьма высокий. Так, добыча каменного угля возросла с 1588 млн. пудов до 2200 млн. пудов, или почти на 40% против 24% в США, на 28 — в Германии, на 7 — в Великобритании и на 9% — во Франции. Выплавка чугуна увеличилась в России на 61%, в США — на 20, в Германии — на 33, в Великобритании — на 8, во Франции — на 46%. Расширились также производство сахара, потребление хлопка, обороты внешней торговли.

В отличие от кризисно-депрессивного периода 1900—1908 гг. годы промышленного подъема характеризовались более быстрыми темпами роста отраслей промышленности, производивших средства производства: черной металлургии, машиностроения, угольной, химической промышленности и др. Лишь нефтяная промышленность, развитие которой особенно тормозилось монополиями, снизила темпы роста, и ее удельный вес в мировой добыче нефти уменьшился.

Промышленный подъем 1909—1913 гг. отличался от промышленного подъема 90-х годов тем, что происходил в более благоприятных условиях, сложившихся в сельском хозяйстве страны (рост посевов и сбора хлебов, увеличение экспорта хлеба и цен на сельскохозяйственную продукцию). Промышленному подъему в то же время способствовал крупный импорт средств производства.

Железнодорожное строительство не играло уже главной роли, как в 90-х годах. Продукция транспортного машиностроения (вы-

¹ Исчислено по данным: Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам, не обложенным акцизом, за 1900 г. Спб., 1903, с. VIII (в эти данные не вошли: а) горнозаводские и горные предприятия; б) заводы военного и морского ведомств; в) мелкие заведения (менее 15 человек); г) заведения Сибири, Средней Азии и частично Кавказа), а также по данным: Статистические заведения об обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 г. Спб., 1912, с. 2.

пуск паровозов) в 1913 г. была даже меньше, чем, например, в 1902 г. Во время подъема 1909—1913 гг. отрасли, производившие средства производства, росли быстрее отраслей легкой промышленности.

Подъем сопровождался известным прогрессом техники в русской промышленности (созданием теплоходов, новых типов судов, двигателей, подводных лодок, паровозов и др.). Научно-техническая мысль находилась на относительно высоком уровне и явно опережала технический уровень промышленности. Многие ценнейшие изобретения своевременно не реализовывались. Технический уровень важнейших отраслей: машиностроения (кроме сельскохозяйственного, транспортного и судостроения), химической, цветной металлургии, черной металлургии и др. — был невысок.

Темпы роста различных отраслей промышленности были неодинаковы. Крупная промышленность развивалась быстрее мелкой. Средний ежегодный процент прироста продукции крупной промышленности за 1900—1913 гг., по позднейшим исчислениям, составлял 6,3¹. Общий же ежегодный темп роста крупной фабрично-заводской промышленности России за весь период капитализма достигал 5—6%, а промышленности в целом (с учетом мелкой, составившей в стоимости продукции в 1913 г. 32% и развивавшейся медленнее фабрично-заводской) — около 4,5—5%.

Темпы промышленного развития резко колебались в зависимости от фаз промышленного цикла. Более быстрый темп характерен для подъема 90-х годов. Позднее, в 1900—1913 гг., темп замедлялся как по сравнению, например, с соответствующим периодом в США, так и в сопоставлении со второй половиной XIX в. и особенно с подъемом 90-х годов в хозяйственной жизни нашей страны.

Темп прироста русской промышленности в 1885—1913 гг. был следующий (в %)²:

	1885— 1890 гг.	1890— 1895 гг.	1895— 1900 гг.	1900— 1910 гг.	1910— 1913 гг.	1885— 1913 гг.
Вся промышленность	5,8	7,6	9,2	3,2	6,0	5,8

В целом Россия накануне первой мировой войны отличалась средним уровнем развития капитализма. Русская промышленность уступала в техническом и экономическом отношении индустрии передовых капиталистических стран. По добыче каменного угля и выплавке чугуна Россия занимала пятое место, по производству стали и продукции машиностроения — четвертое, по добыче железной руды — шестое, марганца — первое, нефти — второе, по потреблению хлопка — третье место в мире³.

Мощность первичных механических установок в России была в

¹ См.: Промышленность СССР. М., 1936, с. 3.

² Исчислено по: Экономический бюллетень Конъюнктурного института, 1926, № 2, с. 19.

³ См.: Мировое хозяйство. 1913—1927 гг. М., 1928, с. 2—28.

несколько раз меньше, чем в США, в 3 раза меньше, чем в Англии, и в 2 раза с лишним меньше, чем в Германии¹. Производительность труда в промышленности России была ниже, чем в промышленности США, Англии и Германии.

В 1900 г. по кругу предприятий промышленности, охвативших 1,3 млн. рабочих, годовая выработка рабочего равнялась 1524 руб., энерговооруженность — 0,63 л. с.; в 1908 г. — соответственно 1969 руб. и 0,76 л. с. Следовательно, производительность труда увеличилась за восемь лет на 29,2%, а энерговооруженность — на 20,6%. Индекс промышленных цен в 1908 г. был выше, чем в 1900 г. примерно на 10%, так что с учетом изменения цен рост производительности труда был несколько меньше. Примерно о таком же подъеме производительности труда с 1900 до 1908 г. говорят и другие источники. На предприятиях фабрично-заводской промышленности, не облагаемых акцизом, производительность труда в 1908 г. повысилась по сравнению с 1900 г. на 25%, а в 1913 г. — на 56,6%. С учетом изменения цен производительность труда за 13 лет поднялась примерно на 40—45%. Не следует при этом забывать, что исходный год (1900), взятый для сравнения, — это год кризиса.

Рост производительности труда в 1908—1913 гг. был выше, чем в 1900—1908 гг. Это объяснялось тем, что на этот период приходился промышленный кризис 1900—1903 гг. и последовавшая за ним депрессия, в то время как после 1908 г. наступил промышленный подъем, характеризовавшийся быстрым ростом объема производства и производительности труда. Таким образом, сопоставляя данные по производительности труда за отдельные периоды, можно видеть, что уровень ее в 1913 г. примерно в 2,5—3 раза превышал уровень первых лет после крестьянской реформы. Но, несмотря на это, дореволюционная Россия сильно отставала по производительности труда от развитых капиталистических стран. Годовая производительность одного фабрично-заводского рабочего в России в 1908 г. составляла 1810 руб., а в Америке в 1910 г. — 6264 руб., т. е. в 3,5—4 раза выше. С учетом мелкого кустарного производства, игравшего большую роль в промышленности дореволюционной России, отставание было еще больше.

Война внесла коренные изменения в структуру русской промышленности. С одной стороны, множество предприятий было закрыто с другой — возникли новые предприятия, работавшие на войну. Выпуск продукции и выработка рабочих на этих предприятиях возросли, а на предприятиях, не обслуживавших непосредственно нужды войны, упали. Война усилила концентрацию производства. Весь объем продукции промышленности в 1916 г. превышал уровень 1913 г. на 9,4%, а в таких отраслях, как машиностроение, химическая и др., — в несколько раз, в то время как, например, в текстильной промышленности объем производства значительно сократился.

¹ См.: Мировое хозяйство. 1913—1927 гг., с. 67.

Большинство гражданских предприятий стало производить военную продукцию и обслуживать нужды армии. Согласно материалам особого совещания по обороне, в конце 1916 г. на армию работало (производило вооружение) 2018 тыс. человек из 2443 тыс. рабочих промышленности, или 86%. В ходе войны враг отрезал от России значительную часть промышленных предприятий, дававших около $\frac{1}{5}$ стоимости валовой продукции фабрично-заводской промышленности. Особенно пострадали шерстяная, хлопчатобумажная, кожевенная, каменноугольная, химическая и металлообрабатывающая отрасли. Часть промышленных предприятий из западных областей пришлось эвакуировать.

На 1 февраля 1916 г. было эвакуировано 427 предприятий, в том числе из Рижского района — 218, из других районов Прибалтики — 147 и т. д. Основная часть эвакуированных предприятий разместилась в Центрально-Промышленном районе, затем в Южном и Северо-Западном и незначительное число — в Юго-Восточном районе страны.

Первая мировая война показала технико-экономическую отсталость промышленности России. Несмотря на то что значительная часть военной промышленности находилась в руках государства, к войне она была подготовлена неудовлетворительно. Слаборазвитое машиностроение и металлургия не могли в достаточном количестве снабдить фронт винтовками, пушками и другим вооружением. Ряд отраслей промышленности работали на импортном сырье и оборудовании, прекращение поставок которых вызвало большие затруднения. Во время войны сильно уменьшилось строительство. Обострилась проблема рабочей силы. В полосе военных действий оказалось около $\frac{1}{5}$ промышленных предприятий России. Слабое развитие транспорта и неорганизованность правящей бюрократии затрудняли своевременную эвакуацию промышленности ряда районов.

В первый же год войны, главным образом в связи с мобилизацией квалифицированных рабочих в армию, понизилась, хотя и незначительно, производительность труда в промышленности. В 1915 г. же годовая выработка продукции рабочим была выше, чем в предшествовавшем; это объяснялось увеличением рабочего времени в течение года и частичным возвращением квалифицированных рабочих на предприятия. В 1916 г. производительность труда рабочего упала, хотя буржуазия в лице военно-промышленных комитетов и развернула со второй половины 1915 г. кампанию за подъем производительности труда на предприятиях.

В 1915 г. было отменено запрещение использовать труд женщин и детей на подземных и ночных работах (в каменноугольной промышленности). В том же году министр торговли и промышленности получил право увеличивать рабочее время и делать отступления от законодательства, регулирующего труд женщин и детей. Однако увеличение рабочего времени не могло приостановить падение производительности труда. Выработка рабочих снизилась не только в отраслях легкой и пищевой промышленности, но и в некоторых отраслях тяжелой индустрии. Среднемесячная выплавка чу-

гуна в расчете на одного рабочего на заводах Юга России в 1913/14 г. равнялась 181 пуду, в 1914/15 г. — 163, в 1915/16 г. — 143, в июле — октябре 1917 г. — 90 пудам. Сокращение металлургического производства продолжалось и в 1917 г.: если в январе производство чугуна составило 18,3 млн. пудов, то в октябре — только 13,4 млн.¹

В каменноугольной промышленности России производительность труда начала падать с первого года войны, что было вызвано прежде всего снижением квалификации рабочих: значительная часть квалифицированных горняков была призвана в армию; стал использоваться труд военнопленных (в январе 1916 г. в Донбассе было занято 24 тыс. военнопленных). Несмотря на увеличение числа рабочих в каменноугольной промышленности Донбасса (со 168 тыс. в 1913 г. до 280 тыс. в 1917 г.), добыча угля в связи с резким падением производительности труда снизилась². Добыча каменного угля в Донбассе в 1917 г. уменьшилась: в январе она составляла 154,1 млн. пудов, а в октябре — 120 млн.³ Сократились также добыча и особенно вывоз нефти. В текстильной промышленности России с начала первой мировой войны также наблюдалось снижение производительности труда. Динамика производительности труда в отдельных отраслях промышленности в годы первой мировой войны была крайне неравномерной. Лишь в отраслях, вырабатывавших вооружение, производительность труда в 1917 г. была выше уровня 1913 г. почти на 13%, в отраслях же «невоенных» она упала до 64,5%⁴.

Наибольший рост производительности труда отмечался в машиностроении (производстве машин, инструментов и аппаратов), металлообработке, в химической промышленности. Выработка валовой продукции в расчете на одного рабочего в этих отраслях в 1916 г. была выше, чем в 1913 г., соответственно на 40,1, 27,9 и 32,5%⁵. В целом по промышленности в 1917 г. годовая выработка рабочего в среднем составляла 75% от уровня 1913 г. Падение производительности труда было обусловлено рядом факторов: ухудшением материального положения рабочих (в частности, питания), снижением квалификации, значительным износом основного капитала, общими недостатками в организации труда, обусловленными войной, перебоями с поставкой сырья, топлива и материалов, расстройством транспорта, обострением проблемы снабжения промышленности и всего народного хозяйства металлом и топливом.

В годы первой мировой войны роль государства в хозяйстве усилилась, хотя Россия и раньше отличалась большой ролью госу-

¹ См.: Труды ЦСУ, вып. I, т. VII. М., 1921, с. 80; Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции, ч. 2. М., 1957, с. 110.

² См.: Статистический сборник за 1913—1917 г., вып. I. М., 1921, с. 78.

³ См.: Известия Особого совещания по топливу, 1917, № 7; Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции, ч. 2, с. 74, 86, 90.

⁴ См.: Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг., с. 57.

⁵ См. там же, с. 38.

дарства в хозяйственной жизни (наличие в руках государства казенных земель, лесов, части мануфактур, кредитной монополии и т. д.). В период промышленного капитализма роль государства в экономике возросла благодаря государственному строительству железных дорог, участию государства в строительстве многих промышленных предприятий и др. Все эти разнообразные формы вмешательства в экономику страны служили благоприятными предпосылками усиления государственно-монополистических тенденций в период монополистического капитализма, в частности в период войны.

За время войны в России, как и в других странах, не только возросла концентрация производства, но и был сделан шаг вперед к государственно-монополистическому капитализму. Контроль и регулирование государством хозяйственной жизни особенно усилились в 1916—1917 гг. Царское правительство еще в 1915 г. создало Комитет по топливу, продовольственный комитет, Комитет по перевозкам и так называемые особые совещания. В особых совещаниях руководящую роль играла русская промышленно-финансовая буржуазия, использовавшая их для усиления своего влияния. Особенно важное место занимала промышленная буржуазия в военно-промышленных комитетах.

После Февральской революции промышленная буржуазия все активнее пыталась регулировать хозяйственную жизнь. Временное правительство создало Экономический совет, Главный экономический комитет и другие органы. Однако они не смогли предотвратить хозяйственную разруху, экономический кризис усиливался.

Динамику промышленного производства за годы первой мировой войны выразить не просто. Различные подсчеты сильно отличаются друг от друга. Одни из них показывают, что за годы войны одновременно с систематическим снижением производства валовой продукции мелкой промышленности (кроме 1916 г.) продукция крупной промышленности и промышленности в целом (за исключением 1917 г., когда производство упало до $\frac{3}{4}$ уровня 1913 г.) возрасла¹.

По подсчетам ВСНХ², динамика промышленного производства по сравнимому кругу предприятий была несколько иной. Объем производства в 1917 г., по этим данным, составлял только 69,6% от уровня 1913 г., а выработка на одного рабочего — еще меньше (59%). Примерно о такой же динамике валовой продукции свидетельствуют и материалы промышленной переписи (по части промышленных предприятий).

Таким образом, в первые годы войны промышленное производство не падало, а в 1915—1916 гг. даже несколько увеличилось. В отдельных отраслях промышленности динамика валовой продукции была различной: отрасли, слабо связанные с военными нужда-

¹ См.: Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР, т. 1. М., 1929, с. 15.

² См.: Струмилин С. Г. На плановом фронте. М., 1958, с. 28.

ми, сильно сократили производство, в то время как в военных отраслях имелся значительный рост.

Динамика выпуска продукции в отраслях, работавших на оборону, была такой (1913 г. = 100%): 1914 г. — 106%, 1915 г. — 191, 1916 г. — 267,8 и 1917 г. — 168,8%; в прочих отраслях она была противоположной: 1915 г. — 94%; 1916 г. — 84, 1917 г. — 53,8%.

Отраслевая структура крупной промышленности России на рубеже XIX—XX вв. была такова: по численности рабочих на первом месте стояла текстильная (свыше 600 тыс. человек), затем горная (топливная, железорудная, марганцевая) (365 тыс.), машиностроение и металлургия (372 тыс.), пищевкусовая (293,8 тыс.), химическая (60,7 тыс.), силикатная (производство цемента, стекла, кирпичей, фарфора и др.) (130 тыс. человек).

Текстильная промышленность была самой крупной отраслью русской индустрии как по числу рабочих, так и по стоимости продукции: на нее приходилось 29,5% общей численности рабочих и 25,9% стоимости валовой продукции. Свыше четверти стоимости валовой продукции (25,9) давала пищевая промышленность, в которой было занято 14,4% рабочих. Таким образом, на эти две отрасли, производившие предметы потребления, в 1900 г. приходилось несколько больше половины всей продукции крупной промышленности России и свыше 40% численности рабочих.

Тяжелая промышленность в 1913 г. превосходила легкую по числу занятых, хотя по стоимости продукции соотношение было обратным. *Из отраслей тяжелой индустрии быстрее других развивались каменноугольная промышленность и машиностроение. В металлообработке было занято уже 14,4% промышленных рабочих. Удельный вес нефтедобывающей промышленности, по существу, остался без изменений, а роль черной металлургии из-за медленных темпов роста понизилась.*

Нефтяная промышленность России, как уже отмечалось, развивалась в последней трети XIX в. с исключительной быстротой, в результате чего к началу XX в. добыча нефти в стране превосходила добычу в США на 2 млн. т. Совершенно иную картину мы наблюдаем в этой отрасли в 900-е годы. Объем производства и производительность труда не только не увеличивались, но (за исключением нескольких лет) даже снижались. Процент прироста добычи нефти за 1885—1913 гг. был равен 5,6%, в 1885—1890 гг. — 15,5, в 1890—1895 гг. — 10, в 1895—1900 гг. — 10,4%; за первое же десятилетие XX в. добыча сокращалась на 0,7% в год, а за три предвоенных года — в среднем на 3,8% в год.

Широкая монополизация нефтяной промышленности России в начале XX в. и большая роль иностранного капитала не только не способствовали росту добычи нефти, но явились серьезными причинами падения добычи и производительности труда в этой отрасли. Нефтепромышленники, получая монопольные прибыли, были мало заинтересованы в техническом прогрессе, часто умышленно сокращали добычу, хищнически эксплуатировали нефтяные месторождения.

Что же касается концентрации производства, то она к началу века возросла и в нефтяной промышленности. В 1909—1910 гг. 16 фирм с добычей нефти свыше 10 млн. пудов каждая сосредоточили в своих руках 55% скважин и 66% добычи нефти в стране. В области торговли керосином и нефтяными остатками господствующее положение занимали две фирмы — «Товарищество братьев Нобель» и общество «Мазут», — державшие в своих руках 70% торговли керосином и почти всю торговлю нефтяными остатками.

Нефтяные монополии имели большой удельный вес и на мировом рынке. Перед империалистической войной 1914—1918 гг. три монополистические организации: «Нобель», «Ройял-Детч-Шелл» (англо-голландский трест) и Русское генеральное нефтяное общество концентрировали 86% акционерных капиталов русской нефтяной промышленности и контролировали 60% добычи нефти в России.

Наличие дешевой рабочей силы не содействовало быстрому развитию техники и в русской нефтедобывающей промышленности. В Баку, на который приходилась подавляющая часть добываемой в России нефти, добыча на одного рабочего снизилась с 29,2 тыс. пудов в 1902 г. до 12,8 тыс. пудов в 1917 г. Почти систематическое снижение добычи нефти наблюдалось по всей стране. Максимальное количество нефти (706,3 млн. пудов) в дореволюционной России было добыто в 1901 г.; в 1902 г. добыча в связи с промышленным кризисом снизилась до 670,5 млн. пудов, а в 1903 г. — до 630,2 млн. пудов.

Промышленный подъем, начавшийся в России после 1908 г., привел к небольшому увеличению добычи нефти: в 1909 г. — до 563,3 млн. пудов, а в 1910 г. — до 588,4 млн. пудов. Но в целом в 1900—1917 гг. добыча сократилась. Систематическое (за исключением немногих лет) падение добычи нефти в России в годы монополистического капитализма сопровождалось снижением производительности труда в этой отрасли. Ухудшение естественных условий нефтедобычи (увеличение глубин скважин, падение доли фонтанной нефти и т. д.) вызывало в условиях неизменной или слабо развивающейся техники дополнительные затраты труда на единицу продукции. Глубина же скважин в Баку за 15 лет (1902—1917) возросла со 145,8 сажен в 1902 г. до 184 сажен в 1917 г., а в Грозном — со 192 сажен до 269,3 сажен (в 1913 г.). Доля фонтанной нефти значительно снизилась. Все, вместе взятое, (медленный технический прогресс, ухудшение естественных условий и широкая монополизация отрасли) и привело к падению производительности труда. Экономия труда, достигаемая в результате технического прогресса, перекрывалась дополнительными затратами, вызываемыми, в частности, ухудшением естественных условий нефтедобычи.

Максимальный уровень производительности труда в русской нефтяной промышленности до первой мировой войны был достигнут в конце 80-х годов XIX в. В период монополистического капитализма производительность труда в этой отрасли снизилась, в результате чего годовая добыча нефти в расчете на одного рабочего в

1913 г. была почти в 3 раза ниже, чем в 1889 г. Несмотря на прекращение экспорта нефти из России во время войны, спрос на нефть внутри страны не удовлетворялся. Правительство вынуждено было ввести твердые цены. Но эта мера не лишала нефтяных магнатов колоссальных прибылей.

Важнейшей отраслью тяжелой индустрии была каменноугольная промышленность, имевшая в 1900 г. 109,2 тыс., а в 1913 г. — 224,5 тыс. рабочих, или соответственно 5,3 и 7,2% от общего числа рабочих в промышленности. Каменноугольная промышленность развивалась значительно более высокими темпами, чем в среднем вся промышленность России. Процент прироста добычи каменного угля за 1885—1913 гг. достигал 8, а в среднем по промышленности не превышал 5,8. Особенно велик был процент роста добычи в конце 90-х годов (1895—1900 гг. — 12,4%) и в предвоенные годы (1910—1913 гг. — 13%). Несмотря на это, потребности страны в угле не удовлетворялись и Россия ввозила его в значительном количестве из-за границы.

Первые попытки организации синдиката в каменноугольной промышленности России относятся к концу 90-х годов XIX в. В этот период возникают монополии в Домбровском каменноугольном бассейне. Как и в других отраслях, экономический кризис в начале XX в. усилил концентрацию и монополизацию в каменноугольной промышленности. Концентрация достигла такой степени, что в Донбассе крупные угольные предприятия с добычей свыше 5 млн. т давали в 1913 г. свыше 85% общей добычи угля; предприятия с добычей от 1 до 5 млн. т — около 10%, а на меньшие предприятия приходилось несколько процентов.

В 1904 г. был организован синдикат «Продуголь», связанный в значительной степени с французским капиталом и охвативший до 75% продукции угольных копей Донецкого бассейна. Вслед за ним возникают и другие синдикаты: Черемховский и Забайкальский, «Продуголь», монополизировав внутренний рынок, начал повышать цены на уголь, не останавливаясь ни перед сокращением производства и организацией угольного голода в стране, ни перед «удушением» своих конкурентов. Монополии, устанавливая высокие внутренние цены на уголь, уделяли мало внимания техническому прогрессу, полному использованию производственных мощностей и росту производительности труда.

Хотя добыча каменного угля в России возросла с 1 млрд. пудов в 1901 г. до 2,2 млрд. пудов в 1913 г., технический прогресс в отрасли шел крайне медленно, в результате чего выработка рабочих не только не повысилась, но даже снизилась. С 1905 г. в производительности труда наблюдался застой; характерно, что именно в те годы особенно сильно развивалась монополизация отрасли.

Производственные мощности значительно недоиспользовались: так, фактическая добыча угля в 1913 г. в акционерном обществе Брянских каменноугольных копей составила 32,93 млн. пудов при возможной добыче в 59,5 млн.; в Екатеринбургском горнопромышленном акционерном обществе — соответственно 57,86 млн. и

70 млн. пудов; в Южнорусском каменноугольном акционерном обществе 51 млн. и 81 млн. пудов; во Франко-Русском акционерном обществе Берестов-Крымск — 26,77 млн. и 38,5 млн. пудов; в акционерном обществе Государево-Байракских копей — 16,81 млн. и 26 млн. пудов.

В результате медленного развития каменноугольной промышленности угольные шахты перед первой мировой войной удовлетворяли меньшую долю потребности страны, чем в начале 900-х годов. Каменноугольная промышленность развивалась весьма неравномерно не только по годам, но и по отдельным бассейнам. Донбасс в 1864 г. давал 28,5%, а в 1913 г. — уже 70,3% добываемого в стране угля. В этом бассейне применялась более передовая техника, отсутствовали замкнутость и дореформенные порядки, тормозившие, в частности, развитие и этой отрасли на Урале. Донбасс занял положение первой угольной базы России. Правда, рост добычи угля и здесь не был систематическим, поскольку сказывался циклический характер воспроизводства капиталистической экономики. Динамика ежегодной добычи угля не всегда совпадала с динамикой производительности труда; последняя была и в каменноугольной промышленности (в особенности в Южном бассейне страны) крайне неравномерной.

Огромную роль в отрасли играл низкооплачиваемый неквалифицированный и малоквалифицированный труд. Слабо механизированная каменноугольная промышленность России в годы подъема испытывала недостаток рабочих рук. Рабочие Донецкого бассейна в подавляющей части были пришлыми из деревни, в страдное время возвращались домой, на село. Отлив рабочих особенно усиливался в годы высоких урожаев. Условия жизни шахтеров в годы войны стали еще тяжелее в результате снижения заработной платы, ухудшения питания и т. д. Все это сказалось на производительности труда, уровень которой в отрасли составил в 1917 г. меньше 60% от уровня 1913 г. Падению объема производства не смогло противостоять даже значительное увеличение числа рабочих в Донбассе.

Уровень производительности труда в каменноугольной промышленности России был значительно ниже, чем в той же отрасли в более развитых капиталистических государствах.

Еще больше отставала Россия по производству каменного угля в расчете на душу населения от наиболее развитых в технико-экономическом отношении капиталистических стран. Основной причиной отставания была низкая энерговооруженность труда.

Добыча угля в стране в 1917 г. была примерно на 10% меньше, чем в 1913 г. Во время войны Россия переживала топливный кризис: импорт английского угля (составлявший около 20% от внутреннего производства в России), на котором работала промышленность Петербурга и Прибалтики, прекратился; резко возросло потребление угля железнодорожным транспортом. После Февральской революции, в августе 1917 г., была введена монополия на продажу каменного угля Донецкого бассейна, которая, однако, не

смогла приостановить дальнейшее развитие топливного кризиса в стране.

В добывающих отраслях индустрии (каменноугольной, золотодобывающей, железорудной, нефтяной и др.) на динамику производительности труда известное влияние оказывало ухудшение естественных условий добычи. Оно в сочетании со слабым техническим прогрессом и определило крайне медленное повышение производительности труда в одних отраслях, застойное положение либо спад в других. Так, снижение производительности труда в золотодобывающей промышленности под влиянием ухудшения естественных условий не всегда компенсировалось ростом техники.

Годовая добыча золота в расчете на одного рабочего в России в 1903—1911 гг. не изменилась по сравнению с уровнем 1883—1885 гг.¹ Лишь в 1894—1898 гг. производительность труда несколько повысилась под влиянием промышленного подъема.

Рудники Восточной Сибири были более богатыми, и производительность труда на них была в 3—4 раза выше, чем на рудниках Урала и Западной Сибири. Этот разрыв наблюдался на всем протяжении рассматриваемого периода. На производительность труда в золотодобывающей промышленности воздействовали также естественные и технические факторы. Длительный период (с 1878 по 1911 г.) производительность труда в этой отрасли не росла, что объяснялось почти неизменным уровнем техники (драги начали применяться в России лишь с 1901 г., и то в незначительном количестве), низкой квалификацией рабочих и т. д. Механизацию золотодобычи, как и других отраслей промышленности царской России, задерживала эксплуатация дешевого, малоквалифицированного труда.

Исключительная неравномерность в движении производительности труда наблюдалась и в других отраслях добывающей промышленности России: железорудной, медедобывающей, соляной. Характерно, что в большинстве отраслей добывающей промышленности энерговооруженность труда росла значительно быстрее его производительности.

Такой же низкой была производительность труда и в железорудной промышленности, где производительность труда менялась так же неравномерно. Различные естественные условия при слабом уровне техники определяли неодинаковый уровень производительности труда в отдельных районах страны. Так, годовая добыча железной руды одним рабочим на рудниках Криворожского бассейна была почти в 3 раза выше, чем, например, на рудниках Центра, и в 2,5 раза выше, чем на рудниках Урала. Особенно низким уровнем производительности труда характеризовалась добывающая промышленность Урала. Железорудное производство было механизировано чрезвычайно слабо. Из всех двигателей мощностью в

¹ См.: Ученые записки МГУ, вып. 123. М., 1947, с. 184.

9437 л. с., имевшихся в этой отрасли в 1911 г., подавляющая часть (8 тыс. л. с., или около 85%) была сосредоточена на рудниках Украины.

В 90-х годах производство чугуна в России росло относительно быстро; так же интенсивно шел процесс концентрации металлургической промышленности. Однако в дальнейшем развитие отрасли замедлилось (за исключением периода 1909—1913 гг.), что усилило отставание России от передовых капиталистических стран. Достаточно сказать, что выплавка чугуна в России, равная в 1900 г. 179,1 млн. пудов, оставалась на этом уровне до 1910 г. Лишь в последующие годы производство чугуна стало увеличиваться быстрыми темпами и в 1911 г. составило 219,4 млн. пудов, в 1912 г. — 256,3 млн., в 1913 г. — 283 млн. пудов.

Металлургическая промышленность нашей страны в конце XIX в. развивалась более высокими темпами, чем в начале XX в. Дореволюционная Россия в XX в. продолжала отставать по производству металла на душу населения, так как абсолютный прирост металла был невелик, а население увеличивалось быстро.

В этой отсталости немалую роль сыграли монополистические объединения («Продамет», «Кровля», «Гвоздь» и др.), в значительной степени подчинившие себе после кризиса 1900—1903 гг. внутренний рынок. Степень монополизации рынка, например «Продаметом», видна из того, что в 1912 г. синдикат реализовал свыше 80% сортового листового и универсального железа от общей продажи указанных товаров в России.

Слабый технический прогресс, недоиспользование производственных мощностей тормозили рост металлургической промышленности. Производственные мощности металлургических заводов в 1903 г. использовались лишь на 53%, в 1904 г. — на 61, в 1908 г. — на 54, в 1911 г. — на 63, в 1912 г. — на 71%. Несмотря на это, все же имелся рост производительности труда в черной металлургии: в конце XIX — начале XX в. уровень ее в 1913 г. был выше уровня первых лет после крестьянской реформы почти в 4,5 раза. В 1863 г. выработка условного чугуна в расчете на одного рабочего за год равнялась 21,7 т, а в 1913 г. — 96,2 т. Характерно, что производительность труда в черной металлургии повышалась интенсивнее, чем энерговооруженность рабочих, в то время как в добывающих отраслях наблюдалось обратное соотношение.

Подъем производительности труда был связан с увеличением органического состава капитала, расширявшейся механизацией, внедрением передовой технологии, с высокой концентрацией производства. Размер агрегатов, доменных, мартеновских печей и т. п. увеличивался, хотя и не систематически. Но темпы повышения производительности труда в черной металлургии были далеко не достаточными, чтобы ликвидировать отставание по этому показателю от передовых капиталистических стран. Перед первой мировой войной выплавка чугуна в расчете на одного рабочего в год составляла в России 205 т, во Франции — 239, в Англии — 356, в Германии — 404, а в США — 811 т.

Таким образом, уровень производительности труда в металлургической промышленности России был почти в 4 раза ниже, чем в США, почти в 2 раза ниже, чем в Германии и в Англии.

В годы первой мировой войны производство чугуна и всей продукции черной металлургии снизилось. Увеличение выплавки в 1916 г. было незначительным. За первую половину 1917 г. производство чугуна составляло 80% от объема выплавки в первом полугодии 1913 г., а во второй половине 1917 г. — еще меньше. Сокращение объема производства в черной металлургии объяснялось снижением производительности труда на действующих металлургических заводах в результате мобилизации квалифицированной рабочей силы, затруднений в области снабжения топливом, коксом, железной рудой.

Большую потребность испытывало народное хозяйство в цветных металлах: в меди, цинке, свинце, алюминии, в никеле и т. д. В довоенное время внутренние потребности страны удовлетворялись почти полностью лишь медью собственного производства; потребность же в цинке, свинце, алюминии покрывалась главным образом за счет импорта.

Недостаточное развитие металлургии в России еще до войны вынуждало ввозить металл из-за границы: в 1913 г. было импортировано (преимущественно из Англии и Германии) 6 млн. пудов, а в 1914 г. — 9 млн. пудов. Специально созданное Особое совещание по обороне намечало возместить сокращение выпуска продукции металлургической промышленности увеличением закупки металла за границей и централизацией распределения его среди покупателей. Снабжение металлом, а также топливом промышленности и всего народного хозяйства во время войны было узким местом военной экономики России.

Машиностроение во второй половине XIX в. развивалось относительно быстро. В начале XX в. эта отрасль производила паровозы и вагоны, паровые машины, котлы, локомобили, турбины и водяные двигатели, насосы, подъемные машины, электрические машины, станки для обработки металла, дерева и волокнистых веществ, разнообразные сельскохозяйственные машины, предметы вооружения, оборудование для различных отраслей промышленности (писчебумажной, винокуренной, мукомольной и др.), многочисленные товары металлообработки (гвозди, подковы, иглы, замки и т. п.).

В наибольшей степени было развито сельскохозяйственное и транспортное машиностроение, а также судостроение. В 1900 г. имелось 181 предприятие сельскохозяйственного машиностроения с 11,9 тыс. рабочих, а в 1912 г. — 284 предприятия с 27,8 тыс. рабочих. В 1900 г. действовали 14 паровозо-вагоностроительных предприятий с 56,1 тыс. рабочих и 82 судостроительных предприятия с 9,6 тыс. рабочих. В производственном машиностроении насчитывалось 569 предприятий с 98,2 тыс. рабочих.

Всего же перед войной в стране было 2509 машиностроительных предприятий (включая военные заводы) с 450,7 тыс. рабо-

чих, или 14,4% промышленных рабочих России. Они производили продукции на 829 млн. руб., т. е. 11,3% общей стоимости продукции. В годы предвоенного подъема продукция этой отрасли, как и многих других, сильно возросла, за исключением судостроения и транспортного машиностроения, что было связано с уменьшением железнодорожного строительства (выпуск паровозов в 1913 г. сократился почти в 2 раза по сравнению с 1900 г.¹). Слабо развивалась ключевая отрасль машиностроения — станкостроение.

Машиностроение России перед первой мировой войной значительно уступало машиностроению развитых капиталистических стран. Его продукция в 1913 г. составляла 3,5—4% мировой продукции отрасли, в то время как доля США равнялась 50%, Германии — 20,6, Великобритании — 11,8%². Россия занимала четвертое место в мире по объему продукции машиностроения. В 1912 г. было произведено машин (без военных заводов) на 320 млн. руб., в том числе продукции промышленного машиностроения (включая электропромышленность) — на 178,6 млн., сельскохозяйственного — на 42 млн., судостроения — на 34,2 млн., транспортного — на 65 млн. руб.³

Значительная часть машин, оборудования, аппаратов, приборов ввозилась из-за границы. В 1911 г. было импортировано машин и аппаратов на 147 млн. руб., а в 1912 г. — на 150 млн. руб.⁴ Таким образом, стоимость ввезенных машин и оборудования по отношению к стоимости продукции отечественного гражданского машиностроения составила почти 50%.

Потребность в вагонах, паровозах и электровозах, паровых котлах, подъемных машинах, торговых судах, насосах, локомотивах, в машинах для кожевенных, содовых заводов удовлетворялась собственным производством почти полностью, в электрических машинах и принадлежностях — на 65%, в швейных машинах — на 64, в двигателях внутреннего сгорания — на 48, в малослойных машинах — на 39, в станках для обработки хлопка, шерсти и т. д. — на 23, в велосипедах — на 8 и в паровых машинах — на 12%.

В годы войны объем продукции машиностроительной промышленности России возрос вследствие расширения военных производств. Если объем продукции машиностроения России в 1913 г. принять за 100, то в 1914 г. он равнялся 120; в 1915 г. — 201,5; в 1916 г. — 264,3; в 1917 г. — 187,4. За время войны производство металлообрабатывающих станков увеличилось в 2 раза. На их выпуск перешли некоторые заводы сельскохозяйственного маши-

¹ См.: Жданов В. И. Довоенная мощь металлопромышленности и ее значение в экономике страны. М.—Л., 1925, с. 4.

² См.: Мировое хозяйство 1913—1917 гг. М., 1928, с. 28.

³ См.: Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за сорок лет (1887—1926 гг.), т. I, ч. III, с. 18—21.

⁴ См.: Статистический ежегодник на 1912 г. Спб., 1912, с. 24—25; Статистический ежегодник на 1914 г. Спб., 1914, с. 606—607.

ностроения. Производством вооружения были заняты не только военные, но и гражданские машиностроительные заводы. В отличие от других европейских государств военная промышленность России принадлежала преимущественно государству (Тульский и Ижевский ружейные заводы, Балтийский судостроительный, Обуховский и Пермский орудийные заводы и др.). Вместе с тем военную продукцию производили и частные заводы, например Путиловский, Николаевский и др. Основная масса винтовок изготавливалась на трех заводах: Тульском, Ижевском и Сестрорецком. Русская промышленность, несмотря на некоторую отсталость по сравнению с передовыми странами, служила основным источником снабжения армии: из-за границы было получено 30% винтовок и большая часть пулеметов¹.

Сильно отставала в технико-экономическом отношении от передовых стран русская авиационная промышленность. Перед войной работало всего четыре небольших завода и две мастерские этой отрасли. В период войны в России было произведено 5012 самолетов и 1408 моторов к ним, в Германии — соответственно 47 300 и 44 000, во Франции — 52 146 и 92 386, в США — 13 840 и 28 509.

В зачаточном состоянии находилась автомобильная промышленность, представленная тремя заводами, производившими автомобили наряду с другой продукцией. Главным предприятием отрасли был Русско-Балтийский завод в Риге, который в 1913 г. выпустил 127 машин, а в 1914 г. — 300. Во время войны началось строительство пяти частных автомобильных заводов (общей мощностью 7,5 тыс. машин в год), но оно так и не было доведено до конца.

В экономике дореволюционной России, как уже отмечалось, большую роль играла текстильная промышленность. Среди ее отраслей главное место принадлежало хлопчатобумажной промышленности, в которой было занято около 70% рабочих-текстильщиков. В эпоху империализма хлопчатобумажная промышленность развивалась медленнее, чем в 90-х годах, что видно из данных о темпах роста хлопчатобумажного производства в России (процент годового роста)²: 1885—1890 гг. — 2,5; 1890—1895 гг. — 6,6; 1895—1900 гг. — 6,0; 1900—1910 гг. — 3,6; 1910—1913 гг. — 5,6; 1885—1913 гг. — 4,5.

Производственный аппарат хлопчатобумажной промышленности России в XX в. увеличивался ежегодно в среднем только на 160 тыс. веретен против 220 тыс. за предшествующий период; ежегодный прирост ткацких станков уменьшился.

Под влиянием кризиса начала XX в. концентрация и монополизация текстильной промышленности усилились. Монополистические объединения в этой отрасли появились в 90-х годах, а в начале XX в. они завоевали господствующее положение. В 1901 г.

¹ См.: Мировая война в цифрах. М., 1934, с. 40.

² Исчислено по: Экономический бюллетень Конъюнктурного института, 1926, № 2, с. 19.

образовался синдикат джутовых фабрик, объединивший 12 предприятий и централизовавший продажу товаров по установленным ценам. В 1903 г. было заключено соглашение Невской ниточной фабрики с английским ниточным трестом, приведшее к почти полному господству образовавшегося международного синдиката на русском внутреннем рынке. После русско-японской войны и первой русской революции процесс развития монополий в русской промышленности, в частности в текстильной, значительно усилился. Монополии преследовали прежде всего цель повышения цен на ткани внутри страны.

В 1913 г. три крупнейшие в Московском районе текстильные фирмы (товарищества Даниловской мануфактуры, Коншина и Гюбнера) создали синдикат «Товарищество для внутренней и вывозной торговли», поставивший перед собой задачу регулировать условия производства и сбыта как на внутренних, так и на внешних рынках, объединив более половины производства ситца московских фабрик.

В результате совещаний хлопчатобумажных фабрикантов организовалось «Общество хлопчатобумажных фабрикантов», стремившееся регулировать производство хлопчатобумажных тканей и торговлю в Центральном районе и охватившее почти половину предприятий отрасли.

Монополизация хлопчатобумажной промышленности наряду с повышением цен внутри страны была направлена на усиление экспорта тканей. Сверхприбыль, вырученная на отечественном рынке, должна была компенсировать потери от реализации товаров по низким ценам на внешних рынках. В предвоенные годы около 90% вывозимых из России хлопчатобумажных тканей шло в азиатские страны: в Иран, Китай, Монголию, Афганистан, Турцию и др.¹ Значительная часть тканей экспортировалась в Иран, рынок которого подчинила себе российская буржуазия, оттеснив в конкурентной борьбе Англию на второе место. В целом же русский капитализм не добился большого расширения экспорта хлопчатобумажных тканей. Так, вывоз тканей из России составлял в 1902 г. около 3,5%, в 1912 г. — около 4,8%² от их производства.

Развитие хлопчатобумажной промышленности в большой мере зависит от обеспеченности сырьем. Русская хлопчатобумажная промышленность работала как на собственном, так и на привозном сырье. В 900-х годах выращивание хлопка внутри страны заметно увеличилось. Если в 1890 г. русский хлопок составлял 23,8% всего переработанного за год хлопка, а в 1900 г. — 38,2%, то

¹ О русской торговле на Востоке см.: *Кротков Н. Н.* Русская мануфактура и ее конкуренты на китайском рынке. СПб., 1914; *Шавров Н.* Внешняя торговля в Персии и участие в ней России. СПб., 1913; *Субботин А.* Россия и Англия на среднеазиатских рынках. СПб., 1887.

² Исчислено по: Обзор внешней торговли России за 1912 г., ч. I. СПб., 1913, с. 8—9; Объяснительная записка министра финансов к проекту государственной росписи доходов и расходов на 1916, ч. II. М., 1915, с. 68.

в 1910 г. — уже 50,9%. Это усиливало хлопчатобумажную промышленность России в международной конкурентной борьбе.

Несмотря на рост хлопководства, роль импортного хлопка в промышленности России была еще велика. Наша хлопчатобумажная промышленность испытывала большие затруднения с хлопком, когда подвоз его из США с начала войны усложнился и цены повысились. В 1914—1915 гг. импорт хлопка в Россию уменьшился против предыдущего года почти вдвое.

Кризис 900-х годов захватил хлопчатобумажную промышленность, опиравшуюся главным образом на крестьянский рынок, в меньшей степени, чем отрасли тяжелой промышленности, например металлургическую. Однако он затруднил реализацию тканей и привел в 1900 г. к снижению объема переработанного хлопка. В год начала первой русской революции производство хлопчатобумажной промышленности в связи с политическими событиями сократилось почти на 10%. В 1905 г. бастовало значительное число текстильщиков. Особенно выделялась руководимая Северным комитетом большевиков стачка иваново-вознесенских рабочих, длившаяся около 2,5 месяцев.

1906—1908 годы характеризуются дальнейшим ростом производства хлопчатобумажной пряжи и тканей, который, замедлившись в 1909 г., продолжался, хотя и с меньшей силой, в 1910—1913 гг. Увеличение хлопчатобумажного производства было связано с общим промышленным подъемом в России. Темп роста русской хлопчатобумажной промышленности в предвоенные годы соответствовал примерно темпу этой отрасли промышленности США и Германии; однако уровень производительности труда в этой отрасли был почти в 2 раза ниже, чем в Англии, и в несколько раз ниже, чем в США. В 1914 г. в хлопчатобумажной промышленности США было произведено 5695 млн. м ткани весом около 49 млн. пудов и около 55 млн. пудов пряжи; в России же в 1913 г. — 22,7 млн. пудов пряжи и 19,6 млн. пудов суровых тканей при большей численности рабочих. Годовая выработка рабочего в хлопчатобумажной промышленности России накануне войны была в 4 раза ниже, чем в США.

Первая мировая война, подрывая производительные силы народного хозяйства России, не могла не повлиять и на состояние хлопчатобумажной промышленности. Особенно отразилась она на шерстяной промышленности, так как районы, в которых сосредоточивалось больше половины производственных мощностей отрасли, были оккупированы. Русская шерстяная промышленность работала в значительной степени на иностранном сырье, ввоз которого намного превышал вывоз (импортировалась преимущественно тонкая шерсть, а экспортировалась грубая). Ввоз шерсти и шерстяной пряжи, составлявший перед войной 58 тыс. т, снизился в 1915 г. до 21,3 тыс., в 1916 г. — до 9,9 тыс. и в 1917 г. — до 7 тыс. т. Сокращение импорта шерсти и уменьшение поголовья овец в стране вели к обострению сырьевой проблемы в этой отрасли.

Большое значение в экономике промышленности дореволюционной России имела пищевкусовая промышленности, обрабатывавшая сельскохозяйственное сырье. В 1913 г. в ней было занято 426,8 тыс. рабочих. Общий циклический характер воспроизводства капиталистической экономики не обошел и сахарную промышленность. В конце XIX в. и в период империализма число лет со снижающейся производительностью труда в этой отрасли возросло. Это обстоятельство нельзя не связать и с монополизацией сахарной промышленности. Отрицательное влияние синдикатов на развитие отрасли сказалось уже в год возникновения первого сахарного синдиката в России (1887), когда благодаря искусственной недогрузке сахарных заводов объем производства уменьшился.

По уровню производительности труда в сахарной промышленности Россия далеко отставала от США и Германии. Годовая выработка сахара одним рабочим в 1914—1915 гг. в России равнялась 980 пудам, а в США рабочий в силу лучшей технической оснащенности отрасли, более высокой квалификации и большей заработной платы производил продукции в несколько раз больше.

Рассмотрим данные о размещении промышленных предприятий по территории страны в 1900 г. (в % к итогу) ¹.

<i>Район</i>	<i>Число предприятий</i>	<i>Стоимость валовой продукции</i>	<i>Число рабочих</i>
Северный	0,6	0,5	0,7
Северо-Западный	4,0	9,9	8,3
Центрально-Промышленный	15,1	26,6	30,8
Центрально-Черноземный	3,9	3,0	3,1
Западный район и Белоруссия . .	3,9	2,1	2,2
Северо-Кавказский и Южный (Крым)	3,7	3,8	3,6
Поволжский	3,8	4,1	3,0
Уральский	9,8	4,8	9,6
Западно-Сибирский	6,4	0,8	2,1
Восточно-Сибирский	2,7	1,0	1,4
Украинский	20,9	17,5	14,5
Закавказский	3,7	6,9	3,0
Туркестанский	1,3	0,5	0,4
Виленская, Гродненская и Ковенская губернии	4,0	1,3	1,5
Прибалтийские губернии (Лифляндская, Курляндская, Эстляндская)	4,0	4,6	3,8
Бессарабия	0,9	0,3	0,1

¹ Число заведений, рабочих и стоимость продукции определены по кн.: Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за 40 лет (1887—1926), т. I, ч. I. М.—Л., 1929, с. 7—8.

Самым крупным промышленным районом по числу рабочих и стоимости произведенной продукции был Центрально-Промышленный. Там находились и наиболее крупные предприятия. Имея 11,2% всего населения, этот район сосредоточивал 15,1% пред-

приятый, 30,8% рабочих и производил 26,6% стоимости продукции всей крупной промышленности России. В районе концентрировалась значительная часть предприятий текстильной промышленности, металлообработки, пищевкусовой, химической, торфяной и др.

Второй крупнейший промышленный район — Украинский — сосредоточил большую часть предприятий угольной, металлургической и пищевой промышленности, много машиностроительных заводов, особенно заводов сельскохозяйственного и тяжелого машиностроения. На Украинский район, где жило 17,5% населения, приходилось более чем $\frac{1}{5}$ предприятий, 14,5% всех рабочих и 17,5% стоимости продукции.

Затем шли Уральский и Северо-Западный районы. Металлургия Урала (роль которой в это время снизилась) продолжала базироваться на древесноугольной основе. Угля Урал давал немного, но выделялся как один из центров машиностроения. Сосредоточивая в 1900 г. 8,4% населения страны, 9,8% общего числа предприятий и 9,6% рабочих, уральская промышленность производила 4,8% стоимости продукции страны.

Почти вся промышленность Северо-Западного района сконцентрировалась в Петербурге. Здесь преобладали машиностроение, текстильная промышленность, химическая и другие отрасли, работавшие преимущественно на иностранном сырье и топливе. Наличие квалифицированных кадров, удобные транспортные условия способствовали росту промышленности в районе, несмотря на оторванность его от сырьевых и топливных баз.

Высоким уровнем развития промышленности характеризовались прибалтийские губернии. Имея меньше 2% населения, они давали 4,6% стоимости промышленной продукции; там было размещено около 4% предприятий и трудилось 3,8% рабочих России. В Прибалтике располагались машиностроительные, деревообрабатывающие, винокуренные, химические, текстильные и другие предприятия. В одной только Риге в 1913 г. насчитывалось 372 предприятия с 87,6 тыс. рабочих, в том числе в машиностроении — 20,4 тыс., в резиновой промышленности — 15,3 тыс., в текстильной — 10,3 тыс. и т. д. Экономическому, в частности промышленному, развитию Прибалтики способствовали ее порты: Рига, Виндава, Ревель, Либава. Через них проходило около $\frac{1}{4}$ всего внешнеторгового оборота России (по европейской границе).

Закавказский край при населении, составляющем 3,9% всего населения России, сосредоточивал 6,9% производства продукции и 3% рабочих промышленной России. В развитии капитализма на Кавказе наряду с русским и иностранным капиталом принимал участие местный, национальный капитал. Важнейшее значение для промышленного развития Кавказа имело проведение железных дорог. Главной отраслью была нефтяная промышленность, начавшая интенсивно расти в 1872 г., после отмены откупов в этой отрасли. Баку давал свыше 80% всей нефти в стране. Далее по численности рабочих шли металлообрабатывающая промыш-

ленность, текстильная (хлопок, шелк), горномедная, марганцевая и каменноугольная, пищевая.

В Центрально-Черноземном и Западном районах, в Белоруссии, Поволжье, на Севере, в Сибири и Туркестанском крае (в Средней Азии и Казахстане) промышленность в предреволюционное время была развита слабо. Рост промышленности в конце XIX — начале XX в. мало затронул эти районы, продолжавшие поставлять сырье и потреблять продукцию обрабатывающей промышленности. Из промышленных предприятий здесь имелись главным образом предприятия по первичной обработке сельскохозяйственного сырья. В промышленности обширного Туркестанского края было занято в 1914 г. 21 тыс. рабочих — меньше 0,5% всех рабочих России. Их труд использовался преимущественно в хлопкоочистительной промышленности (7,8 тыс. человек), в хлопкомаслобойной (1,7 тыс.), коконосушильной (2,2 тыс.) и т. д. Другие отрасли промышленности (добыча каменного угля, нефти и руд) были развиты слабо.

Сибирь с ее богатейшими естественными ресурсами, необходимыми для развития черной металлургии, каменноугольной, химической, деревообрабатывающей промышленности, давала лишь 1,8% промышленной продукции при 3,5% рабочих. Сибирь, как и среднеазиатские окраины, ввозила промышленные изделия из других районов России и вывозила хлеб, масло, сало и прочие сельскохозяйственные продукты; здесь преобладала пищевая промышленность. Для экономического развития Сибири очень большое значение имело проведение железных дорог, в результате чего увеличилось ее население, вырос рынок, расширились посевные площади и поголовье скота, усилились предпосылки для роста промышленного производства.

Из анализа приведенных материалов видно, что размещение промышленности по территории страны было крайне неравномерным. Предприятия основной отрасли текстильной промышленности, хлопчатобумажной, сосредоточивались в Центрально-Промышленном районе и в Петербургской губернии. Несколько равномернее размещались предприятия шерстяной промышленности. Ее основные очаги находились в Центрально-Промышленном районе. Кроме того, предприятия этой отрасли имелись в Центрально-Черноземном районе, в Поволжье, на Урале, Северо-Западе и т. д.

Шерстомойные заводы располагались главным образом в Северо-Кавказском, Центрально-Черноземном районах, в Поволжье, на Урале и Украине. Из 71,5 тыс. рабочих, занятых на предприятиях по обработке льна, пеньки и других волокнистых веществ, около 40 тыс. работали на предприятиях Центрально-Промышленного района, 4 тыс. — на Украине, около 5 тыс. — в Северо-Западном районе и т. д.

Шелковая промышленность развивалась преимущественно в Центрально-Промышленном районе; шелкоразмотные и крутильные заводы — в Закавказье и Центре России.

Машиностроительные предприятия размещались в основном в Центрально-Промышленном районе, Петербурге, на Украине, Урале, в прибалтийских губерниях. Точное и сложное машиностроение было сосредоточено в Петербурге и Москве.

Из 56 тыс. рабочих, занятых в паровозо- и вагоностроении, 22 тыс. работали на предприятиях Центрального района, 18,5 тыс. — Северо-Западного, 8,5 тыс. — в Прибалтике, 4 тыс. — на Украине.

Накануне первой мировой войны удельный вес южных заводов (Харьковского и Луганского) в производстве паровозов увеличился. Главными районами русского вагоностроения были Центральный, Северо-Западный (Петербург) и Прибалтика (Рига, Ревель и др.).

Судостроительные предприятия размещались преимущественно в Поволжье, Центре, Петербурге, Прибалтике. Сельскохозяйственное машиностроение сосредоточивалось главным образом в Украинском, Северо-Кавказском, в Центральном районах. Перед первой мировой войной Украина производила свыше $\frac{2}{3}$ всей продукции сельскохозяйственного машиностроения, а Центр — около $\frac{1}{5}$. Основными центрами производственного машиностроения были Центрально-Промышленный район, Украина, Петербург, Прибалтика.

В 1900 г. из 365 тыс. рабочих горнодобывающей промышленности в Уральском районе было занято 96 тыс., на Украине — 71,7 тыс., в Центрально-Промышленном районе — 38,9 тыс. (преимущественно в торфяной), в Северо-Кавказском — 37,6 тыс., в Сибири — 55,6 тыс., на Кавказе — 29,8 тыс. и т. д. Предприятия черной металлургии перед войной размещались так, что около 70% чугуна давал Юг, меньше 1,5% — Урал, примерно 4% — Центр. Последний производил стали уже несколько больше, используя ресурсы оборотного металла.

Предприятия основной химии находились на Урале, в Северо-Западном районе, в Центре, на Украине, в прибалтийских губерниях, предприятия резиновой промышленности — на Северо-Западе России и в Прибалтике.

Относительно равномерно размещались предприятия некоторых отраслей пищевой промышленности, за исключением сахарной, сосредоточенной преимущественно на Украине. Центрами мукомольной промышленности были Украина, Поволжье, Центрально-Черноземный и Центрально-Промышленный районы, Северный Кавказ, Урал. Предприятия маслобойной промышленности находились в Центрально-Черноземном районе, прибалтийских губерниях, в Северо-Западном, Северо-Кавказском, Поволжском районах, на Украине и в Сибири.

Сравнительно равномерно распределялись также предприятия деревообрабатывающей промышленности. Больше всего эта отрасль была развита в Центрально-Промышленном, Северо-Западном, Северном районах, на Урале, в Поволжье, на Украине, в Прибалтике и др.

По мере развития капитализма промышленность развивалась в новых районах. Капитал направлялся главным образом в отрасли производства и районы страны с вековой промышленной культурой, квалифицированными кадрами, где еще в докапиталистический период была относительно более развитая промышленность в форме домашнего производства, ремесел, мелких товарных промыслов. Истощение сырьевых и топливных ресурсов в центральных районах, казалось, должно было привести к падению их роли в общепромышленном балансе. Однако капитал компенсировал потери путем эксплуатации в этих районах более квалифицированной рабочей силы близостью главных рынков сбыта продукции и общими преимуществами, вытекавшими из территориальной концентрации производства. Одновременно промышленность возникала и в новых районах страны. Выгодной сферой приложения капиталов оказалась Прибалтика, которая также имела квалифицированные кадры, удобные транспортные пути и т. д. В период развития капитализма Южный район России получил явные преимущества перед горнопромышленным Уралом. Ускоренными темпами росла промышленность и в некоторых других районах страны, например на Кавказе. Вместе с тем в условиях капитализма огромные территории (Сибирь, Средняя Азия и т. д.) были слабо затронуты прогрессом в промышленности.

В связи с ростом промышленного производства увеличивалось число занятых в нем рабочих. Хотя этот рост и не был систематическим, в общем численность рабочих промышленности, подчиненной фабричной инспекции, увеличивалась в 1692,3 тыс. человек в 1901 г. до 2282,1 тыс. в 1914 г.; численность рабочих горной и горнозаводской промышленности — соответственно с 506,5 тыс. человек до 647,7 тыс. Отдельные статистические источники, например, оценивают численность рабочих в горнозаводской промышленности в 1913 г. в 811 тыс. человек, а всего в крупной фабрично-заводской промышленности России — в 3,1 млн.

На железнодорожном транспорте в 1913 г. было занято до 815 тыс. рабочих и служащих. Учтя также количество работников водного транспорта, рабочих коммунальных предприятий, предприятий военного ведомства и других и приняв во внимание известный недоучет рабочей силы, мы получим общую численность пролетариата в 1913 г. (без строительных рабочих) — приблизительно 4,5 млн. человек. Численность строительных рабочих, которые по своему положению приближались к фабричным, тоже увеличилась. В 90-х годах в Европейской России был примерно 1 млн. строительных рабочих. В течение первых лет XX в. число их стало больше. Так, количество паспортов (сроком не более года), выбранных в течение года по 50 губерниям Европейской России, составляло за период 1861—1870 гг. 1285,6 тыс., за 1891—1900 гг. — 6952 тыс. и за период 1906—1910 гг. — 9339,4 тыс., или соответственно на тысячу сельских жителей — 24, 83 и

94 паспорта¹. Значительная часть уходивших из деревни крестьян направлялась на строительные работы.

Перед первой мировой войной на стройках России трудилось не менее 2 млн. строительных рабочих. Общая численность рабочих, занятых в крупной промышленности, строительстве и на транспорте России, в этот период составляла 6—7 млн. Надо также учесть, что множество людей было занято в мелкой промышленности (на предприятиях по обработке хлопка, льна, пеньки, джута, шерсти, шелка, дерева, металлов, минералов, кож, на предприятиях пищевой, химической промышленности и др.). Некоторые исследователи считали, что в 1910 г. в мелкой сельской промышленности было занято 3755 тыс. рабочих, а в мелкой городской — 910 тыс.²

В XX в. значительно изменилось размещение и формирование промышленного пролетариата. Вырос пролетариат в новых районах вследствие развития крупной машинной индустрии, уменьшились связи его с сельским хозяйством и т. д. Так, процент мужчин, уходивших на летние полевые работы, в 1908 г. в Московской губернии по хлопчатобумажным фабрикам составил 5,7, по механическим заводам — 2,6 и по шелковым фабрикам — 19,3³. Процент крестьян, жителей Петербурга, уходивших на летние работы в деревни, в 1910 г. равнялся 10,4. Эти и многие другие данные, в частности данные переписи 1918 г., показывают значительное ослабление связи русских рабочих с сельским хозяйством, имевшее не только экономическое, но и политическое значение.

Пролетариат 900-х годов многим отличался от рабочих пореформенного и тем более дореформенного периода. Русский рабочий класс эпохи монополистического капитализма стал крупной силой в политической жизни страны. Он получал более низкую заработную плату и имел более продолжительный рабочий день по сравнению с рабочими развитых капиталистических стран. Лишь в конце 90-х годов царское правительство вынуждено было издать закон, ограничивавший рабочий день до 11,5 ч. По отдельным отраслям промышленности и районам страны продолжительность рабочего дня довольно значительно колебалась. И. М. Козьминых-Ланин дает сводку о продолжительности работы 219 тыс. рабочих Московской губернии в 1908 г.⁴ Очень было невелико число рабочих, занятых 8 ч в сутки. Вместе с тем число рабочих с рабочим днем продолжительностью свыше 10 ч составляло немалую величину — около 33,5 тыс. человек (и это без учета сверхурочной работы).

¹ См.: Материалы высочайше учрежденной комиссии по исследованию благосостояния сельского населения. Спб., 1903.

² См.: Рыбников А. А. Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства. М., 1922, с. 4.

³ См.: Козьминых-Ланин И. М. Уход на полевые работы фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1912. табл. III, IX, XII.

⁴ См.: его же. Рабочий день и рабочий год в Московской губернии. М., 1912, с. 5, 10, 11.

Если сравнить продолжительность рабочего дня в 1913 г. с установленной обследованием Министерства торговли и промышленности в 1904 г., можно отметить сдвиг в сторону ее сокращения, которое капитал компенсировал усилением интенсивности труда. Но во многих отраслях производства продолжительность рабочего дня оставалась чрезмерной. По данным обследования (1913), охватившего почти 2 $\frac{1}{4}$ млн. фабрично-заводских рабочих, 117 тыс. рабочих-мужчин были заняты на производстве 12 ч и больше, 120 тыс. — от 11 $\frac{1}{4}$ до 11 $\frac{3}{4}$ ч. В 1914 г. на предприятиях, подчиненных горной инспекции, 10-часовой рабочий день был у 31,78% рабочих, 9,94% работали от 10 до 11 ч в сутки, 19% — 11 ч и более.

По материалам фабричной инспекции, в 1913 г. рабочий день (без сверхурочных) составлял в среднем 9,7 ч, продолжительность сверхурочных работ равнялась 0,3 ч, а общая продолжительность рабочего дня достигала 10 ч. Рабочее время в течение года определялось в 1913 г. не менее чем в 257,4 дня. Примерно таким же оно было и в 1916 г.

Продолжительный рабочий день и низкая оплата труда — характерные черты русской промышленности. Годовая заработная плата рабочего в дореволюционной России была в несколько раз меньше, чем заработная плата американского рабочего, ниже заработной платы рабочих Англии, Германии и Франции (хотя разрыв был и меньше, чем с уровнем США). Жестокая эксплуатация рабочих в сочетании с полицейским режимом царизма создавала тяжелые условия существования рабочего класса России. Наступлению капитала на жизненный уровень трудящихся, всяким проискам царского самодержавия рабочий класс давал отпор, отвечая массовыми стачками, в ходе которых выдвигались не только экономические, но и политические требования. Законы 1903 г. о вознаграждении рабочих за несчастные случаи и об учреждении фабричных старост были прямым результатом стачек, проведенных в том же году. Законы от 15 ноября 1906 г. (о сокращении рабочего дня и воскресном отдыхе приказчиков, конторщиков и ремесленников) были также следствием предшествующих июньско-июльских стачек, прокатившихся по всей России.

Боясь растущего рабочего движения, правительство в 1906 г. издало закон о профессиональных обществах, который допускал существование последних, но вместе с тем предоставлял властям право закрывать эти союзы, если деятельность общества угрожала общественной безопасности и спокойствию, т. е., по существу, лишал общества возможности развернуть активную работу.

В 1904 г. правительству пришлось выдвинуть проект введения государственного страхования рабочих. После длительных заседаний и различных проволочек лишь в середине 1912 г. в связи с новым революционным подъемом были изданы страховые законы. Но это оказалось своеобразное страхование: многие категории рабочих не попадали под действие законов; страховые фон-

ды создавались в основном из средств рабочих в порядке отчисления из их заработной платы (от 1 до 4 коп. с заработанного рубля). Правительство в страховании своими средствами не участвовало; суммы взносов фабрикантов и заводчиков составляли не больше $\frac{2}{3}$ от взносов рабочих. В случае болезни рабочий получал от $\frac{1}{4}$ до $\frac{2}{3}$ заработка. Пособие могло выдаваться не более 26 дней подряд. Предусматривалось также пособие роже-ницам, помощь в случае болезни и увечий, но какого-либо обеспечения в старости не гарантировалось. Да и в случае увечий на производстве закон давал возможность капиталисту во многих случаях лишать рабочего выплаты.

Во время первой русской революции требование о сокращении продолжительности рабочего времени являлось одним из основных экономических требований бастовавших. Стачечная борьба русских рабочих в 1905 г. «дала чрезвычайно крупные успехи не только в политической, но и в экономической области»¹. Данные «Свода отчетов фабричных инспекторов за 1911 г.» показывают, что заработная плата повысилась с 205 руб. в год в 1905 г. до 231 руб. в 1906 г., т. е. на 26 руб.

В итоге широкой стачечной борьбы русского рабочего класса в период революции 1905—1907 гг. сократился рабочий день и повысилась заработная плата, уменьшились и штрафы. Правда, в последующие годы реакции значительная часть завоеваний рабочего класса была утеряна, но ликвидировать их совсем буржуазии и царизму не удалось. Буржуазия боролась с рабочими путем локаутов, создания «черных» списков и т. д.

Хотя индекс цен на предметы потребления тоже вырос, все же несомненно, что в итоге первой русской революции заработная плата русского рабочего несколько повысилась. Несмотря на попытки буржуазии отнять многие завоевания пролетариата, она не смогла полностью ликвидировать результаты революции 1905 г.

Годовой заработок рабочего в 1913 г. в денежном выражении был на 30% выше, чем в первые годы XX в. Но в то же время усиливалась и эксплуатация рабочего класса, выростала норма прибавочной стоимости: если в 1908 г. она равнялась 102%, то в 1913 и 1914 гг. — уже около 114—125%.

Всего в заведениях фабрично-заводской промышленности, применявших штрафованье, за 15 лет (с 1900 по 1914 г.) рабочим выплачивалось деньгами 90,9% заработной платы, товарами из фабричных лавок — 5,9 и из кооперативных лавок — 2,3, харчами — 0,9%, причем 0,17% от выплаченной суммы взыскивалось в качестве штрафов.

К расходам на рабочую силу капиталисты причисляли и некоторые другие издержки. Согласно обследованию 1899 г., охватившему 550 тыс. рабочих крупной промышленности, 71,8% рабочих пользовались жилым помещением, предоставляемым фабриками и заводами, в том числе 49% рабочих — бесплатно, поскольку поме-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 26.

шения были дешевые и крайне плотно населенные и весь расход предприятий на их содержание не превышал 1,75% от суммы всей заработной платы. Другие же (сверх заработной платы) расходы промышленности были очень малы и, по исчислению статистика В. С. Варзара, в 1900 г. не превышали 4,75% заработной платы, в том числе врачебная помощь — 1,66, страхование рабочих — 0,53, содержание школ — 0,38% и т. д.

Относительно более высокой была оплата труда рабочих на транспорте. Труд сельскохозяйственных рабочих оплачивался ниже, чем промышленных, за исключением рабочих мелкой промышленности, где уровень заработной платы был особенно низок. По материалам Центрального статистического комитета, в 1910 г. месячная заработная плата сельскохозяйственных рабочих (на своих харчах) была следующей: в Европейской России (при сроковых наймах) работник получал в месяц летом 14 р. 50 к., работница — 9 р. 37 к.; зимой — соответственно 9 р. 84 к. и 6 р. 58 к. По всей России эти цифры выглядели соответственно так: 15 р. 80 к.; 10 р. 73 к.; 10 р. 78 к.; 7 р. 15 к.

По районам страны уровень заработной платы наемных сельскохозяйственных рабочих в помещичьих имениях был очень неоднородным. В Сибири и Предкавказье, где спрос на рабочую силу был больше, труд батраков оплачивался несколько выше.

В 1882 г. номинальная дневная заработная плата сельскохозяйственных рабочих-мужчин равнялась в 50 губерниях Европейской России 59,2 коп., а работниц — 37 коп.; в 1913 г. она соответственно повысилась до 96,7 и 61 коп.; в 1916 г. — до 280,7 и 151,1 коп.; в 1917 г. — до 602,7 и 397,9 коп. Оплата труда женщин составляла 66% от заработной платы мужчин. Следовательно, номинальная заработная плата сельскохозяйственных батраков за 31 предвоенный год (с 1882 по 1914 г.) увеличилась на 65—70%, с учетом же роста цен на предметы потребления — реально не больше чем на 18%. Оплата труда поднималась вслед за ростом урожайности, хотя и в меньших размерах.

Наемных рабочих, занятых в земледелии, животноводстве, лесоводстве, рыболовстве и прочих отраслях, насчитывалось по переписи 1897 г. 2723 тыс., а с учетом занятых в побочных сельскохозяйственных промыслах по найму работало около 4,5 млн. человек, или около 10% всех лиц рабочего возраста, занятых в этой отрасли материального производства.

Колебания заработной платы можно было наблюдать не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности. Уровень заработной платы в отдельных отраслях был различен. Так, в 1913 г. заработная плата рабочих-металлистов равнялась 402 руб. в год, рабочих хлопчатобумажной промышленности — 215, пищевой — 189 руб.¹ Первая мировая война значительно ухудшила положение рабочего класса: рабочий день удлинился, заработная плата снизилась уже в первый год войны. Это подтверждают данные о движении месячной заработной платы фабрично-заводского рабочего (в товарных

¹ См.: Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 г. Спб., 1914., с. 1.

рублях): в 1913 г. — 22; в 1914 г. — 21,3; в 1915 г. — 20,6; в 1916 г. — 20,2; в 1917 г. — 17,79.

Как уже отмечалось, заработная плата в текстильной промышленности была относительно ниже, чем в других основных отраслях. В 1913 г. средний годовой заработок промышленного рабочего России составлял 258 руб., в то время как заработок рабочего хлопчатобумажной промышленности — лишь 206 руб. Данные переписи 1918 г. показывают, что средняя заработная плата текстильщиков за пять лет (1913—1917) была примерно на 20—30% ниже средней заработной платы рабочих во всей промышленности. По данным фабричной инспекции, реальная заработная плата текстильщиков снизилась примерно на 20%: с 257 руб. в 1913 г. до 210 руб. в 1916 г., — в то время как на предприятиях, работавших на войну, она повысилась.

Росло применение женского и детского труда. Перед первой мировой войной (в 1913 г.) удельный вес женщин в промышленности, подчиненной надзору фабричной инспекции, равнялся уже 31,1%, в промышленности, подчиненной надзору горной инспекции, — 3,8%, а всего в среднем — 26,7%¹. Во всей промышленности женщины составляли больше 1/4 рабочей силы; причем число их очень сильно колебалось по отдельным отраслям производства.

Развитие капитализма в России втягивало в промышленность все больше малолетних и подростков. Перед первой мировой войной подростки составляли около 1/10 всех рабочих. Больше всего подростков было занято в таких отраслях, как текстильная, машиностроение и обработка минеральных веществ.

Бичом русского рабочего класса была безработица, особенно в годы кризисов. Так, кризис в начале XX в. привел к сокращению объема производства, закрытию многих предприятий, что вызвало в некоторых отраслях промышленности увольнение тысяч рабочих. В корреспонденциях, помещенных в газете «Искра», сообщалось о растущей безработице вследствие углубления промышленного кризиса.

Кризис привел к снижению цен на многие промышленные товары. Так, в 1901 г. по сравнению с предыдущим годом снизились цены на миткаль, каменный уголь, нефть, керосин, чугунное литье, кровельное железо, медь, сахар и др. Из отраслей тяжелой индустрии кризис особенно поразил черную металлургию, в результате чего выплавка металла снизилась в 1902 г. до 158,6 млн. пудов, а в 1903 г. — до 151,9 млн. против 179,1 млн. пудов в 1900 г.

В результате кризиса около 3 тыс. предприятий было ликвидировано; сократилось производство в ряде отраслей промышленности, увольнялись тысячи рабочих. Аналогичные события происходили и во время депрессии 1907—1908 гг. Так, на Путиловском заводе с 1 января 1907 г. по 1 января 1908 г. число рабочих уменьшилось с 10 500 до 7000, на Невском — с 5000 до 3500 и т. д. В не-

¹ См.: Данные о продолжительности и распределении рабочего времени в промышленных предприятиях, подчиненных надзору фабричной и горной инспекции, за 1913 год. Пг., 1914, с. 2.

которых отраслях последствия кризиса, депрессии еще ощущались и в 1909 г.

В годы реакции капитал повел особенно активное наступление на рабочий класс, что выразилось в усилении штрафов, в отмене на ряде фабрик фабричной инспекции и т. д. Охрана труда во многих отраслях была слабой.

Стачки — мощное политическое и экономическое оружие в руках рабочего класса. Особенно большую роль сыграла стачечная борьба в революции 1905 г. Статистика стачек в России велась только с 1895 г. Главным недостатком ее было преуменьшение сведений о числе бастовавших рабочих и то, что она охватывала только рабочих предприятий, подчиненных фабричной инспекции, и, следовательно, не учитывала рабочих горных, железнодорожных и других предприятий.

До 1905 г. общее число бастовавших не превышало 5,1% всех рабочих. Это был предреволюционный период стачечного движения. 1905 год дал невиданный в истории рабочего движения подъем стачечной борьбы, продолжавшийся, хотя и с несколько меньшей силой, в 1906 и 1907 гг. В 1905 г. произошло почти 14 тыс. стачек, в которых участвовало 2,9 млн. человек. Бастовало свыше 90% всех предприятий. Несколько больше половины рабочих бастовало в среднем по 2 раза. Из общего числа участников стачек 1895—1908 гг. политическими стачками было охвачено 59,9%; в стачках, вызванных низкой заработной платой, участвовало 24,3% рабочих, число бастующих против продолжительного рабочего дня составляло 10,9%, против невыносимых условий труда — 4,8%.

Передовую роль в стачечном и революционном движении играл пролетариат важнейших промышленных центров России. Высокий уровень концентрации русской промышленности способствовал развитию стачечного движения и революционного рабочего движения вообще. Крупные предприятия давали большее число участников стачек не только абсолютно, но и относительно.

В период реакции произошел спад стачечного движения рабочих, а в 1911 г. вновь начался их рост. 1912 год ознаменовался подъемом революционной борьбы. Вспыхнули массовые политические стачки в связи с расстрелом рабочих на Лене. В авангарде стачечного и революционного движения шел рабочий класс Петербурга, Москвы, Прибалтийского края и других промышленных центров. В 1913 г., по официальным данным, бастовало 861 тыс. рабочих, а по более полным данным — 1272 тыс. В первой половине 1914 г. в стачках участвовало около 1,5 млн. рабочих.

В результате роста стачечного движения в борьбу втягивалось и крестьянство. За 1910—1914 гг. вспыхнуло свыше 13 тыс. крестьянских выступлений.

В 1915 г. было 928 забастовок, в 1916 г. — 1284, и в них участвовала 951 тыс. человек. Только в январе и феврале 1917 г. число бастовавших рабочих достигло 676,3 тыс. Расстройство продовольственного, сырьевого и топливного снабжения в период войны способствовало дальнейшему расширению стачечной борьбы.

Однако представители буржуазии пытались обвинить рабочих в хозяйственной разрухе. Так, уполномоченный по обороне, сообщая о положении промышленности и транспорта на Урале, писал в феврале 1917 г.: «Упадок производительности в ряде мест вызван острыми требованиями возвышения заработной платы»¹.

Революционное движение рабочего класса, поддержанное борьбой миллионов крестьянских и солдатских масс, обеспечило победу Февральской буржуазно-демократической революции. Требование рабочего класса ввести 8-часовой рабочий день было одним из важнейших требований этой революции. Буржуазия всеми мерами боролась с попытками установить 8-часовой рабочий день и контроль над производством. В противовес рабочему контролю над производством она предложила создать так называемый общественно-государственный контроль. Капиталисты заверяли, что если будет осуществлен переход на 8-часовой рабочий день, то это приведет к снижению объема производства, подорвет конкуренцию русских заводов на мировом рынке и т. д. Союз промышленных предприятий Петрограда по механической обработке дерева в своей записке писал: «Вообще мы полагаем, что при настоящем общем положении России введение восьмичасового рабочего дня должно привести к полному краху нашей промышленности, а затем и всей экономической жизни»².

Капиталисты, владельцы металлургических и железоделательных предприятий, в сентябре 1917 г. соглашались установить 8-часовой рабочий день, оговаривая при этом, что он может быть введен «только там, где позволяют условия работы»³. Заводоуправление Новороссийского общества каменноугольной промышленности заявило, что «переход на восьмичасовую работу без предварительного детального рассмотрения ни в коем случае допустим быть не может»⁴. Вместе с тем под влиянием обстоятельств некоторые группы буржуазии формально признали принцип 8-часового рабочего дня, высказывались за его введение⁵.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. постановил ввести 8-часовой рабочий день на фабриках и заводах города. Вслед за Петроградом 8-часовой рабочий день был введен во многих других промышленных заведениях России. Но Временное правительство так и не издало соответствующего закона. Оно ограничилось лишь принятием законов о рабочих комитетах в промышленных заведениях, о примирительных камерах, внесло некоторые изменения в законы о страховании рабочих на случай болезни, о биржах труда, местных комиссарах. Закон о страховании уравнивал взносы рабочих и капиталистов.

¹ ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 58, д. 873, лл. 163—164. Копия.

² Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 4100, оп. 1, д. 48, лл. 2—6.

³ ЦГАОР, ф. 472, оп. 1, д. 23, л. 118.

⁴ Там же, л. 131.

⁵ См.: Декларация конференции промышленников Юга России. — Горнозаводское дело, 1917, № 22—23.

Глава II

ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ

Процесс концентрации происходил не только в российской промышленности, но и в банковском деле. Концентрация банковского дела в России возросла еще в 90-х годах XIX в. Этому в известной степени способствовала политика правительства, затруднявшая организацию новых банков.

Кризис в начале XX в. и последовавшая за ним депрессия усилили концентрацию банков. В 1901 г. были ликвидированы Харьковский торговый банк, Екатеринославский коммерческий, Петербургско-Азовский, в 1904 г. — Петербургско-Московский и Костромской коммерческие банки, в 1909 г. — Среднеазиатский коммерческий, Минский коммерческий, Балтийский торгово-промышленный и другие банки. В этот период (1900—1909) ликвидировалось банков больше, чем возникало.

Концентрация банков приводила к тому, что главная масса всех средств коммерческих банков сосредоточивалась в крупных и крупнейших банках. Если в 1900 г. основная часть средств русских акционерных банков была помещена в банках с капиталом до 9,9 млн. руб. и в банках с капиталом от 10 до 19,9 млн. руб., то в 1914 г. больше половины всех капиталов акционерных банков (52,1%) хранилось в семи крупнейших банках с капиталом свыше 30 млн. руб. В результате эти банки превращались в монополистов банковского дела, поскольку могли распоряжаться мелкими банками и в значительной степени диктовать им свою волю. Последние, оставаясь формально самостоятельными, фактически были подчинены крупнейшим банкам.

Наиболее крупными по размерам капиталов акционерными банками в России на 1 января 1914 г. были Азово-Донской (92,5 млн. руб.), Петербургский международный (79 млн. руб.), Русско-Азиатский (78,5 млн. руб.), Русский банк для внешней торговли (67,8 млн. руб.), Русский торгово-промышленный (44,5 млн. руб.). Волжско-Камский (38,2 млн. руб.), Сибирский торговый, Петербургский частный коммерческий банки и т. д.

Во время предвоенного промышленного подъема число банков увеличилось с 31 в 1910 г. до 47 в 1914 г.; причем размер капитала, приходившегося на один банк, не только не уменьшился, но даже возрос. Если сумма баланса всех банков в 1901 г. составляла 1382,2 млн. руб., то в 1914 г. она равнялась 6233 млн. руб. Соответственно размер акционерного капитала увеличился со 188,4 млн. руб. до 585 млн. руб.; больше стали также резервный капитал, депозиты, текущие счета и т. д. Резкое возрастание суммы балансов банков как следствие инфляции происходило в годы войны, особенно с 1916 г. На счетах коммерческих банков собирались все более и более крупные суммы, собственники которых стремились как можно прибыльнее применить их.

Размер основного капитала, приходившегося на один банк, значи-

тельно возрос, особенно в петербургских и московских банках. Банки провинциальных городов были относительно мельче, и роль их по мере развития монополистического капитализма падала. Они часто становились, по существу, простыми отделениями крупнейших банков. Быстрый рост отделений банков в России в эпоху монополистического капитализма (в 1900 г. их насчитывалось 242, а в 1914 г. — уже 742) в свою очередь свидетельствует об усилении влияния крупнейших банков.

Процесс укрупнения банков происходил как вследствие ликвидации мелких банков, так и путем централизации, слияния отдельных банков в более крупные; именно таким образом были организованы Азово-Донской, Северный банки и др. В 1908 г. в результате слияния трех банков: Московского международного, Южно-Русского промышленного и Орловского коммерческого — возник Соединенный банк. В 1910 г. в итоге слияния Северного банка с Русско-Китайским был основан Русско-Азиатский банк. В 1909 г. Азово-Донской банк скупил акции Минского коммерческого банка, а еще раньше — акции Киевского частного коммерческого, которые, однако, вновь были проданы в 1910 г. В том же году Соединенный банк скупил акции Балтийского торгово-промышленного банка в Ревеле. Начиная с 1910 г. происходила упорная борьба за ликвидацию Сибирского торгового банка и за слияние его с Русско-Азиатским, а потом с Петербургским коммерческим частным банком; Русско-Французский банк, открывшийся в 1912 г., поглотил Белостокский коммерческий и предполагал присоединить Воронежский и Киевский частные банки.

Процесс концентрации банков не исчерпывается прямым поглощением крупными банками более мелких, банки объединялись в группы на основе договоров об общности действий. «Между немногими банками, которые в силу процесса концентрации остаются во главе всего капиталистического хозяйства, естественно все больше намечается и усиливается стремление к монополистическому соглашению, к *тресту банков*»¹.

Коммерческие банки играли основную роль в накоплении денежных средств по сравнению со всевозможными обществами взаимного кредита, городскими банками и Государственным банком. Тем не менее особенность русской кредитной системы состояла, в частности, в деятельности стоявшего во главе ее Государственного банка, который отличался от европейских уже тем, что основными ресурсами его были средства казны. Мы видели, что и раньше, в XIX в., важнейшей чертой кредитной системы России была большая роль в ней государства. Теперь эта роль стала еще значительнее. Из всех вкладов и текущих счетов Государственного банка на начало 1914 г., равных 1228 млн. руб., средства казначейства составляли 951 млн. руб., или свыше 75%; остальные капиталы представляли собой депозиты частных лиц и учреждений. Таким обра-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 336.

зом, Государственный банк в значительной степени зависел от царского правительства и был должником казначейства. По размерам коммерческой деятельности он превосходил любой русский коммерческий акционерный банк — явление, свойственное русской капиталистической кредитной системе. Правда, учетно-ссудные операции всех акционерных банков уже в 90-х годах XIX в. превышали соответствующие операции Государственного банка, а в 1914 г. превосходили их в 3 раза. При общей дороговизне кредита в России по сравнению с более богатыми капиталистическими странами ставки Государственного банка были ниже ставок частных банков.

Общество взаимного кредита и городские банки взимали еще больший процент (7—9) при 5—6%, взимаемых Государственным банком. Учетная ставка в России, как и норма прибыли, была в 2—2,5 раза выше, чем в наиболее развитых капиталистических странах. Это относится как к коммерческим банкам, так и к другим кредитным учреждениям. Государственный банк, этот «банк банков», кредитовал в первую очередь коммерческие банки; кредиты же частным лицам и учреждениям составляли меньшую часть его учетно-ссудных операций. Среди последних основное место принадлежало учету и специальным текущим счетам под векселя, сумма которых увеличивалась с 261 млн. руб. в 1900 г. до 596 млн. в 1914 г. Размер операций в форме ссуд и специальных текущих счетов под процентные бумаги достиг в 1914 г. 203 млн. руб. против 73 млн. в 1900 г. Перед войной Государственный банк давал крупные ссуды на финансирование хлебных операций.

Государственный банк кредитовал не только акционерные банки, но и другие кредитные учреждения России: учреждения мелкого кредита, ипотечные банки, содействовавшие помещицкому землевладению. Покровительствуя монополиям, Государственный банк давал им, вопреки уставу, долгосрочные ссуды. Задолженность промышленных капиталистов Государственному банку увеличилась во время кризиса 900-х годов более чем в 2 раза. Перед первой империалистической войной она колебалась от 80 млн. до 100 млн. руб.

Среди векселей в России преобладали 6- и 9-месячные векселя (доля 3-месячных была незначительной). Это влияло на повышение среднего уровня процента. Государственный банк повышал учетный процент: для 6-месячных векселей — на 0,5%, для 9-месячных — на 1% и для 12-месячных — на 2%. Наибольшее повышение учетного процента наблюдалось в России осенью и зимой, когда потребность в деньгах в связи с закупками хлеба, хлопка и свеклы особенно возрастала. Весной процент понижался. На этих колебаниях сказывалось и изменение учетного процента за границей.

В обобществлении капиталистического хозяйства с банками конкурировали сберегательные кассы. В начале XX в. возросло как число счетов, так и размер вкладов сберегательных касс. Вклады составили в 1900 г. 662 млн. руб. при депозитах в банках

245,2 млн. руб. и наличии на текущих счетах 303,5 млн. руб. Накануне войны сумма депозитов и текущих счетов банков уже превышала размер вкладов в сберегательные кассы. Банки все больше подчиняли себе сберегательные кассы и различные мелкие кредитные товарищества, фактически распоряжаясь капиталами этих учреждений, получая таким путем возможность распоряжаться денежными доходами мелких хозяев, служащих и т. д. Вклады сберегательных касс шли на поддержку государственного кредита.

Концентрация банков и образование монополий обуславливают изменения взаимоотношений между банками и промышленностью. Банки, сконцентрировав громадные капиталы, превращались из скромных посредников во всемогущих монополистов, которые вследствие упрочения связей с торгово-промышленными предприятиями и монополиями не только знали состояние их дел, контролировали их деятельность, но и всецело определяли их судьбу.

Промышленно-торговые предприятия попадают все в более полную зависимость от банков, происходит сращивание банковского капитала с промышленным, образование финансового капитала. Это сращивание осуществлялось в России в различных формах: путем концентрации в банках акций промышленных и транспортных предприятий, посредством кредитных операций, различных финансовых реорганизаций, установления личной унии банков с промышленно-торговыми предприятиями и т. д. Достаточно сказать, что пять петербургских банков имели 248 представителей в правлениях крупных акционерных обществ.

Размер финансирования и кредитования зависел от периодов промышленного цикла. Кризис и депрессия 1900—1908 гг. характеризуются сокращением финансирования и кредитования, в то время как подъем 1909—1913 гг. — противоположной тенденцией.

Роль банков в сахарной промышленности была определена товарищем министра финансов следующим образом: «Из обмена мнений об участии банков в сахарной промышленности выяснилось, что нельзя отрицать влияния банков на промышленность, что влияние это переходит тесные границы кредита и что участие банков в акционерных и товарищеских предприятиях является преобладающим. Некоторые банки принимают самое широкое участие в сахарной промышленности, и это участие выражается не одним только открытием кредитов, но в некоторых случаях и участием в самих предприятиях и в торговле сахаром»¹.

Аналогичная картина наблюдалась и в текстильной промышленности, где банки захватили торговлю сырьем — хлопком. Накануне первой мировой войны снабжение хлопком производилось поэтому главным образом через банки (Русско-Азиатский и Азово-Донской). В эпоху монополистического капитализма коммерческие банки стали вести в широких размерах торговлю хлебом, сахаром,

¹ Хромов П. А. Очерки экономики России периода монополистического капитализма. М., 1960, с. 99.

углем, хлопком и т. д. На съездах представителей биржевой торговли раздавались многочисленные сетования на то, что банки уклоняются от первоначальных задач финансирования торговли и промышленности, приобретают права торговли за свой счет, что банки не только дают, но и умерщвляют частную торговую инициативу, что необходимо воспрепятствовать им заниматься комиссионной, торговой и особенно экспортной деятельностью.

По официальным уставам банкам в России запрещалось финансировать промышленность: они должны были ограничивать деятельность ее кредитованием. Но в действительности это уставное требование не соблюдалось. Журнал «Финансовое обозрение» в статье «Банки и «Продуголь», не высказывая претензий к давно известной монопольной политике «Продугля», писал: «Но еще печальнее, что имеются указания о прикосновенности к делам «Продугля» целого ряда наших солиднейших банков, репутация которых была до сих пор безупречна, а именно: Волжско-Камского, Азово-Донского и Северного...

Неужели наши банки приложили свою руку к тому «делу», которое нанесло столько вреда русской промышленности, которое одному только мин. пут. сообщения причиняло в год более 1,5 млн. руб. убытков?»¹

Русские банки (в которых немаловажную роль играл иностранный капитал) вкладывали значительные средства в крупнейшие синдикаты. Из всей «мощи» функционирующего капитала, вложенного в крупнейшие синдикаты, свыше 40%, т. е. 3687 млн. руб., приходилось на синдикаты «Продуголь», «Продамет», синдикаты в нефтяной, металлургической и цементной промышленности².

Так, Азово-Донской банк стоял во главе следующих металлургических предприятий, входивших в «Продамет»: общества Сулинского завода, Богословского горнозаводского общества, Таганрогского металлургического общества, общества Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода и частично Донецко-Юрьевского металлургического общества.

Банки были экономически заинтересованы в судьбе многих предприятий; их представители участвовали в органах управления предприятиями. Бывшему Русскому торгово-промышленному банку в доле с другими банками и частными лицами принадлежали ряд предприятий (акционерное общество «Электрическая сила», Товарищество Чудовского цементного завода, Акционерное общество Русско-Балтийского судостроительного завода, Товарищество Русско-французских заводов резинового, телеграфного производства, восемь акционерных обществ различных железных дорог и т. д.).

Инспектор Государственного банка писал в мае 1917 г., что деятельность Азово-Донского коммерческого банка ушла «в значительной мере в область финансирования и создания различных торгово-промышленных предприятий. В этой области банк, основыв-

¹ Финансовое обозрение, 1910, № 4.

² См.: Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 27, с. 350.

вая новые предприятия и расширяя старые, оставляет в своих портфелях значительное число акций и паев этих предприятий, и, финансируя их и удерживая в свою пользу обычные проценты за ссуживаемые капиталы, банк вместе с тем участвует и в прибылях этих предприятий в доле, соответствующей участию банка в акционерном капитале предприятия, путем получения дивиденда на принадлежащие банку акции и паи. Среди членов правлений таких обществ и товариществ находится один или два ставленника банка»¹.

Владея $\frac{5}{6}$ всех акций общества Азовской угольной компании, говорится далее в этом документе, и «являясь ввиду этого крупнейшим совладельцем предприятий, этот банк, имея во главе управления компании лиц, причастных к администрации банка, фактически эксплуатирует принадлежащие Акционерному обществу рудники, реализует добычу и извлекает предпринимательскую и торговую пользу путем получения дивиденда на принадлежащую ему значительнейшую часть акций независимо от процентов за пользование деньгами оборотной комиссии и комиссии, взимаемой с каждого пуда проданного антрацита и угля»².

Немецкий банк оказывал огромное влияние на дела таких предприятий, как Сосновицкие трубопрокатные заводы, Миловицкий железопрокатный завод, железоделательный завод «Пушкин», Общество металлических заводов Б. Гантке и Общество русских трубопрокатных заводов «Ш. и Г. Шодуар». Петербургский международный банк распространял свое влияние на Никополь-Мариупольское металлургическое общество и Русское общество машиностроительных заводов «Гартман». Такие примеры могут быть умножены.

Одновременно с увеличением в портфелях банков акций промышленных предприятий устанавливалась личная уния банков с крупнейшими предприятиями промышленности и торговли. Многие фабриканты одновременно состояли и членами советов банков. Так, в состав совета Московского банка входили известные текстильные фабриканты Рябушинский, Дербенев, Коновалов и др. В совет Московского купеческого банка также входили крупнейшие капиталисты. Московский торговый банк и Московский учетный банк тоже тесно срослись с текстильной промышленностью. В советы этих банков входили известные капиталисты текстильной промышленности: А. Кноп, А. Карзинкин (член правления Ярославской мануфактуры), К. Гучков, Е. Морозов и др.

Личная уния банков с промышленными предприятиями заключалась и в том, что директора банков входили в правления предприятий. Так, член Азово-Донского банка Я. Минц участвовал в правлении Серпуховской и Богородско-Глуховской мануфактур. Наиболее крупные капиталисты имели связи с несколькими банками; например, братья Кноп были связаны с четырьмя банками, Прохоров — с тремя, Дербеневы — с двумя и т. д. Председатель

¹ ЦГИАЛ, ф. 616, оп. 10, д. 784, лл. 1—7, 435—451.

² Там же, лл. 1—2, 15—16.

правления Русско-Азиатского банка Путилов занимал должности директора нефтяного товарищества «Лианозов и К°» и директора Общества Московско-Казанской железной дороги, а также был членом правления нефтяных обществ «Нобель» и «Эмба Каспий», Николаевских судостроительных заводов, общества «Лена Гольдфильдс», председателем правления Общества Путиловских паровозостроительных заводов и др.

«Личная уния» банков с промышленностью дополнялась «личной унией» банков с правительством. Акционерные коммерческие банки имели тесные связи с государственным аппаратом. Во время войны сращивание банков с государственным аппаратом усилилось. Бывший министр иностранных дел и товарищ председателя Центрального военно-промышленного комитета Н. Н. Покровский был членом совета Русского банка для внешней торговли. В члены совета этого банка входил также бывший председатель Совета Министров граф В. Н. Коковцев. Членами правления многих банков состояли министры А. И. Гучков, М. И. Терещенко и др.

Банки вкладывали средства в промышленные, транспортные и торговые предприятия. Значительная доля средств направлялась в акционерные общества, что усиливало сращивание банковского и промышленного капитала. Банки всячески способствовали росту акционерных обществ, выступали организаторами их, получая при этом большую учредительскую прибыль. Централизация капиталов в акционерных обществах приводила к образованию крупных предприятий. Учреждение акционерных обществ получило широкое распространение в России еще в период промышленного подъема 90-х годов. В начале XX в. под влиянием кризиса и последовавшей за ним депрессии этот процесс замедлился, и лишь в 1907 г. произошел перелом. Если в 1902 г. было учреждено 78 акционерных обществ, в 1907 г. — 109, то в 1914 г. — 180, в 1917 г. — 325¹.

Среди средств акционерных обществ значительную роль играл иностранный капитал. В 1900 г. на долю иностранных акционерных обществ приходилось около 29%² основного капитала акционерных обществ России. Эти общества учреждались в различных отраслях промышленности, транспорта и торговли. Так, в 1909 г. в отраслях горной промышленности было организовано 13 обществ, в торговле — 17, в пищевой промышленности — 12, в текстильной — 9, а всего — 82 общества. В 1913 г. из 241 общества 40 приходилось на горное дело, 39 — на торговлю, 28 — на обработку металла, 31 — на пищевую промышленность и т. д.

В результате колоссально увеличившейся во время войны денежной эмиссии, уменьшения производства товаров, роста цен возрастал денежный рынок, образовывались денежные капиталы явно инфляционного происхождения. Вклады в текущие счета коммерческих банков и сберегательных касс в 1917 г. были почти в 3 раза больше, чем в 1914 г.

¹ См.: Статистика акционерного дела в России, № 318, вып. II. Харьков, 1908, с. VI; Народное хозяйство в 1916 г., вып. VII. Пг., 1922, с. 155.

² См.: *Воронов Л.* Иностранные капиталы в России. М., 1901, с. 24.

Война активизировала процесс слияния банковского и промышленного капитала, монополизации промышленности. Финансовый капитал, получавший огромные прибыли, всячески усиливал спекулятивное учредительство новых предприятий, которое в эти годы достигло очень больших размеров.

Учредительство во время первой мировой войны¹:

	Учреждено предприятий	Капитал учреж- денных предпри- ятий, млн. руб.
Август 1914 г.— август 1915 г.	250	208
Август 1915 г.— август 1916 г.	477	545
Август 1916 г.— август 1917 г.	826	1056

После Февральской революции частная эмиссионная деятельность расширилась. Новые выпуски акций и паев размещались легко, учредительство в мае — июне достигло кульминации. Этому способствовало, в частности, снятие формальностей при организации акционерных обществ. Правда, в июле 1917 г. с целью большего распространения «Займа свободы» временно было прекращено акционерное учредительство, но в начале августа препятствия к увеличению основных капиталов акционерных обществ вновь были сняты.

Средства банков во время войны намного увеличились. Собственные капиталы Петроградского международного банка возросли на 47 млн. руб., а прибыль — с 10,9 млн. в 1913 г. до 15 млн. в 1916 г. Точно так же собственные капиталы крупнейшего Русско-Азиатского коммерческого банка, имевшего 90 отделений в России и 13 за границей, достигли 98,5 млн. руб., а его прибыль в 1916 г. возросла до 17,3 млн. против 9,3 млн. в 1913 г. Прибыль Русского банка для внешней торговли (имевшего 66 отделений) достигла в 1916 г. 18 млн. руб. против 7,9 млн. в 1913 г.

Акционерная форма организации предприятий давала возможность крупнейшим банкам господствовать над огромными массами чужого капитала, поскольку различные мелкие акционеры были не в состоянии участвовать в общих собраниях. Крупные банки, владея контрольными пакетами акций, фактически являлись хозяевами этих предприятий. Посредством акционерных обществ капиталисты распоряжались не только своим капиталом, но и акциями многочисленных мелких держателей.

Усилению роли крупных монополий, в частности банковских, особенно содействовала так называемая система участия. Банки, приобретая акции различных предприятий, учреждая общества, все более и более становились хозяевами этих предприятий. Одновременно промышленные монополии покупали акции сращиваемых с ними банков. Финансовый капитал в России, господствовавший во всех основных отраслях хозяйства, получал громадные прибыли от учредительства, выпуска ценных бумаг, государственных займов и т. п.

¹ См.: Стенографический отчет заседания Экономического совета при Временном правительстве, 24 июля 1917 г., № 3, с. 25.

Процесс усиления господства финансовой олигархии ускорился тем, что в России финансовый капитал, укрепляя связи с государственным аппаратом страны, получал огромную прибыль от так называемого казенного, государственного хозяйства, используя систему кредита, бюджет, специальные ссуды промышленности и т. д.

Российский капитализм знал кроме коммерческих банков, кредитовавших промышленников и торговцев, и Государственного банка еще ипотечные банки, вызванные к жизни развитием капитализма в сельском хозяйстве. В стране имелось кроме Дворянского и Крестьянского поземельных банков свыше 10 акционерных поземельных банков: Харьковский, Московский, Полтавский, Виленский, Донской, Ярославский, Костромской и др.

Дворянский банк, в сферу деятельности которого входили все губернии Европейской России, кроме Финляндии, Курляндии, Лифляндии, на начало 1915 г. выдал ссуды на 857 млн. руб. при оценке заложенной земли почти в 1,5 млрд. руб. (28 558 заложенных имуществ)¹. Кроме того, общества взаимного поземельного кредита выдали дворянству ссуды на несколько десятков миллионов рублей.

Поддержка царским правительством непроизводительного полукрепостнического сельского хозяйства помещиков, отвлекая колоссальные денежные капиталы, пагубно отражалась на экономике страны. За 1889—1913 гг. в акционерные земельные банки было заложено 57 891 имущество (24 млн. десятин земли), банки соответственно выдали ссуды на 896 млн. руб., в среднем по 37 руб. за десятину.

Под влиянием революционного движения крестьянства царское правительство наряду с отменой выкупных платежей приняло меры к расширению деятельности Крестьянского банка, который сделался позднее важным рычагом проведения столыпинской аграрной политики. Землю Крестьянский банк продавал только в единоличную собственность крестьянам и лишь в исключительных случаях — обществам и товариществам; единоличным покупателям банк давал ряд льгот (низкий задаток и т. д.). В итоге за 1883—1914 гг. банк купил 17,5 млн. десятин земли (при покупной стоимости ее около 2 млрд. руб.) и выдал ссуд почти на 1,5 млрд. руб.²

Хотя Россия и стояла на пятом месте в мире по сумме ценных бумаг (31 млрд. франков в 1910 г.), все же растущая эмиссия ценных бумаг (в 1908 г. было выпущено их на 900 млн. руб., а в 1918 г. — уже на 1350 млн. руб.) служила крупным источником образования финансового капитала.

Кризис в начале XX в. почти приостановил прилив иностранных капиталов в русское народное хозяйство, вызвав падение курсов ценных бумаг. Государственный банк прекратил начисление процента по текущим вкладам. Затем состояние денежного рынка несколько улучшилось. Но в 1904—1905 гг. вновь наступило ухудше-

¹ См.: Косинский В. А. Основные тенденции в мобилизации земельной собственности и их социально-экономические факторы, ч. I. Киев, 1917, с. 1.

² См. там же, с. 15.

ние: текущие счета в Государственном банке и частных банках снизились, уменьшились и вексельные кредиты. Промышленный подъем после 1908 г. и рост сельскохозяйственного производства обусловили значительное расширение денежного фынка. Увеличилась эмиссия государственных ипотечных бумаг, акций и облигаций железных дорог, акций банков и торгово-промышленных предприятий, прирост дивидендных бумаг; выросли ресурсы коммерческих банков. Если в начале 1900 г. сумма ценных бумаг в стране равнялась 7 млрд. руб., то в 1914 г. она была уже в 2 раза больше. Значительная часть денежных капиталов приходилась на ипотечный кредит (одна из особенностей кредитной системы России).

Доходная часть бюджета царской России увеличилась с 1,7 млрд. руб. в 1900 г. до 3,4 млрд. в 1913 г. За весь рассматриваемый период (включая и годы русско-японской войны) бюджет давал превышение доходов над расходами. Однако это не означало отсутствия дефицита вообще. Если учитывать чрезвычайные расходы, то, даже по официальным данным, расходы превышали доходы во многие годы указанного периода, особенно в 1904 г., не говоря уже о военных годах (1914—1917). Бюджетный дефицит покрывали главным образом займами. В структуре доходной части бюджета в 1913 г. основными статьями были прямые налоги (273 млн. руб.), косвенные: табачный, сахарный, спичечный, нефтяной и др. (708 млн. руб.), различные пошлины (231 млн. руб.), доход от казенной винной монополии (899 млн. руб.), доходы от казенного имущества и капитала — железных дорог, казенных заводов, банковых операций (1044 млн. руб.) и т. д.

Рост доходной части бюджета объяснялся не только развитием народного хозяйства, но и увеличением обложения, особенно косвенных налогов, поднявшихся с 505 млн. руб. в 1900 г. до 708 млн. в 1913 г. (а с включением винной монополии — соответственно с 775 млн. руб. до 1607 млн.). Этому также способствовало увеличение таможенного дохода вследствие усиления протекционистской политики в эпоху империализма. Косвенные налоги падали всей тяжестью на трудящееся население. Дворянское землевладение было обложено налогами намного слабее по сравнению с крестьянским. Следует отметить, что в России отношение налогов к доходам населения было выше, чем в ряде наиболее развитых капиталистических стран.

Под влиянием роста крестьянского движения в 1905 г. выкупные платежи с крестьян с 1 января 1906 г. были сокращены. С 1907 г. были отменены феодально-крепостническая круговая порука, отдача неисправного плательщика на заработки и определение к нему опекуна как мера взыскания сборов и повинностей. Отпало также запрещение крестьянам, не владевшим недвижимым имуществом, давать векселя.

Монополистическая стадия капитализма неизбежно связана с ростом вооружения, поэтому значительную часть расходов бюджета составляли военные расходы.

Созданные накопления использовались в стране в значительной

степени непроизводительности: на финансирование помещичьего землевладения, содержание огромного чиновничье-бюрократического аппарата и т. д.; устаревшая государственная машина обходилась русскому народу все дороже и дороже. Прямая и косвенная поддержка промышленных предприятий составляла большую долю расходов бюджета. На просвещение царское правительство отпускало незначительные средства. Расходы по Министерству просвещения в 1900 г. равнялись всего 34 млн. руб., почти столько же, сколько расходы святейшего Синода, и в несколько раз меньше расходов Министерства внутренних дел¹.

Среди чрезвычайных расходов немалое место принадлежало расходам на сооружение и выкуп железных дорог, эксплуатация которых часто была убыточной, и выдаче обществам железных дорог субсидий. На строительство железнодорожных путей и выкуп частных железных дорог тратились колоссальные суммы, особенно в 90-х годах XIX в. Погашение государственного долга потребовало в 1906 г. 445 млн. руб.

К чрезвычайным расходам относятся также расходы, вызванные войнами и их последствиями, расходы по оказанию помощи населению, пострадавшему от неурожая. В 1901 г. последние составили мизерную величину — 20 млн. руб., в 1906 г. — 110 млн., в 1912 г. — всего 2 млн. руб.

Финансисты царского правительства всячески пытались добиться превышения доходов над расходами, стремясь достигнуть так называемой свободной наличности путем увеличения займов, повышения цен на водку и т. п. Финансовое состояние России в начале XX в. в разные годы было неодинаковым, особенно тяжелым оно было в 1905 г.

В 1906 г. царизм получил огромный заем во Франции, правда, на довольно тяжелых условиях. Из 843 млн. руб. займа за вычетом разных расходов реально осталось только 700 млн. Используя экономические затруднения царского правительства, иностранные государства навязывали не только займы по высоким процентам, но и невыгодные торговые договоры. Космополитическая plutократия, господствовавшая в России, влезая во внешние долги, все сильнее затягивала ярмо эксплуатации на шею народа.

Последний государственный заем в довоенный период был сделан в 1909 г., во время промышленного подъема. На этом этапе финансовое положение страны несколько улучшилось, а государственная задолженность немного снизилась.

Империалистическая война вызвала колоссальные расходы; свободной наличности хватило всего лишь на несколько дней. Главным источником средств для ведения войны служил народный доход: на военные расходы в России в 1914/15 г. шло 27,2%, в 1915/16 г. — 39,6 и в 1916/17 г. — 49,3% народного дохода страны², т. е. больше, чем в других странах. Война потребовала значи-

¹ См.: Ежегодник России 1910 г. Спб., 1911, с. 644—647.

² См.: Прокопович С. Н. Война и народное хозяйство. М., 1918, с. 133.

тельных материальных запасов (включая запасы золота для покупки импортных товаров). Национальное имущество страны уменьшилось (к 1 августа 1917 г.) примерно на 20%.

Русско-японская война, которая обошлась России свыше 3 млрд. руб. золотом, вновь создала положение, при котором бюджет не мог покрыть все расходы, тем более что они росли, а доходы обыкновенного бюджета в эти годы не увеличивались. В 1904 г. обыкновенные доходы против предыдущего года даже снизились, а в 1905 г., несмотря на резкое увеличение многих налогов, были меньше, чем в 1903 г. Русско-японская война финансировалась в значительной степени путем займов, в частности иностранных.

Введя с огромными трудностями и издержками золотую валюту, царское правительство при финансировании войны предпочло внешние займы бумажно-денежному обращению. Это еще больше увеличило государственный долг России и еще сильнее обременило бюджет расходами по погашению займов и оплате процентов.

Во время первой мировой войны обыкновенный бюджет вновь не смог изыскать средств для ее ведения. Многие статьи доходов сократились (была отменена водочная казенная монополия, дававшая перед войной свыше $\frac{1}{4}$ всех доходов бюджета, уменьшился таможенный доход, доходы от железных дорог, лесного хозяйства и т. д.).

Военные расходы были чрезвычайно велики. Различные источники определяют их неодинаково. В номинальной валюте их исчисляют в 52 млрд. руб., а в пересчете по индексу — в 21 млрд. довоенных рублей. Но это лишь непосредственные расходы на войну, без учета вызванных войной издержек в народном хозяйстве (падение производства, разрушения, износ основных фондов и т. д., не говоря уже о потерях человеческих жизней).

По сравнению с русско-японской войной военные расходы России в период первой мировой войны возросли почти в 10 раз и значительно превосходили увеличение государственного бюджета и народного дохода за период между этими двумя войнами. Расходы на войны, которые Россия вела в начале XX в., в огромной степени превышали прежние военные расходы. Если на ведение Крымской войны были истрачены сотни миллионов рублей, русско-турецкой войны 1877—1878 гг. — около 1 млрд., то русско-японская война обошлась нашей стране уже в несколько миллиардов, а первая мировая война — в несколько десятков миллиардов рублей. Даже с учетом изменения за рассматриваемый период покупательной силы денег стоимость войн неизмеримо возросла.

Война потребовала колоссальных средств. Выпуск бумажных денег, внутренние займы, введение новых и повышение налогов и косвенного обложения — все было поставлено ей на службу. Запрещение продажи казенного вина с началом войны, а затем полное запрещение торговли вином уничтожили самую большую статью дохода русского бюджета, которая компенсировалась повышением акциза на табак, спички, бумагу, нефтяные продукты, а также налогов: промыслового, на перевозку пассажиров, грузов и

т. д. Военные расходы росли изо дня в день. Каждый день войны в 1914 г. обходился в среднем около 10 млн. руб., в 1915 г. — примерно 24 млн., в 1916 г. — приблизительно 40 млн. и в 1917 г. — около 50—65 млн. руб. С начала войны были введены новые налоги на трудящихся и повышены существовавшие налоги. В России отсутствовал подоходный налог, и потому не имелось точных сведений о доходах состоятельных классов общества. Лишь в ходе войны было вынесено постановление (от 16 января 1916 г.) о введении с 1 января 1917 г. подоходного налога.

Временное правительство также не приняло серьезных мер по обложению доходов буржуазии и землевладельцев, хотя и приняло некоторые решения по данному вопросу: «О повышении окладов государственного подоходного налога», «Об установлении единовременного налога», «О изменении оснований взимания и размеров временного налога на прирост прибылей торгово-промышленных предприятий»¹. Но позднее, предоставляя буржуазии льготы по платежу налогов, оно в значительной степени нейтрализовало эти постановления.

Как известно, Временное правительство «приняло к неперемennomu исполнению все возложенные на государственную казну при прежнем правительстве денежные обязательства, как-то: платежи процентов и погашения по государственным займам, платежи по договорам, содержание служащих, пенсии и всякого рода иные платежи, следующие кому-либо из казны по закону, по договору или на другом законном основании»².

Оклады подоходного налога, установленные ранее, были повышены. Доход, не превышавший 1 тыс. руб., освобождался от обложения; с дохода от 1 тыс. руб. до 1,1 тыс. взималось 12 руб.; от 10 до 11 тыс. — 704 руб.; от 100 до 110 тыс. — 22,5 тыс.; от 200 до 210 тыс. — 53 тыс.; от 390 до 400 тыс. — 120 тыс. руб.

Единовременный налог устанавливался на лиц, общества, компании, товарищества, артели, платившие подоходный налог свыше 10 тыс. руб.; были также изменены размеры налога на прирост прибылей. Эти постановления вызвали протест Комитета съездов представителей акционерных коммерческих банков, направившего докладную записку министру финансов об отрицательном влиянии налоговой политики на кредит, промышленность и торговлю. Кроме Комитета законы Временного правительства о дополнительном обложении торгово-промышленной буржуазии осудил также Съезд советов представителей промышленности и торговли и совет Петроградского общества заводчиков и фабрикантов.

Через несколько месяцев сделало заявление Временному правительству о необходимости ослабить налоговое обложение доходов и прибылей торгово-промышленных предприятий Министерство финансов. В своем проекте оно предлагало, в частности, обло-

¹ См.: Вестник Временного правительства, 1917, 16(29) июня, № 81(127); Финансовое обозрение, 1917, № 19.

² Вестник Временного правительства, 1917, 20 сентября, № 157.

жение единовременным налогом перевести на 1918 г., понизить ставки обложения торгово-промышленных предприятий так, чтобы оно не превышало 50%, и т. д.

Временное правительство не посягало на «всевластие помещиков и капиталистов, на их безмерные, неслыханные, скандальные прибыли, прибыли, которые наживаются на дороговизне, на военных поставках (а на войну «работают» теперь, прямо или косвенно, чуть не все), прибыли, которые все знают, все наблюдают, по поводу которых все ахают и охают»¹.

Наша страна перед первой мировой войной имела общий государственный долг 9,9 млрд. руб., причем внутренний долг был примерно равен внешнему. Во время войны семь внутренних займов царского и Временного правительств дали около 11 млрд. руб. Первый внутренний заем был выпущен в октябре 1914 г. на 500 млн. руб. сроком 49 лет. Через несколько месяцев, в феврале 1915 г., последовал второй заем, также на 500 млн. руб. В том же году были выпущены еще два займа по 1 млрд. руб. В 1916 г. размер займов увеличился, было выпущено два займа: первый — на 2 млрд. (в феврале), второй — на 3 млрд. руб. (в октябре).

В поисках средств для ведения войны Временное буржуазное правительство наметило ввести монополию на продажу товаров широкого потребления (спички, сахар, махорку и др.) и выпустить дополнительно «Заем свободы». К концу сентября 1917 г. подписка на этот заем дала около 4 млрд. руб. при 900 тыс. подписчиков; учреждения Государственного банка, сберегательные кассы и прочие дали 1585 млн. руб.; частные коммерческие банки — 1415 млн.; в фонд сберегательных касс были зачислены облигации займа на 1 млрд. руб. Это отнюдь не означало, что на такую сумму уменьшилось количество денег в обращении: с помощью займа было изъято из обращения не больше 200—250 млн. руб.

Народные массы не хотели подписываться на заем, не желая жертвовать свои сбережения на продолжение войны. Министр финансов А. И. Шингарев признавал, что «Заем свободы» идет очень слабо, а в некоторых местах вовсе не идет, что на очереди «грозное состояние государственных финансов с возможностью временного прекращения платежей»².

Кроме долгосрочных внутренних займов внутренний государственный долг составлялся (не считая бумажных денег) из краткосрочных обязательств и билетов Государственного казначейства. Ко времени Великой Октябрьской социалистической революции он значительно возрос. Точно установить его нелегко; приводятся различные данные. Объясняется это неодинаковым исчислением суммы краткосрочных обязательств государственного долга. Краткосрочные обязательства предназначались для учета Государственным банком обеспечения выпускаемых бумажных денег, не покрытых золотом. Эмиссия бумажных денег Госбанком оформлялась

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 156.

² Вестник Временного правительства, 1917, № 61 (107).

как задолженность Государственного казначейства банку. Со второй половины 1917 г. краткосрочные обязательства начали выполнять роль денежных знаков. Некоторые авторы не без основания считают эту часть краткосрочных обязательств фикцией. Без учета краткосрочных обязательств внутренний государственный долг России к моменту Октябрьской революции составлял примерно 23 млрд. руб., но при этом должно было возрасти количество бумажно-денежных знаков, что также свидетельствовало об увеличении государственной задолженности.

Одну из особенностей экономики России начала XX в. составляла большая внешняя задолженность, росту которой способствовало как наличие дефицитов в бюджете, так и широкое финансирование железнодорожного строительства. Огромный внешний долг наложил определенный отпечаток на характер финансового капитала в России. С 1901 по 1914 г. было получено девять государственных займов за границей.

Крупные займы получила Россия в годы русско-японской войны и первой русской революции: в 1904 г. — на 300 млн. руб., в 1905 г. — четыре займа на сумму почти в 600 млн. руб. Несмотря на это, финансовое положение страны в 1906 г. было очень напряженным. Налицо была угроза краха золотой валюты и перехода к безграничному выпуску бумажных денег. Внутренний заем успеха не имел, и правительству пришлось положить его тайно в капитал сберегательных касс. Огромный, но невыгодный заем, полученный в 1906 г., помог царскому правительству временно выйти из финансовых затруднений.

Предоставляя займы царизму, финансовый капитал иностранных государств выторговывал различные льготы: согласие на предпочтение делать промышленные заказы в стране, предоставившей заем, уступки в торговых договорах и т. д.; займы использовались и как орудие внешней политики. Так, французское правительство в августе 1913 г. оговорило предоставление России в дальнейшем железнодорожных займов: «Условия, на которых императорское правительство сможет выпускать ежегодно на парижский рынок от 400—500 миллионов франков в форме государственного займа и бумажных ценностей, гарантированных государством, чтобы реализовать программу железнодорожного строительства во всей империи, следующие: 1) постройка стратегических линий, предусматриваемых в согласии с французским генеральным штабом на Западной границе, будет немедленно предпринята; 2) наличный состав русской армии будет значительно увеличен»¹.

Уже в начале XX в. Россия была второй страной в мире по величине государственного долга и первой по размеру ежегодных расходов, идущих на уплату процентов, поскольку кредит стоил весьма дорого. Франция, имевшая самую большую государствен-

¹ Материалы по истории франко-русских отношений в 1910—1914 гг. Сборник секретных дипломатических документов. М., 1922, с. 587.

ную задолженность, особенно внутри страны, вследствие дешевизны кредита уплачивала все же меньше процентов за долги.

Правда, в расчете на душу населения государственный долг в России был меньше, чем во многих странах, составляя на начало 1913 г. 53 руб. против 148 руб. в Англии, 146 руб. в Германии, 295 руб. во Франции, но при этом национальный доход на душу населения в нашей стране по сравнению с этими странами также был меньше. На 1 августа 1916 г. государственный долг России составил 30 млрд. руб., а на 1 августа 1917 г. — 43 млрд. руб.

Как уже говорилось, в конце XIX в. Россия ввела золотое металлическое денежное обращение. О характере и значении этой реформы высказывались разные точки зрения. Несомненно все же, что она, несмотря на очевидные недостатки, способствовала росту производительных сил капитализма.

До 1905 г. размер золотого фонда превышал номинал кредитных билетов. Русско-японская война и революция 1905 г. значительно подорвали экономику царской России. С 1906 г. Государственный банк стал выпускать кредитные билеты, не обеспеченные золотом. Если в 1904 г. в обращении находились кредитные билеты на сумму 578 млн. руб., то в 1905 г. — на 854 млн. руб. и в 1906 г. — на 1208 млн. руб., т. е. за два года сумма увеличилась более чем в 2 раза. Выпуск краткосрочных обязательств и кредитных билетов, не обеспеченных золотом, создал напряженность денежного обращения, так как Государственный банк не имел возможности обменивать бумажные деньги на золото. Посредством займов во Франции золотой запас банка был увеличен.

С начала мировой войны положение коренным образом изменилось. Прекратился размен бумажных денег на золото. Золотое обеспечение рубля снижается, структура денежного обращения становится иной: количество золота в обращении уменьшается, а количество кредитных билетов интенсивно возрастает.

За четыре года войны число кредитных билетов в обращении увеличилось более чем в 6 раз и их удельный вес в общей денежной массе повысился. Роль других денежных знаков уменьшилась. В 1916—1917 гг. появились разменные марки и казначейские знаки.

Золотой запас во время войны сократился. Согласно уставу Государственный банк мог выпустить кредитных билетов на 300 млн. руб., однако в дальнейшем это положение было изменено.

Для финансирования войны царское правительство использовало наряду с долгосрочными займами и краткосрочными обязательствами выпуск бумажных денег. Эмиссионное право Госбанка было увеличено с 300 млн. руб. до 1,5 млрд. руб. Позже правительство четырежды увеличивало эту сумму, доведя ее законом от 27 декабря 1916 г. до 6,5 млрд. руб. Продолжая политику безудержной инфляции, буржуазное Временное правительство увеличило эту цифру указами от 4 марта, 15 мая, 11 июля и 7 сентября 1917 г. до 16,5 млрд. руб. Оно превратило эмиссию бумажных денег в главное средство финансирования войны. Выпуск бумажных денег был значительно интенсивнее, чем при царизме. По мере про-

должения войны все большая часть военных расходов (в среднем около 40%) покрывалась путем выпуска бумажных денег.

Министр финансов, обращаясь к Временному правительству с просьбой расширить эмиссионное право банка, привел следующие данные ¹:

	Сумма расходов, млн. руб.	Выпуск кре- дитных билетов, млн. руб.	Отношение вы- пуска к сумме военных расхо- дов, %
С начала войны до Февраль- ской революции (1914— 1917)	28 035	8317	29,6
С 1 марта по 1 июля 1917 г.	7 062	3105	44,0
С 1 июля по 1 сентября 1917 г.	5 400	4235	78,4

В результате инфляции росли остатки и вклады на текущих счетах, спекуляция, учредительство и как следствие — ресурсы и операции банков. Выпуск бумажных денег был худшим видом принудительных займов. Он ухудшал положение трудящихся и служил одним из показателей финансовой разрухи.

До войны состояние денежного обращения было таково, что золото, находившееся в кладовых Государственного банка, почти полностью обеспечивало кредитные билеты. В России имелось золота на 1600 млн. руб., за границей — примерно на 150 млн. руб. при 1633 млн. кредитных билетов в обращении. На 1 октября 1917 г. в России хранилось золота на сумму 1294 млн. руб. при 17 275 млн. кредитных билетов в обращении.

Динамика выпуска кредитных билетов была следующей (в млн. руб.) ²:

	Всего	В среднем в месяц
С начала войны до конца 1914 г.	1 314	238
» 1915 г.	2 670	223
» 1916 г.	3 487	290
Январь — февраль 1917 г.	846	423
Всего до Февральской революции	8 317	264
1 марта — 1 июля 1917 г.	3 105	776
1 июля — 1 октября 1917 г.	4 235	1412
Всего после Февральской революции	7 340	1048
Всего за время войны	15 657	406

Особенно усилился выпуск бумажных денег после Февральской революции: в марте 1917 г. было выпущено кредитных билетов на сумму 1031 млн. руб., в апреле — на 476 млн., в мае — на 729 млн., в июне — на 869 млн., в июле — на 1070 млн., в августе — на 1273 млн., в сентябре — на 1892 млн. руб. Золотой запас Государственного банка уменьшился также из-за высылки золота за границу.

¹ ЦГАОР, ф. 8, оп. 2, д. 309, лл. 3—6.

² ЦГИАЛ, ф. 6, оп. 2, д. 309, лл. 3—6.

Курс рубля на внешних рынках после Февральской революции колебался в зависимости от происходивших в России событий. Вначале «известия о событиях в России вызвали значительный подъем курса русских ценностей»¹, но к середине июля 1917 г. рубль котируется в Лондоне и Париже в размере около 45% своей первоначальной стоимости, а в Стокгольме — в размере 35%. В дальнейшем курс рубля на внешних рынках изменился еще больше, и перед Октябрьской революцией он был ниже первоначальной стоимости в 2,5—4 раза. Если перед войной за 1 ф. ст. платили 9 р. 46 к., то в октябре 1917 г. — уже 43 руб.; за американский доллар — соответственно 1 р. 04 к. и 8 руб.

Кроме бумажных денег денежный рынок наводнялся различными рода суррогатами: купонами долговых обязательств, облигациями разных займов и т. д. Приближение финансового краха было ясно и буржуазным экономистам. Так, М. И. Туган-Барановский писал: «Убеждение в неминуемом крушении нашей денежной системы охватывает все более и более обширные круги населения. Даже крестьянство, столь чуждое вопросам денежной политики, не доверяет в настоящее время прочности рубля и боится его дальнейшего падения»².

Если до войны в России золотое покрытие кредитных билетов составляло почти 100%, в Англии — 47,9 и во Франции — 61,9%, то в начале 1917 г. в России — уже только 15%, в Англии — 38,2 и во Франции — 20,5%.

Перед Октябрьской революцией в обращении было кредитных билетов почти на 19 млрд. руб. Цены интенсивно росли, покупательная способность рубля падала. Политика царского и Временного правительств, направленная на финансирование империалистической войны путем кабальных займов и чрезмерной инфляции, ложилась тяжелым бременем на плечи народных масс.

Налоговые поступления в государственный бюджет сокращались. В первые три месяца 1917 г. поступления государственного поземельного налога упали на 32% по сравнению с 1916 г., налоги с городского недвижимого имущества — на 41, с квартирного — на 43, с военного — на 29, с промыслового — на 19, с закладного — на 11, с наследственных пошлин — на 16, со страховых — на 27, с выкупных платежей — на 65%³.

Экономическое состояние страны накануне Февральской революции даже представители царизма характеризовали как состояние «разрухи» и «развала». В этом отношении представляет интерес записка М. В. Родзянко, направленная царю в феврале 1917 г., незадолго до революции, в которой он писал, что «положение России сейчас катастрофическое и вместе с тем глубоко трагическое»⁴.

¹ Биржевые ведомости, 1917, 7(20) марта.

² Туган-Барановский М. И. Нужно ли бояться умножения бумажных денег. — Биржевые ведомости, 1917, 9(22) июля.

³ См.: Государственное совещание 1917 г. в документах и материалах. М., 1930, с. 39.

⁴ Красный архив, 1925, № X, с. 70.

Он указывал на тяжелое состояние с продовольствием и топливом, в особенности в Москве и Петербурге: «Вообще дело продовольствия страны находится в катастрофическом положении... Не лучше положения с топливом»¹.

Главную причину хозяйственной разрухи Родзянко видел в плохой организации транспорта, в недостатке по крайней мере 2 тыс. паровозов и 80 тыс. вагонов. Изношенность подвижного состава, взяточничество на транспорте, бесхозяйственность администрации железных дорог не позволяли перебрасывать имевшиеся запасы хлеба, мяса, топлива в районы потребления. Второй причиной развала хозяйства, по мнению Родзянко, было «неустройство рабочего рынка»: мобилизация квалифицированных рабочих в армию, излишки рабочих рук в одних районах при недостатке в других и т. д. Причину разрухи Родзянко усматривал и в том, что предоставили «устраивать экономическую жизнь... людям случайным, в лучшем случае дилетантам в порученном им деле, в худшем — прямым невеждам»². Он писал также о «безумной финансовой политике правительства», следствием которой были, по его мнению, спекуляция, неудачи с займами и т. д. «Наконец, необходимо обратить внимание на отсутствие общего правильного народнохозяйственного плана во время войны»³. Родзянко не упомянул лишь главную причину хозяйственной разрухи — войну, политику царизма и весь прогнивший царский строй и его правительственную камарилью.

¹ Красный архив, 1925, № X, с. 70.

² Там же, с. 81.

³ Там же.

Глава III

ВЫВОЗ И ВВОЗ КАПИТАЛА

Ввоз капитала в Россию в форме государственных займов был известен еще в XVII в., когда они использовались, как правило, не для производственного потребления, а для содержания армии и флота, ведения войн. Как уже отмечалось, роль иностранных капиталов в создании русской промышленности, например в XVIII в., была весьма незначительной.

С 90-х годов XIX в. началась эпоха интенсивного прилива иностранного капитала в производственной его форме в угольную, металлургическую, нефтяную промышленность, транспорт и в другие отрасли. Если раньше иностранные капиталисты отдавали предпочтение займам, то в конце XIX — начале XX столетия получили большое значение и инвестиции. Иностранные капиталисты теперь охотнее вкладывали деньги в промышленность, чем в государственные займы, так как получали при этом несравненно большую прибыль, свыше 10% за затраченный капитал. Займы же давали примерно половину этой нормы.

Следовательно, в период домонополистического капитализма иностранные капиталы приливали в Россию преимущественно в форме государственных внешних займов. Но уже во второй половине XIX в., особенно в 90-х годах, наблюдалось их помещение в разные промышленные предприятия. Однако ввоз капитала в Россию в форме займов правительству, железным дорогам и отдельным городам все-таки был преобладающим.

Экспорт капитала происходил и в эпоху промышленного капитализма, но в период империализма он приобрел важнейшее значение: в передовых капиталистических странах возник громадный «избыток капитала», ищущий поприще для прибыльного применения.

Вывоз капитала из России не получил широкого распространения. Наоборот, она в значительных размерах ввозила капитал из более развитых стран. Относительно слабое развитие производительных сил, наличие многих феодальных пережитков, огромных колониальных окраин при недостатке капиталов в стране не создавало условий для вывоза капитала из России в таком объеме, как в некоторых других странах. В экономике России и в эпоху монополистического капитализма экспорт товаров резко преобладал над экспортом капитала. Размер учтенного экспортированного капитала (ссудного и производительного) определяется, по некоторым источникам, в несколько сотен миллионов рублей, тогда как стоимость товаров, вывезенных из России, лишь в 1900 г. составляла 716 млн. руб., а в 1913 г. — 1520 млн. руб. Капитал из России направлялся преимущественно в восточные страны. Он вывозился как в форме займов, так и в производительной форме. Значительные русские капиталы были вложены в Китае и Маньчжурии. Сумма вложений в сооружение Китайско-Восточной железной

дороги равнялась примерно 500—600 млн. руб., а общая сумма вывезенного из России в Китай и Маньчжурию капитала — примерно 750 млн. руб.¹ Долги по займам и другие виды задолженности составляли сумму порядка еще 300 млн. руб. Имущество различных русских торгово-промышленных организаций, в частности Русско-Азиатского банка, оценивалось не менее чем в 50 млн. руб.

Капитал из России вывозился и в другие страны: в Персию, Афганистан, Монголию, Турцию и в Балканские страны. В 1896 г. Учетно-ссудный русский банк предоставил Персии заем в 1 млн. ф. ст., а в 1900 г. она получила заем в 25 млн. руб. от нескольких русских банков. Кроме того, русское правительство вкладывало в Персии капиталы в железнодорожное строительство, строительство шоссейных дорог, телеграфных линий, в строительство портов на Каспийском море. Общая задолженность Персии России составляла около 100 млн. руб. Несколько десятков миллионов рублей России была должна Монголия, 103,7 млн. руб. — Турция, 40,9 млн. руб. — Болгария, 7,3 млн. руб. — Греция². Помимо этого на 1 января 1914 г. за границей находилось русское золото на сумму свыше 165 млн. руб.

«Для стран, вывозящих капитал, почти всегда получается возможность приобрести известные «выгоды», характер которых проливает свет на своеобразие эпохи финансового капитала и монополий»³. За предоставленные займы Россия получила ряд концессий. Так Персия превратилась, по существу, в полуколонию царизма и английского империализма, завладевших экономикой этой страны, державших, в частности, ее внешней торговлю в своих руках.

Банки, предоставившие заем Китаю, получили право прокладки железной дороги, право получать концессии на лес и т. д. Русско-Китайский банк, слившийся в 1910 г. с Северным в Русско-Азиатский банк, имел отделения в Париже, Лондоне, Бомбее, в городах Китая, Маньчжурии, Японии, Монголии, в Средней Азии и т. д. Этот банк финансировал и предприятия Маньчжурии. Сибирский банк в значительной степени подчинил себе вывоз из России в Китай хлеба, нефти и сахара.

Незначительный капитал экспортировался в Балканские страны. Однако в целом вывоз ссудного капитала из России далеко не имел такого значения, как в Англии, Франции, Германии и др.

Ввоз капитала в Россию в период промышленного капитализма ускорял развитие русского капитализма. Большой прилив иностранного капитала был одной из причин промышленного подъема 90-х годов. Многие исследователи преувеличивали роль иностран-

¹ См.: Страны Востока. М., 1928, с. 816; Статистический ежегодник Китайско-Восточной ж. д. на 1934 г. Харбин, 1934, с. 9. Б. А. Романов считает, что к концу 1914 г. русские вложения в строительство Китайско-Восточной железной дороги равнялись 733 млн. руб. (см.: Романов Б. А. Россия и Маньчжурия. М., 1928, с. 124).

² См.: Статистический ежегодник на 1914 г., с. 419.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 362.

ного капитала в экономике России, не учитывая его отрицательных последствий. Ошибочно и другое мнение, согласно которому иностранный капитал будто бы играл в России такую же роль, как и в полуколониальной стране. То, что капитал в Россию экспортировался преимущественно в форме займов, а не инвестиций, дававших значительно более высокий процент прибыли кредитору, опровергает мнение о господстве иностранного капитала в экономике дореволюционной России.

Иностранный капитал направлялся преимущественно в железнодорожный транспорт и в отрасли тяжелой индустрии: металлургию, горнозаводскую промышленность. Роль иностранного капитала в создании железных дорог и горнозаводской промышленности в южных районах страны была весьма значительна.

Прилив капитала в Россию в 90-х годах обуславливался рядом обстоятельств: огромным железнодорожным строительством, более высокой нормой прибыли, чем в самых развитых странах капитала, высокими таможенными пошлинами, препятствовавшими ввозу товаров, и др. Приливу иностранных (особенно французского) капиталов способствовало и общее политическое положение страны (заключение в 1891 г. военно-политического союза России с Францией). Прилив иностранных капиталов происходил циклически: замедлялся во время кризисов, усиливался в период подъемов.

Английские капиталы направлялись главным образом в сырьевые отрасли (добычу нефти, золота, меди, свинца и др.), а также в предприятия коммунального хозяйства. Лесли Уркварт и другие капиталистические хищники старались прибрать к рукам горные богатства Урала, Сибири, Казахстана, Кавказа.

В период предвоенного подъема прилив иностранного капитала в русское народное хозяйство продолжался. Он играл большую роль в промышленности Юга России: металлургической и угольной; на Урале — в золотодобывающей и платиновой отраслях, нефтяной и химической, в электропромышленности и каменноугольной промышленности и т. д.

В текстильной индустрии Центра значение капитала было невелико, хотя некоторые крупные фабрики и принадлежали иностранным капиталистам. В целом удельный вес его в текстильной промышленности России был несущественным.

Несколько большую роль иностранный капитал играл в металлической промышленности Центра: иностранцам принадлежали такие крупные предприятия, как заводы Гужона, Бромлея, ряд предприятий электротехнической, химической и других отраслей.

Отечественный капитал господствовал в Центральном промышленном районе как в промышленности, так и в банках. Он занимал главенствующее положение и в таких промышленных районах, как Уральский и Петербургский, хотя и там были предприятия, принадлежавшие заграничному капиталу. В бакинскую промышленность были вложены наряду с иностранными местные национальные ка-

питалы (Манташева, Лианозова и др.); из буржуазии Закавказья выделялась армянская буржуазия.

По размеру ввозимого в Россию капитала на первом месте стояла Франция, на втором — Англия, затем шли Германия, Бельгия, США и т. д. Французский капитал вкладывался в отрасли тяжелой промышленности и в кредитную систему; Франция была главным кредитором России по государственным займам. На долю французского ростовщического капитала приходилось около трети всех иностранных капиталов, вложенных в акционерные общества России. «В 1912 году Францией вложено в России в русские предприятия 367,66 млн. рублей = около 990 млн. франков (в том числе 115,5 млн. рублей — железные дороги; 96,25 — государственные предприятия; 70,9 — торговые банки и т. д.)»¹.

Немецкий капитал помещался главным образом в предприятия электропромышленности, химической промышленности и в акционерные банки, хотя и в меньшей степени, чем французский.

Бельгия основную часть экспортируемых в Россию капиталовложений направляла в предприятия горной промышленности, а также в коммунальные, машиностроительные, химические и т. д.

Пятое место по объему вложений в народное хозяйство России занимали США. Американский капитал участвовал также в русском Акционерном обществе смазочных и других химических продуктов, в двух предприятиях по страхованию жизни и т. д.

Кроме вложений названных выше стран в России имелись — правда, незначительные — голландские, швейцарские, шведские, датские, австрийские, итальянские и норвежские капиталы.

Наиболее крупные суммы иностранцы вкладывали в горную промышленность (металлургическую, нефтяную, угольную, медную, золотодобывающую и др.), затем в металлообрабатывающую, кредитные учреждения, коммунальное хозяйство, текстильную, химическую промышленность и др.

В машиностроении на первом месте стоял французский капитал, затем немецкий, американский, бельгийский и английский; в химической промышленности — немецкий и французский; в легкой — английский, французский, немецкий, швейцарский и бельгийский. В угольной промышленности преобладали французский, бельгийский и немецкий капиталы; в черной металлургии — французский, бельгийский, немецкий и английский; в цветной металлургии — английский.

Иностранный капитал принимал некоторое участие и в сельском хозяйстве, в экспорте из Сибири масла, в продаже сельскохозяйственных машин и орудий и т. д. Иностранные экспортные конторы усиленно выкачивали из Сибири на заграничные рынки также пшеницу, кожи, пушнину, яйца, дичь и т. д.

После некоторой задержки прилива капитала во время кризиса 900-х годов вновь начало расти учредительство акционерных обществ. Перед империалистической войной около трети акцио-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 28, с. 306.

нерного капитала принадлежало иностранцам, которые поместили в промышленность, транспорт, торговлю, кредитные учреждения около 1,5 млрд. руб.

Большую роль играл иностранный капитал в банковской системе России. Крупнейшие петербургские банки находились перед первой мировой войной в тесной связи с французскими и другими заграничными банками. Первая роль в банках, как и в промышленности, принадлежала французскому капиталу, затем шел немецкий, английский, голландский. Через посредство банков иностранный капитал усиливал экономическую зависимость нашей страны от заграницы.

Только за 20 лет (1891—1910) финансовый капитал других государств извлек из нашей страны без всякого эквивалента 2760 млн. руб. золотом. Так велики были средства, которые России приходилось выплачивать за границу, на это уходила значительная доля народного дохода.

Заграничный капитал, вложенный в русские банки, извлекал немалые прибыли из учредительства и спекуляции акциями, из размещения правительственных займов и всевозможных гарантированных правительством железнодорожных акций. Он получал, наконец, в России значительно более высокий процент по ссудам, нежели в странах «перезрелого» капитализма.

Владея важными позициями в крупнейших акционерных банках, иностранный капитал оказывал влияние на банковскую систему России: во всех коммерческих банках страны его доля составляла примерно $\frac{1}{3}$. Доля иностранного капитала в коммерческих банках России была перед войной в пределах $\frac{1}{3}$ — $\frac{2}{5}$, во время войны она несколько снизилась.

Вместе с тем не следует преувеличивать зависимость русских коммерческих банков от иностранного капитала. Представлять кредитно-финансовую систему России в виде «безвольной игрушки в руках международных банкиров» — значит недооценивать степень развития финансового капитала в России.

Усилению иностранного капитала серьезно противодействовал отечественный капитал. Именно этим надо объяснить тот факт, что большая часть заграничных средств влилась в Россию в форме займов, а не инвестиций, которые давали более высокую прибыль. Дореволюционная Россия была весьма выгодной страной для приложения иностранного капитала, поскольку здесь прибыль была выше (капиталов не доставало, цена земли была сравнительно невелика, заработная плата низка, сырые материалы дешевы).

Размер прибыли на некоторых текстильных фабриках в конце 80-х годов достигал 45%. «Торгово-промышленная газета» приводила следующие данные о дивидендах, полученных акционерами на акционерный капитал в 1899 г. (в %): Московский купеческий банк — 973, Каспийское нефтяное товарищество — 780, Русско-Балтийский вагоностроительный завод — 93, Волжско-Камский коммерческий банк — 71, Алексеевское горное общест-

во — 70, Бакинское нефтяное общество — 50, Мытищинский завод — 39, Черноморское пароходно-торговое общество — 37, Ростовско-Владикавказское железнодорожное акционерное общество — 33,7, Коломенский машиностроительный завод — 32, Русский для внутренней торговли коммерческий банк — 20, Донецко-Юрьевское общество — 20¹.

Даже в годы кризиса и депрессии норма прибыли превышала 10% (в 1899 г. она составляла 18%), в 1900 г. — 17,5%; в 1901 г. — 15,4; в 1902 г. — 13,1; в 1903 г. — 13,5; в 1904 г. — 14,6%². По приблизительным подсчетам, прибыль к основному капиталу во всей промышленности, подлежащей промысловому обложению, равнялась в 1885 г. 19,9%; в 1893 г. — 21,7; в 1895 г. — 21,8%. В начале XX в. она несколько понизилась (так как возрос основной капитал), но все же была очень высокой.

Размер прибыли в фабрично-заводской промышленности был несколько ниже, а в кустарно-ремесленной — значительно выше среднего уровня. Так, в 1913 г. прибыль всех предприятий равнялась 15,8%, в том числе мелких ремесленных — 66 и фабрично-заводских — 13,1. Высокий процент прибыли в кустарно-ремесленных предприятиях объясняется тем, что в эту прибыль включалась и оплата труда хозяина. Если ее исключить, то норма прибыли будет ниже, чем в фабрично-заводской промышленности. Так, в 1912 г. она составляла соответственно 6,9 и 11,4%.

Даже в условиях кризиса (1901) прибыли некоторых предприятий оставались очень высокими. Например, дивиденд, представляющий лишь часть прибыли (в процентах к основному капиталу), равнялся на четырех предприятиях каменноугольной промышленности от 10 до 38; на девяти текстильных — от 15 до 30; на четырех предприятиях нефтяной промышленности — от 50 до 80; на шести металлургических — от 15 до 30.

Получая большие прибыли от вложений в русскую промышленность, иностранцы часть прибыли вновь вкладывали в промышленность, значительную же долю они вывозили (в форме экспорта сырья, например) из России. За период 1887—1913 гг. прибыль, полученная иностранными капиталистами в России, не только полностью покрывала их вложения, но и превысила их.

Во время войны прибыли буржуазии продолжали оставаться высокими (несмотря на обесценение рубля). В России норма прибыли была выше, чем в передовых капиталистических странах. О более высокой норме прибыли свидетельствует и то, что учетный процент был в России значительно выше, чем в самых развитых странах. Высокий по сравнению с западными державами уровень ссудного процента сохранялся в России и в начале XX столетия. Характерно, что учетный процент в капиталистической России, подвергаясь различным колебаниям и циклическим изменениям, заметно не снижался.

¹ См.: Торгово-промышленная газета, 1900, № 206.

² См.: Струмилин С. Г. Проблемы промышленного капитала в СССР. М., 1925, с. 12—13.

Кредит в России был дорог в связи с недостатком капиталов. В городских ломбардах Петербурга и Москвы кредит стоил 14—18%, в провинции — 18—30, в то время как в Германии — 6,6—12,5, в Париже — 7, в Брюсселе — 4,5—6%¹. Учетный процент колебался по районам страны. Так, в Восточной Сибири норма учетного процента доходила до 12 (при обычных 9), банки Западной Сибири взимали от 7 1/4 до 8%, а по текущим счетам и ссудам под товары — даже несколько больше.

Цена на землю в пореформенной России хотя и повысилась, но была много ниже, чем в странах развитого капитализма, что делало более выгодным приложение иностранного капитала в России. Значительно повышала норму прибыли и низкая заработная плата русского рабочего.

Роль иностранного капитала в стране, ввозящей его, противоречива: прилив его несомненно ускоряет развитие капитализма, но вместе с тем ставит страну-импортера в известную экономическую и политическую зависимость от страны-кредитора. Среди дореволюционных русских экономистов не было единодушия в вопросе о роли иностранных капиталов. Одни экономисты (Б. Ф. Брандт, П. П. Мигулин, С. Ю. Витте и др.) считали вложения иностранных капиталов главным и чуть ли не единственным средством подъема производительных сил страны, другие отрицали положительное значение иностранных инвестиций в развитие экономики России. Наиболее апологетически высказывался о роли иностранных вложений Б. Ф. Брандт, полагая, что они увеличивали уровень заработной платы в России, что «иностранцы принесли накопленные опытом богатые знания» и т. д.² Брандт наивно считал, будто страна, экспортирующая капитал, и страна, импортирующая его, равноправны.

Такие представители официальных кругов, как С. Ю. Витте, также предполагали, что промышленное развитие страны можно обеспечить главным образом путем привлечения иностранных капиталов. Он призывал усилить ввоз иностранного капитала в Россию, считая, что «странно даже говорить о какой-то опасности для русской самобытности от ищущих у нас заработка иностранцев и иностранных капиталов»³.

Апологетика иностранных инвестиций была подвергнута критике еще в дореволюционной русской литературе. Так, в докладе московскому отделению Общества для содействия русской промышленности и торговле Л. Воронов возражал Б. Ф. Брандту по поводу того, будто на иностранных предприятиях положение русских рабочих лучше, что эти предприятия будто бы служат образцами организованности и т. д.: «Если иностранные предприятия называются иногда школой для русских промышленников, то

¹ См.: Кириллов А. Городские ломбарды. М., 1914, с. 29.

² Брандт Б. Ф. Иностранные капиталы и их влияние на экономическое развитие страны, ч. II. Спб., 1899, с. 311.

³ Витте С. Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. Спб., 1912, с. 141.

лишь в том смысле, что их пример наглядно показывает, как не следует вести дела»¹. Он отрицал значение иностранного капитала: «Деятельность иностранных предприятий не сказывается благотворно ни для государственного, ни для народного хозяйства России»². Воронов ратовал за иностранные кредиты, но был противником иностранных инвестиций. «Мы можем обойтись без иностранных предприятий, но без иностранного капитала нам справиться трудно», — заявлял он.

Сторонником привлечения иностранных капиталов в Россию был также крупный русский дореволюционный экономист П. Мигулин. Он писал: «Доказывать, что страны, обладающие большими естественными богатствами и бедные собственными капиталами, нуждаются для подъема своих производительных сил и разработки втуне лежащих богатств в притоке иностранного капитала, значило, казалось бы, ломиться в открытые двери». Далее он утверждал: «О воспрепятствовании в какой бы то ни было форме притоку в Россию иностранного капитала не должно быть и речи, если мы хотим следовать по пути быстрого экономического возрождения»³. П. Мигулин выступал лишь против захвата иностранным капиталом уже существующих предприятий и перехода в иностранные руки русской внешней торговли и коммерческих банков.

Среди торгово-промышленной буржуазии Сибири также было немало сторонников привлечения иностранного капитала для развития экономики страны. Так, в журнале «Вестник золотопромышленности и горного дела» читаем: «Неуценую Россию нужно учить... необходимо обратиться к иностранцам с челобитной: «приходити княжити и володети нами». Но вот тут-то и следует с иноземцами договориться за счет той лихвы, тех процентов и условий, при которых возможно некоторое время отрешиться от своих прав жить самостоятельно. Если проценты и лихва не ростовщические, если условия их (иностранцев. — П. Х.) не таковы, чтобы в государстве создавалось другое государство, если иностранцы-инженеры, иностранцы-мастера будут только явлением преходящим и, как таковое, будут только временно нашими учителями, но не поработителями, то придется согласиться, хотя проценты и будут более обыкновенных»⁴.

Но были и противники вложений иностранного капитала в русскую экономику. К ним в первую очередь относились помещики, опасавшиеся капиталистического развития России, и капиталисты, которым больше всего угрожала конкуренция иностранных предприятий. Московский биржевой комитет принял даже постановление, адресованное правительству, в котором говорилось «о вреде русским интересам и опасности, которую представляет даль-

¹ Воронов Л. Иностранные капиталы в России, с. 82.

² Там же, с. 93.

³ Вестник, 1913, № 8, с. 113.

⁴ Вестник золотопромышленности и горного дела. Томск, 1899, № 5, с. 111.

нейшее расширение проявляющейся деятельности иностранных предприятий в России»¹.

Один из сибирских журналов утверждал: «Опыт уже показал, что иностранный капитал оставляет на месте очень мало, настолько мало, что оставляемое им не может играть никакой серьезной роли для интересов сколько-нибудь значительной массы населения. Как известно, иностранцы привозят с собою даже мелких служащих, оставляя туземцам лишь чисто физический труд, по возможности заменяемый машинами. Даже доставку жизненных припасов иностранцы стараются организовать самым выгодным для себя образом, устраняя от этого окружающее население»².

Представители же горнопромышленной буржуазии Юга России, наиболее тесно связанной с иностранным капиталом, напротив, писали, что «не может быть и речи о каких-то захватах иностранными капиталистами южной добывающей промышленности, а тем более о вреде их участия в русских горнопромышленных предприятиях»³.

Привлечение иностранных капиталов в народное хозяйство России вызвало различное отношение к себе и дворянско-буржуазных слоев страны. Как уже отмечалось, С. Ю. Витте полагал, что «необходимый рост нашей крайне отставшей промышленности может совершаться не иначе, как при непосредственном содействии иностранных капиталов»⁴. Либеральный экономист академик И. И. Янжул также считал, что «участие иностранцев вообще в промышленности крайне благотворно и желательно»⁵. Допускал возможность привлечения в Россию иностранных капиталов и Д. И. Менделеев, исходя из своей программы промышленного развития.

Размер иностранных капиталов, вложенных в экономику России, до сих пор не определен более или менее точно. При отнесении акционерных обществ к иностранным или русским наблюдалась еще в дореволюционной статистической и экономической литературе большая путаница. Некоторые статистики считали иностранными лишь те предприятия, правления которых находились за границей. Одни авторы признавали отдельные акционерные предприятия русскими, другие считали их иностранными и т. д. В литературе нередко смешивали вложения иностранного капитала с его влиянием в той или иной отрасли хозяйства.

Из общей суммы иностранного капитала в России легче всего более или менее реально оценить иностранный капитал в акционерных предприятиях в противоположность иностранному капиталу единоличных предприятий. Такой опытный статистик, как С. Г. Струмилин, считал, что к 1885 г. иностранные вложения в русскую акционерную промышленность достигали 52 млн. руб.,

¹ Новое время, 1899, № 8232.

² Хромов Л. А. Очерки экономики России. М., 1960, с. 143.

³ Вестник финансов, 1899, № 7, с. 302.

⁴ Историк-марксист, 1935, № 2/3, с. 233.

⁵ Русь, 1898, № 169.

т. е. составляли около 20% общей суммы акционерных капиталов, а к 1914 г. они возросли до 567 млн. руб., что не превышало тех же 20% промышленных акционерных капиталов. Таким образом, за 28 лет иностранные вложения в акционерные общества возросли на 515 млн. руб. За это же время экспорт прибылей из России, по средним нормам прибыльности акционерных капиталов, составил 721 млн. руб.

В 1900 г. из 2396,5 млн. руб. капитала торгово-промышленных акционерных предприятий России иностранный капитал равнялся 691 млн. руб., или 28—29%. Эта оценка недалека от данных, приведенных С. Г. Струмилиным, только относительно русской акционерной промышленности. С. Ю. Витте в секретной записке царю писал, что общая сумма капиталов, привлеченных в русское акционерное, промышленное и торговое дело в 1900 г., определяется приблизительно в 2 млрд. руб., из которых, по его мнению, около половины русского происхождения.

По расчетам В. С. Зива, общая сумма иностранных капиталов, вложенных в русские акционерные общества, составляла примерно 1500 млн. руб., в том числе в банки — 250 млн. руб. Такую же цифру иностранных инвестиций в русское народное хозяйство (промышленность, торговлю, банки) перед войной называл и профессор Н. Н. Любимов. Зарубежные эксперты и экономисты, старавшиеся всячески преувеличить довоенную задолженность России, определяли иностранные промышленные инвестиции более чем в 2 млрд. руб.¹ Большую цифру инвестиций называет П. В. Оль. По его мнению, иностранные капиталы: вложения в банковые, промышленные и торговые предприятия России — равнялись перед революцией 2,2 млрд. руб., из них свыше 1,5 млрд. приходилось на промышленность². Эта оценка явно завышена; к тому же свою методологию подсчетов Оль не раскрыл.

Капитал из других стран привлекался в Россию не только в форме займов. Иностранный ссудный капитал в несколько раз превышал иностранный капитал в производительной форме. Заключение франко-русского союза создало большие возможности для получения Россией займов у Франции — главного кредитора России. Перед войной русский долг Франции равнялся 3 млрд. руб., Голландии — 450 млн., Англии — около 250 млн. руб. и т. д. Франция стояла также на первом месте среди кредиторов по облигациям и акциям частных железных дорог, гарантированных правительством, и по городским займам. После русско-японской войны, из которой Россия вышла ослабленной, начало несколько охотнее представлять займы русскому правительству и английское правительство, но все же кредиты по сравнению с французскими были незначительными. Лишь во время первой мировой войны Англия стала основным кредитором России.

¹ См.: Пасвольский Л., Моультон Г. Русские долги и восстановление России. Пг., 1925, с. 167.

² См.: Оль П. В. Иностранные капиталы в России. Пг., 1922, с. 8.

На начало 1914 г. государственный долг России равнялся приблизительно 4 млрд. руб. Кроме того, правительство имело обязательства по гарантированным железнодорожным займам в сумме примерно 1200 млн. руб. Задолженность городов по займам, выпущенным в России, но реализованным за границей, составляла около 400 млн. руб. В руках иностранцев находились закладные листы Дворянского и свидетельства Крестьянского банков в форме облигаций на сумму около 200 млн. руб.

Таким образом, вся сумма иностранного капитала в России накануне войны (прямая государственная задолженность по займам, вложения в промышленность, банки, торговлю, гарантированные займы, займы городов и земельных банков, реализованные за границей, и т. д.) достигала около 8 млрд. руб. По заявлению Временного правительства, с начала войны до марта 1917 г. были заключены соглашения об иностранных займах на сумму в 6593 млн. руб.¹

Задолженность России иностранным государствам в форме краткосрочных обязательств исчислялась на 12 апреля 1917 г. в сумме 7011,1 млн. руб., в том числе Англии — 5890,2 млн., Франции — 855 млн., Японии — 161,3 млн., Америке — 69,9 млн., Италии — 34,7 млн. руб.² Основная часть полученных военных займов пошла на оплату заграничных заказов на вооружение и снаряжение (пассив по внешней торговле за время войны составлял свыше 4 млрд. руб.), другая — на уплату процентов по прежним займам, поддержание курса рубля и т. д. Часть займов, как мы уже указывали, погашена вывозом золота из России.

Соглашения на предоставление наиболее крупных внешних займов были заключены с английским правительством и французскими частными банками. При этом английское правительство требовало отправки в Англию русского золота³, а Франция — людей⁴. Потребность в кредитах была очень велика. Зарубежная буржуазия во время войны не особенно торопилась с их предоставлением, опасаясь, что они не будут возвращены. Посол Временного правительства в США в июле 1917 г. советовал министру иностранных дел М. И. Терещенко воспользоваться наступлением русской армии для получения кредитов в США. После провала наступления союзники стали еще хуже выполнять свои обязательства по финансированию и снабжению России.

¹ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 1223, лл. 8—9 об.

² ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, д. 865, л. 203.

³ Журнал «Новый экономист» писал: «Таким образом, в сущности, не Англия поддерживает Россию своими денежными средствами, а Россия — Англию, снабжая ее золотом для сохранения там правильного золотого обращения, в то время как мы вынуждены возвратиться к бумажной валюте» (цит. по: Хромов П. А. Очерки экономики России периода монополистического капитализма, с. 149).

⁴ Французский министр финансов на просьбу о займах заявлял русскому министру: «Вы знаете, что Франция всегда вам поможет теми средствами, которые у нас есть: если у нас есть деньги, мы вам дадим, но скажите вашим товарищам, что Франция страшно нуждается в людях и что самое главное для нас — помогите вы нам, чем вы богаты, помогите вы нам людьми» (Красный архив, 1934, № 3(64), с. 10—11).

В октябре 1917 г. директор канцелярии по кредитной части говорил о затруднениях в получении новых кредитов в США: «Правительство США не идет в должной мере навстречу нашим положениям относительно открытия новых кредитов. Так, например, в счет испрашиваемого кредита до 1 января 1918 г. в сумме 235 млн. долл. будет, по всей вероятности, получено лишь 50 млн. долл.»¹.

Финансовое состояние страны было тяжелым. Как видно из письма М. И. Терещенко к П. Н. Миллюкову, английское казначейство сократило кредиты России. Временное правительство настойчиво добивалось займа в США. По справке Министерства финансов Временного правительства о кредитных операциях России в США, в 1916—1917 гг. между ними было заключено соглашение о кредите на 411 млн. долл. На основании билля от 24 апреля 1917 г. об оказании Америкой помощи союзникам был получен первый аванс 5 (18) мая 1917 г. (100 млн. долл.), второй — 5 (18) августа (100 млн. долл.), третий — 5 (18) сентября (75 млн. долл. — по особому кредиту), четвертый — 5 (18) октября 1917 г. (процент по кредиту — 4½%). Было израсходовано 290,7 млн. долл.²

Временное правительство использовало лишь часть предоставленной ему в кредит суммы; после Октябрьской революции правительство США взяло обратно 137 млн. долл.; остальное ушло на финансирование авантюры белогвардейцев.

По размеру государственного долга Россия до войны стояла на втором месте после Франции. Государственный долг последней равнялся 13,2 млрд. руб., Англии — 7 млрд., Германии — 2,5 млрд.³ К началу августа 1917 г. задолженность России уже превышала государственный долг Англии.

Довоенные долги России и внешние займы военного времени, а также иностранные инвестиции, как бы ни были они велики, были в несколько раз меньше стоимости тех потерь, которые нанесли России мировая война, интервенция, блокада и т. д. По самым скромным подсчетам, борьба с интервенцией обошлась Советской России в 39 млрд. руб. золотом, или примерно в ¼ стоимости довоенного национального имущества страны⁴. Империалистическая и гражданская войны поглотили почти половину народного богатства страны. Народное богатство довоенной России определялось в одних источниках в 150 млрд. золотых руб., в других — в 140 млрд. золотых руб.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 681, лл. 112—122 об.

² ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, д. 865, л. 218.

³ См.: Финансовое обозрение, 1917, № 20.

⁴ Декретом ВЦИК от 10 февраля 1918 г. Советское правительство аннулировало государственные займы, что вызвало протесты со стороны правящих кругов Европы и США (подробнее об этом см.: Ключников Ю. В., Сабанин А. В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. II. М., 1926). В дальнейшем в целях достижения соглашения с другими державами наше правительство заявило (в 1921 г.), что при известных условиях оно готово признать за собой обязательства перед другими государствами и их гражданами по государственным займам, заключенным царским правительством до 1914 г.

Как мы уже отмечали, сумма русских государственных внешних займов намного превосходила вложения иностранных капиталов в народное хозяйство. Таким образом, особенность экономики России начала XX в. составляла большая внешняя государственная задолженность, по сравнению с которой доля иностранных инвестиций была невелика. Часть внешних займов использовалась производительно: на строительство железных дорог и предприятий промышленности; остальные тратились непроизводительно: на поддержание вексельных курсов, уплату долгов по предыдущим займам и т. д.

В эпоху финансового капитала меняется характер государственных займов. Условием займа ставится расходование части его на покупку товаров, произведенных в кредитующей стране, вооружения, судов, и т. д. Таким образом, займы используются как средство усиления вывоза товаров. Франция, давая займы России, «прижала» ее в торговом договоре, выговорив известные уступки на период до 1917 г.

Внешние займы служили орудием империалистической политики, средством политического и экономического закабаления страны. Так, почти миллиардным займом финансовый капитал Франции помог в 1906 г. царскому правительству задуть первую русскую революцию. В годы первой мировой войны импорт в Россию иностранного капитала в форме инвестиций прекратился и в связи с этим его роль в экономике несколько снизилась, но одновременно, как мы видели, сильно увеличилась внешняя задолженность русского государства союзным державам: Англии, Франции и США — по краткосрочным займам.

Российская буржуазия и во время войны (когда прямые вложения иностранного капитала в народное хозяйство прекратились) продолжала беспокоиться о привлечении в Россию заграничных капиталов¹. Временное правительство возлагало на них большие надежды. В проекте правительственной декларации 8 июня 1917 г. по вопросам экономической политики говорилось, что «под угрозой не только экономического застоя, но и падения хозяйственной культуры Россия не может и не должна отказываться от услуг заграничного капитала, которые, естественно, отпадут при неудачных опытах социализации»². Серьезные надежды, в частности, связывались с привлечением американских капиталов. Русский рынок представлял большой интерес для американской буржуазии. Во время войны США заняли важное место в русском импорте. В 1916 г. в США создается специальная компания фабрикантов для эксплуатации экономики России и организуется Американо-Рус-

¹ «Правительство сделало в нынешних условиях психологически невозможным импорт капиталов в Россию. Политика, ныне проводимая в России, словно намеренно отпугивает капитал от прилива к нам. Нам этот иностранный капитал нужен, а мы его запугивали и отпугивали. Мы лишаем себя этим не германских капиталов, значение которых в России и без того в последние годы уменьшилось, а мирового рынка капиталов» (Доклад Совета съездов о мерах к развитию производительных сил России. Спб., 1915, с. 364).

² Красный архив, 1925, № 3(10), с. 93—94.

ская торговая палата. В 1917 г. усилилась роль США в финансировании России.

Американская международная корпорация, объединявшая видных представителей финансовой олигархии США, предложила Временному правительству содействие в организации, кредитовании и перевозке грузов из США в Россию. Российская буржуазия ратовала в свою очередь за самое широкое привлечение американских капиталов в народное хозяйство страны. С этой целью были созданы специальные органы: Русско-Американский комитет и Русско-Американская торговая палата. В записке Палаты о привлечении американских капиталов в Россию говорилось, что в последние годы «американцы с большой охотой ищут дел для применения своих капиталов. Но еще с большей охотой русские ищут финансистов, ищут капиталы в целях расширения предприятий, для учреждений новых»¹.

Уже 16 марта Министерство иностранных дел ставило вопрос о посылке в США особой финансово-экономической миссии для расширения связей между Россией и США. Товарищ министра торговли и промышленности в письме председателю Русско-Американской торговой палаты писал: «Временное правительство, относясь вполне сочувственно к приливу в Россию американских капиталов, не предполагает делать каких-либо ограничений в смысле формы помещения их в наши предприятия»².

Особое совещание (8 июня 1917 г.) высказалось за привлечение американского капитала в горную и горнозаводскую промышленность, причем большинство его участников предлагало концессионный порядок сдачи горных богатств в эксплуатацию иностранцам при условии использования в горных предприятиях русских техников и рабочих.

Совещание считало желательным допустить американский капитал: 1) в нефтепромышленность на Сахалине (однако при условии непременно участия русских капиталов, а также сохранения тесной связи острова с метрополией); 2) в углепромышленность на Дальнем Востоке в связи с железнодорожным и портовым строительством; 3) в дражное (крупное золотоносное) дело; 4) в золоторудное дело на Алтае; 5) в железорудное дело на Южном Урале, базирующееся на углепромышленности Кузнецкого бассейна; 6) в разработку угля и торфа Подмосковного района в связи с его электрификацией; 7) в постройку коксовых печей и усиление добычи угля на Юге России; 8) в карьерную и цементную промышленность; 9) в медную и марганцевую промышленность, гидротехническое строительство, курортное дело и т. п.

Такова была программа по привлечению американского капитала и усилению, по существу, зависимости нашей страны. Буржуазия ради прибылей и укрепления своего господства готова была отдать естественные богатства родины на откуп иностранцам.

¹ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, д. 1230, лл. 19—22.

² ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 11, д. 277, лл. 25—25 об.

Мы уже видели, что еще перед войной инвестиции американского капитала в русское народное хозяйство несколько возросли. Во время войны американский капитал расширил поставку материалов, кредиты и т. д. Ввоз товаров из США в Россию резко увеличился. Дальнейшее усиление влияния США на хозяйство России произошло в период, когда у власти стояло Временное правительство, которое (испытывая большую потребность в материалах и финансах) толкало экономику России на путь экономической зависимости от Антанты. Временное правительство пыталось получить экономическую «помощь» от США в форме кредитов, товаров и т. д. В стране, в частности, было открыто несколько отделений американских банков.

Министр иностранных дел П. Н. Милюков считал, что «политическое, экономическое и финансовое сближение с Соединенными Штатами Америки является одной из важнейших ближайших задач наших»¹.

В июне 1917 г. из США в Россию прибыла специальная комиссия с целью изучить формы «помощи» Временному правительству. Специальная железнодорожная комиссия США изучала средства расширения провозной способности Сибирской железной дороги. Американское правительство брало на себя обязательство реорганизовать русский железнодорожный транспорт, английское — морской транспорт, а Франция — армию.

Россия все в большей степени попадала в зависимость от иностранного капитала.

¹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 1, д. 447, лл. 7—7 об.

Глава IV

ВЫВОЗ И ВВОЗ ТОВАРОВ

По мере развития капиталистических отношений в стране расширялся внутренний рынок: увеличивалось промышленно-городское население, росли применение наемного труда в народном хозяйстве и спрос на рабочую силу, увеличивалось товарное обращение и т. д. В 1914 г. в 50 губерниях Европейской России городское население составляло уже почти 20 млн. человек, или около 15% общей численности населения (против 6,0% в 1863 г. и 12,0% в 1897 г.). Особенно быстро оно росло в Юго-Западном крае, Прибалтике, в столичных губерниях и т. д. Городское население увеличивалось за счет сельского в результате отвлечения части крестьянства от земледелия к промышленно-торговой деятельности.

Промышленно-торговое население концентрировалось не только в городах — значительная его часть находилась в фабричных и торгово-промышленных местечках и селах. Росло применение наемного труда в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте, в непродуцированной сфере. Число лиц, работавших по найму, составляло накануне первой мировой войны примерно 15—17 млн. человек. Согласно же переписи 1897 г. в России насчитывалось 9,1 млн. рабочих и прислуги, в том числе 3,2 млн. рабочих промышленности и транспорта; 1,1 млн. поденщиков и чернорабочих; 2,7 млн. сельскохозяйственных рабочих; 1,6 млн. человек домашней прислуги. Рост промышленности и транспорта, увеличение дифференциации среди крестьянства вели к расширению использования наемной рабочей силы во всех отраслях народного хозяйства России.

О росте внутреннего рынка говорит рост товарного обращения в стране, в частности увеличение железнодорожной сети с 53,5 тыс. км в 1900 г. до 81,1 тыс. км в 1917 г. (или почти на 30 тыс. км) и рост перевозок грузов. Темп прокладки железнодорожной сети был неодинаков: в 1900 и 1901 гг. открывалось движение больше чем на 3 тыс. км путей в год; в последующий период темпы железнодорожного строительства уменьшились и вновь поднялись уже во время первой мировой войны. Характерно, что перевозки хлебных грузов по железным дорогам и водным путям, а также экспорт этих грузов за период 1900—1913 гг. увеличились значительно больше, чем валовой сбор хлебов.

В эпоху монополистического капитализма транспорт связан с промышленностью, промышленными и банковскими монополиями, с финансовой олигархией и т. д. Статистика железных дорог довольно верно отражает рост капитализма и финансового капитала с характерной для эпохи империализма крайней неравномерностью развития транспорта (как между странами, так и внутри каждой из них). Россия по скорости роста железнодорожной сети в 1890—1913 гг. стояла на первом месте. Но в разных районах транспорт был развит весьма неравномерно, а по общей длине железнодо-

рожной сети и тем более по длине ее в расчете на душу населения или на единицу территории она значительно уступала США и Великобритании.

С начала войны железнодорожное строительство усилилось. В 1916 г. было сдано в эксплуатацию 4193 км железнодорожных путей. Большие работы проводились по завершению строительства Сибирской магистрали (на территории Европейской России). Было сооружено несколько железных дорог на Урале, в Средней Азии; вошла в строй Мурманская железная дорога, имевшая большое стратегическое значение, и т. д.

В начале XX в. в России ежегодные капиталовложения в железнодорожный транспорт почти равнялись вложениям в промышленность, а основной капитал железных дорог превышал в 1913 г. основной капитал фабрично-заводской промышленности. Железнодорожное строительство в эпоху монополистического капитализма пережило два периода оживления; правда, они значительно уступали по размаху подъему 90-х годов.

В 1906 г. закончилась прокладка железной дороги Ташкент — Оренбург, по которой пошел хлопок из Средней Азии. В том же году двинулись поезда по дороге Обухово — Вологда — Вятка, обеспечившей прямую связь Петербурга с Уралом; Круго-Байкальская железная дорога соединила Владивосток с Европейской Россией.

С развитием капитализма изменялся состав грузов, провозившихся по железным дорогам. Так, если в 1884 г. хлебные грузы составляли 34,6% грузооборота, то в 1913 г. их доля снизилась до 13,8%. Перевозки хлеба (уже в 1908 г.) уступили первое место перевозкам каменного угля. Значение промышленных грузов систематически увеличивалось. Изменялась и география грузовых потоков. Дореволюционным русским железным дорогам была свойственна большая сезонность перевозок, определяемая главным образом сельскохозяйственным характером страны. Грузооборот резко повышался после урожая и значительно снижался весной, в период дорожной распутицы.

Дороги, занятые перевозкой главным образом промышленной продукции, имели большую интенсивность движения, что влияло и на производительность труда на этих дорогах. На дорогах же, занятых преимущественно перевозкой хлеба, количество перевозимых грузов существенно колебалось как в течение года, так и в разные годы в зависимости от размера урожая.

Уровень производительности труда на транспорте складывался под влиянием следующих основных факторов: технической вооруженности, организации труда, структуры и дальности перевозок грузов и пассажиров. Производительность труда на железных дорогах России в 1913 г. было в 2—2,5 раза ниже, чем в США, несколько уступала Германии и Франции и превышала уровень Англии и Японии.

Рост железнодорожной сети, соединение промышленных центров страны с окраинами, портами, создание таких дорог, как Сред-

неазиатская и др., способствовали расширению внутреннего и внешнего рынков. Проведение Сибирской магистрали облегчило выход продукции из Сибири. Потребляя возраставшее количество мануфактурных изделий, товаров машиностроительной и других отраслей промышленности развитых районов России, Сибирь вывозила все больше сельскохозяйственной продукции. В частности, из Сибири было вывезено в 1900 г. 986 тыс., в 1901 г. — 1749 тыс., в 1913 г. — уже около 5,5 млн. пудов масла.

Несмотря на большое транспортное строительство, в частности во время первой мировой войны (линии Петербург — Мурманск, Вологда — Архангельск и др.), транспорт представлял узкое место в экономике страны. Особенно убедительно доказала это война, хотя в период ее и было построено около 10 тыс. км железных дорог.

О росте товарного обращения в стране наряду с развитием транспорта свидетельствует также увеличение накопления капитала, рост оборотов банков, оборотов сберегательных касс, увеличение продажи и залога земли и т. д. Так, число сберегательных книжек увеличилось с 3,5 млн. в 1900 г. до 9,2 млн. в 1914 г., а сумма вкладов — соответственно с 662 млн. до 1,8 млрд. руб. Оценка заложенной земли поднялась в 2,6 млрд. в 1910 г. до 5 млрд. руб. в 1913 г., а количество земли, принятой в залог, — соответственно с 45 млн. до 58 млн. десятин¹.

Несмотря на рост промышленности, большую роль на рынке продолжала играть продукция земледелия, скотоводства, лесоводства и т. д. Из-за огромной территории страны, относительной узости внутреннего рынка и колебаний спроса оборачиваемость в сфере торговли была сравнительно низкой. Внутренняя торговля характеризовалась наличием многих посредников, заметное место в товарообороте все еще занимали ярмарки. Во внутренней торговле России существовали отсталые, патриархальные формы. Это лишний раз доказывает, что новейший капитализм был оплетен в России густой сетью докапиталистических отношений.

Преобладающая часть торговли сосредоточивалась в частных руках; государство выступало в качестве продавца в торговле вином (винная монополия). Кооперативная торговля была развита слабо. Общее число торговых заведений в России, обязанных выборкой патентов, составляло в 1912 г. 1166,2 тыс., в том числе на оптовую и розничную торговлю приходилось 183,2 тыс. предприятий, на мелочный торг — 608,1 тыс., ларьки — 349,2 тыс., развоз — 10,7 тыс., на разнос — 15 тыс.

Торговый посреднический оборот довоенной России вместе с казенной продажей вина достигал 11,7 млрд. руб. (без ярмарочных и базарных оборотов). Внутренний товарооборот — одна из самых неизученных областей экономической жизни России, поэтому установить точно его размер крайне трудно. Ученный товарообо-

¹ См.: Косинский В. А. Основные тенденции в мобилизации земельной собственности и их социально-экономические факторы, ч. I, с. 16.

рот равнялся в 1900 г. 12,3 млрд. руб., в 1913 г. — 19,6 млрд. руб., т. е. значительно увеличился. Это означало вместе с тем и рост населения, занятого в торговле. В 1913 г. в торговле работало более 2 млн. человек. Производительность труда в этой отрасли повысилась в 1913 г. по сравнению с 1885 г. на 20,3%.

Динамика товарооборота страны находилась в зависимости от промышленного капиталистического цикла. Так, если товарооборот увеличился в 1913 г. в 1,6 раза против 1900 г., то за первые восемь лет в период кризиса и депрессии он в среднем за год вырастал на 1,9%, а затем во время предвоенного промышленного подъема 1909—1913 гг. — на 7,2%.

Вместе с товарооборотом, но в еще большей степени росло вексельное обращение. В 1913 г. оно увеличилось по отношению к 1900 г. в 2,1 раза. Ежегодный прирост товарооборота был несколько меньше ежегодного среднего прироста промышленной продукции в России. Оборот городской торговли в 1900 г. (без базарных заведений) равнялся 4,6 млрд. руб.; из них свыше 37% приходилось на Москву и Петербург.

Размер торгового оборота на душу городского населения Европейской России перед войной равнялся 430 руб., а на душу сельского населения — не более 22 руб.¹ Торговая сеть России насчитывала в 1900 г. 1030 тыс. владельцев и 474 тыс. рабочих и приказчиков, в 1913 г. — 1444 тыс. владельцев и 565 тыс. рабочих и приказчиков.

Торговая буржуазия получала часть прибавочной стоимости в форме торговой прибыли. Эта прибыль в России была относительно высокая, поэтому промышленная буржуазия старалась овладеть и торговлей.

Для эпохи монополистического капитала характерно повышение индекса товарных цен главным образом вследствие роста цен на сельскохозяйственные товары. Так, индекс розничных цен на сельскохозяйственные товары с 1900 по 1913 г. поднялся в Петербурге больше чем на 20%, что увеличило и общий индекс. Казалось, рост производительности труда в промышленности и сельском хозяйстве России должен был привести к снижению стоимости товаров, а следовательно, и цен. Но в действительности цены росли. Повышение их не являлось особенностью экономики только дореволюционной России. Например, индекс цен на продукты питания в 1911 г. составлял по отношению к 1900 г. в США 139, во Франции — 117, в Германии — 128, в Англии — 109, в России — 121².

Цены на хлеб в России снижались по сравнению с предыдущим годом лишь в 1900, 1901, 1903 и 1904 гг. За все же остальные годы они росли и в 1913 г. по сравнению с 1899 г. поднялись на 20%, цены на продукты животноводства — примерно на 50%. Цены на хлеб повышались в связи с соответствующим ростом цен на миро-

¹ См.: Струмилин С. Г. Очерки советской экономики, с. 29.

² См.: Мукосеев В. А. Повышение товарных цен. Спб., 1914, с. 14—15.

вом рынке. Россия была частью мирового хозяйства, и, естественно, его конъюнктура влияла и на русский внутренний рынок.

Если взять за основу уровень цен за десятилетие (1896—1906 гг.), то по важнейшим продуктам питания цены повысились на 22—71%. Возросли цены не только на сельскохозяйственные товары, но и на товары промышленного производства, особенно на нефть и нефтепродукты. В 1900 г. пуд нефти в Баку стоил 15,7 коп., в годы кризиса (1901—1903) — 6,7 коп., но в 1913 г. — уже в 3 раза больше, чем в 1900 г. Значительно возросли цены на хлопок, миткаль, каменный уголь. Однако отдельные товары (например, кровельное железо) в предвоенные годы стоили дешевле, чем в начале XX в.

Цены на большинство товаров в годы кризиса снижались, а в периоды подъема повышались, особенно возросли они с началом общепромышленного подъема 1909—1913 гг. Удорожанию способствовали растущий спрос на товары и политика монополистических объединений, особенно в таких отраслях промышленности, как нефтяная и каменноугольная.

Монополии, защищенные высокими таможенными пошлинами, повышая цены на внутреннем рынке, реализовали иногда свою продукцию на внешних рынках ниже стоимости, а в некоторых случаях даже ниже издержек производства этих товаров.

С началом войны внутренний товарооборот страны сократился вследствие сокращения производства в невоенных отраслях (из-за уменьшения привоза заграничного сырья, оккупации врагом части территории и других причин), а также понижения товарности сельского хозяйства.

Особо повлиял на снижение товарооборота в стране транспорт. Западная часть страны, с ее более густой железнодорожной сетью, была оккупирована, а восточные дороги, загруженные военными перевозками, не справлялись с подвозом из Сибири и других окраинных районов продовольствия и сырья. Так, в 1916 г. было перевезено зерна, а также сахара, мяса, рыбы и других товаров в 2 раза меньше, чем в 1913 г. Нарушались традиционные хозяйственные связи между районами. Росли разрывы в ценах. Цены в промышленных районах в 1917 г. превышали уровень цен в сельскохозяйственных районах почти в 3 раза. В этих условиях резко увеличилась спекуляция многими товарами, в частности сахаром, хлебом, мануфактурой и т. д.

За время войны изменилась структура торговли: поднялась роль государственной и кооперативной торговли. Царское правительство приняло меры по государственному регулированию рынка (были приняты постановления о ценах на предметы первой необходимости — «таксы», установлены цены на продукты для армии, созданы особые совещания по продовольствию, в ноябре 1916 г. введена хлебная разверстка для потребностей обороны). Несмотря на повышение цен на хлеб, планы заготовок его не выполнялись: с осени 1916 г. до Февральской революции было закуплено только около половины требуемого количества хлеба, а фактически его

поступило лишь 33%. Продовольственное положение продолжало ухудшаться и после образования Временного правительства. Последнее было вынуждено ввести хлебную монополию, согласно которой весь хлеб прошлых лет и будущего урожая 1917 г., за вычетом необходимого для нужд владельца количества продовольствия, семян, фуража, должен был поступать государству. Временное правительство ввело также нормирование хлеба с установлением в городах карточной системы.

Хлебная монополия не принесла ожидаемых успехов. Даже по словам одного из деятелей Временного правительства, она оказалась «в значительной степени монополией на бумаге, а не на практике»¹. Закон о хлебной монополии не решил продовольственной проблемы. Чрезмерный выпуск бумажных денег приводил к росту цен на товары. Введя хлебную монополию, правительство повысило вдвое заготовительные цены на хлеб, но и заготовленный хлеб было очень трудно подвезти.

Во время войны, в условиях инфляции и падения производства в «невоенных» отраслях промышленности, цены на многие товары стали повышаться. Этот процесс начался уже в 1914 г., но особенно он усилился в 1915 г. Так, цены на соль превысили довоенный уровень в 3 с лишним раза, на рис, пшено и овес — в 2 раза, на гречневую крупу — более чем в 2 раза. Повысились, хотя и в меньшей степени, цены на товары не только личного, но и производственного потребления: каменный уголь, нефть, керосин и др.² Так, цена 1 пуда каменного угля поднялась в Ростове-на-Дону с 25,1 коп. в 1913 г. до 31,5 коп. в 1915 г.; пуда нефти в Москве — с 72,8 коп. до 99,9 коп. В первое время цены росли несколько медленнее, чем количество денег в обращении. Но со второй половины 1916 г. наблюдалась обратная тенденция — сказалось влияние инфляции.

За первое полугодие 1917 г. денежная масса возросла почти в 5 раз против первого полугодия 1914 г., а цены — в 7 раз.

Еще быстрее поднимались цены на промышленные товары. Так, если уровень цен на рожь в 1917 г. (январь) превышал уровень 1914 г. (июль) в 2 раза, на пшеницу — в 2,3, на муку — в 2,4, то на ситец — в 4,8 раза, на плуги — в 5,2, на спички — в 7 раз, на железо — в 8,1 раза. Цены на хлеб быстрее росли в Нечерноземной зоне. Особенно увеличились они в 1917 г.

Большие изменения произошли в эпоху империализма не только на внутреннем, но и на внешнем рынке России. Вследствие господства монополий усиливалась борьба за внешние рынки. Возросли роль и значение банков во внутренней и внешней торговле. Наиболее крупные коммерческие банки, не ограничиваясь влиянием на товарооборот страны, непосредственно торговали хлебом,

¹ Стенографический отчет заседания Экономического совета при Временном правительстве. 1917, 22 июля.

² См.: Свод товарных цен на главных русских и иностранных рынках за 1915 г. Пг., 1917, с. II, III, V.

хлопком, углем и другими товарами. Монополии боролись за повышение таможенных барьеров в своей стране и снижение или ликвидацию их в других странах.

В России, как уже отмечалось, к концу XIX в. таможенное обложение достигало 33% стоимости ввозимых товаров. Таможенные пошлины, защищая внутренний рынок, обеспечивали монополиям высокие цены, помогали захватывать новые внешние рынки. Между отдельными странами существовали различия в отношении размера таможенных пошлин, особенно значительные по отдельным товарам. Это объяснялось тем, что одни страны с большей силой осуществляли промышленный, другие — аграрный протекционизм.

Высокие таможенные пошлины в России эпохи монополистического капитализма иностранный капитал преодолевал экспортом ссудного или производительного капитала. Между капиталистическими странами происходила острая борьба за русский рынок. Особенно активную роль в ней играла Германия, пытавшаяся всеми мерами противодействовать промышленному развитию России с целью завоевать для своих товаров широкий русский рынок. Торговые договоры между Россией и Германией в 1894 и 1904 гг. создавали широкие возможности для усиления вывоза товаров из Германии.

В 1904 г., во время войны с Японией, был заключен русско-германский торговый договор, по которому Россия пошла на значительные уступки Германии. Роль Германии на русском рынке еще более повысилась.

Немецкий и американский электротехнические тресты полностью овладели русским рынком электротехнических изделий. Иностранный капитал имел существенное значение для русской внешней торговли. Это видно, в частности, из того, что русский торговый флот обеспечивал не больше десятой части своего морского грузооборота, в связи с чем приходилось выплачивать крупные суммы за фрахт иностранных судов.

Оборот внешней торговли России с 1900 по 1913 г. увеличился более чем в 2 раза. Царское правительство продолжало форсировать экспорт, добилось активного торгового сальдо. Однако динамика вывоза и ввоза испытывала колебания из-за кризисов, неурожаев и т. д. Объем экспорта снижался в 1907 и 1908 гг., в период сильной депрессии, граничившей с кризисом, а также в 1912 г., после неурожая предыдущего года; несколько раз падал также ввоз.

Несмотря на получение от внешней торговли значительного активного сальдо, напряженность платежного баланса не уменьшалась. Актив платежного баланса за 1898—1913 гг. складывался из следующих статей: поступлений от экспорта (17 435 млн. руб.), инвестиций иностранных капиталов в промышленность, банки и другие отрасли (2225 млн.), государственных займов (2000 млн.), прочих поступлений (240 млн.); всего он составлял 21 900 млн. руб. Структура пассива была такая: платежи по импорту (13 313 млн. руб.), проценты, дивиденды и выкуп ценных бумаг (5400 млн.),

расходы русских за границей (2000 млн.), прочие расходы (415 млн.), увеличение золотого фонда (772 млн.)¹.

Первый же год войны дал большое снижение внешней торговли и пассивное торговое сальдо, которое оставалось во все последующие годы войны. Объем вывоза в натуре снизился еще больше из-за роста цен на товары. Резкое превышение ввоза над вывозом способствовало увеличению внешнего государственного долга.

Правда, в предвоенные годы выросла добыча золота в стране: в 1900 г. было добыто 38,8, в 1909 г. — 48, а в 1911 г. — 52 т². Однако и с учетом этого обстоятельства свести платежный баланс можно было лишь при условии получения новых внешних займов, ложившихся тяжелым бременем на трудовой народ.

Еще в дореформенные годы Россия по количеству добываемого золота стояла на первом месте в мире. Добыча золота продолжала увеличиваться и позднее. Но рост ее в Калифорнии и Австралии в начале XX в. отодвинул Россию по этому показателю на третье место. Крупнейшими источниками получения золота были активная внешняя торговля в конце XIX — начале XX в., а также прилив иностранных капиталов в форме займов и инвестиций. Поступлению золота противостоял вывоз его из страны в форме дивидендов, получаемых иностранным капиталом, в виде платежей по иностранным займам и т. д.

Структура внешней торговли России в период монополистического капитализма отражала отсталую экономику страны. Среди товаров, вывозимых из России, главную роль продолжал играть хлеб. В отдельные годы его экспорт достигал огромной цифры — в предвоенное пятилетие он составлял в среднем ежегодно 727 млн. пудов. Экспорт хлеба форсировался в целях получения активного сальдо, а также и потому, что в этот период значительно повысились цены на хлеб на мировом рынке. Россия занимала первое место по вывозу хлеба, она давала перед войной около $\frac{1}{3}$ мирового экспорта хлеба. За ней следовали Аргентина, США и др.

Интересны данные о структуре экспорта зерна из России (в %):

Годы	Пшеница	Рожь	Овес	Ячмень
1861—1865	62,8	17,2	7,5	6,3
1901—1905	38,0	12,8	12,6	20,2
1909—1913	35,6	5,5	9,1	31,2

В XX в. структура экспорта зерновых хлебов существенно изменилась. Хотя объем экспортируемых пшеницы и ржи увеличился, их удельный вес (особенно ржи) резко уменьшился. Значительно возрос экспорт фуражного зерна (овса, ячменя). Перед первой мировой войной Россия вывозила в основном пшеницу и фураж.

Стоимость хлебных товаров составляла в отдельные годы (например, в 1905 и 1909 гг.) несколько больше половины стоимости всего экспорта. Кроме хлебных товаров Россия вывозила лес (пре-

¹ См.: Вестник финансов, 1928, № 5, с. 82.

² См.: Общий обзор главных отраслей горной и горнозаводской промышленности. Пг., 1915, с. 25.

имущественно в необработанном виде), яйца, масло, лен, кожи, пушнину. Из промышленных товаров экспортировались хлопчатобумажные ткани, металлы, сахар, шерсть, нефтепродукты, марганцевая руда, металлические изделия, стекло и др. Однако экспорт промышленных товаров играл значительно меньшую роль.

С начала войны значение хлеба как статьи экспорта систематически снижалось и упало в 1917 г. до 2,1% от общей стоимости русского экспорта; в то же время резко повысилось значение льна и леса как предметов вывоза. Россия была главным поставщиком льна на мировом рынке. Перерабатывая лишь $\frac{1}{5}$ собираемого льна, она вывозила его в Англию, Бельгию, Францию, Германию и другие страны. Вывоз пеньки из России в XX в. снизился под влиянием конкуренции со стороны джута. Спрос на пеньку упал и на внутреннем рынке.

Некоторые товары, например хлопчатобумажные ткани, шерсть, черные металлы и др., были предметом как экспорта, так и импорта. Например, Россия вывозила преимущественно грубую шерсть, а ввозила более тонкие сорта ее. Хлопчатобумажные изделия экспортировались главным образом в восточные страны. Среди ввозимых товаров на первом месте стояли промышленные изделия и различные сырые материалы: машины и аппараты, шерсть, хлопок, металлы (черные и цветные), каменный уголь, чай, химические товары, шелк-сырец, пряжа и т. д. По мере роста собственной промышленности потребность в импорте промышленных товаров снижалась, и перед войной наибольшая зависимость русского рынка от заграницы наблюдалась лишь в отношении машин и оборудования, химических изделий и некоторых продуктов цветной металлургии.

Первой страной по объему русского экспорта, а также импорта была в это время Германия, оттеснившая Англию, бывшую раньше главным партнером России. Представители германского финансового капитала всеми средствами добивались понижения таможенных пошлин в России и повышения таможенного барьера на товары, ввозимые из России в Германию. Из всей стоимости экспорта России в 1901 г. в 761 млн. руб. на Германию приходилось 179 млн. руб., а из всего русского импорта, составлявшего в этом году 593 млн. руб., — 210 млн. руб. Перед войной почти половина привозимых в Россию из-за границы товаров шла из Германии, которая в свою очередь вывозила из России хлеб и различное сырье (жмыхи, отруби, лес, яйца, лен, кожевенное сырье, нефть, марганцевую руду, пушнину и т. д.), а экспортировала преимущественно промышленные изделия. Торговля с Германией давала России пассивное сальдо. Немецкие помещики, добившись увеличения пошлины на ввозимые хлебные товары, тем самым сокращали импорт русского хлеба и даже вытесняли Россию с европейских хлебных рынков, вывозя свой хлеб.

Второе место по объему торговли с Россией принадлежало Англии. Она вывозила из России лесоматериалы, хлеб, яйца, нефтепродукты, марганцевую руду, кожевенное сырье и ввозила глав-

ным образом каменный уголь, машины, каучук, хлопок, шерсть, пряжу. Третье место в торговле с Россией занимала старая колониальная держава, Голландия, вывозившая хлеб, лес, руду, отруби и ввозившая каучук, кофе, какао и другие товары. Правда, внешняя торговля России с Голландией включала в значительной степени экспорт хлеба из России в Германию, шедший через Голландию. Четвертое место по объему вывозимых из России товаров принадлежало Франции, далее шли Австрия, Персия.

В этот период Россия вывозила в западноевропейские государства преимущественно сырье, а в восточные страны — промышленные товары. Так, Персия получала из России сахар, керосин, железо, стеклянные изделия, бумагу, хлопчатобумажные ткани, а продавала ей сырые продукты: хлопок, фрукты, рис, икру и т. п. Большую роль в подчинении персидского рынка играли Учетно-ссудный банк и получение Россией у Персии ряда концессий [на Энзелийский порт в 1895 г. и Джульфа-Тавризскую железную дорогу с веткой на Урмийское озеро сроком на 75 лет (1913), нефтяные концессии в четырех провинциях (1916) сроком на 70 лет и др.].

Примерно такой же характер носил русский экспорт и в другие восточные страны: Китай, Афганистан и др. Россия вывозила в Китай хлопчатобумажные ткани, сахар, металлы и другие изделия, стекло, спички. Из Китая в Россию ввозился главным образом чай. Значительную роль в расширении сбыта русских товаров в Китай играл Русско-Китайский банк. Расширению торговли с Китаем способствовало строительство великого Сибирского пути, а также Восточно-Китайской дороги. В торговле с Китаем Россия имела сильных конкурентов — Англию, США и Японию. Японский империализм усилился после победы в русско-японской войне.

Русский монополистический капитал добился серьезных привилегий в торговле с некоторыми странами. При помощи банков, понижения таможенного обложения на ввозимые в эти страны товары, системы возврата экспортерам пошлин и других мер монополистическим объединениям удавалось расширить рынки сбыта. Это обостряло конкурентную борьбу за рынки сбыта, источники сырья, сферы приложения капитала.

Первая мировая война вызвала большие перемены в торговле России. Резко возросло пассивное сальдо торгового баланса (почти до 2 млрд. руб. в 1916 и 1917 гг.), значительно изменились торговые пути. Война с Турцией вызвала блокаду Дарданелл. Черное море оказалось закрытым для русской торговли. Связь по Балтийскому морю была затруднена, большое значение для внешнеторговых связей приобрели северные порты (Мурманск и Архангельск), дорога через Иран, а также Владивостокский порт. Резко изменилась структура экспорта и импорта. Экспорт товаров упал с 1,5 млрд. руб. в 1913 г. до 956 млн. в 1914 г., 402 млн. в 1915 г., 577 млн. в 1916 г. и 463 млн. руб. в 1917 г. Вывоз хлеба в 1917 г. составил всего лишь около 2% общей стоимости экспорта. Вывозились главным образом лен, лес, пенька и т. д. Прекратился вы-

воз русских товаров в Германию, сократился экспорт в некоторые нейтральные страны (Голландию, Данию) и союзные страны (Англию, Францию и др.). В то же время возрос ввоз товаров, в особенности в 1916 и 1917 гг. За четыре года (1914—1917) Россия импортировала товары на сумму почти 7 млрд. руб., а стоимость ее вывоза за это же время равнялась только 2,4 млрд. руб. Пассивность торгового баланса была исключительно велика и привела к увеличению внешней задолженности России.

Возрос ввоз товаров в Россию из Англии, США, Франции и в меньшей мере из Швеции, Норвегии, Финляндии, Японии и др. Наряду с Англией главным поставщиком товаров в Россию сделались США. Экспорт американских товаров, составлявший в 1913 г. 79 млн. руб., поднялся в 1916 и 1917 гг. до 700 млн. руб. Из России же в США в 1916 г. было вывезено товаров всего лишь на 28,5 млн. руб.

В США во время первой мировой войны экспортировалась почти вся русская пушнина: в 1914 г. — на 219 тыс. долл., в 1915 г. — на 534 тыс., в 1916 г. — на 1650 тыс. и в 1917 г. — на 2558 тыс. долл.

В несколько раз увеличился ввоз товаров из Англии, под которые России были предоставлены займы. Стоимость английского импорта в 1913 г. составляла 173 млн. руб., в 1914 г. — 171 млн., в 1915 г. — 287 млн., в 1916 г. — уже 656 млн. руб. и в 1917 г. — 797 млн. руб.

В силу превышения русского импорта над экспортом союзники России Англия, Франция и США предоставили ей кредиты, в счет которых Россия ввозила машины, металл, предметы вооружения, боеприпасы и т. д. Таким образом, и во время войны усилилась экономическая зависимость нашей страны от иностранных государств.

Несмотря на относительно быстрый рост промышленности в начале XX в., сельское хозяйство оставалось главной отраслью народного хозяйства России.

Для экономики России было характерно сочетание промышленного и финансового капитала с отсталой системой землевладения. В 1905 г. из 395 млн. десятин земли в 50 губерниях Европейской России частных земель было 101,7 млн. десятин (25,8%), наделенных — 138,8 млн. (35,1%), земель казны, уделов, церкви и монастырей — 154,7 млн. десятин (39,1%)¹. Эти цифры ясно говорят о том, что землевладение России в эпоху империализма еще в значительной степени оставалось крепостническим, хотя капитализм сделал большие успехи как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Владельцами земельной собственности были дворяне, крестьяне, купцы и почетные граждане, духовенство, мещане. Значительная часть земли находилась в собственности государства.

Главным собственником земли оставалось дворянство. Однако, сравнивая распределение частновладельческой земли в начале XX в. с данными поземельной статистики 1877 г.², мы обнаруживаем, что доля дворян в землевладении уменьшилась на 18% (с 79,9 до 61,9%), в то время как доля крестьян, купцов, мещан и прочих сословий увеличилась. Хотя царское правительство предоставляло дворянству разнообразные льготы (льготный кредит, почти полную свободу от налога на землю и т. д.), происходила распродажа дворянских земель. Землевладельцы получили через Дворянский и другие банки около 2 млрд. руб., но это не спасло их от необходимости продавать имения. Шел процесс образования буржуазной собственности на землю. Зажиточная часть крестьянства все в большей степени превращалась в земельных собственников (табл. 6).

Процесс сокращения дворянского землевладения наблюдался и позднее: к 1911 г. оно вновь уменьшилось более чем на 6 млн. десятин, в результате чего возросло землевладение купечества, крестьян, в первую очередь деревенской буржуазии. Кроме частновладельческих земель крестьянство пользовалось наделенными землями, площадь которых в 1905 г. составляла 138,8 млн. десятин, а за вычетом земель, не распределенных по дворам, — 136,9 млн. десятин; в среднем на один двор приходилось 11,1 десятины (против 13,2 десятины в 1877 г.). Эти земли также распределялись неравномерно, хотя и не в такой степени, как частновладельческие.

¹ См.: Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. Спб., 1907, с. 11—15.

² См.: Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 г., вып. I—LX. Спб., 1892—1897.

Таблица 6. Распределение частновладельческой земли (личной собственности) по сословиям

Сословие	1877 г.		1905 г.		1905 г. Увеличение (+), уменьшение (-), млн. десятин
	млн. десятин	%	млн. десятин	%	
Дворяне	73,1	79,9	53,2	61,9	-19,9
Духовенство	0,2	0,2	0,3	0,4	+0,1
Купцы и почетные граждане	9,8	10,7	12,9	15,0	+3,1
Мещане	1,9	2,1	3,8	4,4	+1,9
Крестьяне	5,8	6,3	13,2	15,4	+7,4
Прочие сословия	0,3	0,3	2,2	2,5	+1,9
Иностранные подданные	0,4	0,5	0,3	0,4	-0,1
Всего в личной собственности	91,5	100,0	85,9	100,0	-5,6

Около половины наделной земли находилось в руках 2,1 млн. дворов наиболее зажиточных групп крестьянства, имевших по 15 десятин и более. Хотя главная часть наделной земли в этот период использовалась по принципу общинного землепользования (из 136,9 млн. десятин на общинное пользование приходилось 114,1 млн.), община далеко не гарантировала уравнительности в землепользовании. Расслоение крестьянства происходило и внутри общины. В 1893 г. процент безземельных дворов равнялся 7; процент же безлошадных крестьянских дворов по 50 губерниям Европейской России в 1899—1901 гг. составлял 29,3. Скот распределялся между крестьянскими хозяйствами еще более неравномерно, чем наделная земля.

Арендованная и купчая земли сосредоточивались преимущественно в руках зажиточных групп. Аренда росла во всех капиталистических странах, но в России она носила следы феодально-крепостнических отношений. Аренда земли в России начала развиваться после крестьянской реформы, но была доступна главным образом зажиточным группам крестьянства. В 1901 г. в аренду сдавалось 19% частновладельческой земли, а в отдельных губерниях — значительно больше. Средняя арендная цена за десятину в год равнялась 7,1 руб. Она резко колебалась по губерниям, так же как и цены на продаваемую землю. Крестьяне арендовали землю у помещиков, казны, а также удельную землю. Вся арендованная ими земля по размерам составляла в начале XX в. примерно $\frac{1}{5}$ наделной¹. Формы аренды были различны. В Пензенской губернии в 1912—1913 гг. из 7306 учтенных фактов аренды земли денежная плата взималась в 3931 случае, издольная — в 1753, отработочная — в 949 и смешан-

¹ См.: Очерки по крестьянскому вопросу, вып. II. М., 1905.

ная — в 673 случаях¹. Все еще значительна была докапиталистическая аренда.

Кроме аренды вненадельных земель имелаась аренда надельной земли. В 1901 г. в 124 уездах сдавалось в аренду 933 тыс. десятин надельной земли; по 128 уездам сдавали землю в аренду от 5 до 30% всех крестьянских дворов. После столыпинской реформы этот процесс усилился. Беднейшие группы крестьянства арендовали землю по более высоким ценам, чем богатые. Преобладала сдача в краткосрочную, в частности годовую, аренду. В условиях отсутствия законодательства, гарантирующего затраты труда и капитала арендаторов, они не были заинтересованы в улучшении арендованной земли и обрабатывали ее значительно хуже, чем свою надельную.

В сельском хозяйстве России сохранились многочисленные крепостнические пережитки. Одним из них было деление крестьянства на различные разряды: несколько видов государственных крестьян, удельные, дарственные, собственники, арендаторы, безземельные, свободные хлебопашцы, временнообязанные и т. п.

Хотя после реформы 1861 г. производительные силы в сельском хозяйстве России значительно выросли, оно все же было отсталым по сравнению с передовыми странами. На одном полюсе русского землевладения находились миллионы дворов малоземельного крестьянства, а на другом — несколько тысяч семей собственников крупных латифундий с десятком миллионов десятин земли.

Земледелие в России характеризовалось господством трехполья с его паром и залежью, занимавшими около $\frac{1}{3}$ всей пахотной земли. Почва была сильно истощена и не выдерживала засух и заморозков. Недостаточное количество скота, медленный рост его численности, нехватка и неудовлетворительное использование естественных удобрений, примитивная обработка почвы — все это вело периодически к большим неурожаям, низкой продуктивности, малой эффективности сельскохозяйственного производства.

Сельское хозяйство развивалось неравномерно: в первые два десятилетия после крестьянской реформы темп его роста был несколько медленнее, чем в последующее время. Перед первой мировой войной в нем было занято $\frac{2}{3}$ населения страны, и оно давало около половины народного дохода.

Более интенсивно росло производство технических культур и картофеля, менее — зерновых, составлявших основу сельскохозяйственного производства России. Медленнее развивалось животноводство, дававшее только около 10% стоимости продукции сельского хозяйства. Рост населения за весь капиталистический период отставал от роста продукции сельского хозяйства (общий среднегодовой темп роста сельскохозяйственной продукции страны на протяжении всего этапа капиталистического развития равнялся примерно 2%, а соответствующий прирост населения — 1,5%).

Отсталость землевладения, наличие пережитков крепостничества в русской деревне послужили важнейшими причинами обостре-

¹ См.: Сельскохозяйственный обзор за 1912—1913 гг. Пенза, 1914, с. 55.

ния классовой борьбы между помещиками и крестьянством, между зажиточными группами крестьянства и беднотой. В начале XX в. восстания крестьян охватили многие районы России, в особенности Центр, Поволжье, Закавказье. В результате роста крестьянского движения аграрный вопрос был выдвинут в России на одно из первых мест. Он стал основным вопросом буржуазной революции в нашей стране. Аграрная программа большевиков в период первой русской революции состояла в требовании национализации земли как условия наибо́льшего роста производительных сил в земледелии. Уничтожение помещичьего землевладения, передача всех земель в собственность государства и раздача их свободным крестьянам и фермерам могли бы обеспечить более быстрый рост производительных сил в земледелии.

Первая русская революция окончилась поражением. Одной из основных причин его была неорганизованность крестьянского движения. Наступила столыпинская реакция. Царское правительство понимало, что одними репрессиями, каторгами, тюрьмами нельзя укрепить расшатанный революционным движением самодержавный строй, что необходимо найти новую силу, которая помогла бы сохранить царизм. Подавив революцию, правительство приступило к экономическим реформам в деревне, к созданию деревенской буржуазии как своей опоры. 9 ноября 1906 г. был издан закон о выделении крестьян из общины на хутора. Этот указ под скромным названием «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» формулировал главные принципы реформы. Первая статья его гласила, что каждый домохозяин, владеющий общинной землей, имеет право закрепить в собственность причитающуюся ему часть.

В тех общинах, где не было переделов земли в течение 24 лет, за каждым домохозяином закреплялись в личную собственность сверх усадебного участка все участки общинной земли, состоявшие в его постоянном (не арендном) пользовании. В общинах, где за последние 24 года проводились переделы, в собственность закреплялись кроме усадьбы все участки, предоставленные общиной крестьянину в постоянное пользование. Крестьяне, закрепившие землю в личную собственность, сохраняли за собой право пользования сенокосами, лесными и другими угодьями, а также выгонами, пастбищами и т. д. По требованию крестьянина, закреплявшего землю в собственность, общество должно было в течение месяца со дня подачи заявления указать ему земельные участки. В случае если общество не выносило такого решения, это делал земский начальник.

Следовательно, каждый крестьянин, владевший надельной землей на общинном праве, мог требовать закрепления в личную собственность приходившейся на его долю общинной земли, и притом в одном месте. Закон предусматривал также переход целых обществ с общинным или подворным землепользованием к владению отрубами при наличии согласия двух третей крестьян общины.

Указ 1910 г. свидетельствовал о том, что царское правительство

еще более круто брало курс на разрушение общины. Согласно положению 1911 г. землеустройство стало осуществляться по ходатайству одной из заинтересованных сторон. В общинах, в которых не было переделов в течение более 24 лет, земля за выделяющимися крестьянами закреплялась в личную собственность с условием, что они будут платить общине за излишек земли, если получили участок больший, чем по последнему переделу.

Хотя ко времени столыпинской реформы устои общины и были подорваны, все же во многих районах она имела большое значение. Общинное землевладение все еще преобладало на Севере, в Центре, на Востоке и в других районах. Только в некоторых губерниях, например Украины (Правобережье), общинное землевладение значительно уступало участковому и подворному.

Право внести выкупную сумму и получить после этого свой надел в личную собственность с возможностью выхода из общины давало крестьянину еще Положение о выкупе 1861 г. Но тогда этим разрешением смогло воспользоваться лишь небольшое число наиболее зажиточных крестьян, которые хотели освободиться от круговой поруки, а также часть крестьян, решившая перепродать свой надел. По существу, царское правительство своей политикой во второй половине XIX в. не разрушало общину, а поддерживало ее, поскольку община в то время служила в его руках важным средством взимания и выколачивания податей. Так, Закон 1893 г. запретил частые переделы, а затем ограничил переделы вообще; кроме того, он разрешил досрочный выкуп лишь с согласия общины.

В XX в. правительство, увидев, что ликвидация общины может послужить спасательным клапаном, сделало ставку на «сильных» крестьян, разрушение общины, насаждение единоличной собственности на землю, в частности в форме хуторов и отрубов.

Известный экономист А. И. Чупров, ярый противник разрушения общины, называл Указ 9 ноября 1906 г. «резким вызовом русскому народу» и творчеством «кучки чиновников». В многочисленных статьях он указывал, что община, будучи «гибким, пластичным» организмом, не враждебна «сельскохозяйственному прогрессу». Последнее он доказывал тем, что поселенцы на новых землях в Сибири селились не дворами, а деревнями, что крестьяне, покупая земли через Крестьянский банк, «не делят их на отруба», а предпочитают жить деревнями.

Столыпинская реформа была второй после крестьянской реформы помещицей «чистой земель» для капитализма. Она содействовала капиталистической эволюции, ускоряла экспроприацию крестьянства, создание крестьянской буржуазии, рост производительных сил страны. Аграрное столыпинское законодательство было «несомненно, прогрессивно в научно-экономическом смысле»¹. Но это законодательство проводилось в интересах помещиков, оно в значительной степени сохраняло кабально-крепостнические пере-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 219.

житки и обеспечивало менее высокий темп роста производительных сил по сравнению с буржуазной эволюцией крестьянского типа. Следовательно, столыпинская аграрная реформа вела к техническому подъему земледелия при сохранении царизма и помещичьих интересов, вела к развитию капитализма по юнкерскому пути.

Царское правительство посредством насильственного разрушения общинного землевладения и насаждения частной собственности на наделную землю, главным образом в форме хуторов, делало ставку на «крепкого мужика», на создание крестьянской буржуазии. Помещичье землевладение сохранилось, правительство всячески помогало зажиточному крестьянству обезземеливать широкую массу крестьян.

Оно поощряло выделение крестьян из общины путем раздела общинных земель на отдельные подворные участки и продажи их крестьянами, предоставляло крестьянам и целым общинам право закладывать земли в Крестьянском банке (в случае неуплаты ссуд крестьяне теряли заложенную землю). Всего с 1906 по 1915 г. из общин выделилось свыше 2 млн. домохозяев, а вместе с домохозяевами общин, в которых не было переделов, — около 2,5 млн. домохозяев. Таким образом, за 10 лет выделилась из общины примерно четвертая или пятая часть крестьян. К этому надо прибавить около 2 млн. крестьянских дворов, которые еще не получили, но должны были получить удостоверительные акты.

По 48 губерниям Европейской России общее число крестьянских дворов во всех крестьянских обществах (на начало 1913 г.) равнялось 14,1 млн.; из них владели наделом на общинном праве 10,6 млн. дворов и на подворном — 3,5 млн. Общее число дворов, для которых испрашивалось установление личной собственности на землю, определялось в 4,7 млн.¹

В отдельных губерниях число крестьянских хозяйств, выделившихся из общинных селений на хутора и отруба, было различным. В губерниях Северо-Запада эти хозяйства составляли: в Петербургской — 28,7%, Псковской — 17,6, Ковенской — 18,6, Витебской — 28,7, Смоленской — 15,9 и в Могилевской — 14,6%, в губерниях Юга и Юго-Востока: в Полтавской — 12,9%, Харьковской — 22,5, Херсонской — 22,6, Екатеринославской — 20,9, Таврической — 20,6, Донской — 10,4, Саратовской — 16,4, Самарской — 19, в Ставропольской — 24,9%.

Наиболее глубоко этот процесс захватил районы Северо-Запада, Юга и Юго-Востока страны, где капиталистическое земледелие добилось значительных успехов и где еще раньше в наибольшей степени было развито подворное землепользование. Если к 1315 тыс. созданных хуторов и отрубов прибавить еще хуторские и отрубные хозяйства, возникшие на казенных землях и землях Крестьянского банка, то общая численность хуторских и отрубных хозяйств на январь 1917 г. составила около 1610 тыс. (с площадью в 16 млн. деся-

¹ См.: Лосицкий А. Е. К вопросу об изучении степени и форм распада общины. М., 1916, с. 40—43.

тин), или около 10,5% всех крестьянских хозяйств. В некоторых районах закрепление земли в собственность не означало разрыва крестьян с общиной, поскольку не все крестьяне выходили на хутора и отруба. Многие оставались в общине, опасаясь, что вне ее, вне общинного пользования пастбищами, водопоями, школой, дорогами и т. п., им будет еще труднее.

Процесс выхода из общины и закрепления земли в собственность коснулся всех групп крестьянства, но в наибольшей степени — деревенской буржуазии и бедняков (безлошадных, беспосевных крестьян). Деревенская буржуазия выходила из общины для того, чтобы расширить свое капиталистическое земледелие путем покупки земли, захвата общинной земли и т. д. Беднота стояла за выход из общины, стремясь продать свою землю. Были и другие причины выхода крестьян из общины (желание вести собственное, самостоятельное хозяйство на отрубках и хуторах, опасение, что при ближайшем переделе можно потерять излишки земли и т. д.). Выход из общины достиг максимального размера в 1909 г., когда вышло 579 тыс. домохозяев. Затем число выходов начинает уменьшаться, и с начала войны этот процесс почти прекратился.

На хутора и отруба выделялись в первую очередь зажиточные крестьяне. Об этом красноречиво говорят данные, характеризующие экономическое состояние хуторян и общинников. В Епифанском уезде Тульской губернии приходилось 7,6 десятины посева на один двор хуторян и 4,19 — на один двор общинников¹; в Вышневолоцком уезде Тверской губернии — соответственно 23,6 и 14,4; в некоторых районах Псковской губернии — 23,9 и 9,12²; в Полтавской — 26,4 и 7,7 десятины³. Эти данные не дают вполне правильной картины, так как среди хуторян было много кулаков, которые вели хозяйство не только на своей земле, но и на купчей, арендованной. Богатое крестьянство, выходя на хутора и отруба, скупало у малоимущих крестьян землю по дешевой цене. Вследствие этого массы крестьянства лишались земли и превращались в настоящих пролетариев. Хуторяне делились на два разряда: зажиточных крестьян, которых было немного, и бедных, разорившихся, составлявших подавляющее большинство.

Хутора и отруба сначала создавались главным образом на землях крестьян. Затем они стали насаждаться на землях Крестьянского банка, которые он получил путем покупки у помещиков и в результате передачи ему удельных и казенных земель. За 1906—1916 гг. при помощи банка было образовано 280 тыс. хуторов и отрубов общей площадью 2942 тыс. десятин. Хутора и отруба наиболее интенсивно возникали в западных районах России, на Украине и на Дону, а также в Среднем Поволжье. В Прибалтике они были

¹ См.: Крестьянское хозяйство по переписи 1899—1911 гг. Епифанский уезд, ч. II. Тула, 1916, с. 107.

² См.: Результаты исследования 110 хозяйств мелкого единоличного владения Псковской губернии. Псков, 1910, с. 7.

³ См.: Третья подворно-хозяйственная земская перепись в Полтавской губернии 1910 года. Полтава, 1913, с. 237—238.

развиты еще задолго до столыпинской реформы. Наоборот, для таких районов, как Средне-Волжский, Центрально-Черноземный и в особенности Центрально-Промышленный, было характерно незначительное выделение на хутора.

Царское правительство выдавало крестьянам ссуды на покупку земли и устройство хуторов главным образом через Крестьянский банк. Крестьянский и Дворянский ипотечные банки служили серьезными рычагами в руках правительства при проведении столыпинской земельной политики. Кроме этих банков в рассматриваемый период имелись и другие учреждения ипотечного кредита: 10 акционерных земельных банков, 36 городских и губернских кредитных обществ. Крестьянский банк выдавал ссуды при покупке земли на отруб в размере 95% оценки земли, при покупке земли на хутора — в размере 100%. Большая часть земли была куплена у дворян по довольно высоким ценам. С 1883 по 1915 г. через Крестьянский банк крестьяне и сельские общества купили, по данным официальной статистики, 17,7 млн. десятин земли¹. Деятельность банка особенно активизировалась после революции 1905 г.

В эпоху империализма развитие капиталистического землевладения за счет полуфеодального помещичьего землевладения продолжалось еще интенсивнее. Как уже отмечалось, рост цен на землю, падение арендных цен после первой русской революции, кризис сельского хозяйства в 80-х годах, обострение классовой борьбы в деревне — все это содействовало продаже помещичьих имений. Характер землевладения менялся: владения дворянства и духовенства уменьшались, а купечества, почетных граждан и крестьянской буржуазии росли.

Крестьянский банк скупал имения еще в конце XIX в. Особенно развернулись его операции по скупке земли в начале XX в., в частности в 1906—1908 гг. Если в 1900 г. было куплено 94,5 тыс. десятин, то в 1906 г. — уже 1144,5 млн., а в 1907 г. — 1519,8 млн. десятин². В годы войны покупка земель Крестьянским банком практически прекратилась.

Банк, соблюдая интересы помещиков, покупал у них земли по высоким ценам. Купленная у землевладельцев земля вместе с переданной удельным ведомствам составляла земельный фонд банка, распродаваемый преимущественно крестьянам, выходящим на хутора и отруба, по ценам более высоким, чем общие цены на землю. Крестьянин, покупая землю у банка, должен был внести известную сумму, а основную стоимость уплатить банку на протяжении 55,5 лет. Земля бедняцких крестьянских хозяйств, которые неспособны были уплачивать за нее ежегодные взносы, продавалась «с молотка».

¹ См.: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Пг., 1917, с. 609.

² См.: Отчеты Крестьянского банка за 1906—1915 гг.

Несмотря на жесткий нажим, недоимки за купленную землю были большие: в 1912 г. было 4054 случая продажи участков с «молотка», в 1913 г. — 3836, в 1915 г. — 3623.

Столыпинская аграрная реформа стала тем последним клапаном, при помощи которого царскому правительству удалось отсрочить гибель старого, крепостнического землевладения. Эта реформа послужила сильным средством мобилизации наделных земель, перехода их из рук в руки. Закрепление земли в частную собственность в условиях России служило орудием освобождения крестьян от земли, так как значительная часть укрепленцев, преимущественно беднота, продавала землю, а зажиточные группы крестьянства покупали ее. Процесс мобилизации земли и ее концентрации в руках небольшой группы сельской буржуазии характерен для эпохи империализма.

Уничтожение общинного землевладения и рост дифференциации крестьянства усилили обращение земли в качестве товара, способствовали ее мобилизации. По 12 уездам России из хозяйств, закрепивших землю в собственность, 7,4% продали всю землю, 6,4% — часть ее, 7,7% сдавали в аренду¹. Причинами продажи были неурожай, переход на работу в промышленность, в города, переселение в Сибирь и т. д. Зажиточные же крестьяне продавали свои наделы переселяясь на новые земли (купленные у помещиков, банка) или испытывая недостаток рабочих рук и т. д. В то же время деревенская буржуазия скупала наделную землю, которую продавали разорившиеся крестьяне. Разрушение общины, мобилизация наделных и помещичьих земель, рост переселений и числа безземельных крестьян — все это свидетельствовало об углублении дифференциации крестьянства в начале XX в.

С 1907 по 1915 г. 1201 тыс. крестьян продали 3958 тыс. десятин наделной земли. Следовательно, в среднем на одного продавца приходилось всего лишь около 3 десятин земли. Это показывает, что землю продавала преимущественно деревенская беднота (значительную часть ее составляли переселенцы). Характерно, что процесс мобилизации наделной земли все усиливался.

Больше всего продавалось наделных земель в тех районах, где получило широкое распространение столыпинское землеустройство (в Новороссии, Центрально-Земледельческом и Нижне-Волжском районах). Так, данные по Центрально-Земледельческому району дают представление об использовании наделной земли после землеустройства: продолжали обрабатывать землю только 68,2% крестьянских дворов, сдавали ее в аренду 12,4%, продали всю землю 19%, продали часть ее 0,4%². В трех волостях Богородицкого уезда Тульской губернии продолжали обрабатывать укрепленную

¹ См.: Землеустроенные хозяйства. Сводные данные сплошного по 12 уездам подворного обследования хозяйственных изменений в первые годы после землеустройства. Пг., 1915.

² См.: Чернышев И. В. Община после Указа 9 ноября 1906 г., ч. I. Пг., 1917, с. 158.

землю 61,1% крестьянских дворов, сдавали в аренду 14,7%, продали всю землю 18,3%, продали часть ее 5,9%¹.

В 1912 г. Министерство внутренних дел провело обследование мобилизации наделных земель, т. е. купли-продажи их, в четырех губерниях: Витебской, Пермской, Ставропольской и Самарской (в Николаевском уезде). Из 106 095 дворов, закрепивших за собой землю на начало 1912 г., продали землю 27 558, или 25,5%.

Из числа дворов, продавших землю в этих четырех губерниях, больше 10 тыс. не занимались сельским хозяйством; лишь очень незначительная часть домохозяев продавала ее с целью улучшить хозяйство или купить другие участки.

Число продавцов земли в целом по стране и по отдельным губерниям было больше числа покупателей, что указывало на процесс концентрации земли.

В Ставропольской губернии продали землю 14 282 укрепленца, а купили ее 7489 человек; из них 3290 приобрели более чем по 15 десятин, в том числе 580 человек — по 50—100 десятин, 85 — по 100—500, 7 человек — по 500—1000 десятин. В Николаевском уезде Самарской губернии 142 человека купили по 50—100 десятин, 102 — по 100—500, 2 человека — по 500—1000 десятин.

Распад общины, концентрация земли у зажиточной части крестьянства безусловно способствовали росту производительных сил в сельском хозяйстве. Из материалов обследования 22 399 хозяйств в 12 уездах видны рост обеспеченности хозяйств инвентарем и машинами, тенденция к улучшению систем полеводства, улучшению обработки почвы, сокращению трехполья, повышению доли удобряемой пашни и, наконец, к росту урожайности².

В землеустроенных хозяйствах на наделных землях стоимость построек увеличилась на 24%, а на банковских и казенных — на 45%. Общая стоимость инвентаря возросла на наделных землях почти на 40%, а на банковских и казенных, более чем в 2 раза. Общая численность скота в обследованных хозяйствах увеличилась, хотя в хозяйствах на наделных землях она уменьшилась. Хозяйств с травопольными и многопольными севооборотами после землеустройства стало в 4 раза больше; урожай хлебов за 1912 и 1913 гг. в землеустроенных хозяйствах по всем видам посевов в подавляющем числе случаев был выше, чем в сельских обществах, где сохранилась чересполосица.

В то же время столыпинская реформа ухудшила положение бедноты, усилилось разорение бедняцких и середняцких масс. Землевладение оставалось в значительной степени крепостническим. Производство хлеба, особенно товарного, сосредоточивалось главным образом в руках кулаков и помещиков. Частые неурожаи усугубляли крайне бедственное положение крестьянства. В годы, когда число выходов крестьян из общины было наиболь-

¹ См.: Мозжузин И. В. Землеустройство в Богородицком уезде Тульской губернии. М., 1917, с. 293.

² См.: Землеустроенные хозяйства, с. 22, 23, 26.

шим, крестьянское движение пошло несколько на убыль, но позднее, на почве столкновения общинников с хуторянами, оно вновь усилилось. Только за период с 1907 по 1914 г. в стране произошло свыше 20 тыс. крестьянских выступлений против помещиков и сельской буржуазии.

Составной частью столыпинской аграрной реформы была и политика переселения крестьян. Нет сомнения, что при правильной организации переселения оно могло бы сыграть положительную роль в хозяйственном развитии страны. Россия имела значительный запас свободных, незанятых земель, особенно в Сибири (где плотность населения в 1916 г. не достигала одного жителя на квадратную версту) и Средней Азии.

Под влиянием крестьянского движения царское правительство перешло от политики сдерживания переселений крестьян к политике усиления этого процесса с целью «разредить» атмосферу в России, постараться *сбыть* побольше *беспокойных* крестьян в Сибирь¹, полагая, что удастся смягчить аграрные противоречия в центральных районах страны.

В условиях существования остатков крепостничества, малоземелья и общего тяжелого положения крестьяне Европейской России готовы были на выезд в любой район страны. Закон 9 ноября 1906 г. облегчал переселенцам ликвидацию их хозяйств. Как уже отмечалось, переселения крестьян проводились в России издавна. Раньше эта мера использовалась главным образом в политических целях, для создания на окраинах укрепленных оборонительных пунктов с русским населением. В первой половине XIX в. интенсивно переселялись государственные крестьяне из сравнительно густонаселенных местностей.

За время с 1837 по 1859 г. в Воронежскую, Харьковскую, Саратовскую, Оренбургскую, Самарскую, Астраханскую губернии, на Северный Кавказ и в Сибирь переселилось около 400 тыс. человек. После крестьянской реформы, боясь повышения цен на рабочую силу и уменьшения аренды, правительство относилось к переселениям отрицательно, хотя в отдельных случаях, по политическим соображениям, и организовывало их. В 70-х годах XIX в., когда южные земли были уже в значительной степени заселены, колонизационная волна направилась в Сибирь. Большая часть крестьян переселялась самовольно. Так, в 1894 г. 78% переселенцев, проходивших через Челябинск, ехали самовольно.

Новый этап в политике переселения был связан с реформой Столыпина. Официально перед переселением ставилась задача улучшить условия землепользования и хозяйства крестьянского населения внутренних губерний, улучшить быт коренного малоземельного населения и усилить русскую мощь на отдаленных окраинах государства. Переселение всячески поощрялось. Переселенцам предоставлялись некоторые льготы: снимались недоимки по казенным сборам; перевозка на новые земли производилась по

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 265.

льготным тарифам: они освобождались на пять лет от казенных и земских денежных сборов с обложением в последующие пять лет в половинном размере, а также получили отсрочку на три года от отбывания воинской повинности.

С 1906 г. (особенно в 1907 и 1908 гг.) переселенческая волна достигла громадных размеров (в 1908 г. переселилось 759 тыс. человек), затем она начала спадать. Незначительный рост числа переселенцев наблюдался лишь в 1913 и 1914 гг., особенно из украинских губерний: Екатеринославской, Полтавской, Харьковской, Херсонской; существенно увеличилось число переселенцев и из таких мест, как Вятская, Пензенская, Воронежская, Саратовская и другие губернии.

Однако многие переселенцы возвращались обратно. Приезд обнищавших, голодных людей к прежнему месту жительства царское правительство всячески замалчивало, выпячивая лишь то, что они, превращая пустые земли в обжитые, являлись носителями более высокой культуры земледелия. В среднем, начиная с 1910 г. почти $\frac{1}{3}$ всех переселенцев возвращалась ежегодно обратно. В неурожайный 1911 год вернулось 64,3% переселенцев. Тянулась обратно обычно наиболее бедная, все потерявшая часть крестьянства. Рост числа возвращавшихся крестьян показывал, что аграрный кризис не был преодолен, и свидетельствовал о неудовлетворительной организации переселения.

В литературе проблема переселения оценивалась по-разному. Некоторые авторы считали ее «панацеей» от всех аграрных бед России. С другой стороны, высказывались и опасения, что переселения приведут к ослаблению центральных районов страны, нарушению арендных отношений и т. д.

Противники переселения выдвигали аргумент, что «непрерывная погоня за новыми, еще девственными землями служит легким и доступным выходом для небрежности русского поселянина, его косности, его нежелания усвоить более совершенные земледельческие приемы... Если средством от бед, вытекающих из нашей обветшалой землевладельческой культуры, будет служить только оставление старых земель и передвижение в пустыни Сибири или Средней Азии, то России в течение еще длинного ряда поколений будут чужды успехи сельского хозяйства, которые стали совершаться в Западной Европе уже несколько столетий тому назад. Плохо родит земля — бросил ее, ушел за тысячу верст, занес туда ветхозаветные приемы сельского хозяйства и собирает с их помощью удовлетворительную, а иногда и превосходную жатву. Может ли при таких условиях быть речь о каких-либо успехах земледельческой техники?»¹

Нельзя было только путем одних переселений оздоровить земледелие. Россия обладала гигантским колонизационным фондом, который мог быть рационально использован лишь по мере развития земледельческой техники и освобождения русского крестьянства от крепостнических пережитков.

¹ Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1905, приложение, с. 9.

Рассмотрим, как развивались производительные силы в сельском хозяйстве России. В XX в. возросло производство хлеба на душу населения, что свидетельствовало о повышении производительности труда в сельском хозяйстве. Внедрялись машины, происходил переход к четырехполью и многополью, расширялось травосыianie и молочное скотоводство вокруг городов и промышленных центров. Успехам сельского хозяйства благоприятствовало и повышение цен на хлеб на международном рынке.

Производство хлеба в стране в предвоенное десятилетие повысилось по сравнению с первым пятилетием XX в. примерно на 20%. Однако сбор хлеба в неурожайные годы резко уменьшался. Так, в 1901 г. он упал по сравнению с предыдущим годом почти на 15%; крупное снижение сбора хлеба (более чем на 500 млн. пудов) произошло в 1906 г. и особенно (почти на 1 млрд. пудов) в 1911 г. Наибольший амбарный сбор хлеба был в России в 1913 г.: 5,6 млрд. пудов — рекордная для России дореволюционных лет цифра. В том числе в 50 европейских губерниях было произведено 4,2 млрд. пудов, на Северном Кавказе (в Кубанской, Ставропольской, Терской и Черноморской губерниях) — 453 млн., в Западной Сибири (Енисейской, Иркутской, Тобольской и Томской губерниях) — 276 млн., в Восточной Сибири (Амурской, Забайкальской, Приморской, Якутской, Сахалинской и Камчатской губерниях) — 48 млн., в Закавказье — 83 млн. и в Туркестане — 80 млн. пудов.

В то время как сбор хлеба в одних губерниях Промышленного центра понизился, в других он остался без изменения при общем снижении в них посевных площадей. Увеличился сбор хлеба в начале XX в. на Северном Кавказе, в Сибири и т. д.

В структуре посевных площадей России перед первой мировой войной преобладали посевы пшеницы (29,8%), ржи (29,9%), ячменя (12,5%) и овса (19,1%). Удельный вес пшеницы в пореформенные годы систематически увеличивался. Он вырос с 18,6% в 1870 — 1874 гг. почти до 30% в 1913 г.; посевы ржи соответственно снизились. Среди причин этих перемен следует указать на влияние международного хлебного рынка и кризисное состояние сельского хозяйства Центрально-Черноземного района, производившего главным образом рожь.

В целом предвоенный промышленный подъем совпал с повышением валового сбора сельскохозяйственных культур вследствие хороших урожаев и расширения посевных площадей. Общая посевная площадь увеличилась перед войной по сравнению с первыми годами XX в. на 15%, причем в азиатской части России этот прирост был в несколько раз больше, чем в европейской.

Посевные площади в 50 европейских губерниях увеличились с 66,7 млн. десятин в 1900 г. до 73,1 млн. в 1913 г., или почти на 10%. Однако в ряде губерний посевы сокращались, например в черноземных губерниях Центра России (Курской, Орловской) и в губерниях Промышленного центра (Московской, Владимирской, Тверской, Ярославской, Костромской, Калужской, Тульской, Рязанской).

Существенно расширились посевные площади на Северном Кавказе (с 3,9 млн. десятин в 1900 г. до 6,7 млн. в 1913 г.), а также в Западной Сибири (с 3,4 млн. до 5,9 млн.). Еще¹ больший прирост наблюдался в степных областях (Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Тургайской): с 789 тыс. до 2,6 млн. десятин, или в 3 раза с лишним. По 72 губерниям посевные площади увеличились с 78,8 млн. десятин в 1900 г. до 92,6 млн. в 1913 г. В целом же по стране в 1913 г. посевные площади зерновых и картофеля составляли 103—105 млн. десятин.

Под зерновыми культурами в ряде районов (Северо-Западном, Промышленном, Прибалтийском, Северо-Черноземном) посевная площадь перед войной уменьшилась по сравнению с первыми годами XX в. Значительно возросли посевы технических культур (сахарной свеклы, хлопчатника, подсолнечника и др.). Площади, занятые картофелем, увеличились мало, занятые коноплей сократились (с 729,8 тыс. десятин в 1901—1905 гг. до 594,8 тыс. в 1913 г.), несколько уменьшилась посевная площадь под льном. Урожайность сильно колебалась по различным районам страны и по отдельным годам. Так, средний сбор озимой ржи с десятины (в пудах) изменялся за пятилетие 1896—1900 гг. следующим образом: в центрально-земледельческих губерниях — от 24,7 до 80,7, в украинских — от 29,1 до 56,5, в приуральских — от 60,5 до 84,2, в сибирских — от 28,7 до 65,3, в Центрально-Промышленных — от 31 до 64,2¹.

Средняя урожайность в стране в начале XX в. была выше, чем в XIX в. Это было следствием освоения новых степных районов, дававших большие урожаи, а также улучшения техники и агрономии сельского хозяйства. В помещичьих хозяйствах урожайность была на 20—25% выше, чем в крестьянских, так как помещичьи хозяйства занимали лучшие земли, были намного лучше оснащены техникой и стояли на более высоком агротехническом уровне.

Рассмотрение динамики урожайности в России указывает на цикличность урожаев в нашей стране, периодичность наступления резко неурожайных лет. После неурожайных лет (например, 1891, 1901, 1911 гг.) следовали годы относительно высоких урожаев. В условиях дореволюционного русского сельского хозяйства, когда из почвы бралось питательных веществ значительно больше, чем вносилось в нее в виде удобрений, неурожайный год, в течение которого земля как бы отдыхала, служил предпосылкой высокого урожая в будущем году.

В пореформенное время в сельском хозяйстве произошли изменения: расширилась практика удобрения полей, в ряде мест был осуществлен переход от залежной системы к трехполью, в других местах простое трехполье заменилось трехпольем с занятым паром, а кое-где было введено многополье.

Хотя и медленно, но внедрялись сельскохозяйственные машины: плуги, железные бороны, молотилки, веялки, сеялки, жнейки, сенокосилки. Все это не могло не сказаться на производительности труда

¹ См.: Временник Центрального статистического комитета, 1902, № 51, с. VII, VIII.

и урожайности. Средний уровень урожайности в первой половине XIX в. в России равнялся (в «самах») примерно 3,5, в начале пореформенного периода — 4—4,5 и в начале XX в. — 5—5,5. Наиболее высокий урожай был получен в 1913 г. — «сам»-6,75. Высокие урожаи собирались также в 1904, 1909 и 1912 гг. Вместе с тем в начале XX в. было и несколько неурожайных лет: 1901, 1906 и 1911 годы. Средние данные по урожайности не дают полного представления о действительных размерах неурожая, так как неурожай захватывали часто не всю территорию страны, а отдельные ее районы. Озимые посевы ржи и пшеницы давали обычно более высокие урожаи.

Из сказанного выше очевидно, что развитие капитализма в сельском хозяйстве способствовало росту производительных сил, хотя из-за наличия всевозможных феодальных пережитков этот рост происходил неравномерно и медленно. Подрывая отработочную систему и другие пережитки крепостничества, капиталистическое сельское хозяйство России усиливало классовую дифференциацию в деревне.

Внедрение машин и удобрений в сельском хозяйстве России повышало производительность труда в нем, вследствие чего относительно уменьшавшееся сельское население производило возрастающее количество продукции. Средний годовой сбор зерновых хлебов в Российской империи за 1864—1866 гг. составлял около 1900 млн. пудов, а за пятилетие 1909—1913 г. — 4870 млн. пудов, т. е. увеличился больше чем в 2,7 раза. Сельскохозяйственное население до революционной России, уменьшаясь относительно, абсолютно выросло, но в меньшей степени, чем производство зерновых и всей сельскохозяйственной продукции. Однако для решения вопроса о производительности земледельческого труда недостаточно сравнить темпы роста населения и сбора зерновых. Затраты труда на производство зерновых хотя и являлись главными в общем балансе труда деревни, но не исчерпывали всех ее трудовых затрат. Известное количество труда шло на выращивание льна, картофеля и свеклы.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве сопровождалось возникновением новых отраслей и быстрым их развитием. Производство картофеля, свеклы, табака росло значительно быстрее производства зерновых, намного опережало рост всего населения страны, и тем более сельскохозяйственного. Продукция огородничества и садоводства тоже значительно увеличилась.

Возникла такая отрасль растениеводства, как хлопководство. Производство хлопка-сырца в 1915 г. достигло 38,9 млн. пудов¹. Это замедлило темпы развития льноводства. В связи с ростом новых отраслей сельского хозяйства значительно изменилось распределение труда в производстве отдельных сельскохозяйственных культур: относительно снизилась доля труда, занятого в производстве зерновых, и соответственно увеличилась доля труда, занятого в производстве технических культур (свеклы, хлопка, табака) и картофеля. Несмотря на все это, основная масса сельскохозяйствен-

¹ См.: Социалистическое сельское хозяйство. М. — Л., 1939, с. 86.

ного труда в России и в начале XX в. шла на производство зерна: в 1913 г. стоимость валовой продукции зернового хозяйства (в ценах 1926—1927 гг.) составляла 3840,5 млн. руб., а продукции технических культур — 781,9 млн.¹, или около 20% стоимости валовой продукции зерна.

Дореволюционная Россия производила больше, чем США, ржи, пшеницы, ячменя, овса, льна, картофеля, свеклы. Но по выращиванию кукурузы, хлопка, табака, сеяных трав и других кормовых она уступала США. Посевная площадь в России под травами составляла тогда примерно 2%, а в США — около 20% всей площади посевов.

К числу основных отраслей сельского хозяйства относится животноводство, которое давало около 10% стоимости сельскохозяйственной продукции страны. Оно развивалось медленнее, чем земледелие. Это отставание усилилось в эпоху монополистического капитализма. В 1856 г. в России имелось 18,6 млн. лошадей, 26,2 млн. голов рогатого скота, 9,7 млн. свиней, 52,2 млн. овец². В 1914 г. число лошадей увеличилось до 34,4 млн., крупного рогатого скота — до 51,3 млн. голов, овец — до 78,7 млн., коз — до 5,3 млн., свиней — до 16,6 млн. голов.

Поголовье продуктивного скота (в переводе на крупный рогатый скот) за весь капиталистический период развития России возросло примерно на 75% при увеличении производства зерновых хлебов в 2,7 раза, значительном росте технических культур и картофеля, увеличении сельскохозяйственного населения России приблизительно в 2,2 раза.

Вследствие роста продуктивности скота продукция животноводства увеличилась больше чем на 75%. Число голов скота (в переводе на крупный рогатый скот) на 100 душ населения уменьшилось за период капитализма примерно на $\frac{1}{5}$, хотя в отдельных районах оно увеличилось. Больше всего скота приходилось на 100 душ населения в Степном районе, Сибири, Предкавказье и Закавказье.

Сокращение количества скота в расчете на 100 душ населения в России продолжалось и в XX в. Но этот показатель характеризует лишь количественную сторону развития отрасли, поскольку продукция животноводства в расчете на человека может при этом не только не снижаться, но даже увеличиваться.

В целом производительность сельскохозяйственного труда в России возросла; при этом должно быть учтено также усиление неземледельческого «отходничества» по мере развития капиталистических отношений. Число неземледельческих рабочих еще в конце XIX в. определялось не менее чем в 3 млн. человек.

По данным статистики, стоимость валовой сельскохозяйственной продукции в 50 губерниях Европейской России равнялась в 1900 г. 2985 млн. руб., а в 1909—1913 гг. (в тех же ценах) — 3995 млн.

¹ См.: Социалистическое сельское хозяйство. М.—Л., 1939, с. 86.

² См.: Статистические таблицы Российской империи за 1856 г. Спб., 1858, с. 220—221.

руб.¹, т. е. за 13 лет она увеличилась на 33,9% при значительно меньшем росте сельскохозяйственного населения страны за то же время. Производительность труда в земледелии поднималась вследствие расширения посевных площадей, увеличения урожайности хлебов, количества скота и его продуктивности. Наличие необработанных земель давало возможность развивать хозяйство «вширь». По сравнению с сельским хозяйством главных европейских государств сельское хозяйство России велось экстенсивно. Затрат капитала (удобрений, машин и т. д.) на единицу площади в нашей стране приходилось намного меньше, чем в Германии, Англии, Франции, США; естественных удобрений на единицу — относительно меньше, чем в указанных странах; меньше вносилось химических удобрений.

Недостаточное количество вносимых в почву удобрений, отсталая система полеводства, низкая механизация сельскохозяйственных работ, неудовлетворительное использование естественных ресурсов определяли низкую урожайность хлебов в стране, что до известной степени отражало низкую производительность труда в этой основной отрасли народного хозяйства дореволюционной России.

Россия по урожайности сильно отставала не только от европейских государств, но и от США, которые в то время также вели экстенсивное хозяйство. США превосходили нашу страну по урожайности ржи, пшеницы, ячменя, но разница между странами была не очень большой, а по урожайности картофеля США даже отставали от России. О соотношении уровня урожайности говорят такие данные. Урожайность пшеницы в Англии и Германии была в предвоенное время выше, чем в России, в 3 раза, во Франции — почти в 2 раза. Урожайность ржи в Германии была выше, чем в России, примерно в 2 раза, во Франции — почти в 1,5 раза. Урожайность овса в Англии и Германии была выше, чем в нашей стране, в 2 с лишним раза, а во Франции — на 50%. Урожайность картофеля была у нас примерно в 2 раза с лишним ниже, чем в Англии и Германии. Из европейских государств особенно высокие урожаи получали Дания и Голландия, низкие — Болгария, Греция, Испания, Португалия, Румыния.

Если принять среднюю мировую урожайность за 100, то в довоенное время по шести главным культурам она была следующей: в Германии — 179, во Франции — 123, в Бельгии — 221, в США — 108, в России — около 75.

Наиболее близко к дореволюционной России по урожайности и количеству скота на единицу посевной площади стояли США. Характерно, что, несмотря на более низкую урожайность хлебов в США по сравнению с Германией, Англией, Францией, производительность труда в сельском хозяйстве там была выше. Россия отставала от США по производительности сельскохозяйственного тру-

¹ См.: Опыт исчислений народного дохода 50 губерний Европейской России в 1900—1913 гг. М., 1918, с. 44.

да несколько больше, чем по урожайности. Отставание было следствием низкой энерговооруженности и механизации труда в сельском хозяйстве, а также меньшей посевной площади, приходившейся на душу населения.

Дореволюционная Россия с населением, превышавшим 170 млн. человек, обрабатывала немногим более 100 млн. десятин. В США с населением, почти в 2 раза меньшим, обрабатывалось 98,8 млн. десятин (1914). Поэтому размер посевной площади в расчете на душу населения в США был почти в 2 раза больше, чем в России. Следует учесть также, что число занятых производством сельскохозяйственной продукции в России было в несколько раз больше, чем в США.

Валовой доход с единицы сельскохозяйственной площади был примерно одинаковым, в то же время затраты живого труда на единицу площади и продукта в России были в несколько раз больше, чем в США. Отставание сельского хозяйства по производительности труда обуславливалось наряду с другими причинами слабым развитием животноводства, что приводило к большой сезонности сельскохозяйственных работ. На душу населения в России приходилось примерно столько же лошадей, овец и коз, сколько в США, и больше (кроме коз), чем в Германии и Франции. Число же свиней на душу населения в США было в 7 раз, а крупного рогатого скота — в 2 с лишним раза больше, чем в дореволюционной России.

Низкая производительность сельскохозяйственного труда в России объяснялась также наличием большого аграрного перенаселения. Вследствие отсталости дореволюционной экономики, слабого развития промышленности, низкого уровня техники значительные трудовые ресурсы деревни не находили применения в других сферах производства.

Итак, меньшая энерговооруженность труда, слабое развитие животноводства и связанная с этим большая сезонность сельского хозяйства, меньшая освоенность земель сельскохозяйственного значения и, наконец, более низкая урожайность — таковы основные факторы, обусловившие отставание России в области производительности труда.

Большие требования к сельскому хозяйству предъявила первая мировая война. Для снабжения русской армии помимо хлеба, мяса, овса, жиров требовались миллионы шинелей, миллионы пар обуви, полушубков, валенок и другого обмундирования. Все это изготовлялось из сельскохозяйственного сырья. Война сильно отразилась на состоянии сельского хозяйства. Отлив рабочей силы в армию в условиях низкой механизации сельского хозяйства, сокращения внутреннего производства и падения импорта сельскохозяйственных машин, а также недостаточного количества рабочего скота привел к еще большему снижению производительности труда в этой отрасли.

Из деревни было изъято свыше половины мужского трудоспособного населения. Уже к концу 1914 г. число мобилизованных достигло 6,5 млн. человек, а через два года — 16 млн. Общая численность населения, занятого в сельском хозяйстве России (в пересчете на

взрослых мужчин), в 1914 г. сократилась до 83,5% (1913 г. = 100), в 1915 г. — до 78,7 и в 1917 г. — до 76,2%.

Недостаток рабочей силы в сельском хозяйстве в связи с мобилизацией и общий рост дороговизны в стране вызвали подъем цен на рабочую силу. Во время войны рабочая сила в сельском хозяйстве изменилась по своему составу. Острая потребность в трудовых ресурсах привела к тому, что стал применяться труд военнопленных (свыше 600 тыс. человек) и беженцев, производительность труда которых была примерно в 2 раза ниже русских работников. После Февральской революции на сельскохозяйственные работы были направлены солдаты старше 40 лет.

Война привела к значительной убыли скота. По данным некоторых источников, убыль скота к августу 1916 г. достигла 25%.

Число рабочих лошадей составляло в 1915 г. (в % к 1914 г.) 93, в 1916 г. — 85 и в 1917 г. — 65. Вследствие войны значительно снизились также привоз и внутреннее производство минеральных удобрений¹. Часть заводов сельскохозяйственного машиностроения прекратила работу, а часть перешла на выпуск различного рода вооружения.

Уменьшение численности скота, падение ввоза сельскохозяйственных машин и искусственных удобрений, сокращение их внутреннего производства, уменьшение числа рабочих рук привели к сокращению посевных площадей и падению урожайности. Сведения о динамике посевных площадей во время войны весьма различны. В одних источниках посевные площади берутся по всей империи, в других — за исключением оккупированных районов. По ряду районов сведения о посевной площади отсутствовали. В ряде районов посевные площади сократились довольно значительно. В центральных губерниях страны они уменьшались не намного, а в Сибири даже увеличились.

Особенно сократились посевные площади под наиболее трудоемкими культурами: картофелем и техническими культурами (свеклой, льном и др.). Посевная площадь под хлопчатником в Закавказье уменьшилась, а в Средней Азии, где положение с рабочей силой было несколько лучше, увеличилась. Сократилось поголовье лошадей, крупного рогатого скота, овец и коз и особенно свиней.

Валовой сбор хлебов в 1917 г. составлял примерно 80—82% от среднего урожая за пятилетие (1909—1913) и еще меньше по сравнению с урожайным 1913 годом. Уменьшение сборов хлебов произошло, в частности, в связи с оккупацией и отпадением от России ряда территорий (Польши, Литвы, части Прибалтики и Волыни). Сказалось также значительное сокращение площади арендуемой земли и изменение арендных цен. Падение сбора зерновых было большим, чем сокращение посевных площадей, поскольку в отдельные годы несколько уменьшалась и урожайность.

Согласно данным, приведенным в первом пятилетнем плане, производство сельскохозяйственной продукции существенно упало (на

¹ См.: Народное хозяйство, 1918, № 1, с. 22.

7,7%) лишь в 1917 г. Но эти данные, вероятно, относятся к территории страны без учета отпавших во время войны районов.

Сведения о количестве хлебов, собранных в 1916 и 1917 гг., весьма различны. «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств» утверждает, что сбор в 1916 г. только в 50 европейских губерниях составлял 3548,2 млн. пудов. В книге «Урожай хлебов в России в 1917 г.» сбор по всей стране определялся в том же году в 3597,4 млн. пудов, т. е. был равен сбору только в европейских губерниях, если следовать предыдущему источнику.

За годы войны изменилась и география валовых сборов хлебов. Понижилась роль районов Европейской России, и соответственно увеличилась роль Сибири и Северного Кавказа. Это подтверждают данные о валовом сборе хлебов (ржи, пшеницы, овса, гречихи, ячменя и проса) (в млн. пудов) ¹.

	1916 г.	1917 г.
Россия — всего	3597,4	3502,8
В том числе:		
Европейская Россия	3035,9	2646,2
Северный Кавказ	182,4	257,5
Сибирь	379,0	599,1
Туркестан	—	56,2
Закавказье	—	54,4

Некоторое снижение сбора хлеба в 1916 и 1917 гг. не означало еще дефицита хлебного баланса страны. Надо учесть, что в связи с уменьшением населения страны (в результате оккупации ряда районов) и резким сокращением экспорта хлеба после начала войны в России имелся даже избыток хлеба: в 1915/16 г. он составлял 1 млрд. пудов. Продовольственные затруднения объяснялись, в частности, и расстройством транспорта. В конце 1915 г. председателю Особого совещания по продовольствию было предоставлено право устанавливать в пределах империи или ее отдельных районов предельные цены на продажу продовольственных продуктов и фуража, обязательные для всех. В декабре 1916 г. царское правительство ввело обязательные поставки хлеба в казну по твердой цене.

Несмотря на это, дело заготовки хлеба ухудшалось, хотя избытки его в помещичьих и кулацких хозяйствах имелись. Избыток хлеба был и в Сибири, где во время войны посевные площади возросли. Разруха на транспорте, загрузка Сибирской магистрали военными перевозками, мешала подвозу хлеба.

В черноземных губерниях Европейской России было более 0,5 млрд. пудов излишков хлеба, а в нечерноземных недоставало около 270 млн. пудов. По другим данным, избыток хлеба имелся и в 1917 г.: в Юго-Западном крае — 99,6 млн. пудов, в Малороссии (без Черниговской губернии) — 76 млн., в Новороссийском крае — 374 млн., в Центральном земледельческом районе — около 60 млн., на Северном Кавказе — около 125 млн., в Западной Сибири и Степ-

¹ См.: Урожай хлебов в России в 1917 г. М., 1918, с. 16.

ном крае — свыше 100 млн. пудов¹. По тем же данным, сбор хлебов в 1917 г. был лишь немногим меньше, чем в 1916 г., хотя и уступал значительно среднему сбору в предвоенное пятилетие. Но в ряде районов (в Сибири, на Северном Кавказе) сбор хлеба в 1917 г. даже превышал уровень 1916 г.

Несмотря на это, положение с продовольствием все ухудшалось. 25 марта 1917 г. Временное правительство под революционным напором масс провозгласило государственную хлебную монополию². Весь хлеб урожая 1916 г. и предыдущих лет, за исключением хлеба, оставленного в хозяйствах в соответствии с числом едоков, с размерами посевной площади и т. д., должен был сдаваться принудительно государству по твердым ценам. Но и это не улучшило состояния продовольственного дела. В апреле 1917 г. Временное правительство ввело нормировку потребления хлебопродуктов.

В городах и поселениях городского типа нормы душевого потребления не должны были превышать 30 фунтов муки и 3 фунтов крупы в месяц; для лиц, занятых тяжелым физическим трудом, норма увеличивалась на 50%³. 26 июня 1917 г. нормы на муку были снижены с 30 до 25 фунтов; соответственно снизились и нормы для лиц, занятых тяжелым физическим трудом.

4 августа 1917 г. Временное правительство заявило о сохранении твердых цен на хлеб⁴. Но уже через три недели оно повысило их в 2 раза. В заявлении правительства по этому вопросу говорилось: «Дело продовольствия армии и страны находится в чрезвычайно тяжелом состоянии... Установленная законом сдача государственным властям производится весьма слабо. Многие не сдали даже и тех запасов, которые у них остались от прежнего урожая, находятся и такие, которые запрещают и мешают другим выполнять свой долг перед Родиной»⁵. Многие местные органы возражали против решения правительства повысить цены на хлеб. «Перед нами стояла дилемма, — говорил министр продовольствия С. Н. Прокопович, — или попытаться получить хлеб добровольно, путем этого удвоения, или же непосредственно перейти к репрессивным мерам — применение воинской силы и с помощью этой силы взять хлеб у населения, потому что по старым ценам население хлеб не везло. И если теперь по удвоенным ценам все-таки не получим того хлеба, который нам будет нужен, мы будем вынуждены прибегнуть к этой воинской силе»⁶.

В первый год войны ведомство земледелия заготовило для армии и населения 305 млн. пудов, во второй — 502 млн., в третий — 450 млн. при задании 1100 млн. пудов. Министерство продовольст-

¹ См.: Урожай хлебов в России в 1917 г., с. 36.

² См.: Собрание узаконений, 1917, № 85, с. 487. Позднее была введена кожаная монополия (21 апреля), монополия на торговлю донецким топливом (с 1 августа), сахарная (14 сентября); за два дня до начала Октябрьской революции была декретирована казенная монополия на продажу спичек, махорки и кожи.

³ См.: Собрание узаконений, 1917, № 105, с. 581.

⁴ См.: Вестник Временного правительства, 1917, № 123.

⁵ Продовольствие и снабжение, 1917, № 5, с. 12—23.

⁶ Прокопович С. Н. Народное хозяйство в дни революции. М., 1918, с. 42.

вия Временного правительства ставило задачей заготовить в 1917 г. 1120 млн. пудов хлеба, в том числе для действующей армии — 650 млн., для внутренних военных округов — 70 млн. и для гражданского населения — 400 млн. пудов. В действительности была заготовлена лишь незначительная часть намеченного количества. Голод все сильнее нависал над страной. На 14 октября 1917 г. в Петрограде имелся запас хлеба всего на 3—4 дня. На ряде фронтов испытывался большой недостаток в хлебе и фураже.

В результате уменьшения сбора хлеба, огромного выпуска бумажных денег, затруднений на транспорте повысились цены на хлеб. Этому не смогло воспрепятствовать введение твердых цен. Помещики и богатое крестьянство мало считались с законом — твердые цены остались на бумаге. Росли цены и на все другие продукты питания. Экспорт сельскохозяйственных продуктов уже в 1916 г. почти прекратился, лишь вывоз льна и пеньки составлял все еще значительный процент по сравнению с довоенным уровнем.

Производительные силы сельского хозяйства России были во время войны сильно подорваны. Пострадали главным образом мало-мощные крестьянские хозяйства. Но и помещичьи хозяйства, потерявшие дешевую рабочую силу (батраков и бедных крестьян), переживали затруднения; труд военнопленных был значительно менее производителен. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г. из 11 970 тыс. крестьянских хозяйств (по 35 губерниям) 1594 тыс. хозяйств не имели никакого скота, 3343 тыс. хозяйств были без рабочего скота, 2479 тыс. хозяйств не имели коров, безземельных хозяйств насчитывалось 980 тыс. и беспосевных — 1677 тыс.¹

Создавшееся в ходе империалистической войны положение в сельском хозяйстве особенно тяжело отразилось на беднейшем крестьянстве. Это не могло не революционизировать крестьянские массы. Они все активнее включались в революционную борьбу рабочего класса.

Временное правительство, объявив о передаче в казну кабинетских и удельных земель, стало на путь сохранения крупного помещичьего землевладения. Оно обещало крестьянам разрешить земельный вопрос лишь на Учредительном собрании и издало закон о привлечении к уголовной ответственности за «аграрные беспорядки». Крестьянство отвечало на это восстаниями.

¹ См.: Статистический сборник за 1913—1917 гг., вып. I, т. VII. Пг., 1921, с. 208—209.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экономическое развитие России происходило в условиях острой классовой борьбы во всех ее формах. Рост производительных сил, борьба эксплуатируемых против эксплуатации обуславливали переход от одного способа производства к другому, более прогрессивному. Вместе с тем на исторический процесс оказывали большое влияние общенациональные проблемы, в частности борьба русского народа с иноземными захватчиками.

При тождественности основных черт исторического процесса в России и Западной Европе экономическое развитие нашей страны отличалось большим своеобразием. Нельзя забывать, что «Россия географически, экономически и исторически относится не только к Европе, но и к Азии»¹.

Прогрессивная историческая роль капитализма состояла в повышении производительных сил общественного труда и обобществлении его. Этот процесс происходил неравномерно как в отдельных отраслях, так и в различных районах, в условиях глубоких классовых противоречий, свойственных капитализму.

Обобществление труда при капитализме происходило в разных формах: разрушалось натуральное хозяйство и местные рынки превращались в национальный, а затем и в мировой рынок; вместо былых раздробленных предприятий образовывались производства невиданной раньше концентрации; свойственные феодализму формы личной зависимости вытеснялись; усиливалась подвижность населения; уменьшалась доля населения, занятого в сельском хозяйстве; росли промышленные центры и др. Но и в условиях капитализма главной отраслью экономики страны оставалось сельское хозяйство, в котором была занята основная часть жителей и которое давало около половины народного дохода.

Общественный продукт за период промышленного капитализма увеличивался в России примерно на 2,5% в год — несколько меньше, чем в США и Япония, и больше, чем в Англии, Италии и Франции. Относительно медленный темп роста национального продукта определялся главным образом огромной ролью в экономике страны сельского хозяйства, развивавшегося более низкими темпами, чем промышленность.

В последние два десятилетия XIX в. в народном хозяйстве России произошли существенные изменения. Железнодорожное строительство, значительное расширение внутреннего рынка обусловили возникновение новых отраслей промышленности, была создана металлургическая и топливная база на Юге (в Донбассе, Приднепровье). Дальнейший рост товарного производства в сельском хозяйстве сопровождался появлением новых районов торгового земледелия и скотоводства.

Благодаря подъему железнодорожного строительства заметно выросла транспортная сеть страны, что создавало благоприятные условия для развития капитализма «вширь». В ходе процесса концентрации производства и банковского дела складывались предпосылки для перерастания промышленного капитализма в монополистический. Но царизм не смог ликвидировать экономическую отсталость страны; политическая власть, говоря словами Ф. Энгельса, причиняла экономическому развитию величайший вред и порождала растрату сил и материала в массовом количестве.

В поисках средств для промышленного развития царизм стал на путь получения иностранных займов и сдачи концессий, усилив тем самым экономическую зависимость страны от иностранных государств. Приложение иностранного капитала ускорило развитие промышленного капитализма, но вместе с тем тормозило возникновение отечественных отраслей промышленности, наличие которых обес-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 326.

печило бы военно-экономическую самостоятельность страны. Наиболее развитые капиталистические страны пытались держать Россию на положении сырьевого придатка их экономики.

Экономическая слаборазвитость дореволюционной России проявлялась в том, что по объему промышленной продукции и в особенности по душевым нормам промышленного производства, размеру народного дохода на душу населения, доле населения, занятого в промышленности, уровню технической вооруженности и производительности труда и, наконец, по общему уровню развития производительных сил наша страна сильно отставала от Англии, Германии и США. И все же капитализм создал в России относительно крупные производительные силы; Россия имела средний уровень развития капитализма. По объему промышленного производства она обогнала Италию, Японию, Австро-Венгрию и многие другие страны.

Российский монополистический капитализм, имея внутренние колонии, распространял свое влияние и на некоторые полуколонияльные страны. Под влиянием роста капитализма и классовой борьбы Российское самодержавное государство все больше превращалось в буржуазную монархию.

В начале XX в. центр революционного движения переместился с Запада в Россию: это особенно обнаружилось в период революции 1905—1907 гг. Перемещение центра мирового революционного движения было закономерным следствием глубоких социально-экономических противоречий в жизни России: быстрого развития капитализма, наличия остатков крепостничества, тяжелого положения трудящихся масс и т. д. Еще в 90-х годах XIX в. в России бурно развивалось рабочее движение. Промышленный кризис начала XX в. обострил классовые противоречия. Экономические стачки сочетались с борьбой против царизма. Русский рабочий класс был более однороден, чем, например, рабочий класс Англии или Германии: в России слой рабочей аристократии, привилегированных рабочих был очень слаб. Русский рабочий класс нашел союзника в лице трудового крестьянства.

Экономическое развитие страны требовало уничтожения царизма и полуфеодального землевладения. Сохранение пережитков крепостничества придавало особую остроту противоречиям эпохи монополистического капитала. Эти противоречия могла разрешить только буржуазно-демократическая революция.

Военное поражение самодержавия, гнет капиталистической и помещичьей эксплуатации, рост организованности рабочего класса привели в конце концов к революции 1905 г. По своему содержанию она была буржуазно-демократической революцией, но по средствам борьбы — пролетарской, поскольку пролетариат был ее руководящей силой. Революция ставила буржуазно-демократические цели: создание демократической республики, установление 8-часового рабочего дня, конфискацию крупного землевладения.

Огромным испытанием для страны была первая мировая война. Она вскрыла всю глубину политического и хозяйственного кризиса царской России, которая оказалась наиболее слабым звеном в системе капиталистических государств.

Отсталость экономики России, ее зависимость (экономическая, техническая, финансовая и политическая) от более развитых капиталистических стран в годы первой мировой войны усилились. К концу войны особенно обозначился кризис главных отраслей промышленности и транспорта. Резко возросли дефицит бюджета, пассив торгового баланса, продовольственные затруднения. Кризис охватил не только промышленное производство, но и сельское хозяйство. Итогом всего этого было падение национального дохода страны, увеличение ее экономической зависимости от других государств. За годы первой мировой войны в экономике России произошли большие изменения. Мировая война, с ее милитаризацией экономики, дала сильный толчок развитию государственно-монополистического капитализма. К старым монополиям прибавились новые, например «Снарядсоюз», который сосредоточил почти все производство снарядов. Война на продолжительное время отвлекла от производительного труда около 16 млн. человек, или почти половину трудоспособных мужчин. Страна понесла огромные человеческие жертвы: она потеряла убитыми и умершими от ран больше, чем какая-либо другая держава, принимавшая участие в этой войне. Процент потерь был еще выше в отношении трудоспособных возрастов. Трудовой баланс страны сильно ухудшился.

Промышленное производство и производительность труда во многих отраслях промышленности снизились. В меньшей степени, но все же значительно сократи-

лось сельскохозяйственное производство: уменьшились посевные площади и сбор хлебов. Расстройство сферы производства привело к расстройству сферы обращения. Цены на товары повышались, курс рубля падал, количество денежных знаков в обращении перед Октябрьской революцией составляло почти 20 млрд. руб., а государственный долг — значительную часть народного имущества.

Быстро росло отрицательное saldo во внешней торговле России. Несмотря на введение во время войны новых налогов, бюджетный дефицит возрастал из года в год стремительными темпами. Народный доход систематически падал, а военные расходы росли. В 1917 г. около половины народного дохода шло на военные нужды.

Всина привела к глубокому расстройству хозяйственной жизни России. Если до войны Россия вывозила ежегодно сотни миллионов пудов хлеба, то в конце войны из-за упадка сельского хозяйства и расстройства транспорта его не хватало. Особенно плохо было с продовольственным, сырьевым и топливным снабжением. Росла безработица, множились число стачек. В 1915 г. было 928 забастовок, в 1916 г. — уже 1284 забастовки с 915 тыс. участников.

В 1917 г. стачечное движение стало еще активнее: лишь в январе и феврале число бастовавших рабочих достигло 676,3 тыс.

Временное буржуазное правительство не смогло приостановить углубление хозяйственного кризиса в стране, кризис продолжал развиваться. Валовая продукция фабрично-заводской промышленности уменьшилась в 1917 г. примерно на 1/3.

Сократилась продукция сельского хозяйства. Временное правительство не решило и аграрного вопроса, а ограничилось лишь неопределенными обещаниями.

Углублялся финансово-денежный кризис, росли цены, а реальная заработная плата падала. Большой выпуск бумажных денег содействовал росту спекуляции. Усиливалась разруха на транспорте: к осени 1917 г. вышла из строя 1/4 паровозного парка; вагонный парк сократился еще больше.

«Полное расстройство всей хозяйственной жизни в России достигло такой степени, что катастрофа неслыханных размеров, останавливающая совершенно целый ряд важнейших производств, лишаящая сельских хозяев возможности вести хозяйство в необходимых размерах, прерывающая железнодорожные сообщения, лишаящая многомиллионное промышленное население и города подвоза хлеба, такая катастрофа стала неминуемой. Мало того, разруха уже началась, охватив ряд отраслей»¹.

Но и в этих условиях Временное правительство заявляло о своем намерении довести войну до победного конца.

Хозяйственная разруха при Временном правительстве не только не уменьшилась, но и продолжала возрастать. Первое коалиционное правительство решительно заявило «о невозможности изменения существующего хозяйственного строя на социалистический ни сейчас, ни в ближайшее время за войной»².

Буржуазия надеялась, что «костлявая рука голода и народной нищеты»³ задушит революцию: устами южных горнопромышленников она заявила Временному правительству: «Дайте нам хорошую политику, и мы дадим вам хорошую экономику»⁴.

Накануне Октябрьской революции происходило массовое закрытие фабрик, заводов, рудников; в народном хозяйстве возникло все больше диспропорций. Страна падала, как говорилось в резолюции VI съезда РСДРП в августе 1917 г., «в бездну окончательного распада и гибели»⁵.

Революционное движение рабочего класса, поддержанное миллионными крестьянскими и солдатскими массами, обеспечило победу Февральской буржуаз-

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 32, с. 195.

² Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции, ч. I. М., Изд-во АН СССР, 1957, с. 226.

³ Второй Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве 3—5 августа 1917 г., М., 1917, с. 8.

⁴ ЦГАОР, ф. 6, оп. 1, д. 1172, лл. 1—4.

⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I. М., 1954, с. 377.

но-демократической революции. Большевицкая партия во главе с В. И. Лениным наметила план борьбы за перерастание революции в социалистическую.

В экономической области намечались национализация всех земель и конфискация помещичьих угодий, слияние всех банков в один национальный банк и введение контроля над ним со стороны Совета рабочих депутатов, введение контроля над общественным производством и распределением продуктов. Великая Октябрьская социалистическая революция была подготовлена всеми экономическими и политическими условиями развития нашей страны.

Победа социалистической революции в России — следствие особенностей ее исторического развития. Хотя Россия и отставала по уровню производительных сил от наиболее развитых капиталистических стран, но она также вступила в эпоху империализма, имея высокую концентрацию промышленного производства и многочисленные монополистические объединения.

Главной предпосылкой Октябрьской революции были доведенный до предела антагонизм между производительными силами и производственными отношениями, развитие монополистического капитализма и классовой борьбы; война и вызванная ею разруха лишь ускорили назревание революционного кризиса. Буржуазные социологи и историки, отрицающая объективную закономерность и прогрессивность исторического развития, считают случайным явлением победу революции в России. Между тем в основе Октябрьской революции лежали объективные, в частности экономические, причины, а не роковые ошибки государственных деятелей, не «историческая отсталость России»¹, как о том пишут некоторые зарубежные буржуазные историки.

Меньшевики и эсеры со своей стороны считали, что в России не было экономических предпосылок для социалистической революции, что производительные силы недостаточно развиты для перехода власти к пролетариату. Даже Г. В. Плеханов, этот пионер марксизма в нашей стране, писал в 1917 г., что социализм для России — это дело «сравнительно отдаленного будущего» и что «очередным вопросом исторического дня является у нас теперь развитие производительных сил на капиталистической основе»².

В открытом письме к петроградским рабочим во время Октябрьской революции Плеханов вновь доказывал, что «наш рабочий класс еще далеко не может, с пользой для себя и для страны, взять в свои руки всю полноту политической власти», поскольку «в населении нашего государства пролетариат составляет не большинство, а меньшинство»³. Он утверждал, что Россия недостаточно созрела для социалистической революции, и не допускал мысли, что экономическая и техническая отсталость страны может быть ликвидирована после победы революции.

Позиция В. И. Ленина и большевиков, как известно, была прямо противоположна плехановской. Ленин считал, что Октябрьская революция опиралась на объективные исторические и экономические условия, на революционный подъем народа, на российский рабочий класс и союз его с трудовым крестьянством, на их стремление к миру, на глубокие коренные противоречия ослабленного российского капитализма.

Большевики, основываясь на ленинской теории о возможности победы социализма первоначально в одной, отдельно взятой стране, ставили вопрос о переходе от буржуазной революции к социалистической, которой суждено было стать началом новой эры в истории человечества.

¹ Струве П. Б. Социальная и экономическая история России с древнейших времен в связи с развитием русской культуры и ростом государственности. Париж, 1952, с. 7.

² Единство, 1917, № 99.

³ Единство, 1917, № 173.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДРУГИЕ ГЛАВНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ В ИСТОРИИ РОССИИ (1861 — 1917)

Промышленный капитализм (1861 — 1899)

- 1861 Манифест 19 февраля об «освобождении крестьян».
- 1861 Отмена откупов.
- 1861 Учреждение Петровской сельскохозяйственной академии в Москве.
- 1861 Первое в России Петербургское городское кредитное общество.
- 1861 Открытие железной дороги Рига — Динабург.
- 1861 Повсеместные волнения крестьян (зарегистрировано 1176 случаев, в том числе 337 случаев подавлены войсками).
- 1862 Положение о городских и общественных банках.
- 1862 Первые кредитные кооперативы ремесленников (в Одессе, Риге и др.).
- 1862 Положение о поселении казаков на землях кавказских горцев.
- 1862 Разрешение частным лицам горных разведок на золото на Алтае.
- 1862 Введение публичности государственных бюджетов.
- 1862 Волнения крестьян в ряде губерний.
- 1863 Введение акцизной системы на водку.
- 1863 Положение о поземельном устройстве удельных крестьян.
- 1863 Указы о прекращении «временнообязанных» отношений и о переходе на выкуп в северо-западных и юго-западных губерниях.
- 1863 Установление подомового налога на городское недвижимое имущество.
- 1863 Волнения крестьян в разных губерниях.
- 1863 Основание Обуховского завода в Петербурге.
- 1864 Положение о земских учреждениях в России.
- 1864 Судебная реформа.
- 1864 Учреждение первого в России Общества взаимного кредита в Петербурге.
- 1864 Учреждение первого в России Петербургского частного коммерческого акционерного банка.
- 1864 Учреждение первого Земельного банка взаимного кредита (Херсонского).
- 1864 Первое ссудосберегательное кооперативное товарищество (в Костромской губернии).
- 1864 Крестьянская реформа в Тифлисской губернии.
- 1864 Волнения крестьян в разных губерниях.
- 1864—
- 1885 Присоединение к России Средней Азии.
- 1865 Первый купеческий съезд в Москве.
- 1865 Разрешение переселения крестьян в Алтайский округ.
- 1865 Крестьянская реформа в Кутаисской губернии.
- 1865 Волнения крестьян в разных губерниях.
- 1866 Положение о поземельном устройстве государственных крестьян.
- 1866 Учреждение Русского технического общества.
- 1866 Учреждение Московского купеческого акционерного банка.
- 1866 Первая концессия, выданная на постройку железной дороги Воронежскому земству (Козлов — Воронеж).
- 1866 Крестьянская реформа в Мингрелии (обнародовано 19 февраля 1867 г.).
- 1866 Волнения крестьян в разных губерниях.
- 1867 Продажа Аляски США.
- 1867 Открытие железной дороги Рига — Митава.
- 1868 Таможенный тариф умеренного протекционизма.

- 1868 Волнения крестьян в разных губерниях.
- 1869 Постройка первой мартеновской печи на Сорновском заводе.
- 1869 Введение общероссийского управления у киргизов.
- 1869 Волнения крестьян в разных губерниях.
- 1869 Открытие Д. И. Менделеевым Периодического закона химических элементов.
- 1870 Новое городское положение.
- 1870 Правила о гарантиях и доплатах казны по частному железнодорожному строительству.
- 1870 Первый выпуск консолидированных облигаций русских железных дорог.
- 1870—
- 1871 Основание и начало работы Юзовского завода в Донбассе.
- 1870 Начало выплавки чугуна на коксе на южных заводах.
- 1870 Первый Всероссийский съезд фабрикантов и заводчиков.
- 1870 Волнения и стачки в Кронштадте, на Воронежской железной дороге, на Невской бумагопрядильне в Петербурге, на сахарном заводе в Москве.
- 1870 Циркуляр министерства внутренних дел об усилении борьбы с рабочим движением.
- 1870 Закон о поземельном устройстве крестьян в Абхазии, Эриванской и Шемахинской губерниях.
- 1871 Восстановление права России иметь военный флот на Черном море.
- 1871 Учреждение первого частного акционерного земельного банка (Харьковского).
- 1871 Введение в Баку ударно-штангового бурения нефтяных скважин.
- 1871 Организация Комитета о ссудосберегательных кассах и промысловых товариществах.
- 1872 Первая политехническая выставка в Москве.
- 1872 Вышел русский перевод I тома «Капитала» К. Маркса.
- 1872 Отмена откупной системы в бакинской нефтяной промышленности.
- 1872 Стачки рабочих в Тифлисе, Петербурге, Вышнем-Волочке и др.
- 1873 Стачки на Богородской мануфактуре Морозова в Москве, Серпухове, Нерчинском округе и др.
- 1873—
- 1875 Промышленный кризис в России.
- 1874 Введение всеобщей воинской повинности.
- 1874 Первый съезд горнопромышленников Юга России.
- 1874 Выдана концессия на проведение и эксплуатацию в пределах России индоевропейского телеграфа.
- 1874 Стачка железнодорожных рабочих Николаевской железной дороги в Москве, на ткацкой мануфактуре в Богородском, на Семяниновском заводе в Петербурге и др.
- 1874 Изобретение А. Н. Лодыгиным электрической лампочки накаливания.
- 1875 Производственное освоение бессемеровского способа на Нижне-Тагильском заводе.
- 1875 Введение государственного поземельного налога.
- 1875 Образование «Южнороссийского союза рабочих» (в Одессе).
- 1875 Стачки и волнения рабочих на заводах Петербурга, Владимирской губернии и др.
- 1875 Изобретение «свечи Яблочкова».
- 1876 Волнения рабочих на фабриках Петербурга и первая рабочая демонстрация (6 декабря).
- 1876 Крестьянские волнения в Мингрелии и Сванетии.
- 1876 Выдача патента на изобретение «свечи Яблочкова».
- 1877 Взимание таможенных пошлин в золоте (повышение тарифов на 40%).
- 1877 Первая статистическая перепись земельной собственности в России.
- 1877—
- 1878 Русско-турецкая война.
- 1878 Присоединение к России Карской области, Батума и Ардагана.
- 1878 Образование «Северного союза русских рабочих» в Петербурге.
- 1878 Стачка петербургских текстильщиков.
- 1878 Правила о сдаче в аренду башкирских земель.

- 1878 Восстание крестьян в Кахетии.
- 1879 Стачки и волнения рабочих на бумагопрядильнях в Петербурге, Пермских пушечных заводах в Мотовилихе, на Петербургском металлическом заводе и др.
- 1880 Отмена налога на соль.
- 1880 Первые телефоны в России.
- 1880 Стачки рабочих в Москве, Киеве и др.
- 1880 Крестьянские волнения в Черниговской, Псковской, Тульской губерниях.
- 1881 Постройка первой электростанции в России.
- 1881 Устав о частной золотопромышленности.
- 1881 Новая акцизная система обложения сахара.
- 1881 Закон об обязательном переходе крестьян на выкуп.
- 1881 Стачки рабочих в Нижегородской губернии, в Рыбинске и др.
- 1881 Волнения крестьян в Саратовской, Самарской, Херсонской, Тамбовской, Воронежской губерниях.
- 1881—
- 1882 Восстания крестьян в Гурии.
- 1881—
- 1882 Промышленный кризис в России.
- 1882 Установление налога с имуществ, переходящих безвозмездно.
- 1882 Табачный устав (введение акциза).
- 1882 Открытие первой казенной железной дороги — Баскунчакской.
- 1882 Начало фабричного законодательства в России, закон 1 июня об ограничении ночной работы малолетних.
- 1882 Учреждение фабричной инспекции.
- 1882 Стачки рабочих в Петербурге (на бумагопрядильной фабрике, на гвоздильном заводе), на Сормовском заводе и др.
- 1882 Крупные стачки в Батуме.
- 1882 Учреждение Крестьянского поземельного банка (открыт в 1883 г.).
- 1882 Отмена (с 1883 г.) подушной подати с мещан и с некоторых категорий крестьян.
- 1882 Понижение выкупных платежей (на 12 млн. руб.).
- 1882 Всероссийская выставка в Москве.
- 1883 Открытие Закавказской железной дороги (Баку — Батум).
- 1883 Образование Плехановым в Женеве первой русской марксистской группы «Освобождение труда».
- 1883 Стачки рабочих на Вознесенской, Ярославской, Большой Кренгольмской мануфактурах и др.
- 1883 Волнения крестьян в Уфимской губернии.
- 1884 Открытие казенной Екатерининской железной дороги.
- 1884 Стачки и волнения рабочих в Петербурге (на Смоленской ткацкой мануфактуре, на бумагопрядильной фабрике Штиглица и др.).
- 1885 Закон 25 мая об отмене подушной подати с 1 января 1886 г. с крестьян, а с 1 января 1887 г. для всех разрядов населения по всей империи (кроме Сибири).
- 1885 Введение новых налогов на промышленность и торговлю.
- 1885 Введение налога на денежный капитал.
- 1885 Открытие казенной железной дороги Екатеринбург — Тюмень.
- 1885 Учреждение Дворянского поземельного банка.
- 1885 Закон о регулировании ночной работы подростков и женщин.
- 1885 Стачка на фабриках Морозова в Орехово-Зуеве и Иваново-Вознесенске.
- 1885 Волнения крестьян в Киевской, Черниговской, Херсонской, Подольской, Екатеринославской, Таврической, Курской, Воронежской губерниях, в Донской области и др.
- 1886 Открытие Закаспийской железной дороги.
- 1886 Первый синдикат гвоздильных и проволочных заводов.
- 1886 Закон о надзоре за фабричными заведениями и о найме рабочих.
- 1886 Стачки рабочих на Верхне-Сергинском Демидовском заводе и др.
- 1886 Закон о запрещении крестьянских семейных разделов.
- 1886 Закон о переводе государственных крестьян на выкуп (с 1 января 1887 г.).
- 1887 Образование синдиката сахарозаводчиков.

- 1887 Введение акцизной системы на осветительные нефтяные масла.
- 1887 Второе статистическое обследование земельной собственности.
- 1887 Правила о частной горной промышленности.
- 1887 Начало разработки каменного угля в Ткибули.
- 1887 Организация шелководческой станции в Тифлисе.
- 1887 Открытие «Постоянной конторы железозаводчиков».
- 1887 Стачки рабочих на фабриках в Тамбовской губернии, в Твери, в Тифлиских железнодорожных мастерских и др.
- 1888 Повышение таможенных тарифов на 20%.
- 1888 Введение акцизной системы на спиртные напитки.
- 1888 Постройка железной дороги до Самарканда.
- 1888 Открытие казенной железной дороги Самара — Уфа.
- 1888 Положение 4 апреля о сохранении лесов.
- 1888 Стачки рабочих в Твери, Шуе, Петрокове.
- 1889 Положение о железнодорожных тарифах и об учреждениях по тарифным делам.
- 1889 Положение о земских участковых начальниках.
- 1889 Новые правила о переселении крестьян.
- 1889 Стачки рабочих в Москве, Шуе, Тифлисе и др.
- 1890 Новое (реакционное) положение о земстве.
- 1890 Ограничение законов 1882—1885 гг. о воспрещении ночной работы малолетних и женщин.
- 1890 Первая заводская электростанция на Пермском пушечном заводе.
- 1890 Учреждение Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности.
- 1890 Организация Павловской артели кустарей.
- 1890 Стачки рабочих в Ярославле, в Екатеринославской и Олонецкой губерниях и др.
- 1890—
- 1891 Увеличение обложения сахара.
- 1891 Начало строительства Сибирской железнодорожной магистрали.
- 1891 Новый (покровительственный) таможенный тариф.
- 1891 Первая маевка в Петербурге.
- 1891 Стачки рабочих в Новом адмиралтействе в Петербурге, на Жирардовской мануфактуре в Варшаве и др.
- 1891—
- 1892 Голод, охвативший 21 губернию Европейской России.
- 1892 Новое (реакционное) городовое положение.
- 1892 Повышение налогов на спички (100%), пиво (50%), нефти (50%), патентного табачного (50%), с недвижимого имущества, торговых и промышленных сборов.
- 1892 Образование Экспортного синдиката бакинских керосинозаводчиков.
- 1892 Открытие казенной железной дороги Самара — Златоуст.
- 1892 Стачки рабочих в Юзовке, Макеевке, Каменке, Твери и др.
- 1893 «Устав о промышленности».
- 1893 Установление квартирного налога (с 1 января 1894 г.).
- 1893 Закон о неотчуждаемости крестьянских наделных земель.
- 1893 Отмена статьи 165 Положения 19 февраля о досрочном выкупе.
- 1893 Закон об ограничении общих пределов крестьянских общинных земель.
- 1893 Учреждение акционерного Восточного общества товарных складов, страхования и транспортирования товаров.
- 1893 Введение общего железнодорожного тарифа.
- 1893 Таможенная «война» с Германией.
- 1893 Начало промышленной разработки нефти в Грозном.
- 1893 Стачки рабочих на Нижне-Тагильском заводе, Ижевском оружейном, на Хлудовской бумажной мануфактуре и др.
- 1893—
- 1894 Торговые договоры на конвенционных началах с Францией (1893), Германией (1894) и др.
- 1894 Новый устав Государственного банка.

- 1894 Общий пересмотр законодательства о крестьянах.
- 1894 Закон о казенной продаже водки («питий»).
- 1894 Приобретение в казну железных дорог бывшего Главного общества российских железных дорог.
- 1894 Стачки рабочих в Ростове-на-Дону, в Петроковской губернии, на Сибирской железной дороге.
- 1894 Приобретение в казну юго-западных железных дорог.
- 1894 Открытие Западно-Сибирской железной дороги.
- 1895 Объединение Лениным рабочих марксистских кружков в Петербурге в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».
- 1895 Стачка в Петербургском порту.
- 1895 Стачки на фабрике Торнтона, на Морозовской мануфактуре, на Путиловском заводе, на Прохоровской Трехгорной мануфактуре, на мануфактуре Карзинкиных в Ярославле и др.
- 1895 Изобретение Поповым телеграфирования без проводов.
- 1895 Строительство Цюлковским цельнометаллического дирижабля.
- 1895 8 мая. Разрешение сделок в золотой валюте.
- 1895 8 августа. Фиксация курса 1 руб. зол. = 1 р. 50 к. кредитными билетами.
- 1896 Всероссийская промышленная выставка в Нижнем Новгороде и первый Всероссийский торгово-промышленный съезд.
- 1896 Первые маслодельные артели в Сибири (в Курганском уезде).
- 1896 Первый Союз кредитных и ссудо-сберегательных товариществ (в Бердянске).
- 1896 Приобретение в казну Московско-Брестской железной дороги.
- 1896 Учреждение концессионного акционерного общества Китайско-Восточной железной дороги (открыта в 1903 г.).
- 1896 Открытие казенной Уральской железной дороги.
- 1896 Стачка на петербургской фабрике Воронина, всеобщая стачка ткачей и прядильщиков (30 тыс. человек).
- 1896 Стачки в Москве, Иваново-Вознесенке, Орехово-Зуеве, Твери, на Урале.
- 1896—
- 1899 Постройка Уссурийской железной дороги.
- 1897 Первая всеобщая перепись населения в России.
- 1897 Отмена паспортного сбора.
- 1897 Закон о продолжительности и распределения рабочего времени в фабричных заведениях (11 ч 30 мин).
- 1897—
- 1898 Занятие Порт-Артура и договор с Китаем о Квантунском полуострове.
- 1897 3 января. Установление чеканки импералов — 15 руб. золотом.
- 1897 29 августа. Установление эмиссионного права Государственного банка.
- 1897 14 ноября. Чеканка золотой монеты в 5 руб.
- 1898 27 марта. Окончательное введение золотой валюты.
- 1898 8 июня. Новый закон об обложении промышленности и торговли (с 1 января 1899 г.).
- 1898 Отмена подушной подати в Сибири.
- 1898 Постройка железной дороги до Ташкента.
- 1898 I съезд РСДРП.
- 1898 Стачки рабочих в Петербурге и Иваново-Вознесенске, железнодорожных рабочих в Тифлисе.
- 1899 Крестьянские волнения в Таврической, Орловской, Минской губерниях.
- 1899 Выход книги Ленина «Развитие капитализма в России».
- 1899 Издано Положение о главном по фабричным и горнозаводским делам присутствии.
- 1899 Новый монетный устав.
- 1899 Новое Положение о мерах и весах.
- 1899 Учреждение комиссии «по оскудению центра».
- 1899 Открытие Среднесибирской железной дороги.
- 1899 Открытие Пермской казенной железной дороги.
- 1899 Стачки рабочих на Сормовском заводе.
- 1899 Крестьянские волнения в Грузии, в Самарской, Саратовской, Киевской губерниях.

Период монополистического капитализма (1900—1917)

- 1900—
- 1903 Промышленный кризис в России.
- 1900 Начало широкого освоения мартеновского производства.
- 1900—
- 1902 Займы России для Персии в 32,5 млн. руб.
- 1900—
- 1905 Начало промышленной разработки марганцевых залежей в Чиатуре.
- 1901 Массовые локауты промышленных рабочих.
- 1901 Массовые стачки железнодорожных рабочих в Саратове, Тифлисе и др., на Ярославской мануфактуре, Бодайбинских промыслах, в Петербурге, Москве, Одессе, Саратове, на Урале и др. (всего 120 стачек). Первомайская стачка на военном Обуховском заводе (столкновение с войсками); первомайская демонстрация в Тифлисе.
- 1901—
- 1902 Крестьянские волнения в Грузии, в Нижегородской и Тверской губерниях.
- 1902 Выход работы Ленина «Что делать?».
- 1902 «Зубатовщина».
- 1902 Стачка рабочих в Ростове-на-Дону.
- 1902 Образование синдиката по продаже ферроманганов.
- 1902 Образование синдиката «Трубопродажа».
- 1902 Образование синдиката «Первое акционерное общество для продажи изделий русских металлургических заводов» — «Продамета».
- 1902 Учреждение Витте Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности.
- 1902 Аграрные волнения крестьян в Харьковской и Полтавской губерниях.
- 1903 17 июля. II съезд РСДРП.
- 1903 Законы: 1) о вознаграждении рабочих за несчастные случаи; 2) об учреждении рабочих старост.
- 1903 Первая в Тифлисе всеобщая стачка и массовые политические стачки в Баку, Чиатуре, Батуме, Одессе, Киеве, Екатеринославе, Златоусте, Костроме и др.
- 1903 Учреждение русской лесной концессии на реке Ялу, в Корее.
- 1904 27 января. Начало русско-японской войны.
- 1904 Вторая всеобщая стачка в Тифлисе (начало всероссийского стачечного движения).
- 1904 Всеобщая стачка в Баку.
- 1904 Образование конвенции «Комитет уральских горных заводов».
- 1904 Организация синдиката «Продвагон».
- 1904 Образование синдиката «Продуголь».
- 1904 Положение об учреждениях мелкого кредита.
- 1904 Новый закон о переселении крестьян в Сибирь.
- 1905 3 января. Стачка на Путиловском заводе в Петербурге (начало всеобщей стачки и общего революционного движения).
- 1905 9 января. Расстрел демонстрации рабочих у Зимнего дворца. Начало первой революции.
- 1905 Апрель. III съезд РСДРП в Лондоне.
- 1905 Май. Первомайские стачки рабочих по всей империи.
- 1905 Длительная (два с половиной месяца) стачка рабочих в Иваново-Вознесенске; вооруженные столкновения с войсками.
- 1905 Июнь. Восстание на броненосце «Потемкин».
- 1905 23 августа. Заключение Портсмутского мирного договора с Японией.
- 1905 Октябрь. Всеобщая всероссийская стачка.
- 1905 17 октября. Манифест о созыве «законодательной» Государственной думы и о «конституционных свободах».
- 1905 13 октября. Первый Петербургский Совет рабочих депутатов.
- 1905 Октябрь — ноябрь. Распространение революционной борьбы и восстаний по всей империи.
- 1905 Декабрьское восстание в Москве и ряде других городов.
- 1905 3 ноября. Манифест об отмене с 1 января 1907 г. выкупных платежей за крестьянские земли.
- 1905 Всеобщая стачка в Тифлисе, Чиатуре, Кутаисе, Батуме и др.

- 1905 Аграрные движения (в 240 уездах).
 1905 Третья статистическая перепись землевладения в России.
 1906 Апрель. IV съезд РСДРП в Стокгольме.
 1906 Июнь. Разгон I Государственной думы и карательные экспедиции в районы восстаний.
 1906 Заключение договора с Францией о получении займа в 2,25 млрд. фр.
 1906 9 ноября. Указ о выходе из общины — «столыпинская реформа».
 1906 15 ноября. Разрешение Крестьянскому банку выдавать ссуды под залог наделных земель.
 1906 Передача Крестьянскому банку удельных и части казенных земель для продажи крестьянам.
 1906 Открытие нефтепровода Баку — Батум.
 1906 Открытие железной дороги Оренбург — Ташкент.
 1906 Организация синдиката «Кровля» уральских железоделательных заводов.
 1907 Образование синдиката «Съезд фабрикантов сельскохозяйственных машин и орудий».
 1907 Организация синдиката резиновых заводов «Треугольник».
 1907 Организация синдиката «Русское товарищество торговли цементом».
 1907 Организация синдиката «Медь».
 1907 Организация синдиката «Продаруд».
 1907 Соглашение России и Англии о разделе «сфер влияния» в Иране.
 1908 Попытки образования треста «Акционерное общество металлургических заводов, рудников и копей».
 1909 Организация синдиката морских транспортных обществ «Ропит».
 1909 Организация синдиката «Платина».
 1909 Первые опыты выплавки электростали (на Обуховском заводе в Петербурге).
 1909 Начало промышленной разработки майкопской нефти.
 1909 Появление кооперативных товариществ по переработке картофеля (в Костромской и Ярославской губерниях).
 1910 14 июня. Утверждение Государственной думой правил указа 9 ноября 1906 г. о выходе из общины.
 1910—
 1916 Постройка Амурской железной дороги.
 1911 29 мая. Закон о землеустройстве на крестьянских наделных землях.
 1911 Опыты турбиновращательного бурения нефтяных скважин в Баку.
 1912 4 апреля. Ленский расстрел. Новый подъем стачечного и революционного движения.
 1912 Закон об отмене временнообязанных отношений и рабства в Закавказье.
 1912 Организация синдиката «Русское льнопромышленное акционерное общество».
 1912—
 1913 Образование монопольных объединений в нефтяной промышленности.
 1914 Сооружение нефтепровода Грозный — Петровск.
 1914 Крупный локаут на петербургских заводах.
 1914 Усиление стачечного движения (за полгода 1425 тыс. бастовавших).
 1914 Июль. Стачка на Путиловском заводе в Петербурге и других городах.
 1914 19 июля. Начало мировой войны.
 1914 Прекращение размена бумажных денег на золото.
 1915 Апрель. Продовольственные «беспорядки» в Петрограде, Москве и других городах.
 1915 Июнь — июль. Образование Военно-промышленных комитетов и Всероссийских городского и земского союзов.
 1915 17 августа. Учреждение Особого совещания по обороне, по продовольствию, топливу, перевозкам.
 1915 Введение государственных заготовок продовольствия для населения.
 1915—
 1917 Рост стачечного движения (в Петербурге, Москве, Костроме, Иваново-Вознесенске, Твери, на Тульских и Брянских заводах, в Баку, Донбассе и др.).
 1916 Ленин написал работу «Империализм, как высшая стадия капитализма».
 1917 Локауты в Петербурге, Донбассе, на Урале и др.

- 1917 9 января. Стачки и политические демонстрации в Петербурге, Москве и других городах.
- 1917 Образование Советов рабочих и солдатских депутатов. I
- 1917 18 февраля. Забастовка рабочих на Путиловском заводе.
- 1917 25 февраля. Всеобщая забастовка и политические демонстрации в Петрограде.
- 1917 27 февраля. Победа Февральской буржуазно-демократической революции. Образование Советов рабочих и солдатских депутатов. Образование Временного комитета Государственной думы.
- 1917 2 марта. Падение монархии и образование Временного правительства.
- 1917 9 марта. Распоряжение о привлечении к суду за «аграрные беспорядки».
- 1917 10 марта. Соглашение Петроградского Совета и Общества фабрикантов и заводчиков о введении 8-часового рабочего дня.
- 1917 11 марта. Постановление Совета о 8-часовом рабочем дне и «разъяснение» его Временным правительством как «временной уступки».
- 1917 12—16 марта. Отобрание кабинетских и удельных земель.
- 1917 3 апреля. Возвращение Ленина в Россию.
- 1917 4 апреля. Апрельские тезисы Ленина.
- 1917 20—21 апреля. Демонстрация против войны и за власть Советов.
- 1917 24 апреля. Всероссийская апрельская конференция большевиков.
- 1917 5 мая. Образование коалиционного правительства.
- 1917 17 мая. Распоряжение Временного правительства о запрещении совершения сделок на землю.
- 1917 3 июня. I Всероссийский съезд Советов.
- 1917 21 июня. Учреждение Экономического совета и Главного экономического комитета при Временном правительстве.
- 1917 26 июня. Воззвание министра труда Скобелева к рабочим о запрещении «самочинных действий».
- 1917 3 июля. Демонстрации рабочих и солдат.
- 1917 26 июля — 3 августа. VI съезд партии большевиков.
- 1917 12 августа. Государственное совещание в Москве.
- 1917 23 сентября. Объявление Всероссийской железнодорожной забастовки.
- 1917 7 октября. Возвращение Ленина из подполья в Петроград.
- 1917 10 октября. Заседание ЦК партии. Вынесено решение в ближайшие дни начать вооруженное восстание.
- 1917 13 октября. Создание Военно-революционного комитета.
- 1917 19 октября. Резолюция фабзавкомов о переходе власти к Советам.
- 1917 23 октября. Декрет № 1 исполкома Московского Совета рабочих депутатов «О приеме и увольнении рабочих с согласия фабзавкомов».
- 1917 24 октября. Прибытие Ленина в Смольный для руководства восстанием.
- 1917 25 октября (7 ноября н. ст.). Свержение Временного правительства и победа Великой Октябрьской социалистической революции.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
--------------------	---

Раздел I

Основные закономерности развития промышленного капитализма

Глава I. Образование и развитие крупного машинного производства в промышленности	12
--	----

Рост машинного производства в промышленности. Развитие капитализма в отдельных районах России. Динамика промышленного производства с 1850 по 1900 г. в отдельных отраслях промышленности. Промышленные кризисы. Промышленный подъем 90-х годов. Положение рабочего класса России

Глава II. Состояние сельского хозяйства	50
---	----

Реформа 1861 г. Дифференциация крестьянства после реформы. Крестьянские переселения. Землевладение во второй половине XIX в. Общинное землевладение и степень его распространения в отдельных районах страны. Динамика урожайности в сбора зерна с 1861 по 1900 г.

Глава III. Внутренний и внешний рынки	78
---	----

Углубление общественного разделения труда и рост рынка, в частности рынка на наемную рабочую силу. Усиление подвижности населения. Увеличение купли-продажи земельной собственности. Развитие внешней торговли. Структура экспорта и импорта. Характер торговли России с отдельными странами. Таможенная политика и дискуссия о ее характере

Глава IV. Капиталистическая финансово-денежная и кредитная система	100
--	-----

Расстройство финансов в первой половине XIX в. Развитие капитализма и создание соответствующей финансово-денежной и кредитной системы. Структура бюджета. Недонки податей. Государственный долг. Кредитная система. Ростовщичество. Денежная реформа. Денежные кризисы

Глава V. Развитие капитализма и демографические сдвиги в стране	118
---	-----

Классовый состав населения эпохи промышленного капитализма. Проблема избыточного населения. Общественное разделение труда и структура населения. Движение населения по стране. Проблема колонизация и связь ее с аграрным вопросом. Крестьянские переселения. Эмиграция и иммиграция. Темпы роста населения по сравнению с другими странами

Раздел II

Экономика России в период монополистического капитализма

Глава I. Концентрация производства и образование монополий	123
--	-----

Концентрация производства. Рост монополистических объединений. Динамика промышленного производства. Кризис в начале 1900-х годов. Промышленный подъем 1909—1913 гг. Влияние империалистической войны на состояние промышленности. Структура и размещение промышленности по районам страны. Положение рабочего класса

Глава II. Финансовый капитал	[
Концентрация банков. Государственный, акционерные ¹ и другие банки. Изменения взаимоотношений между банками и промышленностью. Структура бюджета. Государственный долг России. Степень зависимости России от иностранного капитала. Финансовое состояние страны во время первой мировой войны и после Февральской революции	
Глава III. Вывоз и ввоз капитала	179
Импорт и экспорт капитала. Формы импорта капитала и вложений его в отдельные отрасли экономики. Полемика в печати о пользе и вреде иностранных капиталов. Размер иностранных капиталов, вложенных в народное хозяйство России. Иностранные займы во время войны и после Февральской революции. Рост зависимости России от иностранного капитала	
Глава IV. Вывоз и ввоз товаров	194
Рост внутреннего рынка. Формы торговли — государственная (монополия), частная, кооперативная. Динамика цен на товары в условиях господства монополий. Торговля во время первой мировой войны. Борьба за внешние рынки. Структура внешней торговли в период монополистического капитализма. Роль отдельных стран во внешней русской торговле	
Глава V. Аграрный вопрос	205
Сочетание промышленного и финансового капитала с отсталой системой землевладения. Распределение частновладельческой земли между дворянами, духовенством, буржуазией, крестьянством и др. Актуальность аграрной проблемы в России в начале XX в. Столыпинская реформа. Деятельность Крестьянского банка. Переселенческая политика царского правительства. Динамика посевных площадей, сбора хлебов и урожайность с 1890 по 1917 г. Состояние сельского хозяйства в период империалистической войны. Народное хозяйство перед Великой Октябрьской социалистической революцией	
Заключение	227
Приложение. Экономические и другие главнейшие события в истории России (1861—1917)	231

Павел Алексеевич Хромов

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СССР

**Период промышленного
и монополистического
капитализма в России**

Зав. редакцией О. А. Макарова. Редактор Л. П. Тарасова. Мл. редактор Л. В. Демешова. Худ. редактор В. П. Бабилова. Художник А. А. Акимов. Техн. редактор З. В. Нуждина. Корректор Л. Э. Ганненко

ИБ № 3532

Изд. № ЭК-511. Сдано в набор 18.12.81. Подп. в печать 19.03.82. А-06485. Формат 60X90¹/₁₆. Бум. тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Объем 15 усл. печ. л. 15 усл. кр.-отт. 18,22 уч.-изд. л. Тираж 35 000 экз. Заказ № 2501 Цена 85 коп.

Издательство «Высшая школа», Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии
и книжной торговли. Хохловский пер., 7.

85won

